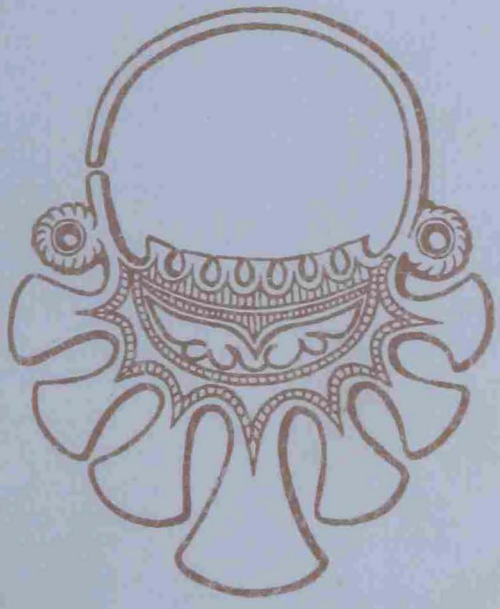
ЧИТ.ЗАЛ

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1993 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

ЧИТ.ЗАЛ

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993 2

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П. Хроностратиграфия палеолита Кавказа 5
Лозовский В. М. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья 15
Абдарразак А. Р. О характере патины неолитических орудий из смешанных комплексов стоянок открытого типа Южной Аравии (по материалам района Аль-Абр) 24
Блаватская Т. В. Посвящение Левкона I 34
Плетнева С. А. История одного хазарского поселения 48
Алексеев Л. В. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии) 70

Дискуссии

Раевский Д. С. О логике построения раннескифской хронологии 79
Погребова М. Н. О принципах датировки скифской архаики 84
Тохтасьев С. Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии 89
Шер Я. А. О статье И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток» 98
Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры 101

Публикации

Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П. Мустьерская стоянка им. Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского 119
Сорокина Г. Г. Новые находки орнаментированных поделок в Юдиново I 130
Жульников А. М. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII 140
Гаврилова И. В. Поселение эпохи неолита — бронзы на р. Шаче в костромском Поволжье 154

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН,
Издательство «Наука», «Российская археология», 1993 г.

Шрамко Б. А., Машкаров Ю. Г. Исследование биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры 163
Тимофеева Т. П. Белый камень древних владимиро-суздальских храмов в собраниях отечественных музеев 171

История науки

Гавритухин И. О. К публикации работы А. К. Амброза 178
Амброз А. К. К происхождению днепровских антропо-зоморфных фибул 179

Заметки

Зубарь В. М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA, Ant. Pius., 9,9) 185
Кузьмин Я. В. Сопоставление хронологий средневековых памятников юга Дальнего Востока России 189
Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле 192
Макарова Т. И. О времени появления вершка на Руси 194

Критика и библиография

Вишняцкий Л. Б. *Ж. К. Таймагамбетов.* Палеолитическая стоянка имени Ч. Валиханова. Отв. ред. Р. С. Васильевский. Алма-Ата. 1990 198
Буров В. А. *А. А. Юшко.* Московская земля IX — XIV веков. М., 1991 201
Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Московская керамика: новые данные о хронологии. М., 1991 . 206
Мелюкова А. И. *С. А. Скорый.* Курган Перепятиха. Київ, 1990 210
Кулаков В. И. *L. Kovács.* Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Archäologische Untersuchung der arabischen, byzantinischen, westeuropäischen und römischen Münzen aus dem Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. Budapest, 1989 215
Медникова М. Б. *M. Kunter.* Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlichen Bevölkerung Südostspaniens. Madrider Beiträge. B. 18, Verlag Philipp von Zabern, Meinz am Rhein, 1990 217

Хроника

Памяти Мушни Хумсаевича Хварцкия (1955—1992) 221

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1993 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Lyubin V. P. Chronostratigraphy of the Caucasian Palaeolithic 5
Lozovsky V. M. The bone hunters' weapons of the ancient population of Volga-Oka area . . 15
Abdarrazak A. R. On the patinization of the Neolithic tools of the South Arabia (the materials of Al-Abr region) 24
Blavatskaya T. V. The dedication of Leucon I 34
Pletneva S. A. The history of a Khazarian settlement 48
Alexeev L. V. The cross of Euphrosinya of Polotsk of 1161 in the Middle Ages and in later periods 70

Discussions

Rayevsky D. S. On the logic of study of the early Scythian chronology 79
Pogrebova M. N. On the principles of dating Scythian archaic period 84
Tokhtasyev S. R. The chronology and ethical attribution of the Scythian-type sites in the Near East and Middle Asia 89
Sher Ya. A. About the article by N. I. Medvedskaya «The periodisation of the Scythian archaic period and the ancient Near East» 98
Smirnova G. I. The sites of the Middle Dnestr and the chronology of the early Scythian culture . 101

Publications

Kolosov Yu. G., Stepanchuk V. N., Chabay V. P. G. A. Bonch-Osmolovsky Mousterian site . 119
Sorokina G. G. The new finds of ornamented artefacts at Yudinovo I site 130
Zhulnikov A. M. The Chalcolithic settlement of Voinavolok XXVII 140
Gavrilova I. V. The settlement of the Neolithic and Bronze Age periods on the Shacha river in Kostroma region of the Volga basin 154
Shramko B. A., Mashkarov Yu. G. The study of a bimetallic knife from a burial of Catacomb culture 163
Timofeeva T. P. The limestone of the Vladimir and Suzdal cathedrals in the collections of muzeums of Russia 171

History of science

Gavritukhin I. O. To the Publications of A. K. Ambroz's Work 178

Ambroz A. K. On the origin of the anthropo- and zoomorphic fibulae in the Dnieper basin . 179

Notes

Zubar' V. M. On the reliability of a written source concerning the history of Olvia (SHA, Ant. Pius. 9,9) 185
Kuzmin Ya. V. A comparison of the Mediaeval chronological systems of the Russian Far East sites 189
Panova T. D., Avdusina T. D. On the discovery of the hoard in 1991 in the Moscow Kremlin 192
Makarova T. I. On the date of the appearence of vershok in Russian metrology system . . . 194

Critics and bibliography

Vishnyatsky L. B. *Taymagambetov Zh. K.* Ch. Valikhanov Palaeolithic site. Alma-Ata, 1990 . 198
Burov V. A. *Yushko A. A.* Moscov lands in the 9th — 14th centuries. Moscow, 1991 201
Likhter Yu. A., Osipov D. O. Moscow pottery: new data on its chronology. Moscow, 1991 . . 206
Melyukova A. I. *Skory S. A.* Perepyatikha kurgan. Kyiv, 1990 210
Kulakov V. I. *Koudcs L.* Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Archäologische Untersuchung der arabischen, byzantinischen, westeuropäischen und römischen Münzen aus dem Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. Budapest, 1989 215
Mednikova M. B. *Kunter M.* Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlichen Bevölkerung Südostspaniens. Madrider Beiträge. B. 18. Verlag Philipp von Zabern, Meinz am Rhein, 1990 217

Chronicle

In Memory of Mushni Kh. Khvartskiya (1955—1992) 221

В. П. ЛЮБИН

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ ПАЛЕОЛИТА КАВКАЗА

Хроностратиграфия палеолита рассматривается нами как стратиграфия, подкрепленная данными относительной и абсолютной геохронологии. Относительная геохронология разрабатывается с помощью литолого-стратиграфических и биостратиграфических методов, абсолютная — с помощью методов радиологических и физических. Хроностратиграфические исследования на Кавказе ведутся в основном по данным пещерных стоянок, так как непотревоженные стоянки под открытым небом в условиях кавказской горной страны сохраняются крайне редко (Дманиси, Ильская).

Относительная геохронология

Хронологизация отложений при определении относительного возраста стоянок или отдельных уровней производится по их залеганию (=стратиграфическая датировка), по характеру и степени преобразования осадков, по палеонтологическим и археологическим остаткам. Первичное (визуальное) определение возраста отложений выполняется непосредственно археологом при постановке первого же шурфа. Опытный исследователь в состоянии, как правило, отчленить голоценовые отложения от плейстоценовых, нижневюрмские от верхневюрмских, вюрмские от межледниковых.

Макроскопические (полевые) наблюдения, помимо выявления чисто археологических свидетельств, заключаются в определении литологического типа осадков, цвета, текстуры и физических свойств заполнителя, особенностей обломочного материала (размеры, форма, количество, ориентировка, окатанность, степень выветрелости и т. п.), в установлении характера контактов между слоями, в выявлении перерывов в осадконакоплении, проявлений эпигенеза (вторичных изменений) отложений и т. д. Более точное определение вещественного состава и типа осадочных пород, уточнение условий их образования производится затем лабораторным путем.

Иногда, впрочем, относительная датировка стоянок опирается лишь на частичные макроскопические данные. Такова предпринятая польским археологом Я. Козловским попытка хронологического членения поздневюрмских отложений кавказских пещер. Рассматривая опубликованные разрезы верхнепалеолитических пещерных стоянок, он выделяет в них несколько серий криокластических отложений и, исходя из этого, подразделяет стоянки на пять стратиграфических групп [1, 2]. Хроностратиграфические построения Козловского являются методически новыми, интересными, но их нельзя считать надежными по многим причинам. Так, литолого-стратиграфические характеристики верхнепалеолитических уровней большинства пещер, судя по кратким публикациям, являются недостаточно ясными. Факторы образования криокластических отложений как в позднем вюрме, так и в более ранние периоды, не всюду проявляли себя в должной мере. Сказывались индивидуальные особенности осадконакопления в каждой из пещер и — более значимо — неодинаковая представленность и выраженность синхронных отложений в разных высотных зонах и провинциях Кавказа. В высокогорье и среднегорье Большого Кавказа и на Закавказском нагорье, к

© В. П. Любин, 1993 г.

примеру, слои с верхнепалеолитическими культурными осадками представлены крайне слабо. В орографически замкнутой Колхиде (область застоя воздушных масс и обилия осадков) палеолитические культурные слои несут следы повышенного увлажнения и наиболее сильных размывов. Сильная, периодически возобновляющаяся эрозия была причиной частичного, а иногда и полного выноса осадков. Частичная эрозия обуславливала либо так называемую стратиграфическую конденсацию обломочных материалов и культурных остатков (результат вымыва части заполнителя), либо ущербную (останцы, линзы) представленность отдельных уровней. Полная была причиной несогласия напластований, т.е. стратиграфических пробелов — перерывов в последовательности наслоений. Последнее могло, очевидно, происходить и при временном перекрытии входов в пещеры обвалами или ледниками. Естественные процессы осадконакопления в пещерах могли, наконец, носить приглушенный характер во времена длительного и интенсивного обитания в них человека (изменялся микроклимат, осадки получали много компонентов антропогенного происхождения).

Возможности более дробного и надежного расчленения пещерных осадков, более широкой корреляции стратиграфических подразделений разных пещер существенно дополняют биостратиграфические исследования. Биостратиграфический подход к определению относительного возраста палеолита Кавказа заключается в изучении остатков позвоночных, насекомых (Ильская) и спорово-пыльцевых материалов. Свидетельства биостратиграфии оказываются еще более информативными для целей детальной периодизации природных событий относительно небольшой продолжительности, для нужд так называемой микростратиграфии (в том числе для выявления уровней, литологически плохо выраженных, претерпевших вторичные воздействия, смешения и т.д.).

Применение биостратиграфических критериев, однако, также требует учета региональной кавказской и более дробной местной специфики. Своеобразие развития животного и растительного мира Кавказа заключается в низких темпах эволюции ряда животных, переживании в кавказской фауне некоторых древних форм, наличии во флоре этой области значительного количества эндемиков, сохранении в Колхиде многих плиоценовых реликтов. «Причину этого можно видеть в длительной изоляции кавказской фауны» [3, с. 76, 77], в наличии на Кавказе в ледниковое время природных убежищ типа Колхиды [4, 5]. В то же время природа Северного Кавказа тяготела к природе северных степных территорий. В Закавказье, однако, представители северного ледникового фаунистического комплекса не проникали. Сильные похолодания в горных районах проявлялись в снижении границ вечных снегов и смещении книзу высотных ландшафтных зон, что обуславливало существенные изменения в расселении здесь животных и растительных видов, смешение в полосе предгорий альпийских, лесных и степных форм и т.п. В каждой отдельной природной провинции Кавказа (Колхида, Закавказское нагорье, Прикубанье и др.), в каждой ландшафтно-климатической зоне палеозоологические и палеоботанические показатели варьируют, имеют локальные отличия.

Указанные обстоятельства весьма осложняют общую картину, но учет их позволяет все же достаточно отчетливо вычленять отрезки времени ранга стадиалов и межстадиалов (в пределах мустьерского вюрма, во всяком случае), устанавливать холодные максимумы, вырабатывать искомую хроностратиграфическую шкалу.

Абсолютная геохронология

Опирается на незначительное пока количество дат, полученных с помощью методов радиологических (калий-аргонового, неравновесного урана и радиоуглеродного) и физических (палеомагнитного, радиотермолюминесцентного и метода электронно-парамагнитного резонанса). В настоящее время такие даты имеются для некоторых палеолитических слоев колхидских пещер Кударо I, Кударо III, Апианча, Ахштырь и Малая Воронцовская, для Треугольного грота и Мезмайской

пещеры на Северном Кавказе, для пещеры Азых на Малом Кавказе и для стоянки открытого типа Дманиси и Ереванской пещеры на Закавказском нагорье.

Суммирование всех данных относительной и абсолютной хронологии позволяет предложить следующий рабочий набросок хроностратиграфической шкалы палеолита Кавказа.

Начальная, нижняя ступень этой схемы представлена в настоящее время стоянкой открытого типа Дманиси[1] в Южной Грузии. Дата культурного слоя этой стоянки — 1,7—1,6 млн. лет,[2] предложенная Г. Босинским совсем недавно (1991 г.), явилась величайшей сенсацией в преистории Старого света: она древнее всех ныне известных абсолютных датировок палеолитических памятников Евразии, в которых встречены костные остатки питекантропа (в Дманиси найдена нижняя челюсть Homo erectus с полным набором зубов) [10, 11].

Глубокую древность челюсти подтверждают встреченные вместе с ней обильные остатки виллафранкской фауны: крупного слона (скорее всего из архидискодонов), носорога,— дицероринуса, двух видов лошадей (один из них близок к представителям группы стеноновых), крупного быка (близкого к представителям рода эобизов), саблезубого тигра, медведя, леопарда, волка и др.

Здесь же была найдена бедренная кость крупной птицы, отнесенная Н. И. Бурчак-Абрамовичем к отряду страусовых. Дманисский питекантроп жил в окружении мезофильных широколиственных лесов (спорово-пыльцевые данные Н. Б. Клопотовской и Э. В. Квавадзе), изготовлял примитивные галечные орудия, занимался охотой на крупных животных (многие трубчатые кости расколоты и раздроблены) [6, 12, 14].

Возраст двух других кавказских стоянок, в которых встречены уровни с галечными орудиями,— пещеры Азых в Нагорном Карабахе и Треугольного грота в Карачаево-Черкессии — был определен методами палеомагнитных датировок. Палеомагнитная дата в Азыхе установлена для низов пачки культурных напластований в пещере: здесь, в пределах горизонта [15], зафиксирована инверсия геомагнитного поля — смена зон прямой и обратной намагниченности (Брюнес-Матуяма), являющаяся величиной константной (0,69 млн. лет). Опираясь на этот хронометрический «рубеж», А. А. Величко и его соавторы [15] отнесли подстилающие придонные горизонты (16 и 17) к эоплейстоцену — ко времени около 1 млн. лет назад. В период образования этих содержащих галечные орудия горизонтов вокруг пещеры произрастали широколиственные леса (встречена пыльца лапины, грецкого ореха, бука, дзельквы, дуба, каштана, вяза). Редколесные ценозы были образованы грабинником, фисташкой и энгельгардтией [16]. К сожалению, во всех названных горизонтах фаунистические материалы не обнаружены.

Треугольный грот, являющийся, подобно Дманиси, не менее яркой сенсацией последних лет[3]— единственный в Российской Федерации многослойный пещерный памятник с архаичными домустьерскими индустриями. Последние представлены несколькими стратиграфически обособленными, палеонтологически охарактеризованными культурно-хронологическими комплексами [18], наиболее древние из которых (третий и четвертый) продатированы методом электронно-парамагнитного резонанса (ЭПР) в Институте геологии Академии наук Эстонии[4]. Возраст третьего (слой 5б), по любезному устному сообщению Л. В. Головановой и В. Б. Дороничева, равен 393±27 тыс. лет назад, четвертого, самого древнего

[1] Стоянка была обнаружена в 1983 г. Первоначально ее раскапывала экспедиция Центра археологических исследований Грузии под руководством В. В. Джапаридзе, затем, начиная с 1991 г., совместная грузинско-немецкая экспедиция под руководством М. Г. Ниорадзе и Г. Босинского. Стоянка связана с отложениями древнего водоема, подпруженного долеритовыми лавами [6—8].

[2] Датировка опирается на возраст подстилающей этот слой вулканической породы, который по данным специалиста по вулканическим породам Г. Л. Шминке равен 1,8 млн. лет. Дата эта существенно удревняет полученную ранее палеомагнитную датировку указанной породы (0,5—0,69 млн. лет) [9].

[3] Открыт Л. В. Головановой и В. Б. Дороничевым в 1986 г. Расположен на северном склоне Скалистого хребта на абсолютной высоте 1510 м [17].

[4] Датировки эти (по раковинам моллюсков) выполнены А. Н. Молодьковым.

(слой 7а) — 583±25 тыс. лет. Фауна слоев 5—7, по данным Г. Ф. Барышникова, может быть отнесена к тираспольскому фаунистическому комплексу (благородный олень, крупный бизон, этрусский носорог, мелкая лошадь, медведь Денингера, мосбахский волк, гиена и др.). В составе пыльцы, по Г. М. Левковской, здесь обильно представлены экзоты: энгельгардтия, таксодиум, пальма, миртовое и земляничное дерево, лапина, самшит и др. [19]. Приведенные даты ориентируют в известной мере в отношении возраста второго комплекса (слой 4г), в котором были обнаружены галечные орудия.

Следующая серия абсолютных дат получена для нижних культурных слоев юго-осетинских пещер Кударо I и Кударо III. Во всех продатированных пятых ашельских уровнях этих пещер встречены ручные рубила, что впервые позволяет судить о временных параметрах кавказского ашеля с бифасами. Все датировки (по рыхлым отложениям) выполнены радиотермолюминесцентным (РТЛ) методом в лаборатории кафедр радиохимии и геоморфологии Московского университета по методике, разработанной В. К. Власовым и О. А. Куликовым.

Для низов отложений в пещере Кударо III, по данным О. А. Куликова, получено три даты: 1—2 : 252 ± 51 тыс. лет назад (РТЛ-511) и 245 ± 49 тыс. лет назад (РТЛ-534) — для эродированных низов мустьерских отложений (сл. 4е) и неясно сливающихся с ними верхов ашельского слоя 5; 3—560 ± 112 тыс. лет назад (РТЛ-512) — для самого нижнего культурного горизонта (сл. 8а). Первые две даты были получены по образцам, отобранным из поперечного разреза F—Q—Z (раскопки 1990 г.), на котором контактная зона «мустье — ашель» была весьма расплывчатой; третья — по образцу из шурфа у древнего входа в пещеру, где сохранилась нижняя часть толщи осадков (слои 7—10). В продатированном слое 8а встречены лишь единичные отщепы, фиксирующие, видимо, самое начальное время заселения кударских пещер.

Для ашельских уровней с бифасами в пещере Кударо I установлены две РТЛ-даты: 360 ± 90 тыс. лет назад (РТЛ-379) — для уровня 5в в южной галерее и 350 ± 70 тыс. лет назад (РТЛ-373) — для перекрывающего его уровня 5б [20]. Существенно, что РТЛ-датирование перекликается с определением возраста слоя 5в по изотопам тория, полученным В.В. Чердынцевым еще около 30 лет назад (> 250—300 тыс. лет назад). В слое 5в встречены остатки таких индикаторных форм тираспольского фаунистического комплекса, как медведь Денингера и этрусский носорог, и таких теплолюбивых субтропических млекопитающих, как макак и черный медведь. Во время формирования этого слоя пещеру окружали саванноподобные ландшафты (ксерофильная растительность, экзоты). В верхах его прослеживается похолодание (остатки сурка, прометеевой и снеговой полевок, споры cf. Woodsia) [21].

К этому же или, возможно, несколько более раннему времени может быть отнесен ашельский слой VI пещеры Азых, в котором также представлены характерные формы тираспольского комплекса (бизон Шетензака и зюссенборнская лошадь).

В слое 5б Кударо I, судя по палеонтологическим данным, фиксируется климатический оптимум — условия влажных субтропиков: широколиственные леса, похожие на современные леса Колхидской низменности, и лесная фауна (бобр, соня-полчок, косуля и др.), что в соответствии с приведенной выше РТЛ-датой допускает отнесение этого слоя к миндель-рисскому межледниковью. Этой же эпохе, видимо, соответствуют низы слоя V пещеры Азых (виды сингильского комплекса в фауне и леса, напоминающие колхидские) [15, 16].

Свидетельства рисской эпохи в рассматриваемых пещерах допустимо усматривать в показателях средней и верхней части ашельского слоя V и стерильного слоя IV в Азыхе и верхнего ашельского горизонта 5а в Кударо I. Литологические и палинологические характеристики этих уровней неоднозначны, но в целом они удостоверяют значительное похолодание и в Азыхе аридизацию климата. Верхи слоя V сложены слабовыветрелым суглинком, слой IV — десквамационным угловатым щебнем. Слой 5а в Кударо I — суглинком желтовато-серым с серо-

зеленоватыми прослойками и значительным количеством небольших слабокорродированных обломков известняка; слой носит следы сильного размыва и переотложения, обусловивших кое-где (восточная галерея) стратиграфическую конденсацию каменных орудий, костей и обломков известняка.

В период накопления средней части слоя V, по спорово-пыльцевым данным, пещера Азых располагалась в субальпийском поясе, в окружении горных лесов; во времена формирования низов слоя IV — среди альпийского редколесья. В кударском горизонте 5а прослежены примерно те же этапы: в низах слоя — фаза ухудшения климата (субальпийский пояс), в средней части — фаза небольшого потепления (темнохвойные леса), в верхах — фаза похолодания (верхний предел леса). Абсолютных дат для этих уровней пока нет [15, 16, 21].

Рисс-вюрмская эпоха как будто плохо выражена в пещерных отложениях. В Кударо I ее, возможно, удостоверяет сильно выветрелая кровля слоя 5а, которая носит следы древнего почвообразования: почва, очевидно, фиксирует длительный перерыв в осадконакоплении, последовавший за периодом размыва и переотложения верхов ащельских отложений [22, с. 33—38]. По изотопам тория кровля уровня 5а имеет дату 110 ± 10 тыс. лет назад. С известной долей вероятности сюда может быть помещен и нижний культурный слой Ильской стоянки, приуроченный (по Н. Д. Праслову) к мощной (межледниковой) ископаемой почве [23]. Палинологические данные (по М. А. Клапчуку) для этого слоя свидетельствуют о наличии лесостепи с дубравами и злаковыми. В нем же встречены остатки теплолюбивых насекомых [24].

К рисс-вюрмскому межледниковью, по всей видимости, может быть отнесен и 7-й культурный слой недавно открытой и исследуемой Л. В. Головановой стоянки Матузка на плато Лагонаки в горном Прикубанье. Слой подстилает мустьерские уровни, переполненные десквамационным материалом. Его отличают сильно выветрелые отложения и остатки таких обитателей широколиственных лесов, как лесная соня и лесная мышь (определения Г. Ф. Барышникова) [25].

Следующая ступень, соответствующая первой половине вюрма (так называемый мустьерский вюрм), документирована несколько более обстоятельно и в настоящее время может быть подразделена на три этапа.

Этап 1 — начало вюрма (ранневюрмские межстадиалы?) хорошо фиксируется, как кажется, нижними мустьерскими уровнями колхидских пещер Кударо I, Кударо III, Цона, Джручула, Ортвала-клде, Ахштырь, Малая Воронцовская. На колхидском участке южного склона Большого Кавказа уровни эти почти однозначно отличают: формирование в условиях повышенного увлажнения (сероватая, слабозеленоватая — за счет оглеения — окраска; следы многочисленных размывов — карманы, линзы, останцы; мелкие карбонатные стяжения, сгустки брекчии, настенные натеки или у входа в Кударо I сталагмитовые корки; окатанный обломочный материал; черная пленка на костях); чрезвычайная насыщенность — особенно в пещерах Кударо III и Джручула — дескамационным щебнем и более крупными обломками, в том числе фрагментами опавших настенных натеков и сталактитов; различные новообразования (фосфатные корки на щебне, железисто-марганцевые стяжения); обстановка верхних лесных поясов (темнохвойная тайга с примесью широколиственных пород); увеличение количества остатков лесных животных (благородного оленя и косули, в частности). Датировка нижнего мустьерского уровня в Кударо I по изотопам тория колеблется в пределах 90—60 тыс. лет назад.

Этап 2 — первый холодный максимум вюрма (калининское или нижневалдайское оледенение Русской равнины) прослеживается, как это представляется сегодня, не всюду и не всегда отчетливо. В Кударо III ему, возможно, соответствуют верхи слоя 4 (угловатый грубообломочный материал с небольшим количеством заполнителя; появление остатков красного волка и росомахи и заметное увеличение остатков горного козла; неблагоприятные условия для продуцирования лыльцы) [26, 27]; в пещере Матузка — стратиграфический пробел между мустьерскими слоями 4г и 5 (прекращение осадконакопления) [25]; в пещере

Ортвала-клде — стерильный слой 8 (пещера располагалась в окружении темнохвойных и березовых лесов и на время была оставлена человеком) [28, с. 430]; в пещере Кударо I — верхи слоя 4 (условия альпийского климата).

К этому этапу относятся, возможно, и низы мустьерских слоев в Кепшинской пещере в Сочинском Причерноморье и в Баракаевской пещере в горном Прикубанье (обе находятся в современном поясе широколиственных лесов). Указанные уровни фиксируют условия альпийского и субальпийского климата, в Кепшинской — господство хвойных лесов, чередующихся с открытыми пространствами, в фауне — остатки горного козла, улара, альпийской галки, кавказского тетерева; в Баракаевской — субальпийская растительность, в фауне — остатки европейской снеговой и гудаурской полевок, горного козла, сурка. Судя по этим данным, высотные пояса в это время сместились в Сочинском Причерноморье примерно на 1 200 м, в Прикубанье — не менее чем на 1000 м [29, с. 40—48; 30, с. 60—70].

Этап 3 — средний вюрм с его неустойчивой климатической обстановкой прослеживается, по всей видимости, в верхних мустьерских уровнях ряда пещер. В Кударо I и Кударо III это несколько горизонтов слоя 3, отражающих чередование условий холодного и умеренного климата (переслаивание суглинистых и щебенчатых уровней, распространение субальпийских березняков, временами — верхнегорных лесов с бóльшим или мéньшим количеством широколиственных элементов и соответствующими показателями в фауне). Такие же в общем свидетельства нестабильных условий отмечаются в слоях 4г—2 пещеры Матузка, в слоях 4—3 Малой Воронцовской пещеры, в слоях 6—5 Ортвала-клде и др.

Для второго и третьего этапа мустьерского вюрма имеется несколько датировок: пять радиоуглеродных по кости — 49 тыс. лет назад (Gr-7665) для слоя 4 Ереванской пещеры; 44 150 $\pm \frac{2400}{1850}$ (Gr-6079) для слоя 3а Кударо I; более 45 000 (ЛЕ-3841) и 40 660 ± 1 600 (ЛЕ-3599) соответственно для слоев 3 и 2б Мезмайской пещеры [31, 32]; 35 680 ± 480 для слоя 3 Малой Воронцовой пещеры — и одна по урану и торию (из опавших сталактитов) — 35 000 ± 2 000 для слоя 3а Ахштырской пещеры.

Что касается хроностратиграфии поздневюрмских (35—10 000) верхнепалеолитических пещерных стоянок Кавказа, то в настоящее время она основывается, главным образом, на типологических критериях. Периодизация этих стоянок С. Н. Замятиным [33] и принявшими его схему А. А. Формозовым, Н. З. Бердзенишвили, Д. М. Тушабрамишвили и др. выстраивает эти стоянки по хронологической вертикали, исходя только из технико-типологических особенностей каменного инвентаря [34, с. 94—98]. Я. Козловский, как отмечалось, впервые попытался подкрепить типологию литолого-стратиграфическими данными [1, 2]. По существу, однако, предложенная им схема относительной хронологии стоянок также строилась в основном на типологических показателях, так как деление палеолитических уровней на пять стратиграфических групп (по признаку залегания этих уровней под одним, двумя или тремя сериями криокластических отложений) не было должным образом обосновано. Так, судя по публикациям, не соответствует фактическим данным залегание слоя V Сагварджиле под тремя сериями криокластики, слоя 6 Самерцхле-клде и нижнего слоя Сакажиа — под двумя, верхнего слоя Сакажиа — под одним и т.д. Сомнительно, с точки зрения литолого-стратиграфической, соединение в одной (третьей) группе таких уровней, как средний слой Сакажиа, нижний — Чахати и Гварджилас-клде, второй — Ахштыря, пятый — Ацинской. Небесспорно членение верхнепалеолитического слоя Сакажиа на три разновременных горизонта. Приуроченность этих и других уровней лишь к теплым периодам (межстадиалы арси, паудорф, ляско и др.) вызывает вопрос, где укрывался человек во времена похолоданий.

Периодизация Козловского нуждается, таким образом, в существенной ревизии. Подлинная картина чередования теплых и холодных фаз была сложнее и многообразнее: количество этих фаз было бóльшим и проявление их в условиях

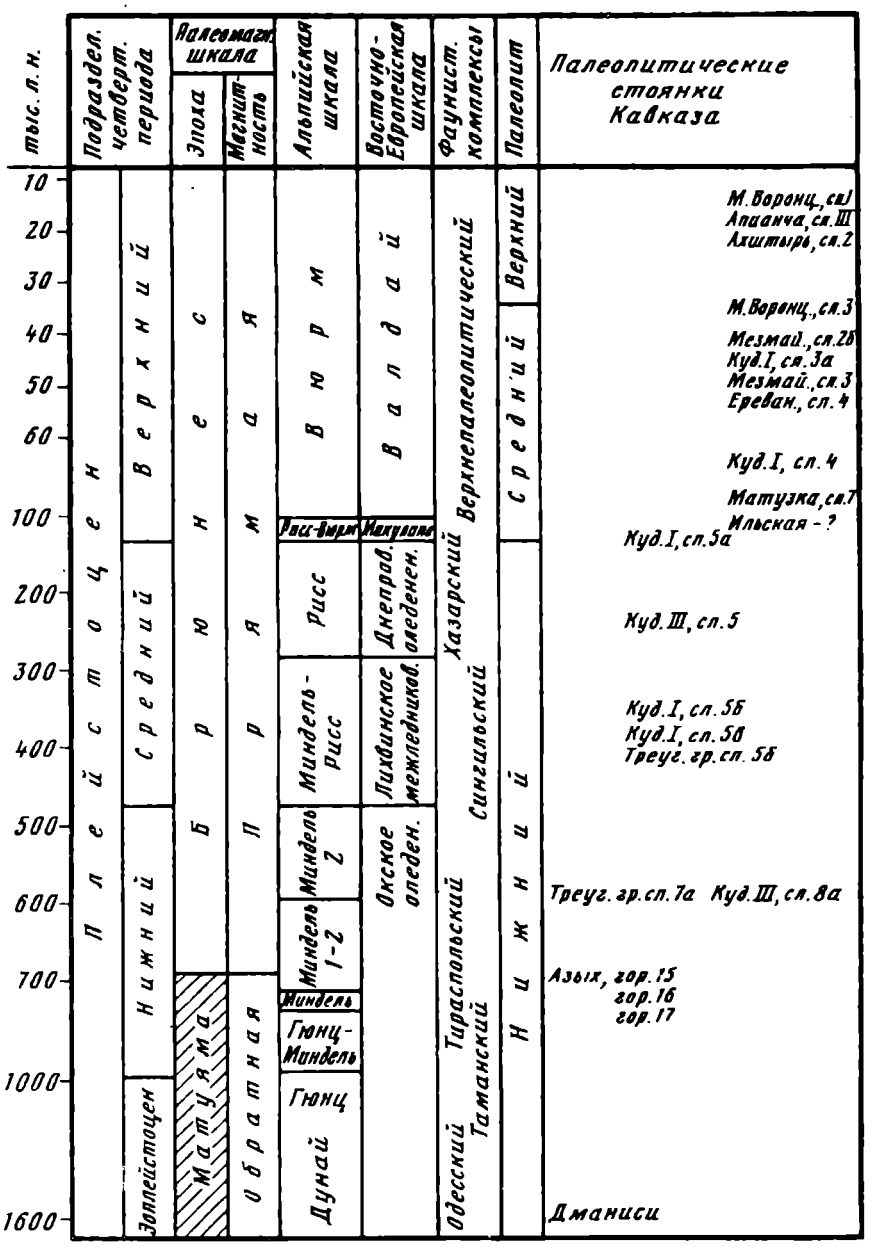


Рис. 1. Хроностратиграфическая схема палеолита Кавказа (возрастные рамки подразделений альпийской и восточноевропейских шкал по П. М. Долуханову [38])

Кавказа, как отмечалось, не всегда было однозначным. Более уверенная хронологизация верхнепалеолитических уровней возможна только с привлечением достаточных и надежных биостратиграфических материалов и абсолютных датировок. Вместе с литолого-стратиграфическими данными они, как кажется это сегодня, позволяют наметить главный климатостратиграфический репер второй половины вюрма — холодный максимум, фиксируемый, как правило, в пределах 21—17 тыс. лет назад. Ко времени этого максимума допустимо отнести несколько уровней стоянок, находящихся в настоящее время в окружении теплолюбивых широколиственных колхидских лесов. Таковы, по всей видимости, литологически ничем не выделяющийся горизонт 5 в Губском навесе № 1 в Прикубанье (пыльца перигляциальной растительности и остатки холодолюбивых животных); нижний и средний (по Я. Козловскому) культурные слои пещеры Гварджилас-клде, расположенные в толще криокластических отложений и содержащие остатки альпийских и субальпийских животных: стерильный щебнистый уровень 6 в

пещере Апианча (по пыльцевым данным — холодный стадиал), перекрываемый финально-палеолитическим слоем III, радиоуглеродный возраст которого — 17 300 ± 500 лет назад (ГИН-2565) [35]; средний уровень верхнепалеолитического, сложенного десквамационным материалом слоя 2 пещеры Ахштырь, имеющий радиоуглеродную дату 19 000 ± 500 лет назад (пещеру окружали светлохвойные леса и открытые пространства); средний и, возможно, нижний (условные) горизонты культурных напластований в пещере Дзудзуана (по фаунистическим данным — похолодание и иссушение климата) [36]. К этому же времени допустимо отнести и однослойную стоянку Мгвимеви, в фауне которой совершенно отсутствуют лесные формы.

Выделение более ранних верхнепалеолитических уровней кавказских пещер производится с помощью тех же стратиграфических и типологических свидетельств. Биостратиграфические подходы здесь разработаны слабо, абсолютные даты отсутствуют. Единственным памятником, возраст которого (по пыльцевым данным) предположительно можно определить теплым межстадиалом паудорф, является ранневерхнепалеолитический слой IV в пещере Апианча [35]. Самый же начальный этап верхнего палеолита (переходной, по некоторым авторам, от мустье к верхнему палеолиту), на наш взгляд, наиболее неясен. Отнесение к нему слоя V пещеры Сагварджиле вызывает сомнение [34, с. 106—109].

Значительное количество верхнепалеолитических уровней относится, наконец, ко времени, последовавшему за последним холодным максимумом. Именно в это время люди снова понемногу продвигаются в глубину гор, повторно обживают многие скальные убежища. Климатические осцилляции самого конца вюрма (холодные фазы дриас I, II, III), видимо, замедляют или приостанавливают этот процесс. К началу холодного эпизода дриас I по пыльцевым данным и радиоуглеродной дате — 14 100 ± 100 (ЛЕ-700) можно, очевидно, отнести низы слоя 1 в Малой Воронцовской пещере.

Подытоживая приведенные в статье данные и составленную на основании их корреляционную хроностратиграфическую схему палеолита Кавказа (рис. 1), не следует, конечно, абсолютизировать полученные результаты: в распоряжении науки пока нет безошибочных методов датирования. Все методы имеют бóльшие или мéньшие погрешности, причем физические, с помощью которых продатированы почти все древнейшие памятники, дают, как известно, наибольшие погрешности [37]. Датировка и корреляция этих памятников, видимо, менее надежна. Возрастная атрибуция их нуждается в первоочередном подтверждении другими методами. Что же касается биостратиграфических методов относительной датировки, то своеобразие путей развития животного и растительного мира Кавказа требует осторожного сопоставления кавказских биостратиграфических схем с европейскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kozlowski J.* Gorny paleolit w krajach zakaukaskich i na Bliskim Wschodzie. Cz. I. Geochrologia i zagadnienie poczatkow gornego paleolitu//Prace komisiji archeologiczej Polska AN (oddzial w Krakowie). 1970. № 9.
2. *Kozlowski J.* Gorny paleolit w krajach zakaukaskich i na Bliskim Wschodzie. Gz. II. Periodyzacja gornego paleolitu zachodnich krajow zakaukaskich//Swiatowit. 1972. T. 33.
3. *Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.* Пещерные медведи Большого Кавказа//Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. 1978. Т. 75.
4. *Колаковский А. А.* Растительный мир Колхиды. М., 1961.
5. *Чочиева К. И.* Реликты позднеплейстоценовых и плейстоценовых флор Колхиды и их стратиграфическое значение//Четвертичная система Грузии. Тбилиси, 1982.
6. *Векуа А. К., Габелая Ц. Д., Векуа З. А.* Дманисская фауна ископаемых позвоночных//Тез. докл. на II науч. сессии Груз. отд-ния Всесоюз. териол. о-ва. Тбилиси, 1985.
7. *Габуния Л. К., Векуа А. К., Бугианишвили Т. В.* Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа//Изв. АН Грузии. Сер. биол. 1988. Т. 14. № 5.
8. *Габуния Л. К., Векуа А. К.* Антропогеновые лошади Грузии. Тбилиси, 1989.
9. *Майсурадзе Г. М., Сологошвили Д. З., Павленишвили Е. Ш.* О возрасте машаверского долеритового потока//Науч. конф. «Средневековые города и городская жизнь Кавказа». Тбилиси, 1988.

10. *Džaparidze V., Bosinski G., Bugianišvili T.* Der altpaläolitische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus)//Jahrbuch römische-germanischen zentralmuseums Mainz. 1992.
11. *Босинский Г.* Доклад на заседании отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге 3 мая 1992 г.
12. *Векуа А. К., Мгеладзе Н.* Природная среда древнего человека из Дманиси//Всесоюз. совещ. по проблеме «Человек и природа в древнекаменном веке» (краткое содерж. докл.). Тбилиси, 1990.
13. *Бугианишвили Т. В., Векуа А. К., Векуа З. А., Мгеладзе Н. Р.* Древнейшее нижнепалеолитическое местонахождение//Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, 1990.
14. *Векуа А. К.* История животного мира — позвоночные//Грузия в антропогене. Тбилиси, 1991.
15. *Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М. и др.* Палеогеография стоянки Азых — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР//Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3.
16. *Зеликсон Э. И., Губонина З. П.* Смещение высотной поясности как основа реконструкции климатических изменений в горных странах//Методы реконструкции климатов. М., 1985.
17. *Дороничев В. Б.* Палеолит Карачаево-Черкессии//Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Тез. докл. науч. конф. Иркутск, 1987.
18. *Дороничев В. Б.* Ашельская стоянка в Треугольной пещере//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.
19. *Дороничев В. Б., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Исследования Треугольного грота//Докл. на заседании отдела палеолита Ин-та истории матер. культуры РАН в Санкт-Петербурге 16 марта 1992 г.
20. *Любин В. П., Куликов О. А.* О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа//СА. 1991. № 4.
21. *Любин В. П., Барышников Г. Ф., Левсковская Г. М. и др.* Кударо 1//Палеолит Кавказа и Северной Азии. 1989.
22. *Ренгартен Н. В., Черняховский А. Г.* Состав и условия образования осадочных отложений пещеры Кударо 1//Кударские палеолитические пещерные стоянки в Юго-Осетии. Л., 1980.
23. *Праслов Н. Д.* Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита//Палеолит СССР. М., 1984.
24. *Любин В. П.* Мустьерская эпоха на Кавказе//Тез. докл., посвященных итогам полевых археологич. исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
25. *Golovanova L. V., Levkovskaya G. M., Barychnikov G. F.* Le site moustérien en grotte de Matouzka, Caucase septentrional. Résultats des fouilles de 1985—1987//L'Anthropologie. 1990. 94. № 4.
26. *Любин В. П., Левосковская Г. М.* Пещера Кударо III (Юго-Осетия)//МИА. 1972. № 185.
27. *Любин В. П., Селиванова Н. Б., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Пещера Кударо III//Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель сов.-франц. полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и доисторич. общества». М., 1978.
28. *Лордкипанидзе Д. О.* Результаты палинологического изучения пещерной стоянки Ортвалакладе//Сообщ. АН Груз. ССР. 1989. Т. 134. № 2.
29. *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.* Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья//КСИА. 1971. Вып. 126.
30. *Любин В. П., Аутлев П. У., Зубов А. А. и др.* Открытие скелетных остатков палеантропа на Баракаевской стоянке (Западный Кавказ)//Вопр. антропологии. 1986. Вып. 77.
31. *Голованова Л. В.* О двух путях заселения северо-западного Кавказа в мустьерскую эпоху//Древности Кубани. Матер. научно-практической конф. Краснодар, 1991.
32. *Голованова Л. В.* Периодизация мустье Северного Кавказа//XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.
33. *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья. 1: Палеолитические пещеры Имеретии//Сб. Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17.
34. *Любин В. П.* Палеолит Кавказа//Палеолит Кавказа и Северной Азии. М., 1989.
35. *Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Куренкова Е. И.* Многослойный памятник Апианча//Четвертичная система Грузии. Тбилиси, 1982.
36. *Бендукидзе О. Г.* О фауне млекопитающих палеолитической стоянки Дзудзуана в Западной Грузии//Пещеры Грузии. 1978. № 7.
37. *Пуннинг Я.-М. К., Раукас А. В.* Методы датирования четвертичных образований в целях палеогеографических реконструкций//Итоги науки и техники. Серия «Геоморфология». 1983. Т. 7.
38. *Долуханов П. М.* Стратегия и тактика применения геолого-геоморфологических методов в первобытной археологии//КСИА. 1990. Вып. 202.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

V. P. LYUBIN

THE CHRONOSTRATIGRAPHY OF THE CAUCASIAN PALAEOLITHIC

Summary

The sketch of the chronostratigraphical system of the Caucasian Palaeolithic sites is presented in the article. The cave sites and the open ones were analysed using various methods of natural sciences. The special attention is payed to specific features of the flora and fauna of this mountinous region. The data of the lithological studies were correlated to the biostratigraphical ones as well as to a series of absolute datings. The latter are the results of radiological and physical methods. The pre-Mousterian sites are of greatest interest, one of the earliest sites is Dmanisi (1,7—1.6 millions B. P.). Here a mandibula of the early Homo erectus was and the remains of Villafranco-type fauna were found. A series of some new dates is published, which reflects the age of the Caucasien Asheulian industrues. Some datings of the Moustierian and the Upper Palaeolithic sites are suggested.

В. М. ЛОЗОВСКИЙ

КОСТЯНОЕ ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Охотничье вооружение является одной из самых важных для исторических реконструкций категорий находок, происходящих из материалов раскопок мезолитических и неолитических поселений центра Русской равнины (в настоящей работе мы рассматриваем территорию Волго-Окского междуречья) [1].

Количество памятников в этом регионе сейчас исчисляется сотнями. Но исследований, связанных с изучением охотничьего вооружения, единицы [1, 2]. Изучаются в основном изделия из камня, хотя, как показывают материалы раскопок ряда памятников, основное количество наконечников метательного вооружения изготавливалось из кости. Поэтому полное представление о техническом оснащении охоты мы получаем только с учетом костяных наконечников, тем более что процент кремневых наконечников по отношению к костяным очень мал (стоянка Нижнее Веретье — 2%, стоянка Замостье — 15%).

Непосредственно в категорию наконечников охотничьего вооружения из кости мы включаем наконечники стрел, острог (зубчатые острия без характерного насада для привязывания, т. е. несъемные части метательного вооружения). К этой же категории мы относим гарпуны — т. е. зубчатые острия с оформленным для прикрепления линя фасадом, которые отделялись от древка в момент попадания в тело животного. Эта группа находок включается сюда в связи с тем, что по этнографическим источникам известно немало примеров использования гарпунов при охоте на крупных наземных животных и бобра.

Наконечники копий остаются фактически невыявленной категорией. Достоверное их появление в материалах археологических памятников фиксируется в палеолите (копье из Сунгирьских погребений) и далее уже в среднем и позднем неолите, где известны кремневые наконечники копий. Какие из форм, известных в материалах мезолитических и ранненеолитических памятников, выполняли эти функции? Поскольку четко определяемых находок нет, к этой категории мы относим орудия с заточкой под углом 45° и массивные зубчатые наконечники острог.

Обобщающих работ по проблеме типологии и развития костяной индустрии и тем более такой специфической группы, как наконечники охотничьего вооружения, исключительно мало. В 1936 г. Г. Д. Кларком была разработана типология наконечников охотничьего вооружения из кости для памятников Северной Европы [3]. В 1948 г. Р. Индреко используя свои материалы и работы предшественников [4] опубликовал фундаментальную работу, посвященную мезолиту Прибалтики, но фактически работа по охвату материала значительно превысила территориальные рамки — автор проанализировал весь материал Севера Европейской части СССР [5]. В работе была применена типологическая схема Г. Д. Кларка, которая адекватно отражала весь набор метательного вооружения.

Позже благодаря работам М. Е. Фосс стал известен материал стоянок эпохи неолита Севера Европейской части России [6]. В 1956 г. Н. Н. Гурина опубликовала

[1] Выражаю признательность А. В. Энговатовой за помощь, оказанную при подготовке этой работы.

© В. М. Лозовский, 1993 г.

материалы Оленеостровского могильника, содержащие обширную коллекцию наконечников охотничьего вооружения [7]. В последние годы только монографии С. В. Ошибкиной и И. А. Лозе, посвященные мезолиту и неолиту Восточного Прионежья и Восточной Прибалтики, содержат материалы по интересующей нас проблеме. Их коллекции, по мнению исследователей, находят прямые аналогии в круге памятников Северной Европы [8, 9].

Но состав форм наконечников охотничьего вооружения, в настоящее время известных со стоянок Волго-Окского междуречья, редко совпадает с прибалтийским материалом, что заставляет разработать для этого региона свою локальную типологию и наметить тенденции развития. Работы, посвященные этой проблеме, носят публикационный характер, и костяной инвентарь дается описательно в комплексе с другими материалами — керамикой и каменным инвентарем [10—16].

В последние годы археологические работы значительно расширили источниковедческую базу. Изучен ряд памятников, наиболее интересным из которых является группа мезо-неолитических стоянок у д. Замостье Загорского р-на Московской обл. Материал, полученный из раскопок этих поселений, дал прекрасную возможность изучить развитие наконечников охотничьего вооружения из кости в течение мезолита и неолита, тем более что стоянки имеют строгую стратиграфию и находки привязаны к определенным литологическим слоям, датированным естественнонаучными методами, поэтому есть возможность проследить реальное развитие техники охотничьего вооружения. Наряду с этим ранее опубликованные коллекции из нестратифицированных памятников позволяют дополнить предложенную нами схему.

В целом можно отметить несколько «кустов» мезо-неолитических стоянок с костяным инвентарем, приуроченных к определенным озерам: стоянки Ивановского, Берендеевского, Сахтышского, Маслова болот, оз. Скорбаш, стоянки в современной пойме р. Дубны: Николо-Перевоз, Замостье; памятники Мещерской низменности (Окский бас.): Владычино, Володары, Черная гора [17].

Всего в работе используется 22 памятника, из которых только 4 содержат мезолитический материал, на остальных стоянках — материалы от раннего до позднего неолита. Условия образования культурных слоев в большинстве случаев сходные — это как правило стоянки на островах или мысах крупных озер или рек, которые впоследствии подверглись затоплению и заторфованию. Палинологический и радиоуглеродный анализы разрезов стоянок Ивановской и Замостьинской групп позволили Н. А. Хотинскому и Е. А. Спиридоновой достоверно реконструировать схему климатических изменений в течение голоцена и в рамках этой естественнонаучной схемы определить место археологических культур.

Изученный в настоящей работе массив наконечников метательного вооружения по материалам этих стоянок составляет около 450 единиц, из них 205 предметов из раскопок стоянок Замостьинской группы. Изучение всех этих форм позволило выделить 23 типа, часть из которых встречается в материалах всех памятников, другие же характерны только для конкретного периода или конкретной географической группы. Настоящая схема в общих своих чертах носит предварительный характер и по мере дальнейшего изучения может перерабатываться. Ниже мы переходим к описанию и характеристике выделенных нами групп.

Формы охотничьего вооружения, бытовавшие у древних охотников периода мезолита — неолита, даются обобщенно для всех стоянок указанного географического региона, в отдельных случаях нами отмечается распространение той или иной формы в материалах того или иного памятника.

Все охотничье вооружение в зависимости от функционального назначения разбито на 4 группы: *А* — наконечники стрел; *Б* — наконечники острог; *В* — наконечники копий; *Г* — наконечники гарпунов. Описание типов охотничьего вооружения дается в соответствии с этим делением.

Метательное вооружение эпохи мезолита включает следующие типы:

А. Наконечники стрел.

I. Простейшие игловидные с приостренными боевыми концами и плавно

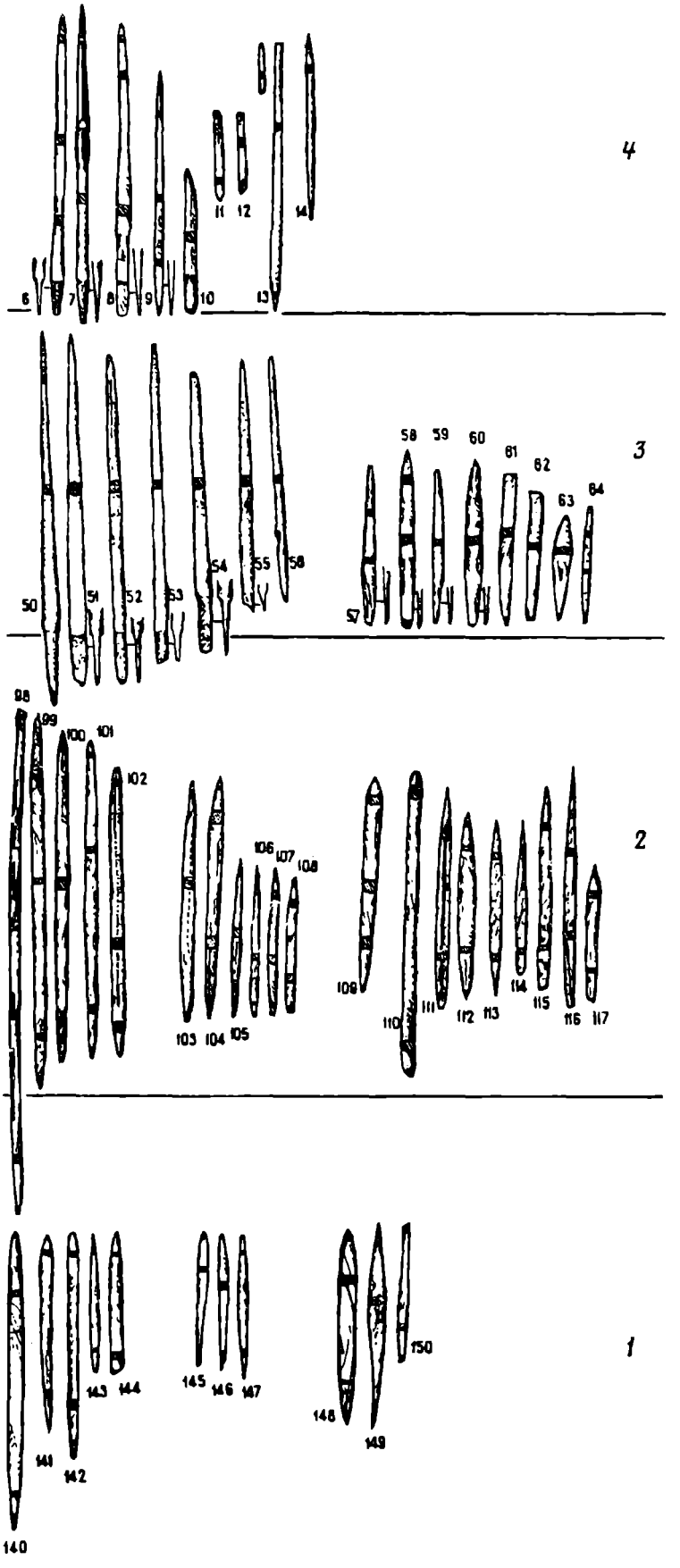


Рис. 1. Стоянки Замостье I—II, костяные наконечники

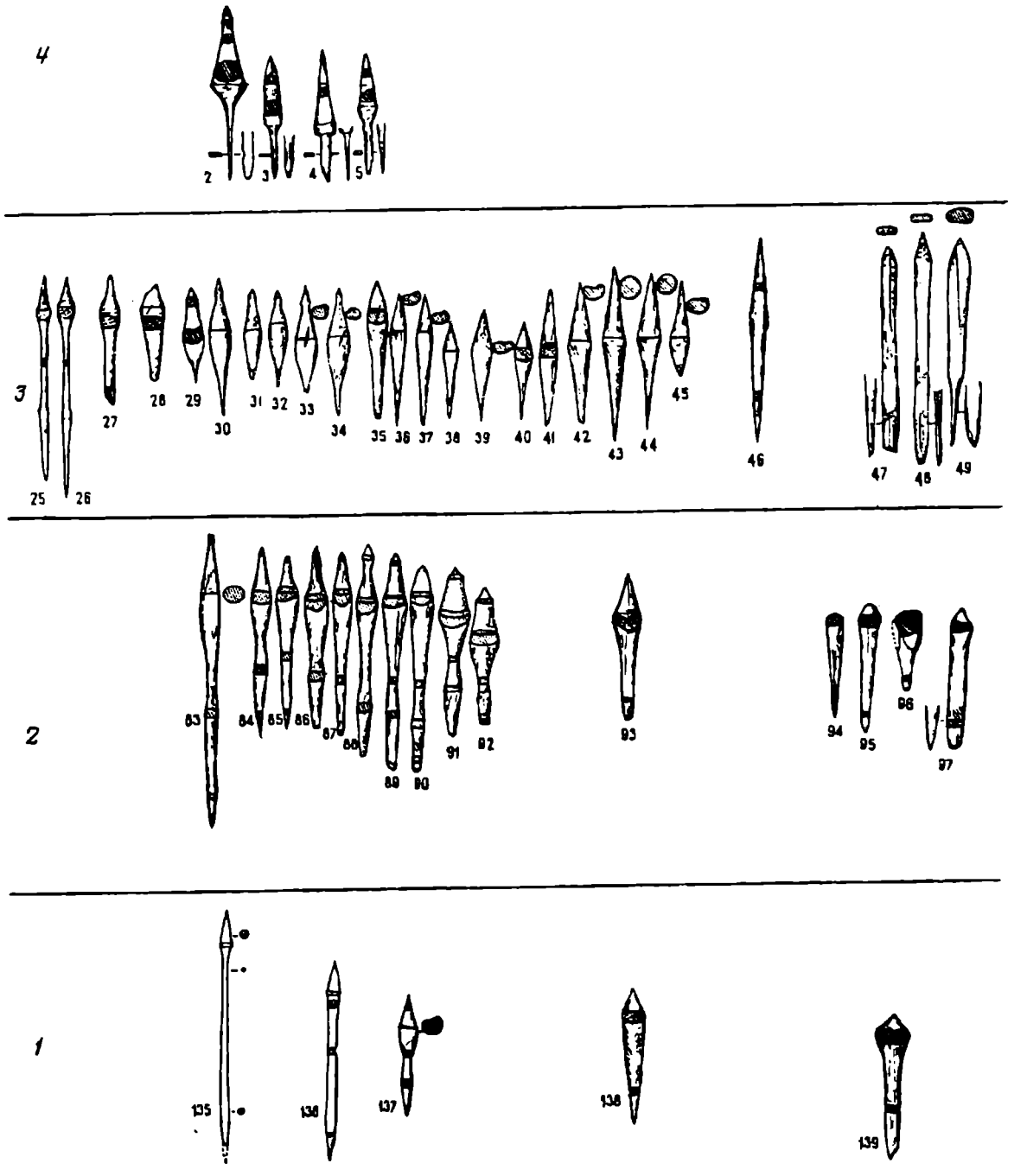


Рис. 2. Стоянки Замостье I—II, костяные наконечники

срезанными коническими основаниями. Могут быть вариации в оформлении острия — уплощенной, конической и т. д. форм. Встречаются в материалах почти всех стоянок: Ивановское III, Сахтыш IX, Замостье II (рис. 1, *140—150*).

II. Игловидные формы округлые в поперечном сечении с уплощенным острием с выделенным одним зубцом (Замостье, Ивановское III). Интересной вариацией этого типа является такой же наконечник, только два зубца расположены близко к насаду (стоянка Замостье) (рис. 2, *127—134*).

III. Игловидные формы с уплощенным острием и двумя выделенными на противоположных гранях зубцами (стоянка Замостье) (рис. 3, *126*).

IV. Наконечники с длинным, круглым в сечении насадом и правильной биконической головкой с ободком (стоянка Берендсево 16,9, мезолитический слой Ивановское III) (Рис. 2, *135—137*).

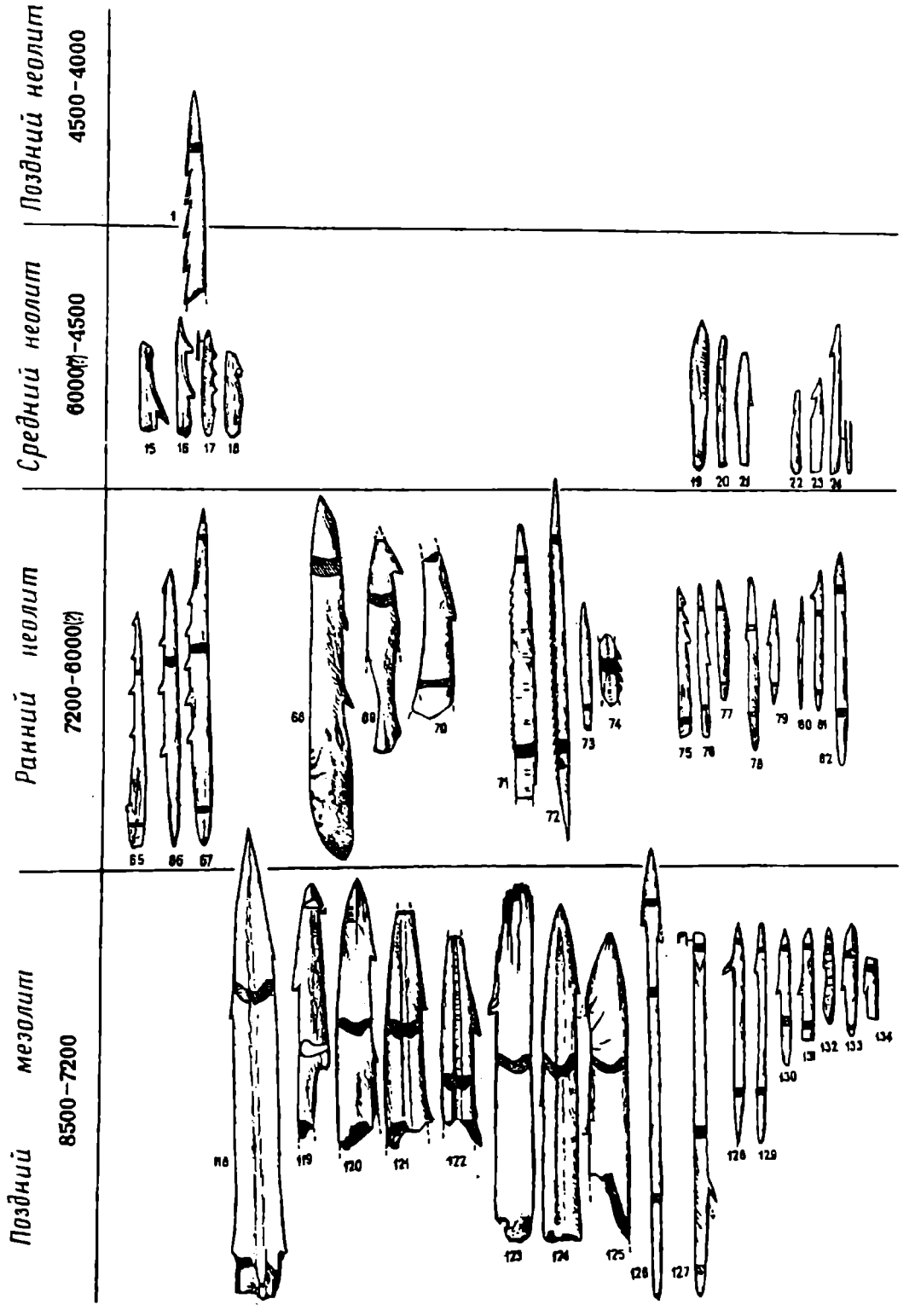


Рис. 3. Стоянки Замостье I—II, костяные наконечники

V. Аналогичные формы только без ободка на уплощенной головке и с прорезанным с одной стороны пазом для вкладышей.

VI. Биконические формы подовального поперечного сечения с утолщением у самого острия, которое завершается острым конусом. Насад уплощен (стоянка Замостье) (рис. 2, *138, 139*).

Б. Наконечники острог.

I. Наконечники острог из грубо обработанных бедренных костей. Кость рас-

калывалась пополам, при этом тщательно вырезалось острие и один-два крупных зубца, один из которых близко расположен к острию, другой примерно в средней части орудия. Остальная часть изделия почти не обрабатывалась, кроме насада, который подправлялся крупными грубыми сколами. Изделия крупных размеров (30—32 см длиной), довольно массивны (стоянки Замостье, Берендеево IX, Ивановское III — мезолитический слой) (рис. 3, *118—125*).

Б. Наконечники копий.

I. Крупные грубо обработанные наконечники копий из слабо обработанной кости с одним длинным пазом (стоянка Берендеево IX).

В материалах раннеэолитической верхневолжской культуры появляются новые типы наконечников.

А. Наконечники стрел.

VII. Игловидной формы круглые или эллипсоидные в сечении, со слегка утолщенной боевой частью, заканчивающейся заостренным конусом. Насад сходит на конус или плавно уплощен (стоянки Берендеево V, Замостье — ВВК слой) (рис. 1, *98—117*).

VIII. Фигурные наконечники, слегка уплощенные в поперечном сечении, с тремя утолщениями (в некоторых случаях — два утолщения). На утолщении, расположенном в верхней части, присутствует кольцевая нарезка (ВВК слой стоянок Ивановское III, VII, Берендеево I*а*, V, ВВК слой стоянки Замостье) (рис. 2, *83—92*).

IX. Типологически неустойчивые биконические формы: как правило небольших размеров с прямоугольным в поперечном сечении стержнем, заканчивающимся либо тупым утолщением, либо утолщением с небольшим коническим приострением (стоянка Замостье) (рис. 2, *93—97*).

X. Зубчатые наконечники стрел с одним — тремя зубцами, расположенными близко к боевому концу, сечением или эллипсоидное, или уплощенное. Насад оформлен в виде лопаточки (стоянки Замостье, Берендеево V) (рис. 3, *75—82*).

Б. Наконечники острог.

II. Мелкозубчатые наконечники острог. Как правило, изготавливались из трехгранного в поперечном сечении стержня, на одной из граней которого через минимальное расстояние вырезались косые зубы (стоянка Замостье — ВВК слой, ВВК слой — Ивановское III, Берендеево II*а*, V) (рис. 3, *71—74*).

Г. Наконечники гарпунов.

I. Наконечники гарпунов средних размеров из стержней подовальной формы, на одной из граней которых вырезалось три-четыре мелких клювовидных зубца, расположенных на большом друг от друга расстоянии. Насад уплощен и оформлен выступами (стоянка Замостье) (рис. 3, *65—67*).

В среднем неолите развиваются новые типы наконечников охотничьего вооружения.

А. Наконечники стрел.

XI. Игловидные формы резко удлиненных пропорций (20—25 см длины) с округлым поперечным сечением и как правило специально выделенным коротким утолщенным насадом (стоянки Берендеево 1, 4, 8; Ивановское III—II слой; Ивановское II — р. II, VI, VII — р. I, Черная Гора; Сахтыш II; льяловский слой стоянки Замостье) (рис. 1, *50—56*).

XII. Биконические формы с острием и насадом, вырезанным в виде небольших конусов, причем конус острия всегда короче и круче основания, и они обычно разграничены кольцевой нарезкой. Вариацией в пределах этого типа являются формы с четкой огранкой конуса насада или формы с небольшим коническим утолщением на острие (стоянки Берендеево 1, 4, 8; Ивановское III — II слой; Ивановское III — р. II; VI, VII — р. I; Черная Гора; Сахтыш II; Замостье; Языково; Варос) (рис. 2, *28—45*).

XIII. Зубчатые наконечники стрел дополняются плоскими в сечении формами с рядом мелких зубцов, вырезанных близко друг к другу (стоянки Замостье, Варос) (рис. 3, *19—21*).

XIV. Наконечники с игловидными остриями и насадами и утолщением в средней части, украшенным шиповидными выступами. Насад как правило уплощен (стоянки Замостье, Черная Гора, Варос) (рис. 2, *46*).

Г. Наконечники гарпунов.

II. С материалами льяловской культуры связано также появление крупных, хорошо изготовленных наконечников гарпунов с несколькими крупными клювовидными зубцами, расположенными в верхней части изделия. Сечение подовальное или подтреугольное (стоянки Берендеево 1, 4, 8; Ивановское III — II слой; Черная Гора; Сахтыш II; Варос; Языково). Насад расширенный с прорезанным отверстием или вырезанными для привязывания плечиками.

Волосовская культура в принципе имеет те же типы изделий, что и льяловская, но только их исполнение (изготовление этих форм) носит принципиально иной характер (рис. 3, *15—18*).

А. Наконечники стрел.

XV. Игловидные наконечники удлиненных пропорций с четким трех-четырехгранным поперечным сечением (граненые наконечники). Насад у всех в виде лопаточки (стоянки Замостье, Черная Гора) (рис. 1, *6—14*).

XVI. Биконические формы с четкой огранкой конуса острия. От насада острие отделено тщательно вырезанным выступающим колечком и насад оформлен в виде плоского в поперечном сечении прямоугольного стержня (стоянки Замостье, Языково) (рис. 2, *2—5*). Разновидностью биконических наконечников являются плоские листовидные формы с четырехгранным насадом (стоянка Варос).

Г. Наконечники гарпунов.

III. Многозубчатые гарпуны с рядом крупных зубцов, вырезанных близко друг к другу, с трехгранным сечением (стоянки Замостье, Языково) (рис. 3, *1*).

Анализ материалов мезолитических поселений с костяным инвентарем показывает достаточно широкое разнообразие форм наконечников охотничьего вооружения, но наряду с формами, сходными для всех этих памятников — игловидные наконечники стрел, наконечники с уплощенным острием с выделенным одним зубцом — существует ряд форм, типичных только для памятников конкретного микрорайона.

Мезолитические слои стоянки Замостьинской группы дают блестящий ряд наконечников острог, которые, судя по размерам, могли использоваться при охоте на крупных животных. Судя по большому количеству найденных фрагментированных экземпляров, этот тип вооружения широко использовался. Напротив, в материалах памятников Ивановско-Берендеевской группы широкое распространение имеют наконечники стрел с длинным насадом и биконической головкой с ободком, в некоторых случаях прорезался паз для вкладышей. Возможно, это местная особенность этих комплексов, но далее к северу (стоянки Нижнее Веретье) среди наконечников охотничьего вооружения встречаются почти исключительно такие формы [9]. Вместо крупных зубчатых наконечников острог обитатели Берендеевского и Вашутинского озер использовали крупные игловидные формы из грубо обработанной кости с одним прорезанным для вкладышей пазом. Дальнейшее развитие форм охотничьего вооружения в раннем неолите приводит к модификации старых форм, появлению новых типов и исчезновению локальных особенностей в материалах удаленных друг от друга памятников. Так, развитие простых игловидных форм и наконечников с биконической головкой приводит к появлению нового типа игловидных наконечников с небольшим утолщением у острия. Наконечники с биконической головкой претерпевают изменения, появляются фигурные формы с тремя утолщениями. Эти формы широко распространены в материалах большинства стоянок с верхневолжской керамикой. Наряду с сохранением некоторых старых типов (простых игловидных форм и форм с выделенным у острия одним зубцом) в категории наконечников охотничьего вооружения появляются новые формы. Так, среди наконечников острог можно отметить очень характерные мелкозубчатые остроги, подтреугольные в поперечном сечении. Вместе с тем, в верхневолжских слоях стоянки Замостье найдены

мезолитического типа грубые одно-двухзубовые остроги, т. е. эта форма вооружения оказалась устойчивой. Впервые появляются наконечники гарпунов средних (10—15 см) размеров, подовальные в поперечном сечении, с тремя-четырьмя мелкими клювовидными зубцами, расположенными на большом расстоянии друг от друга, и с выделенным выступом-насадом. С верхневолжской культурой впервые появляются наконечники укороченных пропорций биконической формы с резко укороченным острием (в дальнейшем эта форма будет развиваться). Пока они технологически не выдержаны и разнообразны по форме.

В целом же техника изготовления орудий из кости у племен верхневолжской культуры достаточно невыдержана, т. е. отмечается определенная вариабельность форм наконечников в пределах типов (игловидные — различные способы изготовления острия и насада, разнообразные формы зубчатых наконечников), широкий набор типов зубчатых наконечников острог и гарпунов. И из этого широкого спектра впоследствии (на этапе среднего неолита) появляются новые типологически устойчивые формы. Проходным, устоявшимся типом, который существует и у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, являются простые игловидные формы. Но вместе с этим появляются новые модификации, дающие четкие устойчивые серийные типы,— игловидные наконечники, округлые в поперечном сечении с коротким четко выделенным плоским черешком, и массивные игловидной формы с утолщением у острия. Мастера этой культуры изготавливали также интересные игловидные формы с утолщением в центре, которое украшалось двойными или одинарными шипчиками — своего рода «парадные» наконечники, аналогичные таковым у аборигенов Австралии [18].

Новым типом наконечников, которые как бы плавно вырастают из фигурных форм ВВК, являются небольшие биконические формы в виде двух конусов, из которых конус острия укорочен по сравнению с конусом насада. Интересно отметить четкую стандартизацию при изготовлении всех этих изделий, т. е. совершенно очевидно, что у мастеров, изготавливающих их, существовал определенный стандарт; вариации в их изготовлении самые незначительные.

Зубчатые наконечники (острог) как правило с одним или несколькими зубцами, расположенными в верхней части изделия, по своему типу и форме повторяют верхневолжские оригиналы. Из верхневолжской культуры переходит и традиция изготовления небольших гарпунов с двумя—тремя редко поставленными зубцами и выступами для насада, в некоторых случаях они имеют вырезанный для вкладышей паз.

Новым же типом, появляющимся с этой культурой, является как бы модификация мелких форм — массивный гарпун с крупными, широко поставленными клювовидными зубцами и четко оформленным насадом — либо прорезанными плечиками, либо отверстиями.

В целом же необходимо отметить широкое распространение всех этих форм — локальных различий между комплексами далеко расположенных между собой памятников не наблюдается.

Комплекс находок метательного вооружения волосовской культуры уже качественно отличается от бытовавших ранее наборов охотничьего вооружения. Наиболее отличительной чертой всех изделий этой культуры является четкая огранка наконечников: как правило, это игловидные формы с трех-четырехгранным поперечным сечением. Эффективность использования огранки при изготовлении наконечников стрел убедительно доказана на более поздних материалах: боевых наконечниках степных племен, где эти формы являлись бронебойным оружием. Аналогичный прием использовался при изготовлении биконических форм, где огранке подвергался только боевой конец изделия, насад же для более жесткого крепления был плоским. Идентичную огранку имеет и находящийся в коллекции стоянки Замостье I гарпун, т. е. общий характер технологии изготовления наконечников стрел сказался и на такой специфической группе, как гарпуны.

Таким образом, волосовский комплекс охотничьего вооружения показывает

иной, качественно новый уровень развития технологии (традиции) в их изготовлении. Проведенный нами анализ наконечников охотничьего вооружения показывает нам достаточно плавное развитие форм от мезолита к среднему неолиту. Мы можем говорить о развитии местной традиции этой стороны материальной культуры первобытного населения, которая эволюционировала на протяжении 2,5 тыс. лет. При этом, если сравнить чисто технические параметры наконечников острог и стрел мезолитического населения и населения среднего неолита, особых качественных изменений мы не найдем. С появлением же на этой территории волосовских племен наконечники охотничьего вооружения приобретают иной технологический уровень, превышающий по своим параметрам вооружение аборигенного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н. Н.* Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел// Орудия каменного века. Киев: Наук. думка, 1978.
2. *Крылова Т. Б.* Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности//Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986.
3. *Clark G. D.* The mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge: The University Press, 1936.
4. *Загорска И. А.* Костяные и роговые острия и гарпуны каменного века из Восточной Прибалтики// Орудия каменного века. Киев: Наук. думка, 1978.
5. *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
6. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР//МИА. 1952. № 29.
7. *Гурина Н. Н.* Оленеостровской могильник//МИА. 1956. № 47.
8. *Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1988.
9. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
10. *Гадзяцкая О. С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II//КСИА. 1966. Вып. 106.
11. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская раннеолитическая культура//СА. 1977. № 3.
12. *Крайнов Д. А., Лозовский В. М., Костылева Е. А.* Мезолитическая стоянка Сахтыш IX//Археологические памятники Волго-Окского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990.
13. *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Берендеево I//СА. 1976. № 3.
14. *Уткин А. В.* Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII//КСИА. 1984. Вып. 177.
15. *Уткин А. В.* Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX//СА. 1985. № 1.
16. *Уткин А. В.* Неолитическая стоянка Ивановское VI//СА. 1989. № 3.
17. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры// Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: Сов. Россия, 1970.
18. *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. М.. Наука, 1981.

Институт археологии РАН,
Москва

V. M. LOZOVSKY

THE BONE HUNTERS' WEAPONS OF THE ANCIENT POPULATION OF VOLGA-OKA AREA

Summary

Some tendencies of development of bone hunters' weapons are analysed in the article on the basis of the Mesolithic and the Neolithic sites in Volga-Oka area. The typology is based mainly on the collections from the sites of Zamostye group (Moscow region, Zagorsk district). The succession of the Late Mesolithic and the Early Neolithic (Upper Volga culture) forms is stressed. Some new forms of the weapon-heads appeared in the Middle Neolithic. After spreading of Volosovo materials of the Late Neolithic period the set of the weapon-heads of the hunters changed, which testify the appearence of ethnically different population.

АХМАД РАШИД АБДАРРАЗАК

О ХАРАКТЕРЕ ПАТИНЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЙ ИЗ СМЕШАННЫХ КОМПЛЕКСОВ СТОЯНОК ОТКРЫТОГО ТИПА ЮЖНОЙ АРАВИИ

(по материалам района аль-Абр)

Участвуя в работе Советско-Йеменской Комплексной экспедиции (СОЙКЭ) зимой 1990 г. с целью поиска неолитических памятников (так как научная информация об этой эпохе скудна), автор провел археологическую разведку в районе Аль-Абр, который находится на северо-востоке Йеменской республики и граничит: на юге — с пустыней Рамлат-эс-Саб'атейн, на северо-западе — с пустыней Шокат-эль-Харита. Горная цепь, пересекающая почти всю центральную территорию Аль-Абр, связывает ее с Хадрамаутским плато на востоке и западным нагорьем Южной Аравии на западе. Большая часть центральной области Аль-Абр отличается от пустыни Руб-эль-Хали отсутствием барханов и дюн. Ее пески почти неподвижны. Стоянки каменного века сосредоточены в основном на плато, на площадках мысов, на горных холмах, у подножья гор, у сухих долин, в самой пустыне, в больших впадинах и вокруг них. Самые ранние памятники расположены на высоких местах, более молодые спускаются в долины. Такое расположение памятников в целом характерно для пустынной части Аравийского полуострова [1, с. 14—18; 2, с. 105; 3, с. 13].

Автор обнаружил 18 месторождений открытого типа со смешанным материалом. Месторождения располагаются в четырех географических пунктах: Аль-Уахд, Тараф-аль-Айн [1], Хэсн-аль-Абр, Аль-Фарша.

Материал этих местонахождений имеет на себе значительные следы выветривания, как и на артефактах Хадрамаутского плато [4, с. 113], и на материалах других памятников открытого типа Южной Аравии. При изучении подобных памятников в первую очередь следует определить значимость данного фактора в комплексном анализе памятников открытого типа, так как без учета изменения поверхности предметов возможны серьезные ошибки в датировке ввиду того, что материал памятников Аравийского полуострова бывает смешанным: от раннего периода каменного века до поздних этапов его развития [1, с. 14; 5, с. 137; 6, с. 21; 7, с. 18; 8, с. 6 и др.].

Автору представляется, что изучение и расчленение материала памятников открытого типа с опорой только на технико-типологические показатели и без учета пост-депозиционных изменений поверхности каменных изделий затруднено, поскольку техника расщепления в эпоху камня в Южной Аравии эволюционирует медленно и архаичные формы изделий в более поздние периоды сохраняются долго. Тем не менее «в районах, где памятники со слоем редки, решать вопросы, связанные с заселением их территории древними людьми, все равно необходимо, а для этого требуется развитие методики исследования любого варианта палеолитического источника, дающего определенную информацию по данному вопросу» [9, с. 61]. В настоящее время совершенствуется методика изучения стоянок открытого типа с разрушенным культурным слоем по описанию внешних признаков

[1] Среди местного населения этот пункт известен как Хошм-аль-Айн.

© Абдарразак Ахмад Рашид, 1993 г.

сохранности, которые учитываются в относительной хронологии: раньше — позже. В зависимости от условий сохранности учитываются ведущие факторы воздействия: «изношенность» и окатанность [10, с. 11, 12]; пустынный загар [5, с. 136—138]; выветривание и патина [8, с. 6, 11]; окатанность и ожелезненность [11, с. 93, 94; 12, с. 196—199; 9, с. 88—93]; патина, выветривание и окатанность [13, с. 30]; коррозия [14, с. 14]; десквамация [15, с. 30—32]; цвет патины [16, с. 14; 17, с. 17, 18; 18, с. 120].

Автор исходит из того, что сохранность поверхности предмета, ввиду редко встречаемых стратифицированных памятников на Аравийском полуострове, а также с учетом особенностей географических и геоморфологических условий (полупустыня и пустыня), может являться основанием для относительной датировки материала. Для более точного определения его принадлежности к археологическому периоду рассматривается набор типов наиболее распространенных орудий, характерных для определенного периода каменного века и описанных в литературе. В рамках этого набора орудий определяется характер патины для каждого периода каменного века.

Выветривание и образование патины являются одними из элементов археологизации каменного инвентаря. Под термином «патина» в литературе обычно понимается изменение поверхности предмета [19, с. 1—26; 16, с. 17—24; 10, с. 12], который приобретается в результате химического [20, с. 98; 9, с. 90, 91; 19, с. 1—26] и механического воздействий (как окатанность, заглаженность и др.) [9, с. 90].

Под термином «патина», применительно к исследуемому материалу, автор понимает изменение внешней поверхности артефактов с приобретением нового цвета, который может сопровождаться люстражем, ноздреватостью и другими признаками древности. Характер слоя поверхности зависит от продолжительности залегания предмета на поверхности земли, от меры воздействия факторов, при которых химический процесс становится более или менее активным, от качества самого сырья при единых условиях сохранности. Среди факторов, влияющих на образование патины в Южной Аравии, определяются: химические (окисление, выщелачивание, усушение) и физические (солнечный загар, температура, ветер, песок, количество осадков; свойства почвы, оказывающие большее влияние на предметы, находящиеся непосредственно в почве).

Характер поверхностного слоя предмета является основным критерием для расчленения имеющегося материала на хронологические группы. Но важно обратить внимание на конкретные условия образования патины на материалах памятников определенной территории. К таким условиям относятся: единые географо-геоморфологические и климатические обстоятельства; однородное залегание изучаемого инвентаря; качественный состав и физические свойства сырья, даже его естественный цвет, и некоторые конкретные особенности предметов: так, например, равномерная патина на артефакте, обожженность, толщина заготовок, особенности вторичного использования [21, с. 39] и др.

Цвет патины имеет свойство со временем приобретать темные оттенки: от светлого до коричневого и от темно-коричневого до черного.

При работе с материалом было обращено внимание на то, что в зависимости от естественного цвета сырья патинизированные предметы одинакового возраста имеют разные оттенки. Сырье с изначально темным цветом в процессе патинизации приобретает более темные оттенки, чем предметы, изготовленные из светлого сырья. Новый приобретенный цвет становится результатом сочетания общих черт, которые характерны для каждого этапа патинизации (т. е. процесс патинизации имеет свои закономерности) независимо от первоначального цвета, и специфических особенностей, свойственных сырью определенного цвета. При сравнении последовательных уровней патинизации сырья, разного по цвету, хорошо заметны влияние естественного цвета сырья на патинизированных предметах позднего времени и господство цвета патины над естественным цветом сырья на древних артефактах. Связь естественного цвета сырья и цвета патины

тем более заметна, чем моложе объекты; на образцах нижних периодов она не ощущается.

Преемственность уровней патинизации хорошо прослеживается, если рассматривать сырье в рамках одного первоначального цвета. Но описать изменение патины в рамках сырья одного цвета автору удалось только на кварците. Выделенные уровни патины кварцита послужили вспомогательным средством проверки при сравнении с уровнями патин других пород сырья.

В Южной Аравии для артефактов обычной является неравномерная патинизация: темная патина с люстражем более выражена на верхней стороне предмета. подверженной солнечным лучам, чем на стороне, лежащей на поверхности земли. При равномерной патине одинаковый цвет распространяется на обе стороны предмета. Такая патина является показателем перемещения изделий, что позволяет считать их несколько более древними, чем односторонне патинизированные артефакты со схожим обликом патины. Автор относит их на одну стадию ниже.

Темный цвет патины обожженных предметов не может быть свидетельством архаичного возраста изделия, поскольку на них значительное влияние оказал огонь. Цвет патины темнее и на заготовках малой толщины. Здесь процесс патинизации происходил быстрее, чем на обычных заготовках того же возраста.

Патина вторичной обработки при повторном использовании архаичных заготовок имеет относительно более темные оттенки, чем патина артефактов первичного использования того же возраста ввиду того, что архаичная заготовка была подвержена сильной патинизации, которая проникла в глубь сырья. Когда же новая вторичная обработка наносилась на патинизированный предмет, она изначально имела патину той или иной интенсивности. Нужно отметить, что вторичное использование наблюдается и на нуклеусах, которые имеют следы разновременного снятия заготовок.

При создании шкалы уровней патинизации материал был условно разделен на две категории: 1) инвентарь первичных артефактов (все предметы, за исключением орудий со сплошной обработкой); 2) инвентарь со сплошной обработкой (вторичная обработка полностью покрывает всю заготовку).

Первичные артефакты, в состав которых входят предметы первичного использования (заготовки, имеющие патину, совпадающую с патиной их вторичной обработки) и вторичного использования (архаичные заготовки, на которых произведена вторичная обработка, чья патина отличается от характера патины заготовки), в том числе и нуклеусы, были сгруппированы по характеру первоначальной патины предметов для того, чтобы точно проследить уровни патинизации, определить группы артефактов с различной интенсивностью патины.

Предметы, имеющие сплошную обработку, были также сгруппированы по уровням патинизации. Они изготовлены из заготовок первичного и вторичного использования, среди них много орудий, по которым можно определить археологический период и соответствующие ему уровни патинизации. Патина этих орудий послужила эталоном при объединении с ними групп первичных артефактов, имеющих одинаковый характер патины.

Инвентарь вторичного использования имеет разновозрастную патину (заготовки и вторичной обработки). Эта группа была выделена из состава каждого уровня патинизации, определенного ранее по патине первичной заготовки. Характер расположения вторичной обработки инвентаря разделяется на частичный (вторичная обработка не покрывает всю заготовку, оставляя участки от предыдущей патины) и краевой (вторичная обработка произведена на краях). Каждая категория на каждом уровне патины отдельно сгруппирована по характеру патины вторичной обработки: частичные — по группам на основе патины обработки их поверхности, краевые — на основе патины обработки краев. Эталоном для них послужила патина предметов первичного использования.

В ходе дальнейшего анализа для выяснения причин возникновения и развития

явления вторичного использования высчитываются процентные отношения вторичного использования каждого сырья в составе каждой стадии патинизации.

Методика предлагаемого изучения материала стоянок открытого типа по уровням патинизации с сопоставлением типов орудий была разработана на основе изучения инвентаря 18 местонахождений района Аль-Абра. Но сначала описываются уровни патинизации на материале памятника Тараф-аль-Айн 4, поскольку он имеет наиболее многочисленную коллекцию артефактов из всех, обнаруженных нами в этом районе. Этот памятник послужит для нас своеобразным эталоном при сравнении его с коллекциями других местонахождений данного района при вычленении неолитического инвентаря.

Тараф-аль-Айн 4

Памятник расположен в 44 км от населенного пункта Хэсн-аль-Абр. Материал концентрировался на пологом склоне холма, который является остатком горного образования и находится в русле небольшой сухой долины Ом-аль-Эль-Ган, окружающей этот холм со всех сторон. Максимальная высота холма ~ 7 м от уровня русла, направление пологого склона с юга на север. Примерная площадь концентрации каменных артефактов 50 × 40 м². Материал лежал на слегка наклонной, открытой солнцу поверхности. Судя по внешнему облику, на нем нет признаков переотложенности (окатанности, сглаженности и др.). В редких случаях встречаются предметы, которые вызывают затруднения в определении места в предлагаемой системе уровней патинизации, что, вероятно, вызвано иными условиями сохранности; возможно, они долгое время находились в почве, а затем оказались на поверхности или принесены из таких мест, где существовали условия для образования патины молочного цвета.

Предварительно нужно отметить, что ввиду ограниченности времени сбор материала проходил двумя путями: или с общей площади распространения находок, по возможности, не нарушая концентрацию инвентаря (он получил название «Коллекция образцов»), или с 1 м² с наибольшей концентрацией (он получил название «Коллекция сплошного сбора (с 1 м²)».

«Коллекция образцов». Поскольку, как отмечалось выше, разное сырье по-разному реагирует на процесс патинизации, имеет смысл описывать этот процесс по каждому виду сырья в отдельности.

Кремнистый известняк — при предмета. Имеет сильные следы выветривания. При рассмотрении патины кремнистого известняка обращалось внимание не только на ее цвет, но и на десквамацию, ноздреватость, пористость поверхности. Весь материал объединяется в следующие три группы: 1-я — патина черно-коричневого цвета с люстражем. Выщербинки на некоторых участках поверхности нарушили слой патины и на ее месте образовался новый патинизированный слой, отличающийся по цвету от патины остальной поверхности. Глубина лунок 1—4 мм; 2-я — патина темно-коричневого цвета. Лунки покрывают большую часть поверхности. Люстраж выражен сильнее, чем в предыдущем типе. Глубина лунок 1—2 мм; 3-я — патина темно-умбрового цвета, слабый люстраж. Лунки небольшие по размерам, имеют незначительную глубину. Нужно отметить, что патина данного сырья имеет равномерный характер, глубокая, с различной степенью ноздреватости, от слабой до сильной. Архаичность прослеживается и по технико-типологическим параметрам. Среди имеющихся в коллекции предметов один бифас. Этот вид сырья характерен здесь для более древних периодов каменного века, чем неолит.

Кварцит — 14 предметов. Патинизация на кварците зависит от структуры сырья. Из-за зернистости патина покрывает его поверхность не равномерно, а представлена в виде черных точек в порах предмета. Их концентрация и цвет артефакта зависят от времени пребывания предмета на поверхности земли. В редких случаях патина выражена сплошным темным пятном на каком-то участке поверхности. Это проявляется на тех кварцитовых предметах, которые имеют

относительно гладкую поверхность. Основные черты патины на кварцитовых предметах: цвет, звездчатый люстраж, «жирность», концентрация точек.

По цвету кварцит разделяется на: 1) желтовато-белый (7 экз.); 2) светло-серый полупрозрачный (3 экз.); 3) розовато-серый (2 экз.); 4) красновато-коричневый (1 экз.); 5) темно-серый (1 экз.).

А. Уровни патинизации желтовато-белого кварцита.

Группы: 1-я — патина темно-умбрового цвета с черными точками, покрывающими почти всю поверхность предметов (1 экз.); 2-я — патина темно-бурого цвета с желтыми прожилками и темными точками, покрывающими большую часть поверхности предмета (1 экз.); 3-я — патина табачно-бурого цвета с желтыми прожилками. Темные точки занимают незначительную часть поверхности предмета, располагаются как морщины (1 экз.); 4-я — патина от бледно- до желтовато-бурого цвета с немногочисленными мелкими темными точками, сосредоточенными на определенных участках поверхности предмета (3 экз.); 5-я — патина кремового цвета с желтым оттенком, с немногочисленными мелкими темными точками. Последний уровень патинизации не маскирует естественный цвет кварцита. Тонкий слой патины чувствуется по присутствию темных точек, преобладанию желтого оттенка (1 экз.).

Звездчатый люстраж сопровождает материал на всех этапах патинизации. В группах 4 и 5 он выражен относительно слабо.

Ввиду малочисленности предметов, изготовленных из аналогичного сырья других цветов, сложнее следить за постепенным изменением патины. Но, невзирая на некоторые отличия в цвете, кварцитовые предметы по люстражу и концентрации точек сравнимы с вышеописанными уровнями патинизации кварцита желтовато-белого цвета.

Б. Уровни патинизации светло-серого полупрозрачного кварцита.

Группы: 1-я — патина темно-бурого цвета с серо-желтыми вкраплениями и темными точками, покрывающими большую часть поверхности предмета. Совпадает с группой 2, тип А (1 экз.); 2-я — патина табачно-бурого цвета, с темными точками, располагающимися на поверхности предмета как морщины. Совпадает с группой 3, тип А (1 экз.); 3-я — патина кремового цвета с желтоватым оттенком, с немногочисленными мелкими темными точками. Совпадает с группой 4, тип А (1 экз.).

В. Патина кварцита темно-серого цвета — темно-пепельная с черными точками, интенсивно покрывающими почти всю поверхность предмета. Совпадает с группой 1, тип А (1 экз.).

Г. Патина кварцита красновато-коричневого цвета — сливяная, черные точки интенсивно покрывают всю поверхность предмета. Совпадает с группой 1, тип А (1 экз.).

Д. Патина кварцита розовато-серого цвета — грязно-буро-фиолетовая, темные точки охватывают незначительную часть поверхности предмета. Совпадает с группой 3, тип А (2 экз.).

Кремень — 558 предметов. На этом виде сырья ярко отражено влияние химических и физических процессов патинизации, придающих поверхности предметов темные цвета, жирный люстраж, специфический блеск поверхности.

Уровни патинизации

Группы: 1-я — артефакты имеют патину от черного до черно-коричневого цвета, жирный люстраж, охватывающий всю поверхность предмета, за исключением тонких выщербинок, образованных в результате колебаний температур. На некоторых предметах имеются мелкие лунки (5 экз.); 2-я — патина от темно-коричневого цвета до темно-каштанового. Жирный люстраж охватывает всю поверхность предмета. На некоторых предметах есть неглубокие патинизированные лунки. Средняя толщина патины 0,5 мм (7 экз.); 3-я — патина от темно-умбрового цвета до коричневого, с люстражем. В целом преобладает

Таблица 1

Коллекция сплошного сбора (с 1 м²)

Уровень патин. кремн. известняка	1	2	3					Всего
Количество	9	2	1					12
Уровни патин. кварцита	1	2	3	4	5			Всего
Количество	—	—	—	—	—			—
Уровни патин. кремня	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Количество	1	1	4	22	52	21	3	104

темный цвет, подчеркиваемый черными сконцентрированными точками, покрывающими большую часть поверхности предмета (29 экз.); 4-я — патина от темно-бурого до светло-коричневого цвета с многочисленными вкраплениями желтых пятен, с жирным люстражем. Черные точки сильно сконцентрированы, покрывают отдельные участки поверхности предмета (96 экз.); 5-я — патина от табачно-бурого до темно-охристого цвета, с жирным люстражем. Черные точки слабо сконцентрированы, распространены на всей поверхности предмета (206 экз.); 6-я — патина от бледно-бурого до буро-желтоватого цвета. Неяркий жирный люстраж. Несконцентрированные черные точки покрывают участки поверхности предмета (178 экз.); 7-я — патина от бежевого до бледно-охристого цвета (36 экз.); 8-я — патина от бледно-серого до белесовато-охристого цвета (1 экз.). Группы уровней патинизации 6, 7 и 8 сохраняют в основе своей естественный цвет сырья.

Нужно отметить, что на плоскостях предметов, соприкасающихся с поверхностью земли, отпечатались следы, возможно, органического происхождения. Подобное наблюдается на артефактах уровней патинизации 1—4.

Таким образом, при предлагаемом выделении неолитического материала были определены в первую очередь уровни артефактов, в том числе группы, содержащие орудия — наконечники, и в частности наконечники стрел, которые являются одной из существенных категорий инвентаря для стоянок эпохи неолита [22, с. 557; 23, с. 218—224; 24, с. 299—305; 25, с. 133, 135; 26, с. 149]. Эти орудия представлены на всех пяти уровнях патинизации кварцитного сырья и среди пяти групп кремневого инвентаря — с 3-й по 7-ю. Для подтверждения неолитического происхождения этих орудий в данном регионе автор опирался на аналогичные наконечники и наконечники стрел, опубликованные в литературе или хранящиеся в музеях и уже достоверно определенные как относящиеся к эпохе неолита Аравийского полуострова.

Сравнение уровней патинизации в индустрии кремня «Коллекции образцов» показывает сходство в общих чертах с уровнями патинизации кварцита: по цвету, люстражу и некоторым другим признакам древности. Сходство обнаруживается среди артефактов и на техническом уровне: в характере вторичной обработки и в типах орудий. Следовательно, кремневой инвентарь (уровни патинизации 3—7) и кварцитовые артефакты являются инвентарем одного исторического периода с выразительными наконечниками и, конкретно, наконечниками стрел.

«Коллекция сплошного сбора (с 1 м²)».

Степень сохранности поверхности артефактов «Коллекции сплошного сбора (с 1 м²)» описана по шкале уровней патинизации, разработанной на основе «Коллекции образцов» (табл. 1).

Каждый уровень патинизации отражает одну ступень последовательности существования материала в виде групп артефактов. Группы, относимые к неолиту, условно обозначены автором как А, Б, В, Г, Д. А соответствует группе 3 патины кремня и группе 1 патины кварцита; Б — группе 4 патины кремня и группе 2 патины кварцита; В — группе 5 патины кремня и группе 3 патины кварцита;

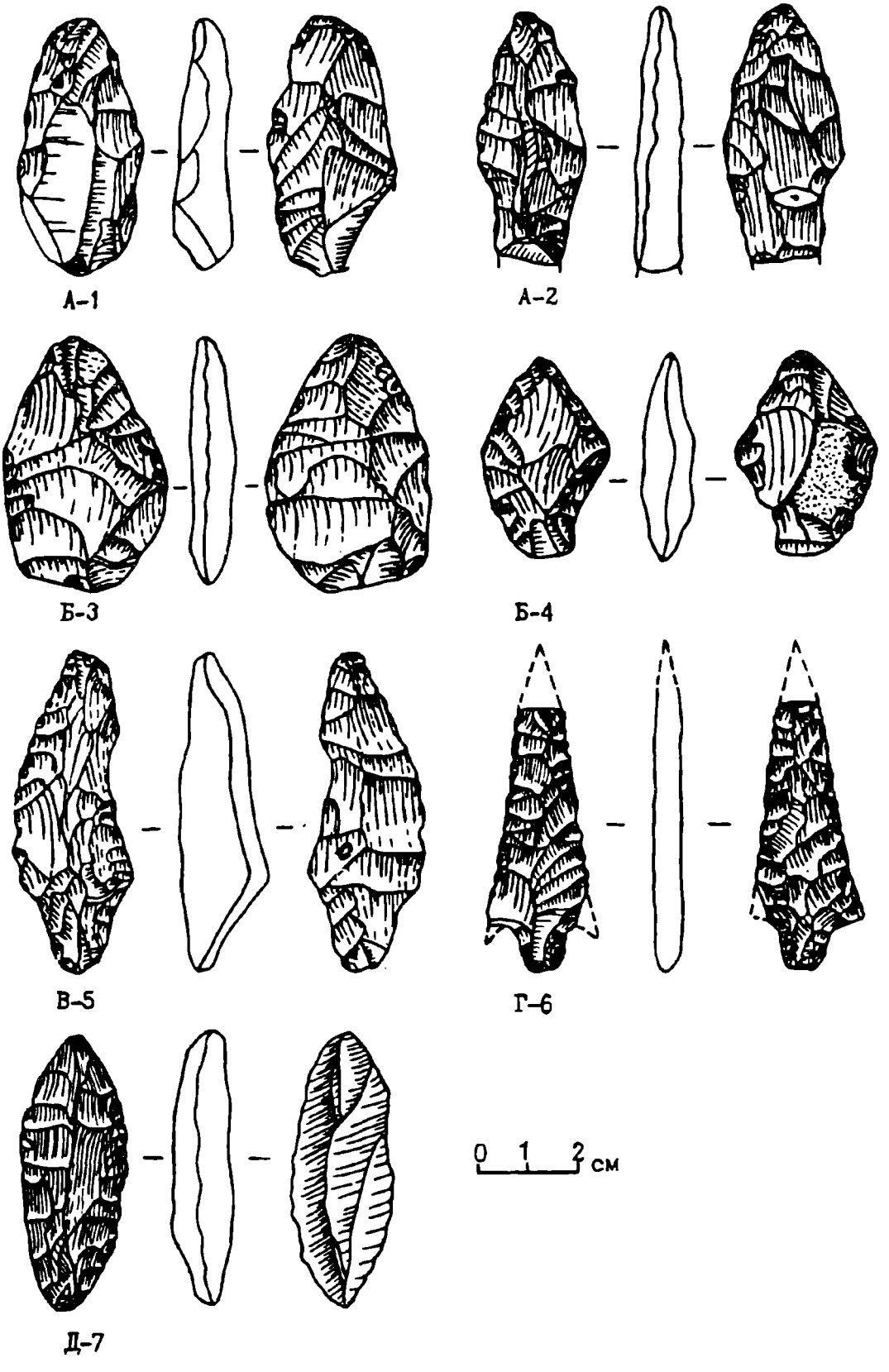


Рис. 1. Местонахождение Тараф-аль-Айн 4. Наконечники и наконечники стрел

Таблица 2

Уровни патинизации эпохи неолита для Тараф-аль-Айн 4

Группы	Цвет патин кварцита	Цвет патин кремня
А	От темно-умбрового до коричневого	От темно-умбрового до коричневого
Б	От темно-бурого до светло-коричневого	От темно-бурого до светло-коричневого
В	От табачно-бурого до темно-охристого	От табачно-бурого до темно-охристого
Г	От бледно-бурого до желтовато-охристого	От бледно-бурого до охристого
Д	От темно-кремового до светло-охристого	От бежевого до бледно-охристого

Г — группе 6 патины кремня и группе 4 патины кварцита; Д — группе 7 патины кремня и группе 5 патины кварцита; группа 8 патины кремня представлена всего лишь одним артефактом, который является невыразительным для археологического датирования.

Инвентарь группы А. Это нижняя граница существования неолитического материала для местонахождения Тараф-аль-Айн 4. Она включает двусторонне обработанные наконечники (рис. 1, *А-1*). Спинка уплощена двумя продольными снятиями. Сечение близко к линзовидному. Размеры: 5,2 × 2,5 × 1 см. Патина этой группы орудий схожа с патиной неолитического наконечника стрелы, находящегося в коллекции Национального Музея в Адене, из материалов французской экспедиции 1984 г., из провинции Шабва, что примерно в 100 км на юго-запад от местонахождения Тараф-аль-Айн 4 (рис. 1, *А-2*).

Инвентарь группы Б имеет наконечники (рис. 1. *Б-3*) и наконечники стрел (рис. 1, *Б-4*). Наконечник уплощен с двух сторон. Обработка выполнена отжимной техникой. Размеры: 5,1 × 3,2 × 0,7 см. Изделие аналогично неолитическим орудиям, обнаруженным в районе Шаруры [6, с. 21, рис. 1, *Д*] и в Восточной Аравии [1, рис. 28, 32 *в*, 46, 53, 54].

Наконечник стрелы имеет форму, близкую к ромбовидной. Вторичная обработка на брюшке сплошная, а на спинке — по краям. Сечение близко к линзовидному. Размеры: 4,2 × 2,5 × 0,9 см . Это орудие схоже с ромбовидными типами наконечников стрел неолитического периода, которые обнаружены в Шокат-эль-Харита в юго-западной части Руб-эль-Хали в местонахождениях А и Б [27, с. 134, рис. 3, *i, d*] и в районе Шаруры [6, с. 21, 22, рис. 1, *m*, 2, *k*].

Инвентарь группы В имеет трехгранные наконечники стрел с черешком (рис. 1, *В-5*). Вторичная обработка сплошная на брюшке и спинке. Сечение треугольное. Размеры: 6,3 × 2,3 × 1,8 см. Он схож с неолитическими наконечниками стрел, обнаруженными в Восточной Аравии, в Катаре [1, рис. 18, 24—27; 28, с. 235, рис. 1, *1, 4*].

Инвентарь группы Г включает черешковые наконечники стрел с линзовидным сечением, обработанные двусторонней ретушью. Размеры: 5,5 × 2 × 0,5 см. Плечики, шипы и конец пера обломаны. Восстановление формы плечиков затруднено (рис. 1, *Г-6*). Оба гипотетичных варианта, изображенные на рисунке, вполне характерны для неолитических наконечников стрел пустынной части Аравийского полуострова [29, с. 109—124], в Восточной Аравии [1, рис. 17, 28, 33, 47, 48, 55, 56], в Южной Аравии, в Шокат-эль-Харита [27, с. 135, рис. *4в*], также в Рамлат-эс-Саб'атейн, на юго-западе от центра Аль-Абр [30, с. 13, 14, рис. 9, *1, 5*], в районе Шаруры [6, с. 21, рис. 1, *k, l, n*; с. 22, рис. 2, *l*], в Вади Эд-Давасир, на юго-западе Руб-эль-Хали [31, с. 93, рис. 2].

Инвентарь группы Д — это верхний уровень патинизации неолитического материала местонахождения Тараф-аль-Айн 4. Имеющееся в коллекции орудие незакончено. Оно односторонне обработано, ретушь наносилась от краев к центру, вследствие чего образовалось небольшое ребро по центру предмета. Сечение его близко к треугольному. Размеры: 5,6 × 2,1 × 1,1 см (рис. 1 , *Д-7*). Этот предмет

находит аналогию среди орудий, обнаруженных в районе Шаруры [6, с. 22, рис. 2, *f*].

Неолитический материал Тараф-аль-Айн 4 разделяется на пять хронологических групп по уровням патинизации (табл. 2).

Изучение каменного инвентаря и его патины указывает на наличие вторичного использования и позволяет разделить материал на ряд групп в относительной хронологии, где последовательность существования инвентарей коррелируется уровнями патинизации. По технико-типологическому анализу можно судить об уровне развития выделенных индустрий.

Таким образом, исходя из поставленной перед автором задачи — выделить неолитический инвентарь из смешанных комплексов, по патине типичных наконечников и наконечников стрел были определены артефакты неолитической эпохи, а разная интенсивность их патин определила ее рамки.

Предложенная шкала уровней патинизации может расширяться за счет появления новых групп как внутри неолитического периода, так и в рамках других, более древних периодов каменного века Южной Аравии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kapel H.* Atlas of the stone-age cultures of Qatar. Denmark: Jutland archeological society publications, 1967. V. VI.
2. *Амирханов Х. А.* Памятники древнейшего прошлого Южной Аравии//ВИ. 1986. № 11.
3. *Амирханов Х. А.* К характеристике ашеля Южной Аравии//СА. 1987. № 4.
4. *Амирханов Х. А.* На земле древней Аравии//Наука и жизнь. 1983. № 11.
5. *Field H.* New Stone Age Sites in Arabian peninsula. Man, september, 1955.
6. *Smith E. L.* The neolithic collection from Saudi Arabia. Man, febriary, 1962.
7. *Zorins J., Whalen N., Ibrahim M., Majid Khan.* Preliminary Report on the central and south-western provinces servey, 1979//Atlal. 1980. V. 4.
8. *Амирханов Х. А.* Отчет об археологических разведках в составе СОЙКЭ. 1988.
9. *Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем//МИА. 1971. № 6.
10. *Паничкина М. З.* Шельский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар//МИА. 1953. № 39.
11. *Коробков И. И.* Новые палеолитические находки на Яштухе// СА. 1965. № 3.
12. *Коробков И. И.* Новые палеолитические находки на Яштухе//СА. 1967. № 4.
13. *Любин В. П.* Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии//МИА. 1960. № 79.
14. *Медведев Г. И.* Палеолит Южного Приангарья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1983.
15. *Мочанов Ю. А.* Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человека//Археология Якутии. Якутск, 1968.
16. *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии//ИАК АН СССР. Сухуми, 1937.
17. *Замятнин С. Н.* Находки нижнего палеолита в Армении//Изв. АН АрмССР. 1947. № 1.
18. *Arensburg B., Bar-Yosef O.* Jacimento paleolitico en el vallee de Refaim, Jerusalen//Amprias. 1967. V. 29.
19. *Lindner H.* Uber die Patina altsteincitlicher Artefakte//Quartär. 1964—1965. Bd 15—16.
20. *Ковнурко Г. М.* К изучению свойств кремня//КСИА. 1962. № 92.
21. *Parr P. J., Adams R. M., Muhannad Ibrahim, Ali S. al-Mughannum.* The preliminary report on the first phase of comprehensive archaelogical surie program//Atlal. 1977. V. 1.
22. *Обермайер Г.* Доисторический человек//СПб., 1913.
23. *Гурина Н. Н.* Неолитическое поселение Борань//МИА. 1960. № 79.
24. *Федоров В. В.* Плехановская стоянка (по материалам Музея антропологии и этнографии АН СССР)//МИА. 1953. № 39.
25. *Бромлей Ю. В., Першиц А. И., Шнирельман В. А.* Эпоха первобытной родовой общины. Москва, 1986.
26. *Козырева Р. В.* Типы кремневых наконечников стрел на стоянках эпохи неолита — раннего металла Северо-Запада европейской части СССР//Палеолит и неолит. Л., 1986.
27. *Zeuner F. E.* «Neolithic» sites from Rub-al-Khali, Southern Arabia//Man september, 1954.
28. *Inizan M.-L.* Sur les industries a'lames de Qatar//Paleorient. 1980. V. 6.
29. *Edens C.* Towards a definition of the western ar-Rub-al-Khali «neolithic»//Atlal. 1982. V. 6.
30. *Di Mario F.* The western ar-Rub-al-Khali «neolithic»: New data from the Ramlat Sab'atayn//Annali Instituto Universitario Orientale. Napoli. In press.
31. *Field H.* Stone implements from the Rub-al-Khali, Southern Arabia//Man, June, 1958.

Йеменская республика,
г. Санаа

A. R. ABDARRAZAK

ON THE PATINIZATION OF THE NEOLITHIC TOOLS FROM THE SOUTH ARABIA
(the materials of al-Abr region)

Summary

The analysis of the patinization of stone artefacts from the open sites of South Arabia (Al-Abr region) is presented. It was studied together with the differentiated technical and typological characteristics, which are the real criteria for distinguishing the Neolithic tools in the mixed collections. Some artefacts, in particular, the arrowheads, are the basis for distinguishing the Neolithic epoch. The degree of patinization is correlated with the datings of the finds. The suggested scale of patinization was worked out basing on the materials of the site of Tarafa-al-Ain 4. Five degrees of patinization were outlined for the Neolithic materials. This scale can be worked in more detailed way after study of some new patinization groups for the Neolithic as well as for other earlier periods of the Stone Age.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛЕВКОНА I

Левкон, сын Сатира, посвятил Фебу Аполлону «что в Лабрите» статую, на базе которой сообщил об этом (рис. 1). Часть этого постамента была найдена 10 ноября 1985 г. возле окраины Семибратнего городища, расположенного на левой террасе р. Кубань в 35 км от г. Анапы, древней Горгиппии. Камень обнаружил известный краевед А. С. Корытин, инспектор районного отделения ВООПиК, производивший осмотр древних руин [1]. Обломок находился в куче камней, вывороченных трактором при вспашке поля, примыкавшего к западной границе городища. Ныне находка хранится в Историко-археологическом музее г. Анапы (инв. № КМ-8316).

Постамент, изготовленный из мелкозернистого керченского известняка, был украшен сверху и снизу выступающим профилированным карнизом. Верхняя, лицевая и боковые поверхности базы отполированы одинаково ровно, но местами остались небольшие раковистые выщербины. Высота постамента — 0,275, несущая текст боковая сторона сохранилась в ширину на 0,315 м. Значительная часть плиты была отбита еще в давние времена, судя по патине на изломе. Но правый верхний угол боковой стороны с надписью отбит лишь недавно, как показывает его свежий скол. Новое повреждение унесло не менее трех букв от первой и второй строк текста. Две новые царапины появились в средней части надписи.

Сохранившиеся части орнамента базы отличаются совершенством линий, что говорит о незаурядном мастерстве создававшего ее каменотеса. Столь же качественна и обработка ее верхней горизонтальной плоскости, в которой сделана прямоугольная выемка глубиной до 0,15 м. Стенки выемки строго вертикальны. Ее очертания в плане параллельны краям базы, отступая от них на 0,11 и 0,12 м.

Надпись в семь строк (рис. 2) вырезана на боковой стороне постамента [2]. Ровные и не очень глубокие линии букв тщательно нанесены тонким острием. Начальные знаки строк поставлены один под другим, так что слева от текста соблюдено ровное поле шириною в 0,011—0,012 м.

Первые две строки исполнены более четко: свободнее поставленные буквы здесь чуть выше и шире, чем в строках 3—7. Однако разница работы не очень велика. К тому же строки 6 и 7 вычерчены на участке плиты, где осталось наибольшее количество выщербинок, не сглаженных обработкой. Характер шрифта изучаемой надписи (правильно очерченные знаки сильно разнятся размерами: основная масса букв имеет высоту в 0,011—0,012, тогда как омега, омикрон и тэта — лишь 0,005—0,006 м) в основном отвечает характеристике письма лапидарных текстов времени Левкона I (390—351 гг.), которую предложили А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович [1, с. 12, табл. 2, *1*]. Все же можно заметить, что иные буквы публикуемого посвящения Левкона несколько отличаются от аналогичных знаков наиболее ранних текстов времени того

[1] Нашедший надпись А. С. Корытин и исследователь Семибратнего городища проф. Н. В. Анфимов публикацию памятника поручили мне, за что приношу им мою глубокую признательность.

[2] Аналогичное расположение текста известно в посвящении Демофонта времени Левкона I (КБН, № 1037) и встречено на некоторых постаментах с посвящениями богам при Перисаде I (КБН, №№ 971, 972, 1039).

© Т. В. Блаватская, 1993 г.

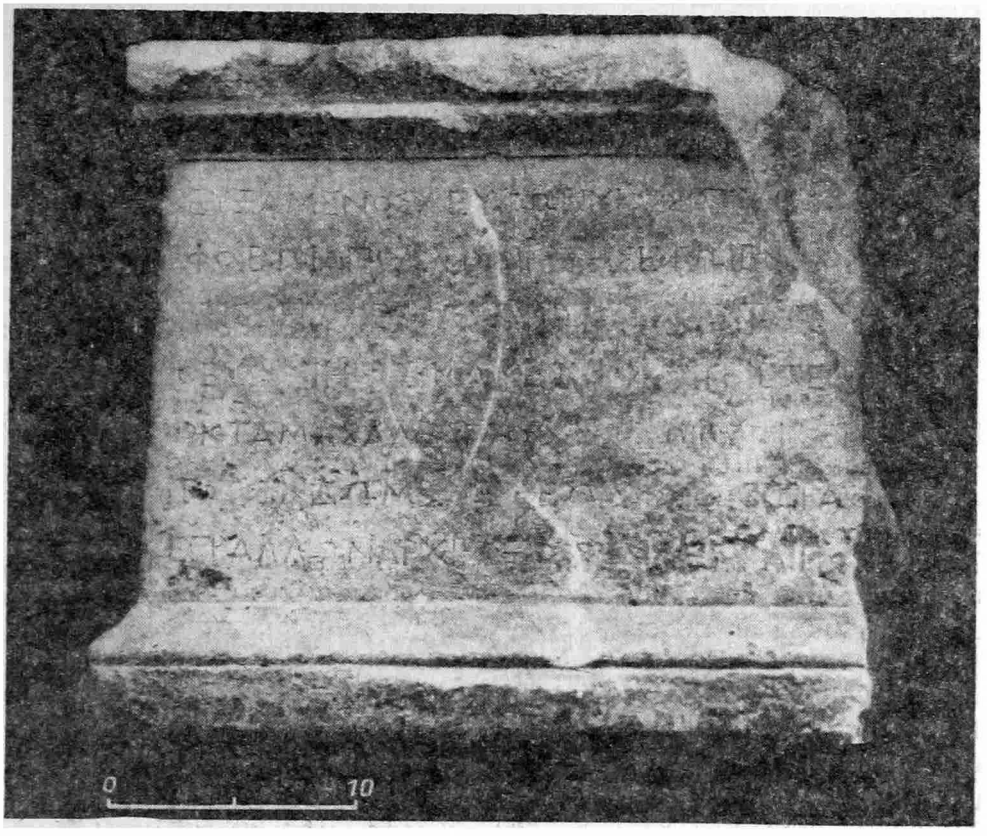


Рис. 1. База статуи с надписью Левкона I

же династа. К сожалению, мне неизвестен подлинный шрифт текста КБН, № 1111, поставленного Демархом при Левконе, архонте Боспора и Феодосии. Однако, судя по прорисовке Л. Е. Стефани, повторенной В. В. Латышевым (IOSPE, II, № 343), гравер этого текста резал знаки омикрона размером, почти одинаковым с высотою других букв. Гораздо определеннее можно говорить об отличиях шрифта нового памятника от письма лапидарных текстов, именующих Левкона архонтом и царем — КБН, № 8, 1037 и 1038. Гравер публикуемого посвящения Левкона чертил некоторые знаки в более архаичной манере, чем исполнители трех указанных надписей [3]. Например, в новом тексте буква ню имеет иногда легкий наклон правой вертикали, а эпсилон примечателен наклоном всех трех горизонтальных элементов (особенно в строке 5). Более консервативны не только очертания омеги [4], но и постановка этого знака почти посередине строки [5]. Также восходят к традициям боспорской орфографии предшествующего столетия мелкие размеры омикрона и тэты и расположение их таким образом, чтобы центр кружка каждого знака приходился на воображаемую срединную горизонтальную ось строки. Поэтому обе буквы оказывались сильно поднятыми над низом строки [6]. Вместе с тем исполнитель посвящения Левкона чертил мю с менее наклонными боковыми линиями, чем граверы более поздних текстов

[3] См. фото посвящения Креусы (КБН, № 8) [1, с. 13, рис. 4]. Шрифт КБН, № 1037 и 1038 воспроизвел в прориси (посвящение Демофонта) и в фото (посвящение Федима) Ю. Ю. Марти [2, с. 58, рис. 1, 2].

[4] Ее написание весьма близко к рисунку омеги на пантикапейском надгробии Евалкида конца V в. (КБН, № 152 = I, с. 7, рис. 3).

[5] Уже в посвящении Федима (КБН, № 1038) гравер ставил омегу прямо на нижнюю линейку строки.

[6] Такая же манера у резчика текста надгробия V в. для Харсенака [3, с. 13, № 5, рис. 5].

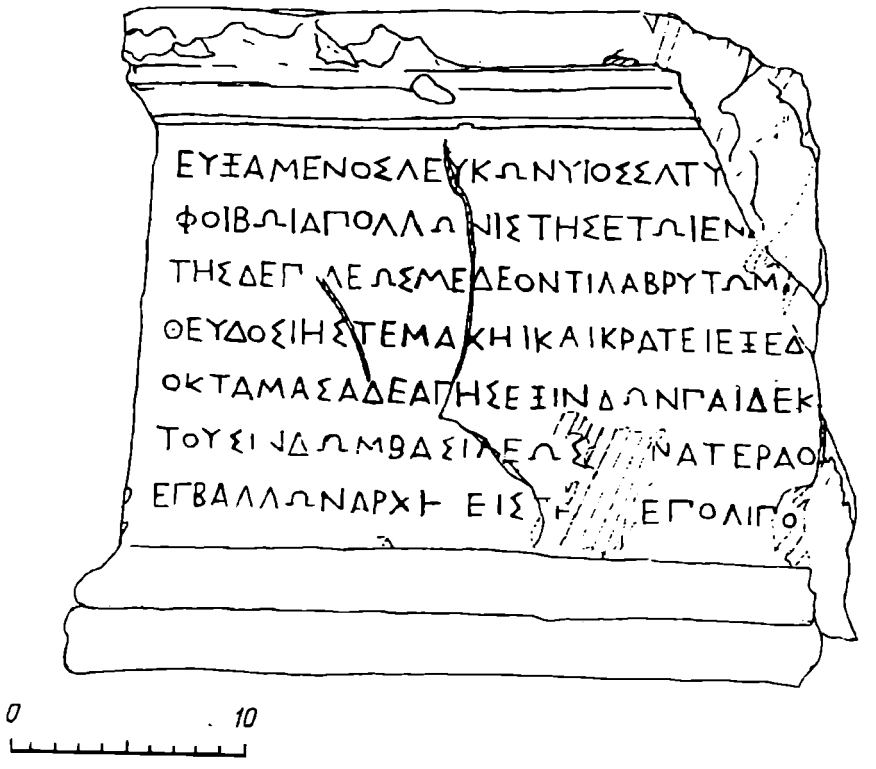


Рис. 2. Прорись посвятительного текста

Креусы и Федима [7]. Видимо, этот боспорский гравер, соблюдая главные направления лапидарной каллиграфии того времени, позволял себе в деталях следовать собственным вкусам [8]. Мастер изучаемого памятника уже применял легкую орнаментацию знаков: он немного утолщал концы буквы или высекал к ним небольшие перпендикулярные черточки. Такие детали свойственны лапидарной каллиграфии первой половины IV в. до н. э. Тщательнее украшены буквы строк 1 и 2, поставленные к тому же более свободно. В строках 3—7 вырезка букв более сжатая и элементы их украшений выражены слабее. Отмеченные особенности шрифта изучаемой надписи позволяют отнести ее к первой четверти IV в. до н. э.

Стихотворное посвящение расположено так, что каждый гекзаметр занимает отдельную строчку. В утраченных частях стихов могло быть от 6 до 10 знаков. Предлагаемые восстановления концов строк продиктованы необходимостью согласовывать метрические соображения с общим смыслом надписи. Поэтому, приводя транскрипцию — см. рис. 3 на с. 37, я вполне допускаю неизбежность сомнений в чтении отдельных мест.

Перевод: Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт Фебу Аполлону поставил, тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: «Уводи к себе от Синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя Синдов — ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего [поражения (?)]».

Строка 1. Дополнение ἀρχῶν, согласуемое с именем Левкона, представляется наиболее убедительным: ниже, в строке 4, говорится о завершенном завоевании Феодосии, при осаде которой, как известно, умер Сатир (Hagrocrat s. v.

[7] Особенно показателен почерк исполнителя посвящения Федима, которое относится ко второй половине правления архонта и царя Левкона, судя по хронологической классификации текстов, предложенной В. П. Яйленко: КБН, № 8, 6, 6*а*, 1037, 1038 [4, с. 25, № 18].

[8] Склонность отдельных граверов к некоторой традиционности сказывалась в Афинах даже в 375 г., как показывает шрифт эпитафии керкирян [5, табл. 24, *2*].

Εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο ἄρχων]

Φοίβωι Ἀπόλλωνι στῆσε τῶι ἐν Λ[αβρύτηι.]

Τῆς δὲ πόλεως μεδέοντι Λαβρύτωμ β[οηθῶν ἐπ']

θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξεδ[ήλωσα?]

5. Ὀκταμασάδε(ι). ἄγη σε Ἰνδων παῖδε κ[αὶ λῦε]

τοῦ Σίνδωμ βασιλέως θ[α]νατερὰ ο[ἰκεῖα· ἐχθρὸς μὲν?]

ἐγβάλλων ἀρχὴ[ν] εἰς τὴν ἐπολιγο[δρανίαν?.]

Рис. 3. Транскрипция посвящения

Θευδοσία). Следовательно, Левкон ставил изучаемое посвящение уже будучи архонтом.

Строка 2. В конце строчки, после предлога ἐν ясно заметен нижний конец наклонной черты, возможно остаток альфы или ламбды. Поскольку в строке сохранилось наименование «города лабритян», то допустимо предположить, что святилище Феба Аполлона находилось в этом же городе. Упоминание в фанагорийской надписи от 123 г. н. э. Ἀπόλλων θεὸς ὁ ἐν Διοκλεΐοις (КБН, № 975) представляет полную, хотя и позднюю, аналогию.

Строка 3. Сохранившийся на краю после буквы мю остаток низа вертикальной черты с поворотом ее вправо позволяет ожидать здесь бету или эпсилон. Уподобление конечной согласной в предшествующем слове Λαβρύτων бесспорно указывает на чтение здесь беты. Наиболее подходящим восстановлением считаю одну из форм βοιηθέω. Употребление этого глагола естественно в тексте о взаимоотношениях двух династов. Метрическим требованиям данное дополнение отвечает вполне, поскольку в этом глаголе дифтонг οι, утеряв, согласно правилу[9], в написании свою иоту перед гласной, в произношении мог сохранять долготу. Апокопэ в предлоге ἐπί допущено на основании практики эпического языка, в котором усечение конечного гласного перед начальным согласным встречается неоднократно См. так же с. 46 *Дополнение.*

Строка 4. Сохранившиеся буквы ἐξεδ... делают наиболее достоверным чтение ἐξεδ[ήλωσα], которое согласуется не только с метрическими нормами, но и с характером рассказа Левкона о его отношениях с владыкой города лабритян. Надлежит отметить употребление аористической формы от ἐκδ[ηλόω] — не говорит ли она о том, что Левкон что-то посоветовал Октамасаду один раз и в довольно категоричной форме? В эпическом языке τὸ κράτος имеет значение «победа», которая в изучаемом тексте гармонично согласуется с предшествующим словом.

Строка 5. Орфография имени Октамасад во времена Левкона вероятно подчинялась тем же правилам, что и написание имени Перисада I (347—310 гг.). Б. Н. Граков, исследуя грамматическую историю имени Παιρισάδης, отметил, что в более ранних надписях оно изменяется по 3-му склонению [7, с. 260]. Поэтому в изучаемом тексте написание Ὀκταμασάδε должно быть понято как Ὀκταμασάδει — форма дательного падежа, утерявшего, согласно правилу, перед следующей альфой свою иоту[10]. Такое упрощение известно с давних времен,

[9] Аттические тексты свидетельствуют о частом выпадении иоты в дифтонге *οι* перед гласными уже с середины V в. до н. э. [6, с. 56—58].

[10] Оба приведенных имени относятся к группе распространенных антропонимов с сигматической основой, например Δημοσθένης, Διομήδης и др.

но особенно оно применялось в IV в. до н. э. в аттических надписях [6, с. 40—44].

Слово ἄ̓γῃ следует понимать как форму 2-го лица медиального конъюнктива, флексия которого утеряла иоту, согласно тенденции к сокращению ее в восточноионийском диалекте. Данное явление известно на Боспоре уже в V в. до н. э., как отметил при анализе КБН, № 939 В. П. Яйленко [4, с. 74, № 120]. Применение Conjunctivus hortativus Med. в обращении Левкона к Октамасаду вполне допустимо.

Конец строки 5 поддается лишь предварительному дополнению. По смыслу допустимо предположить здесь причастие эпического глагола κεραΐζω — разрушать. Но более возможны Con. Hortat. Med. или даже Imperat. Praes. Act. от любого глагола, означающего прекращение или разрыв. По метрическим соображениям хорошо вписываются слова κ[αὶ λύηι] или κ[αὶ λῦε].

Строка 6. В слове Σίνδων конечное ню перед бетой по правилу уподобления так же, как и в строке 3, передано буквой мю. Прилагательное Θανατερός, ά, όν представляется наиболее вероятным чтением слова, от начального знака которого сохранилась лишь нижняя часть кружка, а второй знак почти полностью утрачен. Если предлагаемое чтение данного слова допустимо, то следует отметить ошибочное написание эпсилона вместо эты, хотя в гомеровском языке употребление краткой гласной вместо долгой было весьма распространенным явлением. Менее вероятно видеть здесь имя собственное типа Θανάτερας, — αο, склоняемое по образцу Μίδας (КБН, № 228 — надгробие начала IV в. до н. э., Пантикапей). Зловещее значение такого имени не отвечает смыслу большинства варварских династических имен, обычно провозглашавшему доблесть, знатность и другие положительные понятия. За θ[α]νατερά стояло определяемое им существительное, которое соответственно должно быть именем среднего рода, поставленным в винительном падеже множественного числа. От этого слова остался начальный омикрон и, судя по контексту, здесь допустимо читать τὸ οἰκεῖον, которым обозначали родственные или дружеские связи. Если признать правдоподобным восстановление ο[ἰκεῖα], то за ним следует ожидать слово, объясняющее отрицательное отношение к царю синдов и связующее смысл обоих последних стихов. Требования метра и общий контекст позволяют предложить ἐχθρὸς μὲν (при условии синизесы с последним слогом οἰκεῖα). Но я не вполне убеждена в верности такого восстановления.

Строка 7. На поверхности камня здесь остались несглаженными выщербины, что затруднило работу резчика. Он был вынужден оставить промежуток между знаками 19 и 20 и из-за шероховатости плиты резать последующие буквы более толстыми линиями. Щербатость заставила гравера сместить вниз сохранившийся здесь крайний омикрон. Пример консонантизма — ἐγβάλλων — свидетельствует, что переход ἐκ перед бетой в ἐγ, особенно распространенный в Аттике [6, с. 106—109], был приемом уподобления, уже в начале IV в. до н. э. известным боспорянам [11]. Дополнение ἐπολιγο[δρανίαν] предлагаю исходя из общего смысла предшествующих стихов. Известно, что предлог ἐπί в сложных словах означает прибавление: например, ἐπιτρίτος «увеличенный на $^1/_3$», т. е. равный $^4/_3$. Поскольку разбираемому слову предшествует артикль женского рода, постольку следует полагать, что он относится к таковому же существительному, образованному путем его красиса с предшествующим предлогом. Мне представляется, что смыслу, стилю и времени изучаемого текста больше всего отвечает слово ἡ ὀλιγοδρανία «слабость, бессилие» (Aesch., Prom., 548). Это представление идет еще от ахейского эпоса [12] и для боспорского поэта, несомненно впитавшего богатую лексику героических былин Эллады, было естественным обращение

[11] В боспорских надписях данный вариант перехода согласных, видимо, встречен впервые, так как А. И. Доватур его не упоминает [8, с. 807—808].

[12] Причастие от глагола ὀλιγοδρανέω «быть немощным» означает даже «тяжело пораженный» [II, XXII, 337].

именно к языку эпоса для описания глубины бедствия. Созданный автором посвятительной эпиграммы неологизм ἐπ̓ὀλιγοδρανία «полное бессилие» или «тяжелейшая немощь» вполне согласуется с задачей выразить пренебрежение Левкона к царю Синдов, союз с которым несет Октамасаду вред.

Изучаемый памятник представляет интересные данные по развитию языка и литературы боспорян в начале IV в. до н. э. Автор эпиграммы изложил свои мысли сжато, но выразительно. Он употреблял грамматические и лексические формы не только старинного образца, наиболее отвечавшие шестистопному размеру стиха, как например эпическое μεδέων. В его языке встречены лингвистические приемы (уподобление, смешение, выпадение иоты в дифтонге, упрощение), которые были распространены в документальных текстах конца V—IV в. до н. э. Аттики и других областей Эллады. Эти особенности показывают, что поэт, сочинявший для Левкона посвящение, и, следовательно, вхожий в высший круг боспорского общества, знал современные ему тенденции развития языка. Даже в орфографии, если верно предлагаемое толкование слова ἄγη(ι), этот боспорский писатель следовал новым правилам [13]. Составитель эпиграммы обладал тонким пониманием законов словообразования. Созданный им неологизм ἐπ̓ὀλιγο[δρανία] показывает, что он смог удачно трансформировать уже существовавший термин ὀλιγοδρανία. Это лексическое нововведение указывает на активное творчество поэта.

Гравер посвящения Левкона был незаурядным мастером. Несмотря на неровности писчего поля, местами почти неодолимые, он твердой рукой выводил четкие линии знаков [14]. Очертания букв полностью отвечают правилам боспорской каллиграфии того времени, хотя исполнение надписи лишено особого стремления к художественности. Заслуживает внимания точный расчет гравера при работе на выщербленном пространстве для двух нижних строк. Надлежит отметить высокую грамотность резчика: можно указать лишь колебания в написании этнонима Ξίνδων и Σίνδων (строки 5 и 6), видимо, обусловленные тем, что тогда и на Боспоре иногда имели место случаи передачи σ посредством ξ, преимущественно известные по наблюдению К. Мейстерханса, в аттических текстах [15]. Поэтому данный случай консонантизма, впервые встреченный в надписях Боспора, нельзя считать ошибкой. Правда, употребление эпсилона вместо эты в слове θανατερά должно объяснить опиской.

Несмотря на поврежденное состояние, публикуемый текст является важным документом: он сообщает о неизвестных доселе событиях истории Боспора в 390—380-х гг. и позволяет лучше понять данные других источников.

Вне всякого сомнения посвятителем статуи был Левкон I, сын Сатира I, из рода Спартокидов. Новый текст является десятым эпиграфическим документом, упоминающим его имя, и первым известным лапидарным памятником, поставленным от лица самого Левкона. Восстановление ἄρχων в конце строки 1 вполне подходит по количеству букв и по смыслу. Краткость титула была обусловлена не только требованиями метрического характера. Может быть, сыновья—наследники Сатира I еще не определили точно, какой территорией каждый будет управлять [4, с. 26]. Возможно также, что во время исполнения обета Фебу вопрос об изменении титула боспорского правителя еще не был решен и по старой традиции Левкон именовался толко архонтом. Такое отсутствие полной формулы наименования династа (IOSPE, II, № 313—КБН, № 1111) позволяет поставить новую надпись в число самых ранних текстов времени Левкона I. Допустимо считать ее предшествующей посвящению Демарха (КБН, № 1111),

---

[13] В V в. до н. э. в Нимфее флексию конъюктива боспоряне писали уже как η без иоты [4, с. 74, № 120].

[14]

[15] Отметим безупречный кружок омикрона, нанесенный на глубокую щербину в начале строки 6.

До 410 г. в аттической орфографии господствовало написание ξυν, позднее оттесненное формой συν[6, с. 220]. Но и в середине IV в. до н. э. там иногда писали сигму вместо кси [6, с. 92].

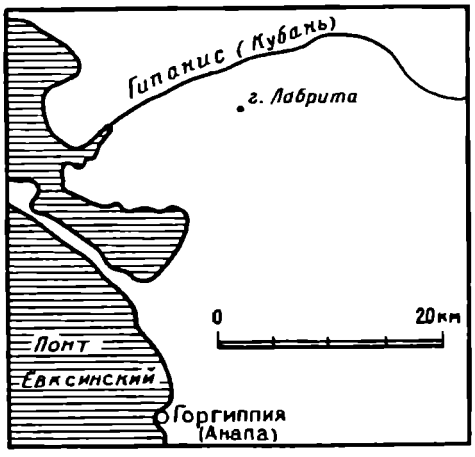


Рис. 4. Схема расположения Лабриты и Горгиппии

а также текста Фениппа [9, с. 62]. Отмеченные выше особенности шрифта изучаемого текста вполне отвечают данному предположению. Вместе с тем указание на овладение Феодосией позволяет думать, что Левкон лишь недавно завершил войну с этим полисом, при осаде которого в 390 г. [10, с. 288] умер Сатир (Hagrocrat., s. v. Θευδοσία). Поэтому будет наиболее осторожным признать, что прибытие Левкона I в город Прикубанья могло иметь место через полгода или год после взятия Феодосии, наиболее вероятно в 389 г.

Попутно заметим, что развернутое упоминание о феодосийской войне в новом документе отражает неведомый еще аспект значения победы Левкона I над ранее независимой Феодосией. Весомость победы была известна давно по сведениям нескольких античных писателей [11, с. 76—79]. Однако новым является тот факт, что Левкон I торжественно подчеркнул установление своего господства над отдаленной Феодосией [16] именно в землях Нижнего Прикубанья. Правда, город со святилищем Феба Аполлона находился по прямой лишь в 70—75 км от восточного берега Боспора Киммерийского. Еще ближе было к Понту Евксинскому — по древнему судоходному рукаву Гипаниса насчитывалось лишь 30—35 км до моря (рис. 4). По-видимому, архонт Боспора счел необходимым официально возвестить здесь о своей важной победе, полагая это полезным интересам Боспора.

Прибытие самого Левкона в центр какого-то местного царства показывает, что позиции Боспора в отношениях с племенным миром низовьев Гипаниса были и тогда не особенно устойчивыми [17]. По-видимому, архонт совершил эту поездку довольно скоро после овладения Феодосией. Визит его имел дружественный и благовидный предлог: гость вез, во исполнение своего обета, статую в местный храм Феба Аполлона.

Изучаемый текст впервые сообщает название города, который посетил глава Боспора. В строке 2 бог именуется «Феб Аполлон, тот что в Л.....», в следующем же стихе упомянут «владыка города лабритян». Эти указания дают основание восстанавливать наименование города как η Λάβρυς, υτος. Возможно, что основа этого топонима восходила к тому же корню, что и эпическое прилагательное λάβρος, ον — порывистый, необузданный,— которое часто прилагалось к воде или к ветру.

[16] Стоящий в строке 4 термин «победа» указывает на полное овладение Феодосией уже в начале правления Левкона. Эта формулировка лишает основания предположение С. М. Бурштейна о завоевании Феодосии где-то между 370 и 354 гг. [12, с. 416].

[17] О войне против Боспора мощной меото-синдской коалиции в последние годы правления Сатира I подробно сообщил Полиен (VIII, 55). Еще М. И. Ростовцев определил, что в основе рассказа этого автора лежал обстоятельный боспорский источник [13, с. 64, 65]. Заметим, что публикуемый документ подтверждает сообщения Полиена не только о контактах Спартокидов с варварскими династами, но и о реальности поездок боспорских династов к синдским царям.

Лабрита была значительным центром [18]. Руины ее под условным наименованием Семибратнее городище Н. В. Анфимов детально исследовал начиная с 1938 г. в течение многих лет [15, с. 258—267; 16, с. 241, 257, 258; 14, с. 64—67]. Раскопки показали, что город возник здесь в конце VI в. до н. э. и просуществовал до III в. н. э., причем особенно интенсивной была его жизнь в V—IV вв. до н. э. Уже в начале V в. до н. э. этот центр был защищен мощной каменной стеной с регулярно поставленными башнями. Н. В. Анфимов указал на сходство строительной техники стен Семибратнего городища и укреплений ряда второстепенных боспорских городов [17, с. 110], что делает несомненным участие боспорских мастеров в возведении стен Лабриты [19]. Естественно, оно определило длительное обитание здесь эллинов. И после окончания строительства стен связи лабритян с боспорянами имели постоянный характер, как показывает не только импорт греческих изделий, но и такое нововведение в ремесле уже в V в. до н. э., как гончарный круг при изготовлении местной керамики [19, с. 191]. Эти данные позволили Н. В. Анфимову аргументированно подчеркивать сильную эллинизацию изучаемого им центра.

Процесс шел длительное время и, вероятно, уже в его начальном периоде в Лабрите установилась взаимная веротерпимость и даже взаимовлияния культов коренного населения и прибывавших сюда боспорян, подобно ситуации в городе будинов (Herod., IV, 108, 109). Можно думать, что уже первые переселенцы-боспоряне заботились о почитании своих богов и что возникновение святилища Феба Аполлона в Лабрите могло восходить даже ко временам сооружения городских стен [20]. Уже в первой половине V в. до н. э. в городе почитались и эллинские богини, как показывают находки терракотовых статуэток [17, с. 103, рис. 43, *б*]. Естественно, что к началу IV в. почитание здесь столь важного олимпийца, каким был сын Зевса и Латоны, достигло большого развития. Новый документ свидетельствует о первостепенном значении храма Феба Аполлона Лабритского. Такое точное обозначение святилища соответствует общегреческой практике выделения важнейших локальных культов. Она была распространена и на Боспоре, как показывают близкий по времени изучаемому документу текст КБН, № 1111 и более поздние надписи (КБН, № 975, 35, 75, 31, 971). Формула титула божества Φοῖβος Ἀπόλλων ὁ ἐν Λ[αβρύτηι] свидетельствует, что данное святилище пользовалось известностью не только в этом городе, но и в прочих городах боспорян. Видимо, синды, составлявшие коренное население города [21], благожелательно относились к популярности культа солярного божества, созвучного их почитанию сил природы. Нужно полагать, что храм Феба служил также важным звеном, связывавшим боспорские и лабритские правящие круги.

Ярким свидетельством традиционно устойчивой близости обеих династий являются предметы роскоши из погребений лабритских династов в ранних Семибратних (Большие IV, II, VI и Малый) курганах, датируемых 480—430 гг. по определению К. С. Горбуновой [20, с. 18—38]. Высокохудожественные изделия греческих торевтов, удовлетворявшие тонким эстетическим запросам синдской знати, несомненно способствовали укреплению авторитета Боспора в глазах его соседей. Росту пробоспорских тенденций в Лабрите способствовал и храм Аполлона:

---

[18] Н. В. Анфимов колебался идентифицировать Семибратнее городище с упоминаемым Страбоном (Strabo. XI, 2, 10) городом Аборакой, полагая, что сначала «надо найти надписи с именем города» [14, с. 64]. Возможно, что за многие столетия Лабрита изменила свое название.

[19] В. Д. Блаватский также отметил близость характера оборонительных сооружений Семибратнего городища принципам фортификаций античных городов [18, с. 216].

[20] До сих пор только один, тоже стихотворный, текст времени Перисада I свидетельствовал о наименовании Феба боспорянами (КБН, № 113). Поэтическая лексика во многом была обусловлена метрическими требованиями. Но следует помнить, что Аполлон имел защитные функции, особенно во вновь возникавших полисах. Например, много позднее в Ольвии в посвящении Аполлону Простату стратеги обращались к богу, именуя его лишь Фебом (IOSPE, I^2, № 175). Можно предполагать, что и в Лабрите бог-лучник считался защитником крепости.

[21] Характер материальной культуры Семибратнего городища, как отметил Н. В. Анфимов, определяет его как сильно эллинизованный синдский город [19, с. 188].

изучаемая надпись показывает, что уже в начале IV в. до н. э. это святилище успешно использовалось боспорской дипломатией. Недаром Левкон I поставил здесь богу столь монументальный дар, как статуя, сопроводив ее текстом рассказа о своих дипломатических маневрах. Видимо, архонт считал необходимым сохранить на памятнике сведения о его деятельности во время посещения Лабриты [22].

Строки 3—7 нового документа доставляют факты, рисующие сложность ситуации в юго-западных землях Нижнего Прикубанья.

Только теперь стало точно известно, что Лабрита являлась стольным градом обособленного царства. Небольшие размеры города, достигавшего лишь 9 га [21, с. 49], вполне гармонируют с выражением боспорского поэта о местном династе как ὁ τῆς δὲ πόλεως μεδέων. Видимо, стихотворец передал взгляд боспорян, воспринимавших город как основную часть этого варварского царства. Но ограниченные размеры владений лабритской династии вполне уравновешивались значением их столицы, которая была, по определению Н. В. Анфимова, важным торговым и стратегическим пунктом, контролирующим сообщения бассейна огромной реки с морем при выходе Гипаниса в широкую дельту (рис. 4). Бесспорно, верхи Боспора, учитывая значение Лабриты, на протяжении многих десятков лет заботились о дружественных связях с ее правителями. Уже в начале V в. до н. э. боспоряне стали содействовать обороноспособности Лабриты, как показывает эллинская техническая помощь при возведении там крепостных стен. Естественное стремление князей небольшого синдского племени защитить свой военно-административный центр от частых в варварском мире нападений соседей имело результатом не только превращение городка в неприступную крепость [23]. Всем ходом событий лабритская аристократия вступала во все более тесные контакты с боспорянами, что неминуемо вызвало обособление этого небольшого царства от огромного массива остальных синдских племен. Опасность нападения соседних мощных племен [24], расширение повседневной торговли с боспорянами, давние контакты с ближними приморскими городами и поселками эллинов [25] — все эти факторы должны были содействовать усилению боспорского влияния в Лабрите.

Новый документ свидетельствует о несомненных успехах активной политики Боспора уже к концу V в. до н. э. Бросается в глаза покровительственный тон при изложении переговоров Левкона с царем Октамасадом. Конечно, изучаемый источник говорит поэтической речью, содержащей многие вольности. Но это посвящение осталось стоять в Лабрите и его читали многие поколения греко-язычных горожан, эллинов и части синдов. Следовательно, Левкон по приезде сюда устроил боспорские дела так, что верховенство архонта Боспора (после какого-то периода колебания — об этом ниже) приобрело достаточно незыблемый характер.

Чрезвычайно важно, что в надписи названо имя царя лабритян Октамасада. Этот царский антропоним в силу своей необычности таит возможности самых различных толкований. Однако главным и бесспорным является то, что имя династа уводит исследователя из Синдики в скифо-фракийский мир. По сообщению Геродота (Herod, IV, 80) около середины V в. до н. э. скифами правил царь Октамасад. По матери он был прямым внуком Тереса, могущественного царя фракийского племени одрисов, и соответственно родным племянником сыновей

---

[22] Не исключена возможность того, что Левкон уже бывал в Лабрите, хотя обет мог быть дан им и заочно. Но статуя, видимо, была доставлена во время его приезда сюда.

[23] Здесь следует отметить ошибочность моего предположения о том, что Семибратнее городище являлось столицей всей Синдики [22, с. 96].

[24] Примечательно, что в 30 км к востоку от Лабриты в V в. до н. э. существовал гораздо более крупный синдский город, также сильно укрепленный — городище у хутора Краснобатарейного [19, с. 189].

[25] Расширению связей синдов с греками служили не только крупные центры, но и множество небольших поселений. Некоторые эмпории, возникавшие еще в VI в. до н. э. на морских окраинах Синдики [23, с. 188—195], активно служили укреплению связей обоих этносов.

Тереса — царей Ситалка и Спарадока. Царь Спарадок правил в 440-х годах [26]. Это значит, что фракиец Спарадок, родной дядя скифа Октамасада, и лабритский царь, назвавший своего сына Октамасадом, были современниками, пусть и разновозрастными. Обоим имя Октамасад было близко.

Казалось бы, что появление в Лабрите в последней трети V в. до н. э. царевича со скифским именем должно быть объяснено прямыми контактами скифов и синдов. Но, согласно Геродоту (Herod. IV, 28) иногда их общение имело характер военных столкновений. К тому же в скифо-синдских отношениях известную роль должны были играть и греки, поскольку не только рядовые скифы, но и выходцы из скифской аристократии в V в. до н. э. обитали в боспорских землях [27]. Вполне реально, что в начале V в. дружина восточнотавр ических скифов, возглавляемая энергичным вождем, захватила небольшую территорию в Синдике, подчинив себе живших там синдов. Обосновавшийся здесь скифский правящий род энергично поддерживал взаимовыгодные связи с Боспором, что определило и постоянное жительство греков в Лабрите. Одновременно на протяжении V в. до н. э. владыки Лабриты сохраняли традиционные отношения со своими царственными родичами в Скифии, в свою очередь не терявшими связи с родственными им царями Одрисов во Фракии [28].

Особенное значение могло получить в Лабрите фракийское родство после 438 г., когда в соседнем Боспоре власть перешла к архонту Спартоку (Diod., XII, 31, 36). Фракийское имя нового боспорского правителя [27, с. 40, 95, 238] указывает на то, что в поколении его родителей (около 480—450-х годов) был авторитетный родич, кровно связанный с одрисской династией [29]. Сопоставление приведенных разрозненных сведений заставляет предполагать, что имя Октамасад, данное сыну правителя Лабриты где-то в 440—420-х годах, отражало не только родственные связи фракийской и скифской знати. Здесь также проявилось влияние самого Спартока, заинтересованного в укреплении близости между правящими кругами Боспора и Лабриты.

Вполне сознавая хрупкость построенной гипотезы, считаю необходимым обратить внимание на то, что в отношении Левкона к Октамасаду проглядывает не только политический диктат. В строках 5—7 документа четко изложены наставления могущественного старшего родича члену младшего поколения, видимо, находящемуся в зависимости. Степень родства могла быть далекой, но все же отношения боспорского архонта и лабритского династа регулировались устной договоренностью, а не специально заключенным формальным соглашением. Достойно внимания и то, что Левкон поручил своему стихотворцу передать в посвящении Фебу общий смысл переговоров и их тональность. Под защиту Аполлона Левкон ставил не только конкретные обязательства обоих династов, но и сам принцип своего верховного руководства политикой Октамасада. Весь стиль посвящения Левкона показывает, что авторитет архонта в Лабрите основывался не только на военной силе, но и на характере его личных отношений

---

[26] А. Фол аргументированно показал значение этого энергичного фракийского династа [24, с. 131—141], начавшего чеканить собственную монету. Данное обстоятельство позволяет судить о том, сколь многое воспринимали из государственной практики Эллады династы Фракии уже около середины V в. до н. э.

[27] Об устойчивых греко-скифских связях в Восточном Крыму уже в V в. до н. э. свидетельствуют погребения в некрополе Нимфея, содержавшие элементы скифской культуры [25, с. 389—393]. На это указывают источники и из других близлежащих эллинских центров [26, с. 21—40].

[28] Судя по исследованию К. С. Горбуновой [20, с. 18, 19], названные три политические силы поддерживали общение и путем обмена подарками: в Семибратних курганах, в кургане Солоха и в царском могильнике Дуванлий (Фракия) обнаружены серебряные сосуды, орнаментированные в одинаковой очень редкой технике. Видимо, часть этих изделий была разослана первым владельцем в качестве даров сородичам.

[29] Нет сомнения в том, что тогда не только афинские аристократы, подобно Олору, считали желательными браки с богатыми фракиянками (Thuc., IV, 104). Для греческой знати Боспора матримониальные связи во Фракии могли быть даже более необходимыми.

с Октамасадом. Такое главенство могло быть реальным лишь при условии признанного родства обоих династов.

Известно, что род Спартокидов, находившийся в родстве с царями одрисов, при Сатире I породнился с одним из царей синдов (Polyaen, VIII, 55). Очевидно, благодаря аналогичному приему где-то еще в V в. до н. э. правители Боспора сделали лабритских владык своими приверженцами, что обеспечивало успех их политике в низовьях Гипаниса [30].

Выделяя новую линию варварского родства у клана Спартокидов, я продолжаю настаивать на греческом происхождении и общем эллинском характере этой династии [22, с. 26—45]. Правда, мысль М. И. Ростовцева о скифской принадлежности Спартока остается общепринятой [10, с. 286, 295], хотя тот же В. П. Яйленко признает «греко-скифское происхождение» Спартокидов [10, с. 308]. Посвящение Левкона I отражает его бесспорно эллинское мировоззрение.

Судя по строкам 5—7 изучаемого документа, в боспоро-лабритских контактах до приезда архонта произошли нежелательные для Левкона события. Главным было то, что Октамасад поддался влиянию «царя Синдов». Примечательно, что Левкон не пожелал даже упомянуть имя этого царя. Видимо, Октамасад был вынужден к такому политическому шагу в силу своей военной слабости и невозможности получить поддержку Боспора в трудный период войны за Феодосию. Это было весьма тяжелое для Боспора время и в его восточных землях.

Из рассказа Полиена (VIII, 55), достоверность которого давно признана [13, с. 64, 65], известно, что еще Сатир I (403—390 гг.) поддерживал дружественные отношения с главой одного из синдских царств [31]. Правивший там царь имел эллинское имя Гекатей и был благожелателен к боспорянам. Под властью синда Гекатея были земли μικρὸν ἄνω Βοσπόρου, видимо простиравшиеся восточнее северо-западной части современного Таманского полуострова. В силу каких-то причин подданные лишили Гекатея власти, вернуть которую ему помог Сатир I. Боспорский архонт поспешил закрепить здесь свое влияние, дав Синду свою дочь в жены и потребовав смерти первой жены Гекатея, царицы Тиргатао, родом меотянки. Столь агрессивный маневр архонта показывает, что Боспор тогда усиленно стремился оторвать синдов от меотов. Но отважная Тиргатао, бежав и преодолев смертельные опасности, подняла меотов на войну с коалицией Сатира и Гекатея и нанесла большой ущерб противникам. Положение осложнял конфликт Сатира с Феодосией, перешедший в открытую войну [11, с. 74, 75].

Неудачи Сатира и Гекатея ослабили позиции Лабриты. Возможно, что боспорофильство ее династа, равно как и богатства, созданные на коммерции с греками [32], подогревали вражду сильного соседа, царствовавшего над синдами в низовьях Гипаниса. Выбрав удобное время, «Синд» напал на Лабриту. Это произошло в самом начале IV в. до н. э., как показали исследования Н. В. Анфимова. Захвативший город неприятель разрушил часть крепостных стен и предал огню многие жилые дома [21, с. 51]. Потерпев такое поражение, Октамасад удержался в Лабрите лишь на условиях подчинения своему победителю. Отзвуки на последствия поражения Лабриты содержат строки 6—7: Левкон советовал Октамасаду разорвать дружбу с царем синдов, «доведшим царство до

---

[30] Этому способствовали как обитавшие в Лабрите греки [19, с. 188], так и боспорская аристократия, находившаяся в «живом соприкосновении со скифами» [28, с. 80].

[31] Дополнительные аргументы в пользу достоверности Полиена см. [22, с. 108, 109]. Позднее В. А. Устинова убедительно сопоставила упоминаемый Полиеном защитный пояс Тиргатао с широкими боевыми поясами, бытовавшими в VI—V вв. до н. э. в скифских и прикубанских землях [29, с. 131—136].

[32] О процветании лабритской династии свидетельствует инвентарь погребений в ранних Семибратних курганах. Н. В. Анфимов полагает, что именно местные цари по договоренности со Спартокидами, выпускали в 425—400-х годах серебряные монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ [19, с. 194]. Посвящение Левкона I свидетельствует об убедительности мысли Н. В. Анфимова.

тяжелейшего [поражения]». Поскольку сразу за упоминанием царя синдов стоит определение θανατηρός, постольку необходимо допустить, что именно этот Синд сначала разгромил царство лабритян, а затем заставил Октамасада вступить с ним в неравный союз. Упоминание в строке 5 о двух сыновьях, которых надлежит увезти от Синдов, показывает, что царь Лабриты был принужден выдать заложниками своих сыновей [33].

Но Лабрита все же сохранила какую-то степень самостоятельности, видимо, с помощью Боспора. Изложенные в строках 5—7 советы Левкона исходили из положения об известной независимости Октамасада от бедоносного «друга» Синда. И архонт формулировал свои предписания так, чтобы разрыв Лабриты с Синдом шел скорее дипломатическим, а не военным путем.

Приезд Левкона к Октамасаду бесспорно завершал ряд действий Боспора по оказанию помощи пострадавшей от врага Лабрите. Первоочередной задачей этих акций было восстановление обороноспособности и хозяйства всего царства. Тем самым укреплялся тыл боспорских владений, а сами боспоряне вновь получили беспрепятственный доступ в богатейшие земли лабритян. Действительно, стены Лабриты были восстановлены довольно скоро после их разрушения [19, с. 188], что позволяет думать о содействии боспорян.

Видимо, ко времени прибытия Левкона в Лабриту обитавшие там греки смогли возродить традиционный авторитет храма Аполлона. Несомненно, этот сакральный центр издавна имел значение в связях Боспора и Лабриты. Поэтому глава боспорян счел необходимым своим посвящением статуи еще больше возвысить великолепие столь важного для греков лабритского святилища Феба Аполлона. По-видимому, сакрально-политический акт Левкона знаменовал восстановление устойчивого боспоро-лабритского содружества.

Бесспорно, деятельность Левкона в Лабрите отражает лишь часть его действий по укреплению позиций Боспора в Нижнем Прикубанье. Овладев Феодосией, этот выдающийся Спартокид [11, с. 76 сл.] не только возродил традиционные связи с соседним лабритским царством. Он провел решительную реорганизацию управления своими владениями, расположенными к юго-востоку от устья Гипаниса. Здесь Левкон создал новый центр, назвав его именем своего младшего брата Горгиппа. Тем самым наряду с несколькими небольшими поселениями греков, возникшими в этих землях еще в VI—V вв. до н. э., в том числе и на месте будущей Горгиппии [30, с. 53 сл.; 31, с. 89 сл.; с. 32, с. 19 сл.], здесь был создан хорошо укрепленный административный центр. И хотя ранняя Горгиппия имела площадь не более 20 га [33, с. 247], однако ее появление открыло новый период в истории боспоро-варварских отношений. Спартокиды, подчеркивая наименованием создаваемого города его прямую связь со вторым после Левкона членом правящей семьи, ясно указывали на приоритет боспорских интересов в этой области. Имя Горгиппа, ойкиста нового центра, как бы сближало этот город со старыми греческими апойкиями Гермонассой и Фанагорией. Эллинским топонимом Левкон заявлял о безусловной принадлежности именно Боспору всех прилежащих к Горгиппии земель, отказываясь от сохранения памяти об их древнейших обитателях [34].

Политика боспоризации этих отдаленных от центра государства земель проходила успешно благодаря согласованности действий Левкона I и его брата. Сам Горгипп, судя по тому, что именно его отправляли добиваться мира с царицей Тиргатао, был умным и энергичным человеком. Левкон считался с братом и поэтому после смерти Сатира в 390 г. Горгипп получил власть; τὴν ἀρχὴν

---

[33] Обычай требовать заложников при заключении мира имел большую силу у племен Прикубанья: сам Сатир I, добиваясь вместе с синдом Гекатеем примирения с Тиргатао, должен был отослать царице заложником своего сына Метродора (Polyaen., VIII, 55).

[34] Так, существовавшее там название поселеня Синдик или Синдская гавань оказалось постепенно забытым и местоположение его точно не определено [31, с. 90].

διαδεξάμενος (Polyaen., VIII, 55), в прилежащих к Синдике землях Боспора [35]. Административная деятельность Горгиппа была направлена не только на создание мощного военно-морского центра Боспора, каким стала Горгиппия, но и на поддержку дружественного Левкону I царства Лабриты. Исследования Н. В. Анфимова показали, что в IV в. до н. э. город лабритян переживал расцвет [19, с. 187 сл.]. Тогда Лабрита испытала сильную эллинизацию, но основную массу ее жителей составляли все же не греки [19, с. 188]. Видимо, Горгипп активно претворял в жизнь идеи Левкона, считавшего необходимым сохранять самостоятельным соседнее Боспору местное царство. Ведь оно отчасти смягчало силу прямого натиска агрессивных синдов. К тому же благополучие Лабриты показывало соседним варварам выгоды от мира с Боспором.

Посвящение Левкона I доставляет ценные сведения по истории коренного населения Синдики. Оно ясно показывает многообразие политической ориентации ряда синдских племен, принимавших или отвергавших сближение с Боспором. Свидетельства нового текста гармонично дополняют археологические данные о греко-варварском [36] характере столицы Лабриты, сопредельного Боспору царства. Весьма существенно четкое свидетельство о враждебности Боспору и его союзнику мощного синдского царя. Неприязнь этого династа заставила Левкона I принять ряд экстренных мер — возобновить дружественные связи с Лабритой, прибыв туда лично (вероятно, не безоружным) и, как можно полагать, произвести консолидацию приморских владений боспорян под главенством заново созданной Горгиппии. На тесную взаимосвязь названных событий ясно указывает последующее мирное развитие горгиппийской области Боспора и соседней ей Лабриты в IV в.

Изучаемый текст, являющийся самым ранним сохранившимся эпиграфическим документом из канцелярий династии Спартокидов, имеет первостепенное значение и для освещения сакральной политики правящего клана. Акция Левкона I достаточно отчетливо свидетельствует о силе прото-эллинистических институтов в государственной системе Боспора уже в конце V — начале IV в. до н. э. Надлежит отметить, что надпись из Лабриты доставляет новые аргументы в пользу выдвинутого еще в 1958 г. В. Д. Блаватским определения Боспора времен Левкона I как протоэллинистического государства [35, с. 49—661].

Дополнение: В конце строки 3 возможно чтение β[ασιλεῖ 'ϻὶ] при условии отнятия эпсилона и удлинения альфы и иоты в стопе 5. Тогда в строках 3 и 4 следует переводить «Владычествующему же городом лабритян царю, после сражения и победы над Феодосией, я указал Октамасаду...»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре//НЭ. 1962. Т. III.
2. *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора//ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
3. *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1911 году//ИАК. 1912. Вып. 45.
4. *Яйленко Б. П.* Материалы по боспорской эпиграфике//Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
5. *Kern O.* Inscriptiones Graecae. Bonnae, 1913.
6. *Meisterhans K.* Grammatik der Attischen Inschriften [3]. Berlin. 1900.

[35] Вопрос о разграничении власти и территорий между Левконом и Горгиппом, впервые поставленный В. В. Латышевым [11, с. 76], вызвал длительную дискуссию, в ходе которой ныне особо подчеркивается институт соправительствования некоторых младших Спартокидов [10, с. 286 сл.]. Заметим, однако, что употребленный Полиеном термин ἀρχή может означать не только царскую власть, но и полномочия крупного администратора или военачальника. Бесспорная согласованность действий Левкона I и Горгиппа в Прикубанье позволяет говорить не столько о формальном разграничении сфер власти, сколько о самом тесном сотрудничестве главы правящего дома и его ближайших сородичей. Подобное взаимопонимание членов семьи Спартокидов проявлялось и позднее во внешних отношениях Боспора — недаром афиняне ставили вместе статуи Перисаду I, его сыну Сатиру и тестю Горгиппу (Din., I, 43).

[36] Некрополь Семибратнего городища также свидетельствует, что именно синды были коренным населением древнего города [34, с. 174 сл.].

7. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях//ВДИ. 1939. № 3.
8. *Доватур А. И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей//Корпус боспорских надписей. Л., 1965.
9. *Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы//ВДИ. 1967. № 1.
10. *Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическое время//Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
11. *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства//ПОНТІКА. СПб., 1909.
12. *Burstein S. M.* The War between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosporus//Historia. Wiesbaden, 1974. T. XXIII.
13. *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао//ЗООИД. 1915. Т. XXXII.
14. *Анфимов Н. В.* Курганы рассказывают. Краснодар, 1982.
15. *Анфимов Н. В.* Новые данные к истории азиатского Боспора//СА. 1941. Т. VII.
16. *Анфимов Н. В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху//СА. 1949. Т. XI.
17. *Анфимов Н. В.* Исследования Семибратнего городища//КСИИМК. 1953. Вып. 51.
18. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
19. *Анфимов Н. В.* Синдика в VI—IV вв. до н. э.//Тр. Краснодарского ГПИ. 1963. Вып. XXX.
20. *Горбунова К. С.* Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов//Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
21. *Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
22. *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959.
23. *Салов А. И.* Архаическое поселение на окраинах Анапы//Проблемы античной культуры. М., 1986.
24. *Фол А.* Политическа история на траките. София, 1972.
25. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
26. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981.
27. *Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977.
28. *Граков Б. Н.* Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья//КСИИМК. 1947. Вып. XVI.
29. *Устинова В. А.* К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству//ВДИ. 1966. № 4.
30. *Салов А. И., Смирнова Т. М.* Новые находки в Анапе//КСИА. 1972. Вып. 130.
31. *Кругликова И. Т.* Горгиппия в период Спартокидов//ВДИ. 1971. № 1.
32. *Алексеева Е. М.* Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н. э.)//КСИА. 1989. Вып. 197.
33. *Блаватский В. Д.* Разведки в Анапе//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
34. *Коробина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов// СА. 1952. № 2.
35. *Blawatsky V. D.* Il periodo del Protoellinismo sul Bosporo//Atti del Settimo Congresso Internationale di Archeologia Classica. Roma, 1961. V. III.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

T. V. BLAVATSKAYA

THE DEDICATION OF LEUCON I

Summary

In 1985 in the field near the Semibratnee gorodische (Anapa district) there was accidentally found a stone base with a dedication of Leucon I to Phaebus Apollo of Labryte. It is the first known epigraphyc document by Leucon I (390—351 B. C.). The character of letters and mention of capturing Theodosia date the inscription to early 380-s B. C. It testify the unit of Spartocids with Octamasades, the ruler of the Labritian kingdom. The Semibratnee gorodische is evidently the remain of the Labritian capital. N. V. Anfimov investigated the site and came to a conclusion that it was inhabited by the Sindes, who underwent certain hellenic influence. The dedication of Jeucon to Phaebus proves that in the Labritian kingdom there existed a hellenic sanctuary. Judjing from the name of Octamasades, the ruling dynasty there was of Scythian origin. The artefacts found in the kings' burials of Semibratnie kurgans demonsrate some connections of this dynasty with the kings of Scythia and Thracia. Leucon being the ally of Labryte (and possibly the relative of its king) gave his assistance to Octamasades. This diplomatic combination of Spartocid testify that after defeat of the Bosporans by the coalition of the Meotes and Sindes (Polyaen., VIII, 55), the kingdom of the Sindes withstood to Bosporus. The text in question connects Leucon's policy in Labrite with organized by him consolidation of the nearest Bosporan territories. It was supported by the foundation of new port and administrative centre of Gorgippia. The Leucon's dedication is an important source for the history of the protohellenistic state of Spartocids in late 5th — early 4th centuries B. C.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ХАЗАРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

На всей громадной территории Восточной Европы с ее тысячами археологических памятников, разбросанных по степям, лесам и предгорьям, пожалуй, только погребальные сооружения издавна и постоянно привлекали внимание ученых, любителей древностей и просто грабителей. Рядовые поселения и города фактически вообще не были известны специалистам и не представляли интереса для краеведов всех направлений и рангов в продолжении XVIII, XIX и практически всей первой четверти XX. Однако в тех редких случаях, когда на поселениях сохранялись полуобрушившиеся каменные или кирпичные укрепления, они прежде всего «фиксировались» и «разрабатывались» окрестным населением для добычи стройматериалов. Именно последнее обстоятельство стало причиной возникновения сначала всероссийской и затем всемирной известности двух памятников хазарской культуры на нижнем Дону: Левобережного и Правобережного Цимлянских городищ. Стены первого, как известно, были сложены из кирпича [1, 2], второго — из блоков белого камня [3—7]. Кирпич Левобережного городища шел на сооружение печей и облицовку стенок погребов в соседних станице и хуторах [1, с. 11]. Белые стены Правобережного городища были разрушены планомерно еще в XVIII в. по постановлению Донского войскового правительства 1744 г. Стены были разобраны, блоки облицовочных панцирей были перевезены в Старочеркасск и использованы там для строительства бастионов этой крепости [3, с. 28].

Остатки разрушенной Правобережной крепости привлекли внимание ученых только в 1821 г., когда на памятнике побывал историк, впоследствии декабрист В. Д. Сухоруков [8, с. 126]. Позже (в 1844 г.) краткое описание и план городища были сделаны землемером Сулиным, и, наконец, спустя 40 лет этот памятник стал объектом археологических исследований под руководством В. И. Сизова, который составил по ним отчет и небольшую публикацию [9, с. 278].

В начале 30-х годов М. И. Артамонов при разведках памятников Нижнего Дона обследовал и Правобережное городище. По подъемному материалу им была определена общая дата памятника: VIII — начало X в. После публикации результатов этих исследований в 1935 г. [3, с. 27—30 сл.] за городищем прочно установилось наименование Правобережное Цимлянское. По инициативе М. И. Артамонова и по его открытому листу в 1939 г. под руководством его ученика И. И. Ляпушкина была организована экспедиция, поставившая целью планомерные исследования Правобережного городища. Всего в том году в центральной части памятника было вскрыто 682 м^2. На этой довольно значительной площади И. И. Ляпушкину удалось проследить остатки нескольких слабо углубленных в материк жилищ, округлой в плане формы, с «кострообразными» очагами в центре и каркасными стенами, которые он справедливо назвал юртами. Кроме того, в слое и в заполнениях жилищ было обнаружено большое количество разнообразных железных вещей (преимущественно орудий труда), а также обломков керамики и целых сосудов [5; 6, с. 107—125].

Война помешала продолжить работы на городище, а в 1949 г. М. И. Артамонов был назначен начальником первой крупной археологической новостроечной экспедиции — Волго-Донской. Археологи в ней обязаны были работать только на

© С. А. Плетнева, 1993 г.

памятниках, которые должны были быть затопленными будущим Цимлянским «морем». Основные силы экспедиции были сосредоточены на раскопках Левобережного Цимлянского городища (Саркела — Белой Вежи). Правобережное городище не входило в зону затопления, поскольку располагалось на высоком правом берегу Дона. Поэтому раскопки на нем в годы работы Волго-Донской экспедиции не могли проводиться. Только в 1958 г. М. И. Артамонов, бывший тогда директором Гос. Эрмитажа, выделил мне из средств музея небольшую сумму для продолжения раскопок на городище, которые и были произведены в течение двух сезонов — 1958 и 1959 гг. Нашей экспедицией исследовано еще 1500 м^2 этого памятника [1] (рис. 1). Полученные нашими раскопками результаты почти сразу же стали публиковаться и использоваться в научной литературе.

Особенно широкую и красочную картину жизни и гибели укрепленного поселения дал в своем капитальном труде «История хазар» М. И. Артамонов [10, с. 318—323]. Он исходил из следующих, как ему казалось, очевидных положений: во-первых, крепостные сооружения и жилища он считал безусловно синхронными; во-вторых, если время основания крепости «не выходит за пределы VIII в.», то время ее гибели определено им по самой младшей монете из клада, обнаруженного нами в 1958 г. Она относится к 799—782 гг. [11—13], т. е. ко времени до постройки Саркела, начатой, как известно, в 834—837 гг. [10, с. 298]. В-третьих, факт нахождения кирпичей, явно вынутых из кладок Саркела, в жилищах (на полу) Правобережного городища М. И. Артамонов проигнорировал, написав, что большинство их попало на городище после разгрома крепости. Таким образом, он считал возможным сделать вполне исторические выводы о том, что крепость принадлежала какому-то владетелю или «вождю», который жил в ней со своими слугами и дружиной [4, с. 158], т. е. это был уже феодальный замок. Расположен он был выгодно — на водном пути, который из замка прекрасно контролировался. Далее, по предположению М. И. Артамонова, разгром и уничтожение замка не могли быть произведены ни печенегами (они пришли в степи позже почти на столетие), ни мадьярами, поскольку поселение Карнаухово [14] было синхронно Правобережному и было укреплено много хуже, а мадьяры его почему-то не разгромили. Гибель крепости М. И. Артамонов благодаря полученной в кладе дате уверенно связывал с внутренними неурядицами в Хазарском каганате в начале IX в. Кагану, начавшему строительство Саркела, действительно должен был бы мешать замок, отнимавший у Саркела часть его функций, в частности контроль за водным путем. Кроме того, тогда же — в первые годы IX в.— началась, по гипотезе М. И. Артамонова, гражданская война в каганате и, возможно, хозяин Правобережного замка был настроен против принявшего иудаизм кагана. Вот такие интересные исторические заключения были сделаны М. И. Артамоновым о Правобережном замке.

Несмотря на то что уже в период раскопок на городище все мы ясно видели на всех профилях раскопов и траншей два средневековых слоя, разделенных тонкой прослойкой строительного мусора, идеи М. И. Артамонова настолько сильно овладели мной, что и в книге о салтово-маяцкой культуре [7] и особенно в научно-популярной книжке «Хазары» я безоглядно приняла эти идеи и даже слегка развила их, допуская еще большую вольность в толковании факта разгрома крепости в начале IX в. [15, с. 45, 65].

Попытаемся заново восстановить последовательность освоения Правобережного мыса в эпоху средневековья [2]. Для этого прежде всего необходимо обратиться к рассмотрению фактов, свидетельствующих о разделении культурного слоя городища на два прослойкой мелового щебня, разливами глины, а местами

[1] Помимо меня в экспедиции работали К. В. Каспарова, З. А. Львова (1958 г.); К. В. Каспарова, Т. И. Макарова и реставратор Е. А. Болотникова (1959 г.).

[2] В предыдущих изданиях этого памятника указывалось, что средневековый слой перекрывает на мысу серовато-желтый предматерик, который является значительно более древним культурным слоем (эпохи бронзы).

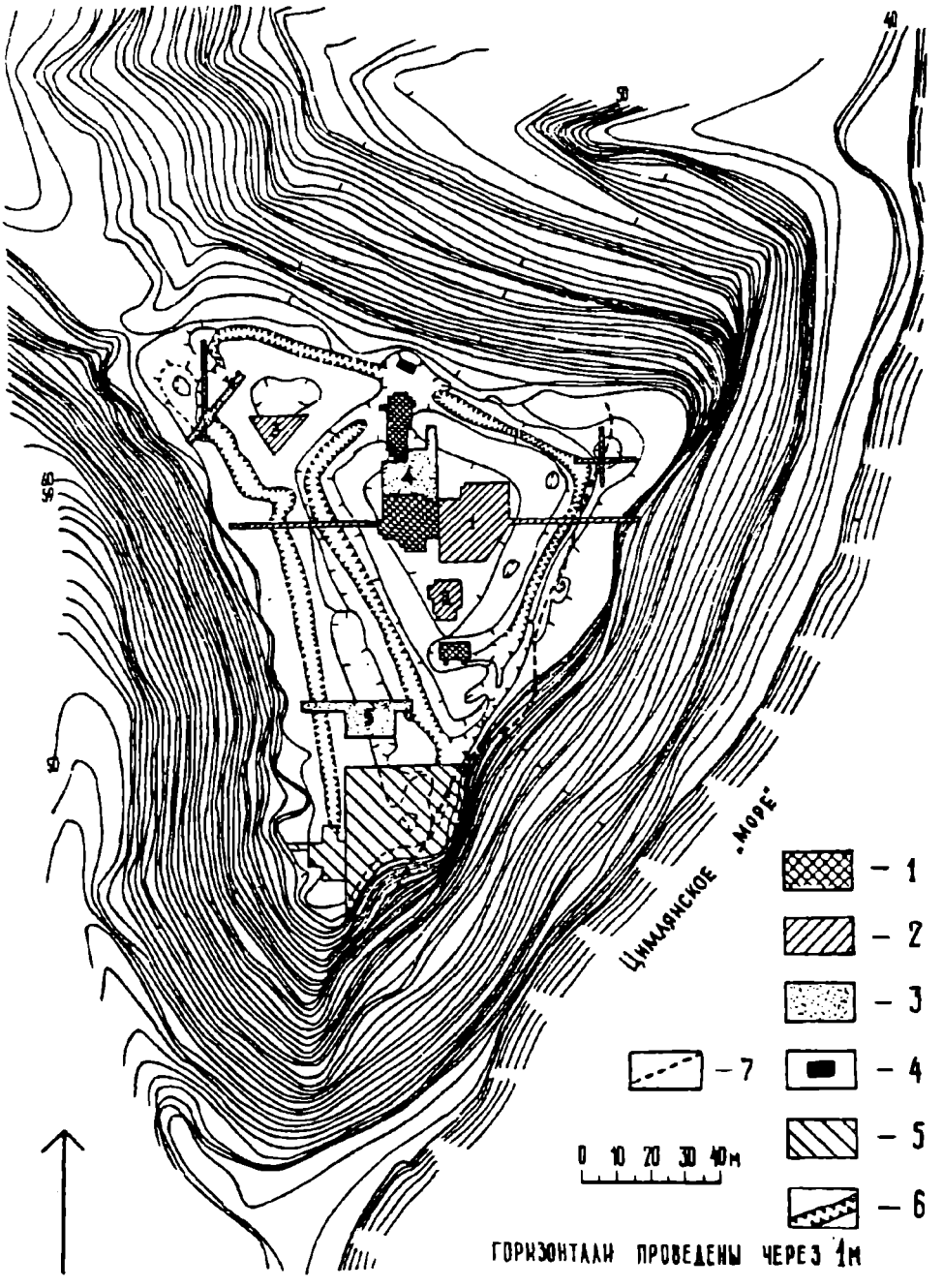


Рис. 1. План Правобережного Цимлянского городища с нанесенными на него раскопами разных лет. *1* — раскопы И. И. Ляпушкина, 1939 г.; *2* — раскопы С. А. Плетневой 1958 г.; *3* — раскопы С. А. Плетневой 1959 г.; *4* — остатки башни на северной стене; *5* — раскопы В. С. Флерова 1987—1990 гг.; *6* — выемки от разобранных стен крепости; *7* — линия берегового обрыва 1989 г.

скоплениями крупных обломков меловых камней, перемешанных со щебнем. Последние образовали на поверхности мыса как бы «валы», тянущиеся вдоль длинных неглубоких «выемок» от полностью уничтоженных белокаменных стен. Ранее мы принимали эти остатки за слой разрушения крепости, поскольку обломки камней и извести (мела и меловой крошки) нередко почти до пола заполняли котлованы сгоревших жилищ [16]. Такое толкование прослойки вполне соответствовало основному выводу М. И. Артамонова о синхронности жизни и гибели поселения и крепостных стен. Однако же более тщательный анализ стратиграфических наблюдений и их добросовестная полевая фиксация позволили мне вернуться к первоначальному своему заключению и критически пересмотреть его.

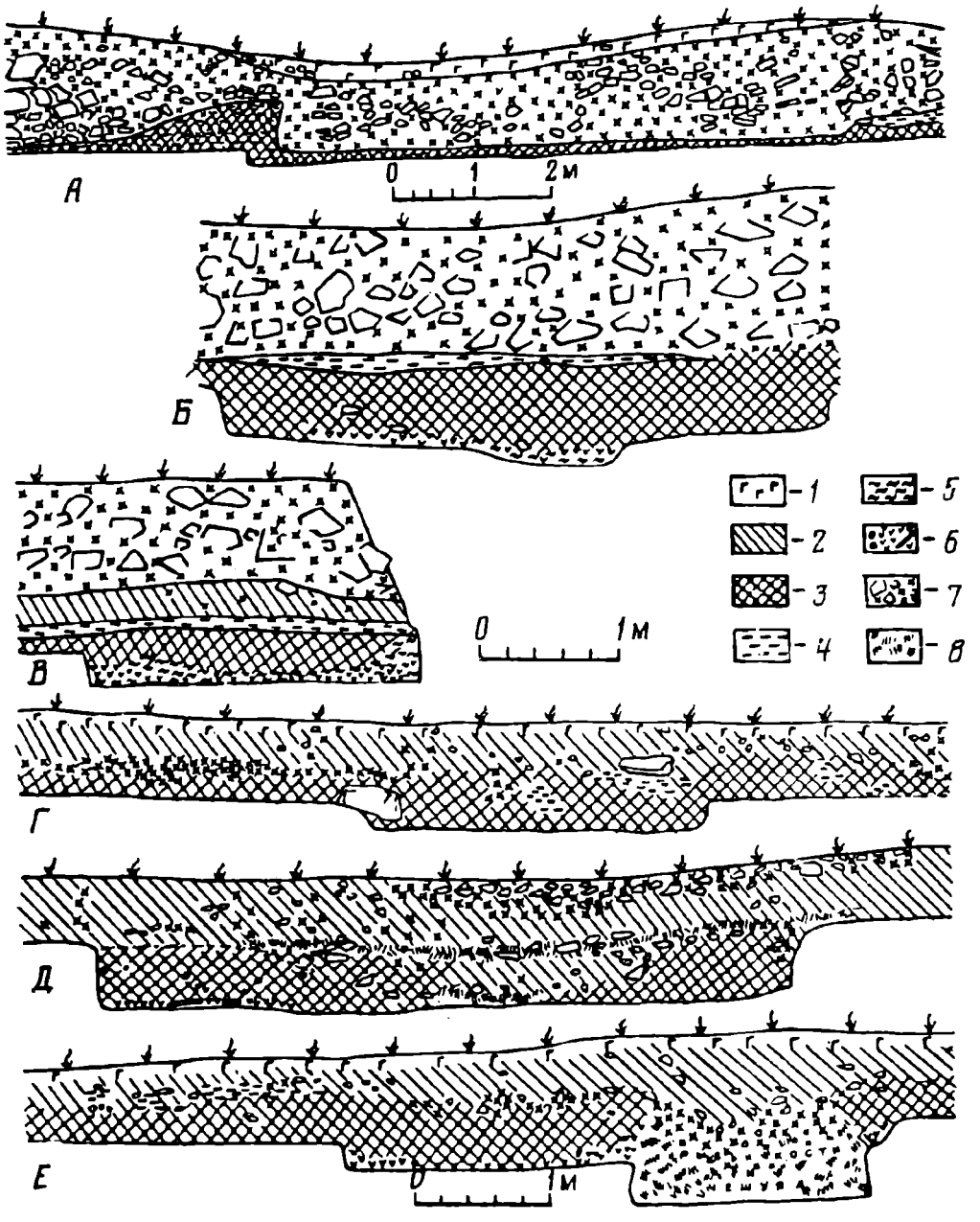


Рис. 2. Разрезы культурного слоя в разных местах городища. *1* — дерн; *2* — серый рыхлый культурный слой; *3* — темно-серый, почти черный культурный слой; *4* — глина; *5* — зола; *6* — уголь, обожженные куски дерева; *7* — куски белого камня, щебень; *8* — рыбьи кости, чешуя. *А* — разливы глины, вплотную подходившие к стенам, обрамлявшие их; *Б*, *В* — жилища, перекрытые разливом глины; *Г* — два слоя над жилищем, разделенные слоем строительного мусора (камнями, щебнем, глиной); *Д* — разрез перестроенного после пожара жилища (№ 10), перекрытого прослойкой рыбьей чешуи, строительным мусором и верхним серым слоем; *Е* — разрез жилища (№ 8) с прорезавшей его заполнение поздней ямой

Во-первых, следовало учитывать, что разливы глины, вплотную подходившие к стенам крепости и явно относившиеся к периоду их возведения (рис. 2, *А*), перекрывали уже немного подзатянувшиеся землей котлованы жилых построек (рис. 2, *Б*, *В*). Во-вторых, в заполнениях котлованов четко прослеживаются два слоя: нижний (темно-серый, почти черный), аналогичный окружавшему их культурному слою, и верхний, отделенный от нижнего прослойкой строительного мусора и отчасти сильно перемешанного с ним (рис. 2, *Г*). В-третьих, этот верхний гумусный слой, как и нижний, фиксируется практически на всей площади городища и также является «культурным» слоем, т. е. он достаточно

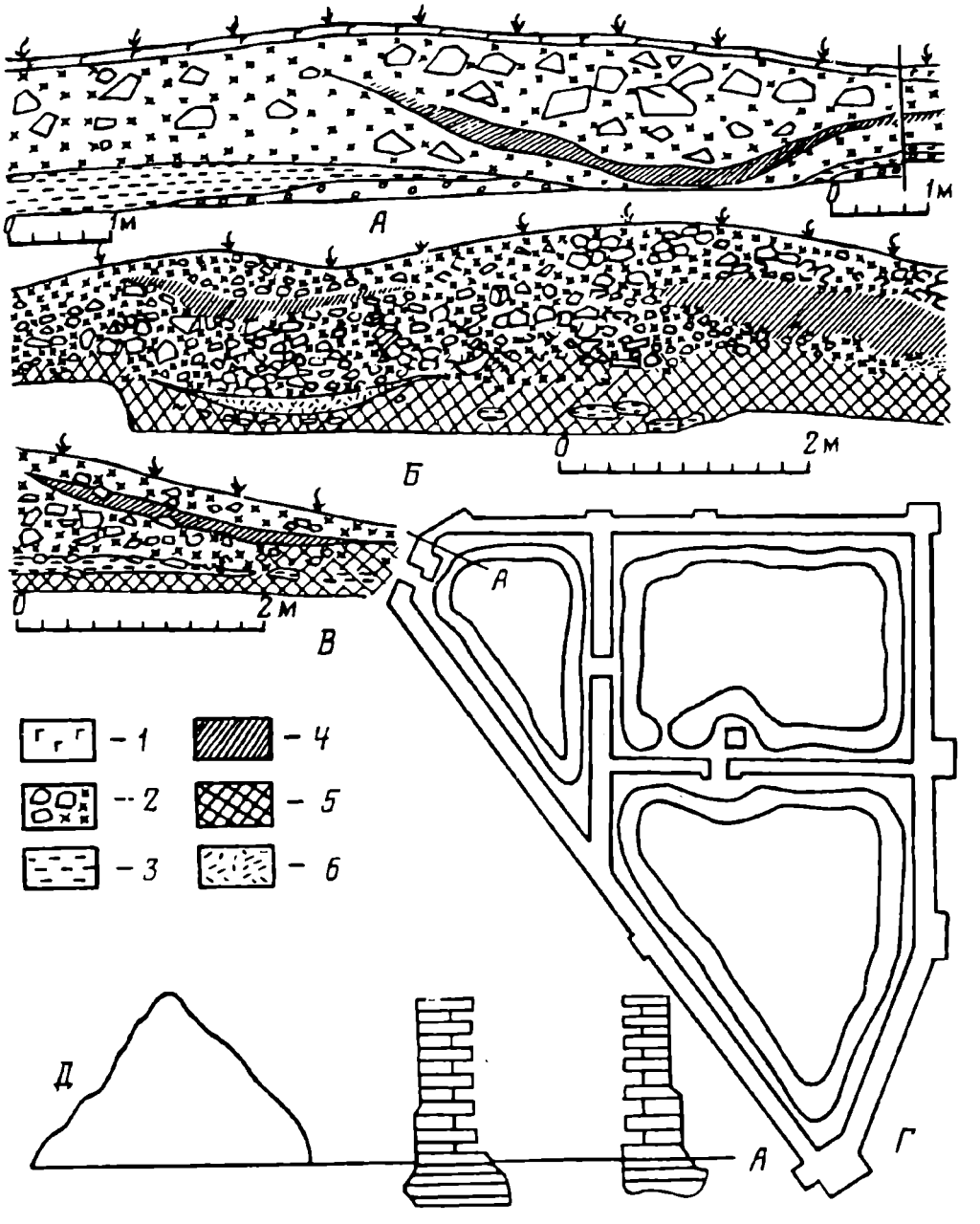


Рис. 3. Разрезы строительного мусора с делением его на два слоя серыми гумусированными прослойками и чертежи инженера Санцыперова. *1* — дерн; *2* — куски белого камня и щебень; *3* — глина; *4* — серый рыхлый слой; *5* — темно-серый культурный слой; *6* — рыбья чешуя. *А* — разрез у привратной части; *Б* — разрез у юго-западной стены (внутри стен крепости); *В* — то же, но снаружи крепостной стены; *Г* — план городища, сделанный инженером Санцыперовым в 1743 г.; *Д* — разрез «стен» и «валов» у привратной части, сделанный Санцыперовым

насыщен находками (обломками костей животных и посуды) и отличается скоплениями рыбных «отбросов» — чешуи и костей, располагавшихся, как правило, в западинах котлованов жилищ погибшего поселка, еще заметных во время образования верхнего слоя (рис. 2, *Д*, *Е*). В-четвертых, важно отметить, что верхний серый слой в нескольких местах очень четко перекрывает мощные каменные «валы», о которых говорилось выше, а значит, эти валы также относились к периоду образования прослойки строительного мусора (рис. 3, *А—В*), а не ко времени разрушения стен казаками в XVIII в., как думали до сих пор все исследователи. Между тем о «валах» внутри крепостных стен было хорошо известно благодаря вычерченному военным инженером Санцыперовым

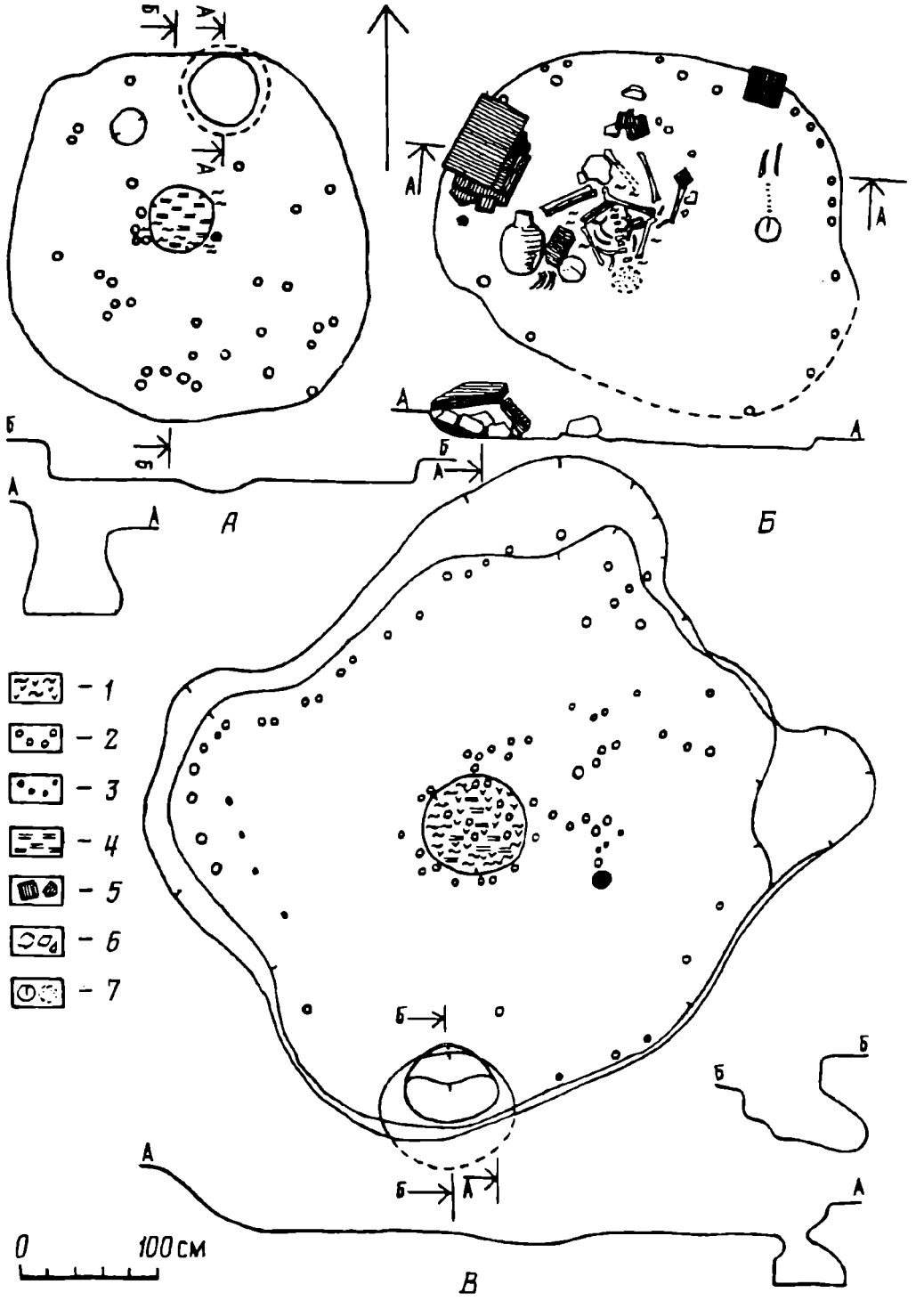


Рис. 4. Юртообразные жилища. *А* — жилище № 32; *Б* — жилище № 20; *В* — жилище № 29. *1* — зола, угли; *2* — ямки от жердей; *3* — ямки от жердей с остатками угля; *4* — обожженная глина; *5* — кирпичи; *6* — куски белого камня; *7* — черепа убитых детей

в 1743 г. (до разборки стен) плану древних укреплений на Правобережном мысу (рис. 3, *Г*). Расположение их на жилой площади крепости настолько несуразно, что М. И. Артамонов, отметив их местонахождение на плане, не смог дать убедительного объяснения этому факту. Следует сказать, что план Санцыперова мало соответствовал истинному расположению укреплений и, видимо, этим объяснялось невнимание как к самому плану, так и недоверие к изображенным на нем «валам» [3, с. 28].

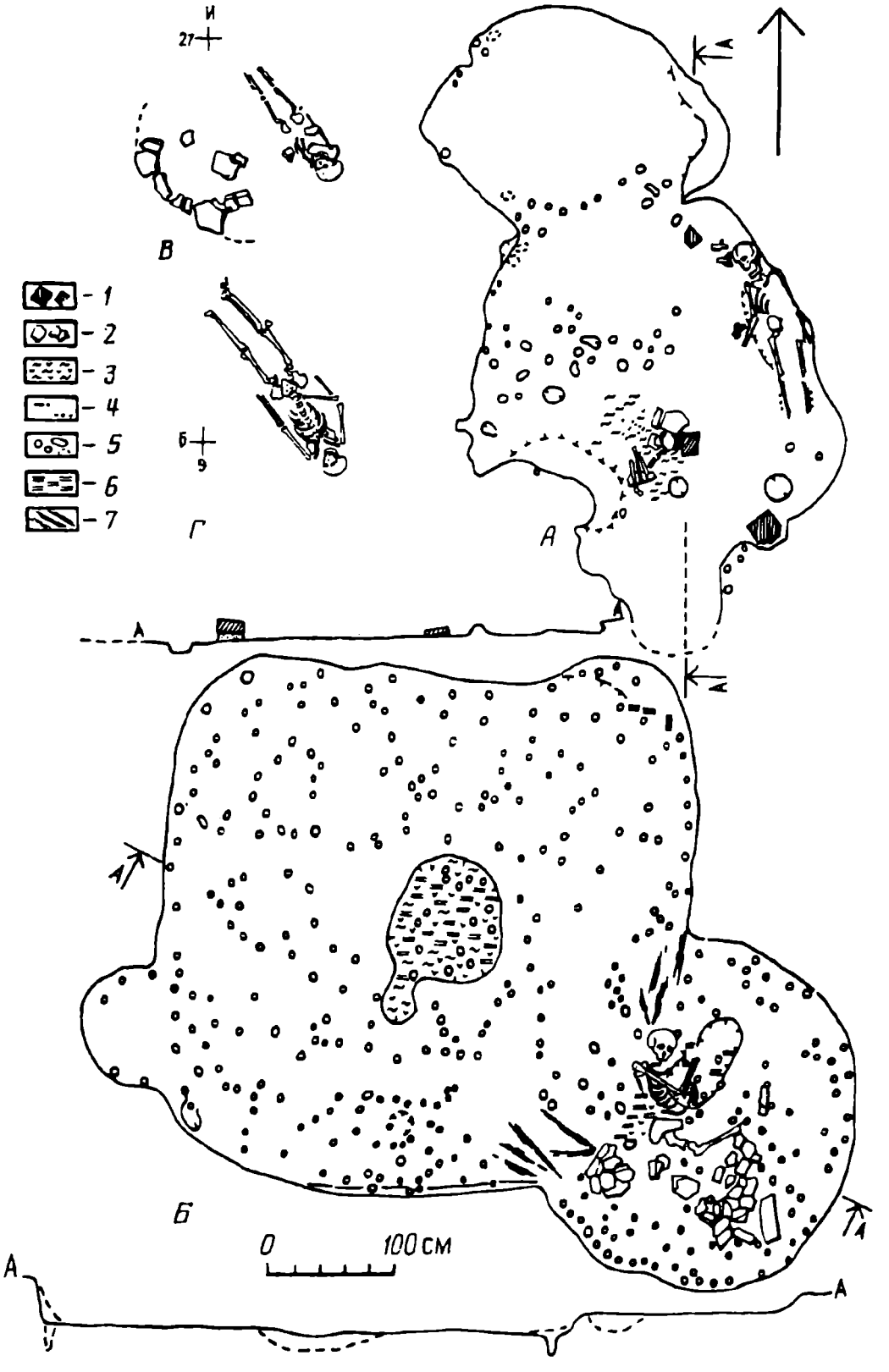


Рис. 5. Юртообразные жилища и погребения людей, обнаруженные на древнем поселении. *А* — жилище № 2; *Б* — жилище № 7; *В* — погребение мальчика; *Г* — погребение старика. *1* — кирпичи; *2* — куски белого камня; *3* — зола и уголь; *4* — монеты, обнаруженные у ног убитой женщины; *5* — ямки от жердей; *6* — обожженная глина; *7* — сгоревшие жерди

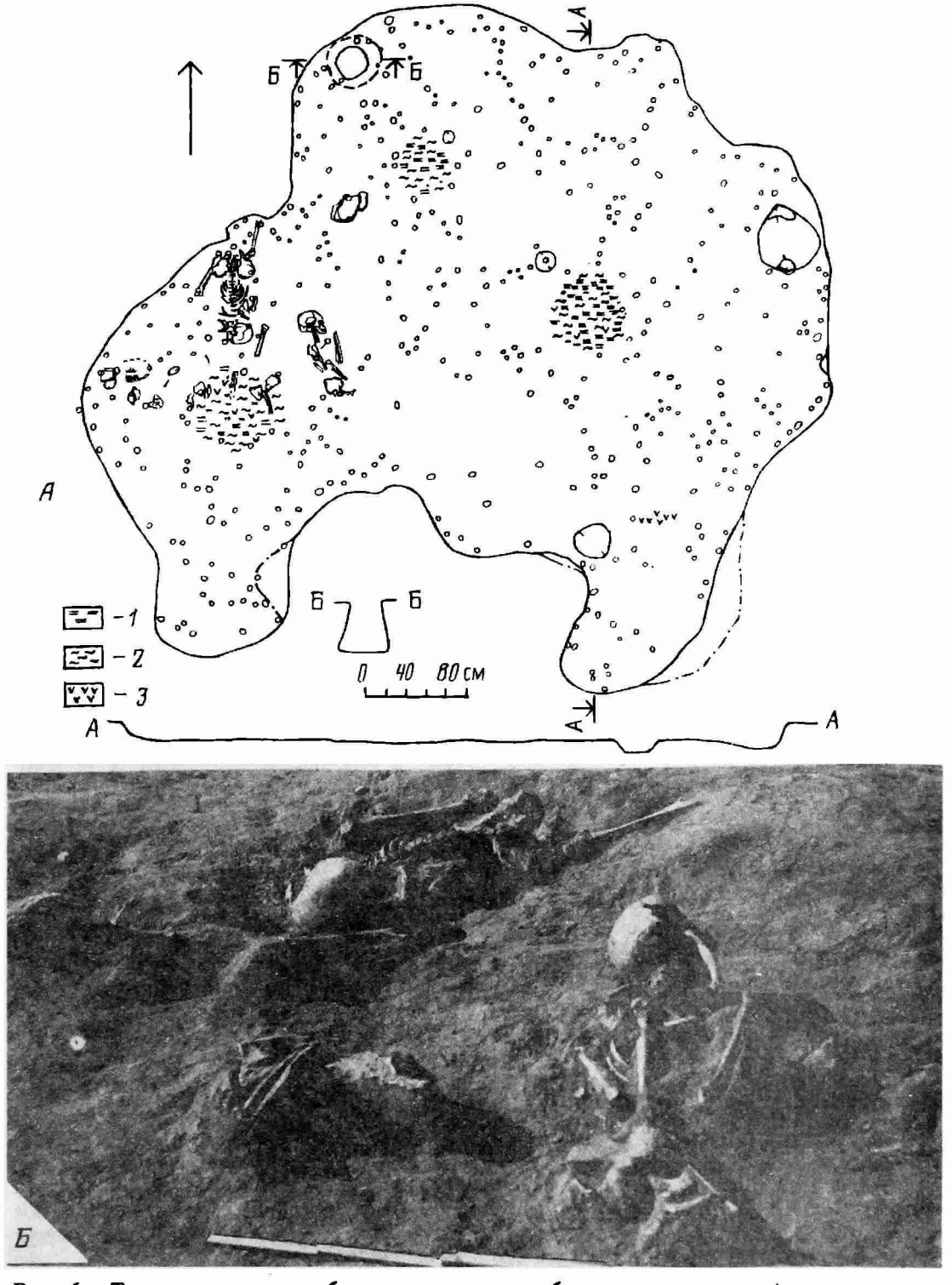


Рис. 6. «Трехчленное» юртообразное жилище и убитые в нем люди. *А* — жилище № 12; *Б* — полурастащенные зверями скелеты убитых в этом жилище женщин. *1* — обожженная глина; *2* — зола; *3* — уголь

Однако оказалось, что валы действительно существовали в 1743 г. и были составной частью строительного мусора. Характерно, что изображенные на разрезах Санцыперова стены представляли собой не монолитные сооружения, а просто два «панциря» из белокаменных блоков с незаполненным внутренним пространством (рис. 3, *Д*).

К вопросу о стенах и строительных приемах мы вернемся ниже, здесь же

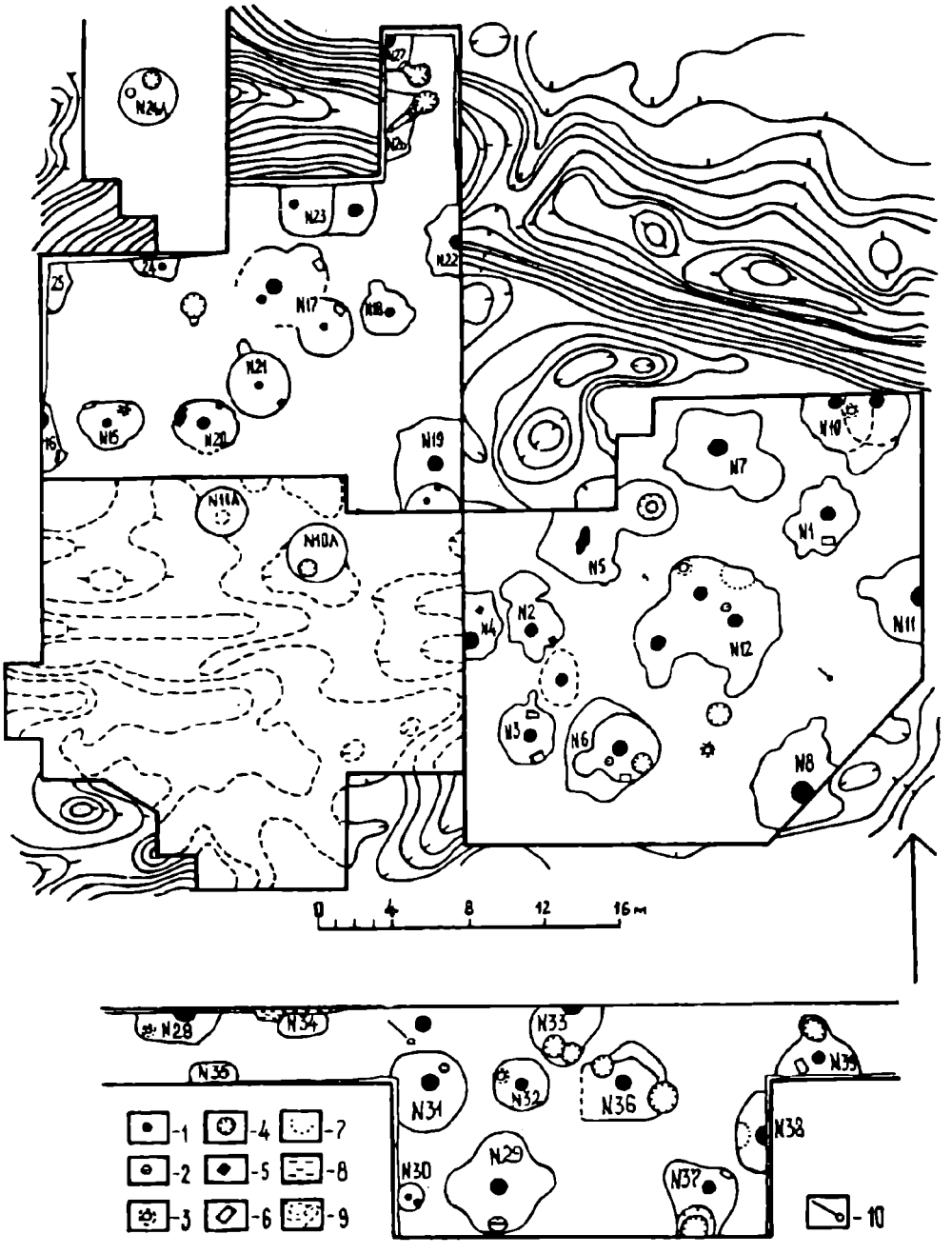


Рис. 7. Планы основных раскопанных участков поселения. *1* — очаги; *2* — остатки гончарных кругов или жерновов; *3* — «тандыры»; *4* — ямы; *5* — кирпичи; *6* — каменные белые блоки; *7* — «тёры»; *8* — глина; *9* — горизонтали на раскопе И. И. Ляпушкина (полный план раскопанного им участка до нас не дошел); *10* — погребение

попытаемся дать краткую характеристику нижнего средневекового слоя, а следовательно, почти всех построек, открытых на мысу, так как все они явно относятся ко времени до образования слоя строительного мусора, т. е. до постройки крепостных сооружений.

Поселение состояло из нескольких десятков юртообразных жилищ или стационарных юрт, основания которых при установке их немного углублялись в землю. Дневной поверхностью в то время был песчанистый серовато-желтый «предматерик» — слой эпохи бронзы. Темно-серый, почти черный, также песчанистый слой (толщиной от 0,2 м в северной части мыса, до 0,6 м в южной) образовался в период жизни средневекового поселения. Описания юрт Правобережного поселения неоднократно публиковались в работах ученых нашей страны

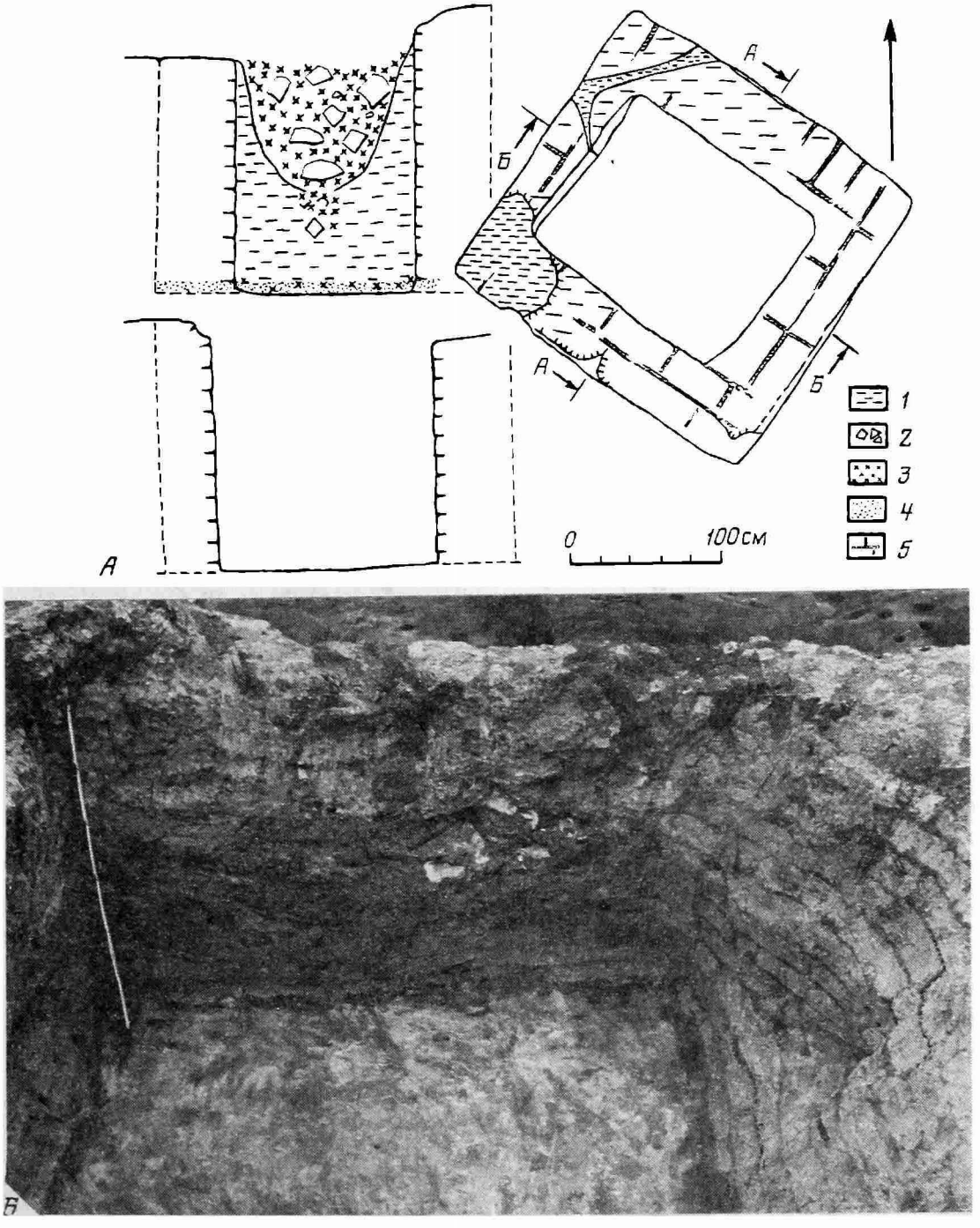


Рис. 8. Погреба с сырцовыми стенами. *А* — погреб 1; *Б* — погреб 2. *1* — глина; *2* — куски белого камня; *3* — щебень; *4* — песок; *5* — сырцовые кирпичи

[6, с. 100; 7, с. 52—58; 17, с. 23, 24] и использовались в качестве аналогий при обнаружении подобных или близких построек за ее пределами [18, с. 225—228].

Планировка юрт в целом очень единообразна: они круглые (иногда овальные) или же почти квадратные, но с сильно округленными углами, площадь их колеблется от 8 до 20 м^2. В центре пола располагался «тарелкообразный» открытый очаг, а по периметру жилища в полу прослеживались ямки от жердей каркаса (рис. 4, *А—В*). Такие же ямки были рассеяны по всему полу, будучи, видимо, следами от «ножек» неподвижно закрепленной в полу «мебели». Особенный интерес представляют довольно четко выделявшиеся следы полукруглых в плане сооружений, стоявших на противоположной от входа стороне юрты и

являвшихся, вероятно, «тёрами» — почетным местом хозяина дома и домашних богов-тенгри. Другим, также весьма своеобразным устройством в юртах были небольшие, обычно конусообразные ямки, обмазанные, как правило, прокаленной глиной, иногда с остатками золы и углей на дне. По-видимому, это тандыры, служившие для выпечки хлеба. Позднее их стали ставить на поверхность, а здесь это, очевидно, были первые опыты сооружений подобного рода и назначения [19].

Следует также упомянуть о необычайной — двойной или «восьмеркообразной» в плане, пока еще нигде более не встреченной форме нескольких юрт, находившихся в центральной части поселения. Все они довольно большие: основная камера не отличалась обычно планом и размерами от остальных юрт, а дополнительная (меньшая) пристройка к ней всегда играла роль вспомогательного хозяйственного помещения (рис. 5, *А*, *Б*). Особое место в типологическом ряду юртообразных жилищ несомненно занимает так называемая «трехчленная» юрта с тремя очагами и двумя входами, стоявшая в центре поселения (рис. 6, *А*).

Что касается планировки самого поселения, то, поскольку площадь мыса не была раскопана полностью, мы в настоящее время можем говорить только о планировке вскрытых участков поселка. Так, на большом раскопе нам удалось проследить расположение семи юрт по кругу, внутри которого была помещена трехчленная постройка (рис. 7). На это «круговое», характерное для кочевников построение стойбища многократно указывали как древние авторы, так и этнографы XIX в. [20].

Остальные постройки ставились как будто беспорядочно, тем не менее создается впечатление, что каждой семье на поселении было отведено определенное место, которое она, видимо, не могла менять. Последнее предположение основывается на неоднократно зафиксированных нами фактах установки новых жилищ на месте старых (обычно сгоревших) построек, хотя свободной от застройки площади на мысу было еще вполне достаточно и на «чистом» месте погорельцу было бы легче поставить новую юрту. Это же явление было прослежено нами и при раскопках крупного столичного города — болгарской Плиски [21, с. 109, 112]. Там хозяин, не имея возможности сменить местожительство, перестраивал жилище в одном котловане от двух до четырех раз.

Помимо жилых помещений к периоду их существования относились еще два погреба (рис. 8, *А*, *Б*). Форма их в плане прямоугольная, глубина обоих 1,2 м (до слоя плотной красной материковой глины), стенки выложены из сырцового кирпича, изготовленного из серо-зеленой глины. Толщина стен колеблется от 0,3 до 0,7 м, но размеры кирпичей всюду довольно стандартны — 40×20×8 см, а толщина прослойки соединяющего раствора (желтой глины) ~2 см. Размеры одного погреба, вскрытого полностью, совсем небольшие — 1,5×1,25 м; второй, очевидно, был значительно больше — ширина его равна 3 м, длина осталась невыясненной, так как погреб перекрыт бортом раскопа.

Оба погреба, по-видимому, являются единственными «фундаментальными» постройками на поселении. Вскрытая раскопами 1939 и 1958—1959 гг. площадь достаточно велика, и это не позволяет, как нам кажется, думать, что где-то рядом осталось нераскопанное большое сооружение из кирпича, сырца или камня, возведенное среди юрт и синхронное им. Остатки его или хотя бы следы строительного мусора непременно должны были попасть в наши раскопы или траншеи.

Не было обнаружено на мысу и остатков каких-либо фундаментальных укреплений поселения. Очевидно, их и не было вообще. Объясняется это, возможно, тем, что мыс, возвышавшийся над поймой на 70 м, был недоступен, поскольку с напольной стороны он был соединен с основным массивом берега узким перешейком, поперек которого был прорыт ровик, что полностью изолировало поселение, исключая возможность нападения с этой стороны. Склоны мыса в наиболее пологих местах были, вероятно, экскарпированы — кое-где следы эскарпов в виде узких ступеней прослеживались довольно отчетливо.

Что представлял собой этот небольшой поселок, расположенный на Право-

бережном мысу, и к какому хронологическому периоду истории Хазарского каганата мы можем его отнести?

Судя по стационарности юртообразных жилищ, это был зимник какого-то единого полукочевого коллектива. Малые размеры поселения, планировка восьми наиболее крупных и благоустроенных его жилищ согласно древнему обычаю — по кругу с большой юртой в центре — позволяют предполагать, что это был зимник одной большой и, видимо, довольно богатой семьи — аила. Разные размеры жилищ, среди которых попадаются очень маленькие, заметная небрежность постройки последних, отличающая их от больших жилищ, означают, по всей вероятности, разницу как экономического, так и социального положения членов аила. Почти вся северо-западная окраина была застроена небольшими юрточками, поставленными в неровный ряд и как бы «обрамлявшими» поселение с этого края. В южной части мыса, наоборот, стояли крупные, иногда почти квадратные постройки. Возможно, конечно, что это были юрты уже выросших сыновей главы аила, занимавшего, очевидно, большую юрту в середине первоначально спланированного зимника в виде круга из семи юрт.

Углубленные в землю основания юрт свидетельствуют о желании всемерно утеплить их на зимнее время, когда на поселении собирались все члены большой семьи. Однако зимник не пустовал и летом. Солнечные южные склоны берега, соседние с поселением, были покрыты (как и сейчас) виноградниками, садами, бахчами, огородами и пашнями, за которыми требовался уход и досмотр. В кочевку летом уходила часть аила: его глава с молодежью и пастухами. Отъезд в глубь степи необходим был для выпаса стад и организации облавных охот, которые в жизни степных народов играли до самого последнего времени громадную роль, во-первых, как средство добычи мяса и мехов и, во-вторых, как способ подготовки молодежи и тренировки воинов для военных наступлений и походного быта. На зиму весь скот перегоняли в пойму Дона, где летом травы достигали двухметровой вышины, а зимой, полегши, являлись прекрасным естественным заготовленным сеном.

О занятиях земледельческим трудом мы судим по находкам орудий обработки земли — лемехам, чересламм, мотыгам [6, с. 117, рис. 10; 7, с. 144, рис. 38]; об уборочных работах — по серпам разных форм и назначения, косам-горбушам; о виноградниках — по уникальной находке орудия, предназначенного специально только для виноградарства,— секача с топориком на тыльной стороне [7, рис. 38, *б*]. Странным кажется, что в жилищах мы не обнаружили совершенно никаких остатков сгоревшей вместе с ними пищи (хотя бы зерен пшеницы и ячменя, косточек от фруктов и пр.). Не было в жилищах и каменных жерновов, являющихся частой находкой на других поселениях хазарского времени. Поселение, как говорилось, погибло от пожара и было взято и разграблено врагами. Некоторые дорогие тяжелые железные орудия (например, лемехи) не были унесены грабителями, так как были припрятаны в тайничках. Жернова, конечно, унести было невозможно, их непременно попытались бы спрятать, чтобы потом взять, но в таком случае мы бы их обнаружили. Может быть, они были деревянные с железными оковками рабочих поверхностей. Такими широко пользовались жители России в южных областях даже в последнюю войну.

Необычным представляется и малое количество хозяйственных ям (как предполагается обычно, зерновых). Такие ямы — характернейшие сооружения на других хазарских поселениях [22, рис. 19—21]. Объяснить почти полное отсутствие их на Правобережном поселении можно, вероятно, очень сыпучим грунтом, в котором их выкапывали. Стенки ям, даже при условии их обмазки слоем глины, быстро высыхали и «оседали» вместе с обмазкой. Использовать такие ямы в качестве зернохранилищ было невозможно. По-видимому, на поселении одной семьи было общее зернохранилище. Им могли быть описанные выше саманные погреба.

Как бы там ни было, но наличие железных сельскохозяйственных орудий

Таблица 1

Находки костей животных в слое

Штыки (глубины) в см	Лошадь	Корова	Овца	Коза	Свинья	Осел	Верблюд	Собака
II(20—40)	20/5	65/7	4	9/2	8/2	—	1	1
III(40—60)	18/2	35/4	11	—	4/4	2	—	—
IV(60—80)	4/2	5/2	4/2	—	2/2	—	—	—
Итого	42/9	105/13	19/2	9/2	14/8	2	1	1

Примечание. В числителе указано количество костей, в знаменателе — особей. То же для табл. 2, 3.

Таблица 2

Находки костей животных из заполнений жилищ

№ жилища	Лошадь	Корова	Овца	Коза	Свинья	Собака
1	5	17	—	7/3	2	1
2	4	17	1	1	2	—
3	1	11	4/2	2	—	—
5	14/4	16/3	6/2	—	—	—
6	6/1	8/3	1	1	1	—
7	13/9	20/4	2/1	—	—	—
8	3/1	2	—	—	2	—
10	25/4	35/2	—	3/1	1	—
11	4/1	11/1	—	—	1	—
12	—	14/1	—	—	—	—
14	2	1	3	—	—	—
17	1	2/1	1	—	—	—
19	10/2	21/5	3/2	—	1	—
22	—	3/1	4/2	—	—	—
23	—	—	—	—	1	—
28	—	5	—	—	—	—
31	—	1	2/1	—	—	—
38	2/1	5/1	2/1	—	—	—
Итого	90/23	189/22	27/11	14/4	11	1

свидетельствует в пользу широкого развития земледельческого сельского хозяйства на поселении.

О развитом домашнем скотоводстве свидетельствуют помимо находки замка от лошадиных пут [7, с. 148, рис. 39, *2*] результаты определений остеологического материала. Следует сказать, что обломков костей животных было очень много, но громадное количество их из-за сильной фрагментированности неопределимо.

Рассмотрим прежде всего состав стада по находкам костей в слое и заполнениях жилищ (таблица 1).

Еще более выразительные материалы получены нами при подсчетах костей из заполнений жилищ (таблица 2).

Таким образом, на обеих таблицах видно явное преобладание на поселении костей домашних животных, что свидетельствует о развитом полукочевом или даже оседлом образе жизни во всяком случае большинства жителей. В составе стада преобладали лошади, что свойственно всаднической культуре государства, и крупный рогатый скот. Овец и коз, характеризующих кочевническое хозяйство,

Таблица 3

Находки костей диких животных в слое и заполнениях жилищ

Животное	Штыки			Жилища								
	II	III	IV	1	2	3	7	10	17	23	31	38
Сайга	1	—	1	—	—	—	2/1	1	2/2	—		
Олень	1	—	—	—	—	—	4	—	—	—	1	
Заяц	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кабан	1	1	—	2	—	—	2/1	—	—	—	—	
Волк	—	—	—	4/1	—	—	—	—	—	—	—	
Лиса	1	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	2/1
Орлан	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лунь	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гусь	5/2	1	—	5/2	—	—	—	1	—	—	—	—

сравнительно немного. Что же касается наличия среди «съедобных» животных свиней, то это говорит не только об оседлости населения (свиней гонять по степи явно нецелесообразно), но и об абсолютном неприятии этим населением иудаизма, который расцветал тогда среди каганского окружения и в портовых (или торговых) городах, в значительной степени заселенных евреями.

Интересен и состав диких животных, являвшихся объектами охоты, кости которых попадались изредка в слое и заполнениях жилищ (таблица 3).

Как видим, количество видов животных весьма невелико. Однако очевидно, что наиболее часто на поселение попадало мясо сайги и кабана. Промысловые животные, от которых брался только мех, вообще отсутствуют в списке. Исключение составляют лиса и волк. Может быть, это кости ручных животных (выросших в поселке щенят)?

Надо сказать, что помимо костей животных и птиц в слое поселения обнаружено большое количество рыбьих костей, в основном крупных осетровых. Кости рыб, как и кости других животных, разбросаны в слое среди других находок. Отдельных скоплений чешуи и костей (свалок) в этом слое не было. О развитии рыболовства в то время говорят не находки останков рыб, а части разной рыболовной снасти: грузила для сетей и железные крючки, предназначенные, судя по величине, для ловли исключительно крупной рыбы. Мелочь на такие крюки не шла, а попавшую случайно в неводы, видимо, выбрасывали назад в воду. Вполне возможно, что именно следствием этого обычая или правила, широко практикуемого среди рыбаков всех частей света, явилось распространение сказочного сюжета о рыбаке и рыбке, об отпущенной щуке и пр. Во всяком случае, отпуская молодь, рыбаки понимали, что делают благое дело и, естественно, ждали от богов благодарности, которую в сказках и получали.

Сухость песчаной горы, на которой стоял поселок, обеспечила прекрасную сохранность железа. Благодаря этому находки позволили уверенно говорить о развитом земледельческом хозяйстве. Другие железные предметы, найденные на мысу, дали возможность столь же уверенно судить о процветавших в поселке по крайней мере двух ремеслах — кузнечном и столярном [6, рис. 14; 7, рис. 41]. Неоднократно изданные и интерпретированные в работах разных авторов найденные нами наковальни, молоты и молоточки, клещи, ножницы для резки металла, напильники, сверла, ложкари, долота и скобели в целом дают ясное представление о высокой степени развития этих ремесел.

Были ли на городище другие ремесленники, мы сказать не можем. Даже о керамике нельзя утверждать, что она изготовлялась местным гончаром (исключая, конечно, лепные сосуды, сделанные женщинами для своего личного пользования).

Все сосуды, сделанные на круге, могли быть привезены хотя бы с базара из близлежащего Саркела. Налаживать собственное производство было просто не нужно. К тому же следует учитывать, что организация гончарного производства довольно долгое и трудоемкое дело: надо найти подходящие пласты глины, соорудить печи для обжига, нанять для этого печника-мастера, а также ремесленника-керамиста или выделить его из числа своего аила. На все это не хватило времени: поселение существовало совсем недолго.

При датировке этого поселения следует учитывать прежде всего тот факт, что подавляющее количество вещей в нем было обнаружено на уровне поверхности культурного слоя именно этого поселения, почти непосредственно под слоем строительного мусора и иногда даже, видимо, при небольших перекопах, попадая в этот мусорный слой.

Эта интенсивно насыщенная находками «прослойка» усиливала впечатление разгрома, обрушившегося на поселение. Вещи были как бы разбросаны по поверхности: растеряны во время поспешного бегства. Возможно, части населения удалось спастись, некоторые из них зарыли в тайнички клады из тяжелых железных орудий, надеясь на возвращение. Однако многие женщины и дети не успели выскочить из юрт. Враги ворвались в поселок и убивали наименее расторопных прямо у их еще непотухших очагов. Не погребенные, а только прикрытые слоем пожара трупы, как правило, были растерзаны зверями, кости скелетов перемешаны, разбиты, разгрызены. К редким исключениям относится женский скелет, лежавший почти нетронутым вдоль стенки одной из юрт центрального круга (№ 2) [3], у голеней которого было обнаружено 8 целых монет и 42 обломка сасанидского, арабо-сасанидского и различных арабских чеканов. Один обломок принадлежал монете редкого хазарского чекана. Древнейшей монетой клада была драхма Хормизда IV (579—590 гг.), самыми поздними были обломки дирхемов Харуна-ар-Рашида (786—809 гг.) [11—13]. Казалось бы, благодаря этой счастливой находке мы получили время жизни поселения — конец VI — конец VIII в. В эти два столетия был накоплен попавший к нам в руки клад.

Несмотря на видимую очевидность этой ранней датировки, массовый материал на городище дает нам неопровержимые доказательства, позволяющие относить памятник к «классическому» веку развития салтово-маяцкой или, вернее, хазарской культуры, а именно к IX в., а это значит, что поселение было синхронно Саркелу. Это подтверждается прежде всего полными аналогиями керамического материала и железных изделий. В Саркеле железо сохранялось много хуже, но все же можно с абсолютной уверенностью утверждать, что саркельцы пользовались такими же, как и жители Правобережного поселка, земледельческими орудиями, типологически неотличимыми орудиями кузнечного дела и всадничества, идентичными украшениями. Однако наиболее веским доказательством сосуществования поселения и Саркела являются, как мне представляется, находки кирпичей в юртах. Кирпичи использовались в качестве порожков, из них строились столики у очагов и даже «тёры». Важно учитывать тот факт, что на поверхности всех этих кирпичей сохранились остатки извести: видимо, они были вынуты из кирпичных кладок.

Благодаря дошедшим до нас сведениям письменных источников мы знаем, что все каганские здания в Итиле были выстроены из кирпича и существовал закон, запрещавший строить из этого материала простым смертным: на кирпич имел право только сам каган [23, с. 192]. Саркел был, как известно, собственно каганской крепостью, выстроенной по указанию кагана. Если же укрепления строились без его приказа, то их возводили из дерева и земли, как на поселениях у хуторов Карнаухово и Средний [3, с. 26, рис. 10; 14, рис. 1, с. 264], как у станицы Семикаракорской — из сырцового кирпича [3, с. 115], или же из белого мелового камня, как на Правобережном мысу. Таким образом, вокруг Право-

[3] В том же жилище у очага обнаружен разрозненный скелет ребенка.

бережного поселения нет ни одного укрепления с кирпичными стенами или отдельными постройками, кроме Саркела. Именно оттуда привозились на Правобережное кирпичи, полученные в результате разборки каких-то саркельских помещений, т. е. во время частичных перестроек, которые вряд ли могли начаться сразу же после строительства. По-видимому, прошло не менее 5—10 лет до того, как возникла потребность хотя бы частичных перепланировок, возможно, связанных уже с заселением военной крепости первыми «гражданскими» жителями. Вот тогда и смогли потащить из Саркела кирпичи (а иногда и обломки) на соседние или близкие к крепости кагана поселения. Раскапывавший Семикаракорское городище В. С. Флеров [24] справедливо полагает, что заложенные беспорядочно в сырцовых стенах обожженные кирпичи стандартных саркельских размеров, естественно, не играли практической роли «креплений». Скорее всего это были какие-то магические включения, долженствующие укреплять стену одним своим присутствием. Каган был в государстве олицетворением могущества, средоточием сакральной силы, и предметы, связанные исключительно с ним, вероятно, также считались как бы охранительными амулетами домов и других крепостей. Видимо, эту охранительную функцию выполняли кирпичи в карнауховских жилищах и юртах Правобережного поселения. Недаром в юртах их помещали у порога, у очага и у «тёра» — в местах, где охрана представлялась весьма желательной.

И. И. Ляпушкин не сомневался в синхронности Карнаухова с периодом жизни Саркела-города в первую очередь из-за находок кирпичей в жилищах. Очевидно, первые юрты на Правобережном были поставлены тогда же — уже после начала разборки каких-то саркельских строений, т. е. не ранее конца 40-х годов IX в. Просуществовало поселение недолго. Судить об этом мы можем, конечно, только по косвенным данным, важнейшим из которых является сравнительно тонкий (местами всего 0,2—0,25 м) культурный слой этого поселения, наросший вокруг юрт. При этом следует еще учитывать особую интенсивность его роста: основным ингредиентом слоя был сыпучий легкий песок, особенно активно надуваемый на поверхность мыса в периоды летних суховеев. Вторым обстоятельством, позволяющим говорить о краткосрочности жизни поселения, представляется малое количество хозяйственных ям, которыми, как говорилось, забиты другие поселки. Несомненно это можно объяснить нестойкостью грунта, если говорить о зерновых ямах, но небольшие ямы-погребки были нужны в любом хозяйстве: новые как хранилища продуктов, старые — полузасыпанные служили помойками. Существенно то, что на поселении практически не было помоек, да и отбросов (битой посуды) в слое накопилось сравнительно с другими поселениями немного. Находки были в основной массе в слое разгрома.

Наконец, весьма показательным представляется мне отсутствие в окрестностях мыса могильника. Самые тщательные разведки и опросы местных жителей до сих пор не дали ни одной находки, которая могла бы свидетельствовать о существовании где-то поблизости могильника. Видимо, он просто не успел сформироваться. На самом поселении мы обнаружили два отдельных погребения — старика и мальчика, эти двое успели умереть и быть погребенными, скелеты их хорошо сохранились в отличие от скелетов убитых в юртах женщин и детей (рис. 5, *В*, *Г*; рис. 6, *А*, *Б*).

Итак, представляется весьма вероятным, что жители поселка не только не создали еще устойчиво налаженного быта, но и не нуждались пока в формировании могильника, а следовательно, не умерло еще первое поколение переселенцев (исключая старика). Конечно, возможно, что умерших возили на какое-то дальнее родовое кладбище, но, как правило, около поселений и зимников возникали собственные родовые или семейные кладбища [25, с. 41—43].

В совокупности все перечисленные данные позволяют говорить о том, что поселение существовало не более 15—25 лет. Затем оно было разграблено и разрушено. Случилось это, исходя опять-таки из всего сказанного, примерно в 60-х годах IX в.

Таблица 4

Антропологические данные о скелетах, обнаруженных на городище

№	Место находки	Пол	Возраст	Антропологический тип	Болезнь	Следы ран
1	Жил. 2	Ж	Возм.	САМ	—	Голова разбита
2	Жил. 7	Ж	Зрел.	САМ	Сифилис	—
3	Жил. 8	Ж	Возм.	САМ+монг. ЮС	—	Голова разбита
4	Жил. 12	Ж	Зрел.	Бр. Е+монг. М	Искривление крестца	—
5	Жил. 12	Ж	Стар.	САМ	Артроз	—
6	Жил. 20	Ж	8 лет	Бр. Европеоид	—	—
7	Жил. 25	Ж	Возм.	САМ+монг.	—	Голова отрублена
8	Жил. 25	Ж	»	Мезокран	—	»
9	Жил. 25	Ж	»	САМ+монг.	—	»
10	Жил. 25	Ж	Юн.	СЗМ	—	»
11	Жил. 30	Ж	Возм.	Бр. Е+ПА	—	—
12	Раскоп II	Ж	Зрел.	САМ+ПА	Артроз, сифилис, остеомелит	—
13	Погр. 1	М	Стар.	САМ+монг.	—	—
14	Погр. 2	М	8 лет	Бр. Евпропеоид	—	—

Примечание. САМ — тип среднеазиатского междуречья; СЗМ — средиземноморский долихокранный тип; ЮС — южносибирский; М — маньчжурский; ПА — переднеазиатский; Бр.Е — брахикран-европеоид; монг.— монголоид; знак «+» означает примесь; возм.— возмужалый возраст; зрел.— зрелый; стар.— старческий; юн.— юный.

Кем этнически были жители поселения и кто во второй половине IX в. мог уничтожить его?

Все антропологические определения, включенные в табл. 4, сделаны В. В. Гинсбургом [26, с. 295—307], а патологические изменения исследовал Д. Г. Рохлин [27]. Помимо двух целых и 12 разрозненных скелетов, изученных этими учеными, в жилищах были обнаружены кости еще восьми убитых: в жил. 1 — трех взрослых, в жил. 2 кроме женщины прямо над очагом были обнаружены кости ребенка примерно 3—5 лет (молочные зубы), в жил. 3 — останки женского скелета, а в жил. 12 помимо двух определимых найдены кости третьей женщины. В жил. 20 вместе с женщиной были убиты двое детей 7—10 лет.

Эти сведения дополняют картину бедствия, обрушившегося на поселение, но при постановке этнических вопросов особенную важность приобретают приведенные в табл. 4 антропологические данные. В. В. Гинсбург в заключении своей статьи писал, что черепа жителей Правобережного поселения типологически ближе всего к черепам Зливкинского и Новопазарского могильников, справедливо относимых всеми исследователями к праболгарскому этносу. Следует отметить, что он отмечал бо́льшую монголоидность этих черепов сравнительно с протоболгарскими, сопоставляя некоторые из них даже с черепами из печенего-гузского беловежского могильника [28]. Не исключено, что эту специфику следует объяснить наличием на поселении какого-то иного, хотя и очень близкого болгарам этноса, отличающегося более сильными связями с восточными степными этносами (вплоть до Маньчжурии). Возможно, что это были хазары: в них наблюдалось сходство с черепами саркело-беловежского городского могильника (наиболее старой его части) [29, с. 101], где безусловно могли быть собственно хазарские захоронения. Однако в настоящее время приходится констатировать, что никто еще не изучал черепа из захоронений, которые с уверенностью можно было бы относить к хазарским. Поэтому мы пока вряд ли имеем достаточные основания

сделать какие-либо более определенные выводы о наличии хазар на Правобережном.

Очевидно, с уверенностью можно говорить лишь о том, что Правобережное поселение, как и сотни других аналогичных и синхронных ему в степях бассейна Нижнего Дона, принадлежало протоболгарам, начавшим осваивать эти земли еще со времен Батбая, т. е. с конца VII в. [30]. Логично предположить, что разгромить этот небольшой поселок могли усилившиеся в степях именно в середине — второй половине IX в. венгры [10, с. 391], образовавшие где-то на обширных землях каганата свой племенной союз, названный по имени вождя Леведией. Однако следует учитывать, что весь очень короткий срок своего пребывания в каганате (всего 3 года, по данным Константина Багрянородного [31, с. 159]) венгры были фактически вассалами кагана и вряд ли в такой ситуации решились бы напасть на поселение, находившееся по существу в округе хазарского города.

Константин Багрянородный писал, что венгры Леведия были оттеснены со своих пастбищ далее на запад печенегами. По-видимому, именно эти последние, прорвавшись на хазарскую территорию, не только заставили уйти с удобных донских пастбищ венгров, но и разгромили несколько попавших на их пути поселений-зимников. В их число попал и Правобережный.

Основные силы печенегов еще не двинулись тогда (во второй половине IX в.) со своих заволжских кочевий. С Леведией воевали их авангардные отряды, в которые собирались смельчаки, прежде всего молодежь. Женщин в такие опасные рекогносцировочные походы не брали. Это позволяет предположить, что нападение на поселение объяснялось даже не столько необходимостью обогащения, а добычей (захватом) женщин. Возможно даже, что малое количество находок украшений в культурном слое (при общей очень хорошей сохранности металла) объясняется захватом части женщин нападающими. Женщины, естественно, забрали с собой и украшения. Убитых женщин было много на центральном участке, где жили наиболее влиятельные члены большой семьи. Их жены не желали менять положение хозяек на совсем еще неясную долю полонянок. Кстати, все убитые женщины были довольно солидного возраста для того времени (от 30 до 70 лет, некоторые из них были опасно и заметно больны). Они пытались, по-видимому, защищаться и защитить своих детей: в ряде юрт их скелеты смешаны с детскими.

Предположение о захватах жен-полонянок подтверждается как будто и антропологически. Дело в том, что при исследовании черепов так называемых поздних кочевников (печенегов, гузов и половцев) поражает их сходство с черепами болгар-хазар. Это те же европеоиды-брахикраны, может быть, с немного большей примесью монголоидности. Ясно, что генотип прежних обитателей степей сохранялся и удалось уберечь его от уничтожения женщинам, которые обычно насильно уводились из мирных поселков в кипящие котлы кочевых орд. Может быть, этим объясняется почти полное отсутствие у печенегов женских погребений, совершенных по принятому у них обряду. Скорее всего их жены «первого поколения» были полонянки, скромно погребаемые где-то в степях, не на стационарных кладбищах, но по своему обычаю, т. е. без сопровождающего чучела коня, без вещей и чаще всего даже без запаса пищи.

Все мужчины были перебиты вне территории Правобережного поселения; очевидно, битва происходила вне его, и потому скелеты убитых мужчин не были обнаружены на поселении. Поселение было сожжено и заброшено, хоронить убитых было некому.

Песчаный в своей основе грунт способствовал быстрому затягиванию ран на поверхности земли. Видимо, через год или два неглубокие котлованы сожженных юрт начали активно затягиваться окружающим их слоем. Все заросло высокой травой.

Высказанная гипотеза о взятии поселка печенегами, конечно, не единственно возможное решение этого вопроса. Бедствие могло обрушиться и в результате каких-то внутренних разногласий. Например, жители поселения или их глава

излишней самостоятельностью могли разгневать кагана и правителя Саркела, которые приказали разорить его, передав удобный мыс с окружающими его землями другому владетелю, который и начал строить на нем белокаменный замок.

Поскольку Саркел стоял на пересечении сухопутного пути из Закавказья на северо-запад и водного пути от Черного до Каспийского морей, строительство дополнительной береговой крепости в округе города было вполне целесообразно.

Более подходящего места для постройки крепости, чем мыс бывшего поселка, пожалуй, на этом отрезке Дона не было, поэтому решено было немного подровнять еще не затянувшиеся вполне впадины и поставить на мысу такое укрепление, которое трудно было бы взять с налета. Так началось строительство крепости.

Меловой камень брали из каменоломен правого берега. Экспедиция В. С. Флерова, шурфуя в поисках могильника коренной правый берег у городища, обнаружила на пологом склоне верхней террасы под слоем глины меловые отложения щебня. Такие отложения всегда сопровождают массивы меловых напластований, которые шли выше по склону террасы. Вот их, видимо, нашли и начали разрабатывать византийцы и хазары еще в период строительства Саркела. Византийский инженер забраковал этот камень в качестве материала для возведения стен [31, с. 173], но для изготовления извести он годился. Вероятно, тогда же начали пользоваться открывшимися каменоломнями и местные жители, в частности Правобережного поселения. Для сооружения в юртах «мебели» они вырубали там блоки разной величины и пропорций, разительно отличающих их от блоков, изготовляемых впоследствии для строительства белокаменной крепости. Мы подчеркиваем этот факт потому, что находки блоков в жилищах в значительной степени способствовали появлению вывода о синхронности крепости и открытых как бы внутри ее стен жилищ. Однако прослеженные нами факты перекрытия жилищ стенами и, главное, слоем строительства, в том числе «валами», зафиксированными на плане Санцыперова, о чем говорилось выше, с очевидностью свидетельствуют о «двухэтапности» существования жизни на мысу в IX в. Что касается обнаруженных в жилищах блоков, то, во-первых, они вдвое (или даже более) меньше настенных-крепостных, во-вторых, небрежная обработка их поверхности (фактически без заглаживания) явно не годилась для безрастворной кладки, в которой поверхности блоков должны «притираться» друг к другу.

Итак, камень брали из уже хорошо известных ко времени строительства каменоломен. Мастера-каменщики в этом округе каганата были достаточно квалифицированными строителями. В Саркеле, по-видимому, именно ими был сооружен прекрасный круглый в плане белокаменный колодец из тщательно обтесанных трапециевидных насухо пригнанных блоков [2, с. 24]. Следовательно, техника сухой кладки из меловых обтесанных камней была уже здесь хорошо освоена.

На мыс привозили, вероятно, необработанные глыбы и уже на месте строительства их обтесывали и выравнивали поверхность. Крепость принадлежала не кагану, а его вассалу, так как строилась не из кирпича. Была, видимо, и другая причина: надо было построить побыстрее. Выломать камень, привезти его и сделать из него крупные блоки для облицовки стен было много быстрее строительства из обожженного или даже сырцового кирпича, укладывавшегося в стену сплошным массивом.

Сколько лет строили эту крепость? Мне представляется, что строительство несколько затянулось и не было окончено. Возможно, что не был даже засыпан камень и щебень внутрь поставленных панцирей. Ведь на мыс везли необработанные блоки специально, так как все «отходы производства» предполагалось использовать в качестве основного компонента стены: засыпки между двух блочных панцирей. Судя по чертежам Санцыперова, действительно были участки стены, где засыпи между панцирями не было. Этот факт, а также то, что строительные отходы даже не были убраны с площадки крепости, свидетельствуют

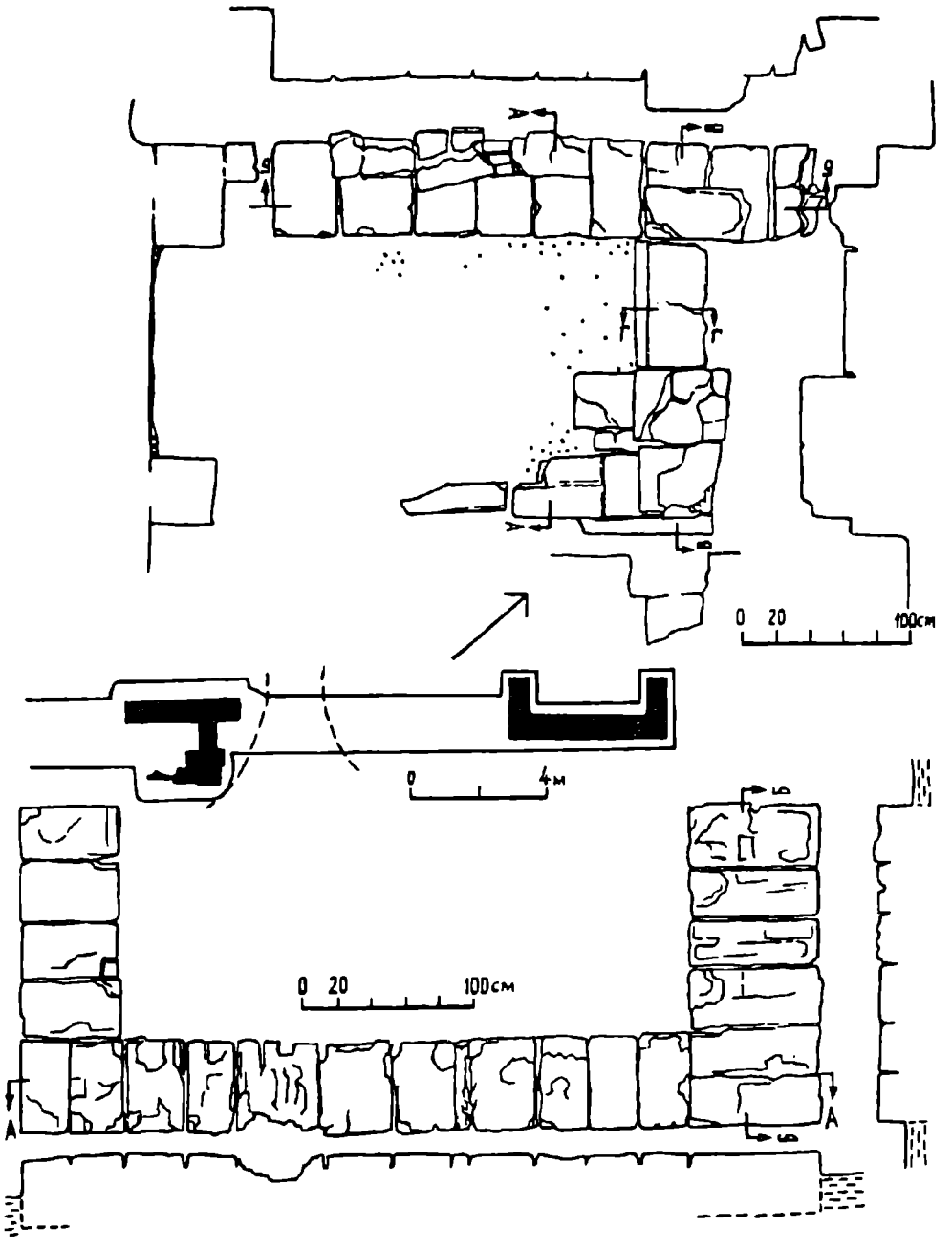


Рис. 9. Привратные сооружения: *А* — сооружение 1; *Б* — сооружение 2; *В* — схема расположения пристроек и направление предполагаемой дороги около одной из них (обозначено пунктиром)

о полном отсутствии периода жизни полноценной крепости с достроенными стенами и необходимым гарнизоном. Думается, что крепость в том виде, в каком она закончила свое существование, строили около 5 лет, причем, видимо, построили сначала ворота и привратные сооружения, поскольку надо было укрепить самую слабую — напольную часть (рис. 9, *А*, *Б*). Это подтверждается наезженностью дороги у ворот (стертостью культурного слоя до материка) и обитостью углов одной из построек, мимо которой явно шло активное движение.

Населением строящейся крепости были строители, работавшие только в теплое время года (без снега), т. е. от апреля до ноября, так же, как и кочевали [32, с. 102]. Зимовали, как и кочующая часть населения, в теплых стационарных жилищах на соседних поселениях, скорее всего в Саркеле. Летом на мысу жили

в наземных легких переносных юртах. Расположение находок в раскопах в слое на глубине 0—0,2 м характеризуется некоторой неравномерностью. Очень четко при картографировании находок прослеживаются участки, почти совершенно свободные от находок, причем иногда они имеют округлую форму. Вполне вероятно, что именно на этих участках стояли юрты строителей, которые, естественно, были на временных — сезонных стойбищах довольно небрежны, бросая хозяйственные отбросы непосредственно вокруг жилищ. Так, битая посуда, кости животных и рыб насыщали образующийся вокруг юрт быстро нарастающий дерновой гумусированный слой.

Питались строители крепости в основном рыбой, организовав настоящие «рыбные промыслы». Запасов рыбы здесь нам обнаружить не удалось — вся она (сушеная и копченая) отвозилась на зиму по местам жительства строителей. Отходы рыбного производства они сваливали в обычные помойки, используя наиболее глубокие западины от котлованов стоявших там юрт прежнего поселения. Рыбьи чешуя и кости перекрывают заполнения многих котлованов, четко выгибаясь над ними более или менее толстыми линзами.

Помимо рыбы строители питались и мясом других животных, домашних и диких.

Несмотря на крайне малое количество определимых костей, мы можем говорить, что ни в составе стада, ни в составе диких животных, на которых преимущественно охотились для добычи пищи, и, главное, в пропорциональном их отношении друг к другу отличий от нижнего слоя нет. Это естественно, так как и время, и культура остались прежними.

О том же с еще большей убедительностью свидетельствует комплекс керамических находок и очень небольшое количество металлических предметов и их обломков. Существенно, что в составе керамических сосудов фактически не было красноглиняных кувшинов с плоскими ручками: найден всего один обломок венчика диаметром 8 см, относящийся ко времени не позже IX в. [33, рис. 45, 51; 34, с. 54—57].

Что же случилось с крепостью, с прекратившимся на ней строительством? Следует учитывать, что в ее сооружении не были заинтересованы ни печенеги, ни гузы, ни русы, пробирающиеся по Дону к Волге и Каспию [10, с. 375 сл.]. Крепость могла стать препятствием в захвате этого пути, и, когда стало ясно, что на мысу обосновалась отнюдь не артель рыбаков, русы, возможно объединившиеся с ближайшими к месту действия печенегами, прекратили работы на мысу. Здесь уже не было побоища, строителям просто приказали оставить мыс. Недостроенная крепость стала постепенно разрушаться.

Более на Нижнем Дону не было сделано ни одной попытки поставить где-либо аналогичную белокаменную крепость, хотя бы отчасти напоминающую болгарские придунайские белокаменные крепости, храмы и дворцы.

На степи наступала новая волна кочевничества, и хазары вместе со своими разноэтничными подданными уже начинали изнемогать в борьбе с нею. Было не до нового строительства, хотя далеко на севере, на границе леса с лесостепью у берега Дона, все-таки смогли поставить в защиту от печенегов, а может быть, и от неуемных претензий каганской власти еще один белокаменный замок, широко известный сейчас под именем Маяцкое городище [35, 36]. Но у него была своя судьба и своя история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа//МИА. 1958. № 62.
2. *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела//МИА. 1959. № 75.
3. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на нижнем Дону//ИГАИМК. 1935. Вып. 131.
4. *Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии//СА. 1940. VI.
5. *Ляпушкин И. И.* Раскопки Правобережного Цимлянского городища//КСИИМК. 1940. Вып. IV.
6. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона//МИА. 1958. № 62.

7. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
8. *Коршиков И. С.* Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова//СА. 1985. № 1.
9. *Сизов В. И.* Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону//Тр. VI Археол. съезда. Одесса, 1989. Т. IV.
10. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
11. *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.//Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Вып. III.
12. *Быков А. А.* О хазарском чекане VIII—IX вв.//Тр. Гос. Эрмитажа. 1971. Т. XII.
13. *Кропоткин В. В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе//Древняя Русь и славяне. М., 1978.
14. *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение//МИА. 1958. № 62.
15. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986.
16. *Плетнева С. А.* Правобережное Цимлянское городище//Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1964. XXV.
17. *Нечаева Л. Г.* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.— первая половина II тыс. н. э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
18. *Димитров Дим. Ил.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна, 1987.
19. *Красильников К. И.* Тандыры в салтовских жилищах Подонья//СА. 1986. № 2.
20. *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря-вежи//СА. 1964. № 3.
21. *Плетнева С. А.* Стратиграфические исследования в древней болгарской столице — Плиске//Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990.
22. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
23. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
24. *Флеров В. С.* Раскопки Семикаракорского городища//АО — 1971; АО — 1972; АО — 1973; АО — 1974; М., 1972—1975.
25. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
26. *Гинсбург В. В.* Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища//МИА. 1963. № 109.
27. *Рохлин Д. Г.* Патологические изменения на костях//МИА. 1963. № 109.
28. *Плетнева С. А.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М., 1990.
29. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи//МИА. 1963. № 109.
30. *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья//Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981.
31. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
32. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
33. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
34. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища//Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
35. Маяцкое городище//Тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1984.
36. Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

S. A. PLETNEVA

THE HISTORY OF A KHAZARIAN SETTLEMENT

Summary

A history of the archaeological studies of a Khazar settlement situated near the ancient Khazar town of Sarkel is presented. The site is known as Pravoberezhnoe Tsimlyanskoye fortified settlement. The excavated materials were used in a numerous publications in our country and abroad. Unfortunately, the traditional chronology and, as a result, the interpretation contained an important mistake. The site considered to be unstratified and was dated to the 8th — early 9th centuries. The complex analysis of the data of excavations gave the author the ground for different dating of the site to mid (or late) 9th century, and for the division of the cultural layer into two horizons (or levels). The lower one contained tens of yurta-like dwellings, this settlement was ruined in the 60-s of the 9th century. The upper level is connected with the limestone fortress, the walls of which remained unfinished, as the builders had to leave the place, evidently, as a result of the pressure of the enemies. They were Rus', Pechenegs and others who threatened the Khazar state in the second half of the 9th century.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

КРЕСТ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ 1161 ГОДА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В ПОЗДНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

(к 830-летию знаменитой реликвии)

Эпоха 1920—1930-х гг. была темным временем борьбы нового строящегося тоталитарного государства с остатками прежней России и прежде всего выразилась в борьбе идеологий — новой марксистской, «единственно правильной», со старой христианской, «отжившей». Она началась отнятием церковных ценностей (1922 г.), а кончилась запрещением церковного звона, «мешающего уличному движению» (конец 1920-х гг.), закрытием церквей, высылкой священников, уничтожением церковных памятников (30-е гг.).

Эта геростратовская эпопея не миновала и Белоруссии. Попытки ученых Белоруссии спасти национальные ценности от разграбления оказались тщетными и только некоторые предметы из драгоценных металлов удалось сохранить [1, с. 248]. В 1928 г. по поручению крупнейшего белоруссоведа Ластовского была организована специальная комиссия по спасению в Полоцке знаменитого креста Евфросинии Полоцкой 1161 г., сделанного мастером Лазарем Богшей и хранившегося ранее в Евфросиниевском монастыре. С помощью археолога С. Мелешки реликвию нашли где-то в шкафах полоцкого финотдела и передали в Минский музей [2, с. 28, 29]. Как предмет религиозного культа экспонироваться крест не мог и попал в особую кладовую Могилевского музея, а в 1941 г.— в руки немецких захватчиков и бесследно исчез...

Что это за предмет, пролежавший в церковных зданиях 800 лет как предмет особой чудотворной силы, и немедленно исчезнувший, как только его стали рассматривать в виде материальной ценности? Что такое вообще крест? Для чего он нужен церкви, что символизирует? Что было в кресте Евфросинии с точки зрения религиозного человека прошлого? Почему его так хранили? Только ли из-за драгоценных материалов?

Крест стал христианским символом с первых же веков христианства. Первое датированное изображение креста — на надгробии 134 г. н. э. [3, с. 74]. В языческой Римской империи христианская религия стала набирать силу в IV в. Боявшийся всего сверхъестественного (в язычестве, в христианстве), римский император Константин Великий (ок. 285—337 гг.) в 313 г. издал Миланский эдикт о веротерпимости. Империя вступала в христианский период, ее главным символом был объявлен крест, который воспринимался тогда как символ вселенной. «Крест с его 4 концами означает, что распятый Бог всё вмещает и всё объемлет,— разъяснял в IV в. идеолог восточного христианства Иоанн Златоуст (ум. 407).— Посмотри на звезды небесные и каждый день ты усмотришь среди них знамение креста, образуемое сочетанием звезд» [4, с. 950, 951]. «Как 4 конца креста держатся и соединяют его средоточием, так и силою Божьею держится высота и глубина, долгота и широта, т. е. вся видимая и невидимая тварь»,— вторил ему в VIII в. Иоанн Дамаскин [5, с. 23]. «Крестом Господа нашего Иисуса Христа,— писал он,— упраздняется смерть, разрешен прародительский грех, ад лишен добычи, даровано Воскресение, дана нам сила презирать настоящее и даже самую смерть, уготован путь к первоначальному блаженству, отверсты

© Л. В. Алексеев, 1993 г.

врата райские...» [5, с. 242]. По неписанному апостольскому установлению, крест стал основой всех совершаемых церковных таинств. По представлению средневекового человека, он был наделён особой чудотворной силой, которая ведет к «обóжению» человека. Крест — «неизреченная благодать!» (Иоанн Златоуст [6, с. 45]). Первое упоминание о поклонении распятию относится к VII в. [3, с. 75].

На Руси крест также воспринимался как религиозный символ особой «крестной» силы, в чем часто видят пережитки язычества [7, с. 155]. Уже в «Повести Временных лет» мы читаем, что за нарушение крестного целования Ярославичами Всеславу (1068 г.) «Богъ яви силу крестную» и наведе (...) поганыя (половцев, *Л. А.*) [8, с. 115]. «Кто съступить крестье цѣлование, да сь крестъ взомстить!»,— клялись князья (1142 г.) [9. стб. 310]. «Мстил» именно тот крест, на котором князья клялись и клятва была нарушена. Поэтому при военных столкновениях такой крест полагалось брать с собой — он помогал. Так, в 1097 г. «преступи Святополк крест, надеяся на множество вои. И сретошася на поли на Рожни, испоцившися обоим и Василко възвыси крестѣ, глаголя: (...) Да буди межи нами (очевидно, судьёю, *Л. А.*) крестѣ сь (...) и мнози человѣци благовѣрнии видѣша кресть над Василковы вои» [8, с. 178, 179]. Конечно, клятвопреступник потерпел поражение. Отметим, наконец, своего рода религиозный спор по поводу чудотворной силы креста, разгоревшийся в 1153 г. между Владимиром Галицким и посланником Изяслава киевского боярином Петром Бориславичем. На укоры последнего в нарушении крестоцелования Владимир с издевкой говорил: «сии ли крестец малый!», на что боярин с достоинством возражал: «княже, аче крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли!» [9, стб. 462].

Итак, кресту в древности придавалось огромное значение, это был один из главных символов христианства, в нем находили большую чудотворную силу, ему поклонялись, на нем клялись, его брали с собой в походы, его всячески, следовательно, берегли, энколпионы носили на себе в особых шелковых мешочках (как было обнаружено в раскопках в Мстиславле [10, с. 175, рис. 25, *2, 5, 6*]). Стремление выразить в кресте высокие христианские идеи, «стало сокровенной задачей христианского искусства,— пишут богословы нашего времени.— Поэтому употребление золота и драгоценных камней было связано с желанием представить крест сияющим началом преображенного мира...» [3, с. 76]. Таким крестом был и интересующий нас крест Евфросинии Полоцкой, к которому мы теперь обратимся и попытаемся в этом убедиться.

Начнем с формы. Казнь на кресте была запрещена, как известно, ещё при Константине Великом (IV в.) и форма крестов, на которых казнили, была вскоре забыта. Избиралась теперь она из других принципов, произвольно. Как мы показывали при первой нашей публикации креста, избранная для него шестиконечная форма не являлась господствующей, а на Руси характерна, в основном, для домонгольского времени [11, с. 236—240]. Какие же идеи она отражала? «Шестиконечная форма креста — самый совершенный символ первобытной вселенной,— пишут специалисты в наше время.— Шесть лучей его означают шесть дней творения мира. Он равно символизирует как распространение силы Бога, так и процессы возвращения мира к своему духовному центру ...» [3, с. 75]. Изображения креста Евфросинии представляют «почти всю историю Нового Завета и первобытной церкви, среди обуревавших ее гонений» [12, с. 40 (примечания)], они, следовательно, тоже служат тем задачам, которые отражает его форма. Особую и главную ценность реликвии придают те частицы святых мощей, которые были вложены в ставротеку (лицевая сторона: кровь Христова — верхнее перекрестье, «древо животьное (животворящее, *Л. А.*)» — нижнее перекрестье, обратная сторона: часть гроба Богородицы (верхнее перекрестье), часть гроба Господня (нижнее перекрестье), также кровь святого Димитрия, частицы мощей святых Стефана и Пантелеймона. Все эти священные реликвии вряд ли было легко достать на Руси. Известно, что в 569 г. вдова французского короля Хлотаря

отправляла посольство в Византию, чтобы получить частицу креста Господня, что было удовлетворено женой императора Юстина II (564—578 гг.) Софией [13, с. 36]. Можно думать, что и в этом случае за уникальными реликвиями Евфросиньей снаряжалась в Византию специальная экспедиция — связи у полоцких князей с византийскими императорами были прямые. И действительно: в нашем распоряжении есть глухие свидетельства (на них как-то не принято обращать внимание): Мануил Комнен и патриарх Лука Хрисоверг по просьбе Евфросинии «присылали ей некоторые святыни» [14, с. 534]. Не приходится сомневаться, что посольство за христианскими реликвиями для полоцкой княжны действительно снаряжалось, и совершенно очевидно, что они были нужны ей для задуманного ею уникального полоцкого креста. Предприятие это было настолько из ряда вон выходящим, стоило вложения столь громадного труда (м. б. целой ювелирной мастерской, к тому же лучшей на Руси — см. [15, с. 95, 99]), что на боковых пластинах креста по распоряжению Евфросиньи была выбита своего рода вкладная грамота, сообщающая, когда и чьим иждивением сооружен этот уникальный предмет, для какой церкви, сколько он стоил, всё это было «уравновешено» страшным заклятием о неотчуждении, а мастер Лазарь Богша решился проставить небольшой текст и о себе (!). Подобный заказ он выполнял впервые.

Не следует думать, что вклад Евфросиньи был хоть в какой-то степени заурядным явлением. Нашей истории хорошо известны драгоценные вклады князей и бояр в церкви и монастыри; Ипатьевская летопись сообщает о небывалой деятельности по оснащению и украшению храмов драгоценностями, в частности, Андреем Боголюбским и Владимиром Васильковичем [9, с. стб. 581, 925, 926], она перечисляет все что было вложено этими князьями, однако ничего подобного кресту Евфросинии там нет. Здесь, естественно, возникает вопрос, откуда же происходил его мастер?

В своё время, занимаясь исследованием евфросиньевского креста, я указывал, что аналогии его эмалям скорее всего можно найти в русских кладах предмонгольской поры, «принадлежность» их к русскому искусству сомнений не вызывала, было очевидным, что ставротека сделана русским мастером и, подчиняясь традиции, я заключил, что Лазарь Богша мастер из Полоцка [11, с. 230, 242]. В действительности же определить происхождение мастера можно было только после специального и квалифицированного (как и целенаправленного) исследования тончайших технических приемов изготовления перегородчатых эмалей, после скрупулёзного искусствоведческого анализа. Понимая это, белорусский археолог Г. В. Штыхов неоднократно указывал, что некоторые элементы декора креста (орнаментальные розетки) свойственны, якобы, «ювелирным изделиям, производимым в Полоцке» [16, с. 110]; какие это изделия, кто доказал, что они полоцкие, исследователем не сообщалось. Это было сказано в 1975 г., повторено в 1987 (и также без доказательств [17, с. 122]). Однако еще в 1975 г. вышло из печати обширное исследование древнерусских перегородчатых эмалей, где Т. И. Макарова, тщательно исследовав эти замечательные изделия, пришла к важному для истории русского прикладного искусства выводу, что в кресте Лазаря Богши «собраны, как в фокусе, все достижения, которых добилось эмальерное дело Руси за короткий отрезок времени, отделяющий его первые шаги от 60-х гг. XII в.» [15, с. 73]. Доказав, что искусство Богши «не знает себе равных в ряду русских эмальеров» установив индивидуальные приемы работы Лазаря, Т. И. Макарова определила и другие изделия, сделанные его рукой (пластины Каменнобродской цаты, медальон барм 1824 г. с Христом). Она определила также эмали, принадлежавшие школе Лазаря Богши и сделанные, по-видимому, его учениками (медальоны Рязанских барм с Ириной и Варварой, образок с Марией из Рязани), наконец, ей удалось установить предметы, близкие к кругу мастерской Лазаря. Все аналогии бесспорным произведениям этого замечательного мастера тянули к Киеву. Далее следовал вывод: мастер Лазарь Богша, превосходивший мастерством всех киевских мастеров, сам работал в Киеве. К нему и обратилась Евфросинья со своим уникальным заказом [15, с. 100]. Нам

непонятно, почему Г. В. Штыхову в его книге о городах Полоцкой земли этот вывод кажется «достаточно неподкрепленным» (почему, не указано) [18, с. 136], а вместе с тем, как я уже писал в 1957 г. после консультации в Институте русского языка АН СССР, употребление «омеги» вместо «О» в слове Офросинья — «может быть объяснено каким-то именно южно-русским влиянием. Для возникшего позднее украинского языка стало характерным явление «е», которое в слоге перед следующим редуцированным гласным переходило в «ѣ» [11, с. 232, прим. 2]. Выводы лингвистов таким образом могут также свидетельствовать в пользу происхождения Богши. Конечно, не исключено, что происходить он мог из западно-белорусских (где есть имя «Богша», правда, мы знаем и «Богша — рушанин» — из Руссы [19, с. 61]) или западно-украинских современных земель, откуда, возможно, и «злото» и «пискуп» (характерный полонизм, встречающийся в западно-русских памятниках [11с, с. 232]). Однако, мастерская его была, вероятно, в Киеве (но это не строго: полоцкие мастерские неизвестны).

Как же все-таки такой уникальный и дорогой предмет так тщательно хранился в течение 800 лет? Ключом к пониманию, как к нему относилось средневековое население, может служить текст Никоновской летописи 1563 г. Говоря о походе Ивана Грозного на Полоцк, летописец упоминает, какие святыни взял с собой богобоязненный царь для того, чтобы поход был успешным: «икону Пречистыя Богородици, сиречь, Донскую, (...) Пречистую Богородицу чудотворную Колоцкую и иные образы и кресты...» Здесь он вспомнил, что среди крестов был еще уникальнейший чудотворный крест Евфросинии и приписал явно из другого источника: «Когда же боголюбезный царь и великий князь, мысля итти на отступниковъ крестiанскiя вѣры на безбожную Литву, бѣже тогда въ его царской казнѣ крестъ полотцкiй, украшенъ златомъ и каменьiемъ, драгимъ, написано же на крестѣ: «зделанъ сiй крестъ в Полотцку повелѣнiемъ княжня Ефросинiи и поставленъ во церкви всемилостиваго Спаса, да не износить его ис тоѣ церкви никтоже; егда же кто его изъ церкви изнесетъ, да прiиметъ съ тѣмъ судъ въ день судный».

Нѣцыи же повѣдаютъ: впрежнiи нѣкогда Смолняне и Полочане держаше у себя государей князей по своимъ волямъ, и межъ себя Смолняне съ Полочаны воевахуся, и тотъ крестъ честный Смолняне въ Полотцку взяша въ войнѣ и привезоша въ Смоленескъ; егда же благочестивый государь князъ великiй Василей Ивановичъ всея Русiи вотчину свою Смоленескъ взялъ, тогда же и тотъ честный крестъ во царствующiй градъ в Москву привезенъ. Царь же и великiй князь тот крестъ обновити велѣлъ и украсити. И тот честный крестъ (Иван Грозный, *Л. А.*) взя съ собою и, имѣя надежу на милосердаго Бога и на крестьную силу, побѣдити враги своя, еже и бысть...» [20, с. 347].

Как видим, крест описывался по памяти, автора поразили не уникальные реликвии, вложенные в него, не его дата и подпись мастера, но то, что он сделан по заказу княжны Евфросинии Полоцкой (как он думал, в Полоцке), что украшен он был золотом и дорогими каменьями и имел заклятье против воровства, содержание которого он передал лишь приблизительно. Для нас важнее вторая часть сообщения — та, где идет рассказ, очевидно по устным преданиям, об истории креста.

Оказывается, крест Евфросинии пролежал в Полоцке совсем недолго. Войны Полоцкого княжества с княжеством Смоленским, как мы знаем, падают на 1180 г.— середину XIII в. [21, с. 280—288]. Видимо, в XIII в. он и был перевезен смоленскими князьями, захватившими Полоцк, в Смоленск, где и пролежал, возможно, в Успенском соборе или в одном из монастырей до начала XVI в. Крест Евфросиньи пользовался в Смоленске, видимо, большой популярностью, ему поклонялись и в 1495 г. даже сделали весьма близкую копию его, возможно, для того, чтобы не опускать ценную ставротеку с мощами в воду при водосвятии ([11, с. 237; 22], как опасались делать в 1841 г., когда реликвия попала в Москву и Петербург и ее заменили другим крестом, о чем — ниже).

Завершение образования Русского централизованного государства в первые

десятилетия XVI в.— эпоха Василия III (1505—1533 гг.) — сопровождалось как известно, широким строительством храмов, основанием древних икон и т. д. Сам великий князь распорядился реставрировать византийскую икону Владимирской Богоматери (1514 г.) [20, с. 17]; в 1518 г. он приказывал привезти для поновления старинные образа из Владимира и «сам многажды своими руками касаяся и тружася к святым иконам въскоре (их) обнови (...) серебром и златом украси» и затем в 1520 г. отослал их обратно [20, с. 30, 35]. Ясно, что при таком рвении к церковным святыням он, захватив Смоленск (1514 г.), немедленно вывез оттуда полоцкий чудотворный крест. Как большая драгоценность и военный трофей реликвия попала не в митрополичью казну, а в царскую и употреблялась в богослужениях, очевидно, редко и по самым большим праздникам. Впрочем, в Москве в то время была и более древняя реликвия, которая успешно, видимо, могла конкурировать с полоцкой. Как мы знаем, в 1534 г., будучи на Волоке (Ламском) с княгиней на своей «царской потехе» (охоте), Василий III начал «изнемогати» — у него «проявися болячка на нозе», «почать болезнь люта от болячки тоя». В воскресенье 23 ноября его привезли в Москву. Умирая, Василий III благославил трехлетнего Ивана «святымъ и животворящимъ крестом», которым благословил в свое время «Петръ чудотворец прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича (Калиту, *Л. А.*) и весь родъ нашъ...». Далее, возможно, по другому источнику летописец объясняет, что крест этот был прислан византийским императором Константином Мономахом Владимиру Мономаху [20, с. 75, 76]. (Константин Мономах умер, как известно, в 1055 г., Владимир Мономах родился в 1053 г.). «Да будетъ тебѣ сий святый животворящий крестъ на прогнание враговъ и борителей наших,— напутствовал умирающий сынъ,— мнози бо иновѣрнии покушашеся на православие, нашу дръжаву, Богомъ порученную намъ и разорить и хотяще, но не возмогоша одолѣти к р е с т н ы я с и л ы, есть бо намъ вѣрнымъ забрала крестъ честный...» [20, с. 76]. Итак, крестная сила данного креста считалась, видимо, большей, чем креста Евфросинии: в эту важную минуту его из государевой сокровищницы не приносили.

Однако Иван Грозный полностью признавал «крестную силу» и за полоцким крестом, как и за многими другими чудотворными иконами, крестами и т. д. Еще когда он был малолетним, его мать Елена приказывала «съ великою врою и многымъ желаниемъ» «вычеканити» золотом и «камениемъ драгымъ украсити» раку митрополита Петра, серебром чеканить раку митрополита Алексея [20, с. 92]. Следуя примеру матери, Иван Грозный, придя в возраст, реставрировал крест Евфросинии и следы его реставрации хорошо видны на фотографиях этой реликвии [11, рис. *5*, *4*, *5*]. Вера в силу креста была у него настолько крепка, страшное заклятие о неотчуждении действовало на средневекового человека столь сильно, что набожный царь взял реликвию в поход на Полоцк в 1563 г., очевидно, поклявшись, что вернет ее на прежнее место, если она ему «поможет» вернуть город. Совершив молебствие в Луках 10 января в церкви Христова Воскресенья, где несомненно участвовала и полоцкая реликвия, Грозный с войском двинулся через Невельские леса к Полоцку 14 января. Это «путное шестие» кончилось у своей цели 31 января. После длительной осады 15 февраля город был сдан, 18-го Грозный въехал в завоеванный город и «повелѣ (...) (архимандритам и игуменам) и всему освященному собору итти во град Полотеск съ пречудным образом пречистые Богородицы Донскимъ и сѣ иными образы и сѣ честными кресты. Самъ же царь и великий князь идяше за чудотворными образы и за честными кресты...» [20, с. 359]. Нет сомнения, что в победном шествии православных реликвий несли и крест Евфросиньи, который Грозный, не взирая на его исключительную материальную ценность, вернул Полоцку[1].

[1] В книге П. Н. Батюшкова, где излагается подробно история креста, сообщается, что он «в течение четырех столетий находился в Спасской обители. Перед завоеванием Полоцка царем Иоанном Грозным монахини перенесли его в Софийский собор, в г. Полоцк» и т. д. [12, с. 42]. Все это неточно и неверно.

Дальнейшая судьба креста в XVII—XVIII вв. нам опять почти неизвестна. Есть какие-то глухие сведения, что, очевидно, перед передачей Спасского монастыря иезуитам Баторием (завсевал Полоцк в 1579 г.), он был перенесен в оставленный православным Софийский собор, который вскоре стал принадлежать униатам. Униаты продолжали ценить реликвию, не реагировали на иезуитов, домогавшихся, якобы, возвращения ее Спасской церкви и даже отняли ее у иезуитского монаха, выкравшего в соборе крест и заменившего его подделкой [12, с. 42]. Известный униатский деятель Полоцка, а затем гродненский архимандрит Игнатий Кульчинский (1707—1747 гг.) писал: «Будучи доктором философии в нашем монастыре, я часто наблюдал, как чтут память этой святыни инокини нашего монастыря и жители полоцкие, а также довольно обширного воеводства. В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест великолепной работы с разными мощами, надпись на нем: «Hans crucem ego famula Christi Parasceva templo S. Salvatoris in perpetum donavi»,— «я раба Христова Параскева, отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса» [23, с. 56, 57]. Такой надписи на кресте нет, и я пытался определить, почему любитель истины Игнатий Кульчинский, видевший крест, позволял себе участвовать в этой лжи [24, с. 103, 104]. Во всяком случае, поступок И. Кульчинского показывает, сколь дорога была на самом деле воля Евфросинии Полоцкой в некоторых униатских кругах.

Следующее известие о кресте относится к 1820-м гг. Как я уже имел случай писать, первое путешествие П. И. Кёппена по Белоруссии ознаменовалось его посещением Полоцка (1819 г.). Несмотря на то, что он интересовался специально древними надписями, консультировался об этом у иезуитов, о кресте, хранящемся в Софийском соборе, никто ему не сказал и только уехав в Витебск, он узнал об этой уникальной реликвии (и смог ее зарисовать в следующий свой приезд в 1821 г.) [25, с. 21; 26, с. 20]. Крест Евфросиньи, видимо, иезуитов не интересовал, или они специально о нем П. И. Кёппену не сказали (см. также: [27]). После воссоединения униатов (1839 г.) интерес к древней реликвии стал всеобщим. Необходимы были средства на ремонт восстановленной епархии и в 1841 г. епископ Василий Лужинский, надеясь на заступничество митрополита Филарета, вывез крест в Москву и Петербург. В интереснейших воспоминаниях полоцкого иерарха немалое место уделено этому путешествию [28, с. 239—241]. Поклонение кресту было грандиозным: в Московском Успенском соборе молящиеся толпились с 5 часов утра до 10 часов вечера, а по ночам его развозили по «домам чиноначалий, вельмож, графов и богатых купцов» для водосвятия (правда, боясь испортить реликвию, в воду опускали другой крест). В Петербурге молебны по случаю прибытия креста Евфросинии (Лужинский привез его как раз к 15 сентября — празднику Воздвижения креста) также не прекращались. По настоянию директора канцелярии Обер-прокурора Синода К. Ст. Сербиновича, получено было разрешение для зарисовки креста художником Н. М. Менцовым, чтобы издать его изображение[2]. Рисунок Н. М. Менцова должен был быть издан [29], как более точный, чем только что изданный несовершенный рисунок, помещенный в «Русском Инвалиде» [32, с. 857], зарисованный, как мы доказывали, П. И. Кёппеном «двадцать пять лет пред сим» [11, с. 226, прим. 3]. Еще в

---

[2] Рисовать евфросиньевский крест приходилось ночами: «имею честь уведомить Ваше Превосходительство,— писал Н. М. Менцов К. Ст. Сербиновичу в обнаруженной мною важной записке от 16 сентября 1841 г.,— что лицевую сторону креста (кроме боковых надписей) я с Божьей помощью уже кончил, оборот начал только сейчас и надеюсь к 1 часу ночи окончить его, а надписи боковые проверить м. б., если нужно будет, то вновь написать постараюсь завтра, придя в церковь в 5 часу утра» [30, л. 5]. Этот важный для истории изучения креста Евфросинии документ объясняет, почему боковые надписи на рисунке Н. М. Менцова сделаны небрежно и во всяком случае, без соблюдения палеографических особенностей надписей. Видимо, ни Н. М. Менцов, ни даже К. Ст. Сербинович о палеографии представления не имели, хотя эта наука уже существовала [11, с. 226, прим. 3]. Сохранилась и еще записка Н. М. Менцова к К. Ст. Сербиновичу, где он спрашивает патрона, «откуда и когда» он сможет получить гонорар за рисунок (31 октября 1841 г. [31, л. 1]).

1820-х гг. митрополит Евгений резко отзывался о палеографических сведениях П. И. Кёппена (письмо к А. Х. Востокову от 19 дек. 1821 г.), подробнее см. [11, с. 226, прим. 3].

Новое изображение креста было издано в 1890 г. П. Н. Батюшковым. Оно ценно тем, что это единственное изображение в цвете, изданное по фотографии — трехцветная хромолитография его лицевой стороны [12, с. 29]. К сожалению, оно весьма мелко и его главная ценность в том, что оно передает цвет эмалей.

Особо широкое поклонение кресту падает на 1910 г., когда в Полоцк были привезены из Киева мощи святой Евфросинии, чему посвящена специальная литература [11, с. 242—244].

Во Вторую мировую войну крест был, как мы сказали, утрачен, долго считалось, что рисунки Н. М. Менцова 1841 г. единственное, что от него осталось и, работая над диссертацией, я провел большую работу по проверке их достоверности [33, с. 352—355]. Специально предпринятые мною поиски в архивах фотографий креста, наконец, увенчались успехом: в фонде И. А. Шляпкина, готовившего некогда большой корпус русских надписей, удалось обнаружить негативы креста, снятые для И. А. Шляпкина в 1896 г. фотографом И. Ф. Чистяковым. Моя первая публикация этих фотографий с исследованием их в 1957 г. [11] положила начало изучению этой древней реликвии; теперь они широко известны и изучаются многими исследователями.

В работах о кресте Евфросинии Полоцкой обычно затрагивают вопросы, связанные с ним, как с ювелирным изделием древности высокого художественного мастерства. Однако никогда не ставился вопрос, какие религиозные убеждения он отражал, как на него смотрело средневековое население, всегда ли отношение к нему было одинаковым. Данных здесь не так много, но они все-таки есть и, конечно, прежде всего, исходят из его боковых надписей, к которым мы и обратимся.

Заклятье в той форме, которая употреблена была Евфросиньей, характерно для большинства вкладных грамот домонгольской поры. Утяжеленное различными ссылками (7 вселенских соборов, которые признавало православие и др.) оно указывает на особую исключительность вкладываемого предмета [11, с. 234, 235]. В заклятии особую важность для наших целей имеет санкция, поставленная Евфросиньей первой, т. е. самой важной: «да не буди ему помощникъ чьстьныи крестъ ни въ сь вькъ, ни (в)ъ боуд(ущий)». Крест, следовательно, рассматривался, как помощник на этом и даже на том свете. Мы видели, что с точки зрения религиозного человека домонгольской Руси крест, на котором клялись в верности, с а м мог отомстить клятвопреступнику — «сь крестъ взомстить» (1142), крест «малый» (энколпион) обладал «великой (чудотворной) силой» (1152). Эта «фетишизация креста», полагает В. Ю. Франчук, восходила к языческим клятвам на оружии и т. д. [7, с. 155], но как бы там ни было, это был христианский крест, на который переносились какие-то языческие реминисценции, хоть христианство существовало на Руси уже полтора века. Б. А. Рыбаковым было сделано наблюдение, что на середину и вторую половину XII в.— на эпоху, когда был сделан интересующий нас крест, попадают «расцвет новых и воскрешение старых языческих сюжетов» древнерусского искусства [34, с. 599], что на время между 1164 и 1169 гг. падает известный по летописи конфликт о языческом мясоедении в Великий пост [34, с. 745], что именно в эту эпоху автор «Слова о полку Игореве» так «свободно и смело пренебрегал сентенциями в церковном духе», насыщая поэму «языческой романтикой» [34]. Это было временем, свидетельствует исследователь, «возрождения язычества в городах и в княжеско-боярских кругах». Нам не приходится удивляться, что возникнув в эпоху возврата князей и бояр к «прадедовским традициям» [34, с. 774], крест Евфросинии, судя по заклятию, несет на себе тоже языческие реминисценции, хотя он прежде всего мощехранильница с нетленными христианскими реликвиями, придающими ему чудотворную «крестную» силу. Драгоценные металлы и каменья

только украшают реликвию, но не являются главными. Многословное заклятие устрашало и запоминалось.

Как мы сказали, Грозный тоже относился к кресту с почтением и верил в его чудотворную «крестную силу». Исходя из заклятия, запрещающего отторгать крест, он, несомненно, поклялся и именно на э т о м кресте, что, если возьмет Полоцк, то вернет крест на прежнее место — куда его вложила Евфросинья 400 лет назад. Значит, материальная ценность реликвии для Грозного была много ниже ее духовной ценности, ее чудотворной силы, названной в летописи «крестной силой».

Просвещенные униаты, как мы сказали, тщательно хранили крест в Софийском соборе, видели, как рядовые инокини монастыря «чтут память этой святыни», но сами надписям на ней не придавали особого значения, перевирали их (И. Кульчинский) и, следовательно, не считали крест «чудотворным». И. Стебельский в конце XVIII в., описывая крест, дал верный перевод надписей, но сделано это было, вероятно, из соображений исторической верности.

Не чувствуем мы прежнего преклонения перед крестом и в поступках бывшего униата Василия Лужинского, возившего реликвию в Москву и Петербург с целью приобретения средств на восстановление епархии, где она «эксплуатировалась» 24 часа в сутки.

Интересно отношение белорусских властей к полоцкой святыне в конце 1920-х гг. В это время ожесточенной борьбы с церковью отнятый у церкви крест лежал просто в обыкновенном районном финотделе! Он, следовательно, и здесь считался не художественной, исторической, даже не материальной ценностью, а прежде всего — богослужебным реквизитом, притягивающим к церкви массу верующих, т. е., как и ранее, прежде всего рассматривался как церковная, т. е. духовная реликвия!

Лишь попав в золотую кладовую Могилевского музея, став предметом только материальной ценности, утратив тем самым свою «чудотворную силу» в глазах его хранителей, крест бесследно исчез[3].

И в этом тоже, как и во всей истории креста, есть некое знамение!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Л. В.* Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20—30-е гг. XX в.//СА, 1990. № 4.
2. *ЛяуданскI А. М.* Нацдэмы у саюзе с рялIгIяй I царкоунIкамI супроць дыктатуры пролетарIата//Савецкая краIна. 1931. № 3.
3. *Иванов В.* Крест (Знак и значение)//Журнал Московской патриархии. 1973. № 1.
4. Святой Иоанн Златоуст. Творение. Т. XI, кн. 1. СПб., 1905.
5. Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1844.
6. *Иоанн Златоуст.* Наставления о молитве и трезвении//Святоотеческие наставления и трезвения. М., 1889.
7. *Фрачук В. Ю.* Языческие мотивы древнерусского летописания//Древности славян и Руси. К 80-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1988.
8. Повесть временных лет. Т. I. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
9. ПСРЛ, т. П. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
10. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
11. *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в.//СА. 1957. № 3.
12. *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб., 1890.
13. *Chitil K., Friedel A., Kondakov N. и др.* Kriz zwany Zavisov. Praha, 1930.
14. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II, кн. 1. Киев, 1908.
15. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М.: Наука, 1975.
16. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.

---

[3] В настоящее время интерес к уникальной реликвии в Беларуси необычайно вырос. Организовывались поиски креста, как внутри страны, так и за рубежом. Опубликованы документы ОГПУ о передаче его из Государственного музея в Минске на хранение в Могилев 21 ноября 1929 г. с подробной описью предмета, составленной при участии эксперта-ювелира [35, с. 48—53]. Среди материала, опубликованного в газетах, особого внимания заслуживает свидетельство старейшего (род. в 1902 г.) крупного белорусского краеведа (в 1941 г.— директор Могилевского музея) И. С. Мигулина о том, как в действительности совершилась пропажа креста [36].

17. Гісторыя беларускага мастацтва у шасці тамах. т. І. Мінск: Навука і тэхніка, 1987.
18. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XX вв.). Минск: Наука и техника, 1978.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
20. ПСРЛ, т. XIII. М.: Наука, 1965.
21. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
22. *Батюшков П. Н.* Памятники старины в западных губерниях империи. Вып. 6. СПб., 1874.
23. *Kulczynski J.* Specimen Ecclesice Ruthenice. Roma, 1733.
24. *Алексеев Л. В.* Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей//Древности славян и Руси. К 80-летию Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1988.
25. *Кёппен П. И.* Дневник «Дорожные записки», тетрадь I, 1819 г.//Архив АН СССР. Ф. 30. (П. И. Кёппена). Оп. I. № 131.
26. *Кёппен П. И.* Путевые записки 1821 года Петра Кеппена. кн. II.//Архив АН СССР. Ф. 30 (П. И. Кёппена). Оп. I. № 136.
27. *Аляксееў Л. В.* Пачатак вывучэння памнікаў//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 4.
28. *Лужинский Василий.* Записки//Православный Собеседник. 1885. Июнь.
29. Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. СПб., 1841.
30. Письмо Н. М. Менцова к К. Ст. Сербиновичу от 16 сентября 1841 г. ЦГИАЛ. Ф. 1661 (К. Ст. Сербиновича), оп. I № 1260. лист. 1.
31. Письмо Н. М. Менцова к К. Ст. Сербиновичу от 31 октября 1841 г.//ЦГИАЛ. Ф. 1661 (К. Ст. Сербиновича), оп. I. № 1260. лист. 5.
32. Крест преподобной Евфросинии княжны Полоцкой//Русский Инвалид. 1841. № 221.
33. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля//Рукопись кандидатской диссертации в библиотеке им. В. И. Ленина. М., 1955.
34. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.
35. *Арлоў Ў.* Хто выкрау крыж Еўфрасінні?//Полоцкий летописец. 1991. № 1.
36. *Мигулин И.* О кресте//Вестник Могилева. 1991. № 38.

Институт археологии РАН,
Москва

L. V. ALEXEEV

THE CROSS OF EUPHROSINYA OF POLOTSK OF 1161 IN MIDDLE AGES AND IN LATER PERIODS

Summary

The article is devoted to a Russian relic — a magnificant masterpiece of the jeweller named Lazar Bogsha. This is the altar cross ordered ca. 1161 by Euphrosinya, the princess of Polotsk for the Spasšky monastery founded by her. It was a relicvarium containing the pieces of the Holy Sepulchre and some saints' relics, ornamented with gold and silver plaques with enamel images of saints. The cross beared a long inscription of magic character and the jeweller's signature. In ancient Russia crosses as symbols of Christianity were worshipped for their miracles and for help in the armed expeditions. According to the Nikonovskaya chronicle Euphrosinya's cross stayed in Polotsk for a short time. After the wars between Polotsk and Smolensk (1180 — mid 13th century) it mooved to Smolensk where it was kept up to the 16th century. It was worshipped as a relic and a copy of it was made. The Moscow great prince Vasily III having captured Smolensk in 1514 took it to Moscow. Then Ivan the Terrible took it to his expedition to Polotsk in 1563 in hope of the miraculous help in capturing the town. The victory was won and the cross was placed again to its original place. In 1579 Stephan Batory occupied Polotsk and the relic mooved to St. Sophia cathedral. In 1920-s the Church was deprived of the cross, it was kept in the financial department of Polotsk. In 1928 it was placed to the Golden Chamber of Minsk muzeum, then to Mogilev muzeum as a material value only. The relic disappeared in the first months of the Great Patriotic war.

Дискуссии

От редакции

В № 3 за 1992 г. нашего журнала была опубликована статья И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток», посвященная актуальным и остро дискуссионным проблемам истории скифов и их культуры. Как и ожидалось, статья вызвала заинтересованные, но неоднозначные отклики специалистов. Ниже публикуются первые из поступивших в редакцию статей — откликов. В одном из последующих номеров журнала дискуссия будет продолжена.

Д. С. РАЕВСКИЙ

О ЛОГИКЕ ПОСТРОЕНИЯ РАННЕСКИФСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Статья И. Н. Медведской посвящена наиболее, пожалуй, на сегодняшний день актуальному аспекту изучения скифской культуры — построению относительной и абсолютной хронологии памятников скифской архаики. При всем, казалось бы, прикладном характере этой задачи особенности имеющихся в нашем распоряжении данных по ранним скифам — и нарративных, и археологических — превращают ее в ключевую, ибо от решения проблем хронологии зависит не только реконструкция событий раннескифской истории и их сопряжение с общеисторическим контекстом (что само по себе, безусловно, существенно, хотя и осуществимо, на мой взгляд, лишь в ограниченных пределах), но в значительной мере и вызывающее острые разногласия толкование процесса формирования скифской культуры и в конечном счете этнокультурное осмысление самого понятия «скифы», а значит, и интерпретация всех без исключения аспектов скифской проблемы (некоторые примеры такого влияния будут приведены ниже).

Нельзя поэтому не приветствовать инициативу журнала по организации широкого обсуждения работы И. Н. Медведской и затронутой в ней тематики, поскольку достижение поставленной автором цели возможно лишь в результате коллективных усилий ученых разного профиля. В частности, та роль, которую в системе рассуждений И. Н. Медведской играют аргументы исторические («анализ исторической ситуации и письменных источников, уточняющих время событий, связанных с кочевниками» СА. 1992, № 3, с. 87)[1] заставляет призвать инициаторов дискуссии не ограничивать круг ее участников археологами, а по возможности привлечь к ней специалистов по изучению древневосточных текстов. Без этого эффективность обсуждения существенно снизится, если вообще не сведется на нет.

Для начала отмечу, что я полностью согласен с И. Н. Медведской относительно

[1] Далее везде стр. в скобках даны по этому изданию.

© Д. С. Раевский, 1993 г.

необходимости заново осмыслить принципы согласования письменных и археологических данных о ранних скифах, равно как и с утверждением, что бытовавшие долгое время в скифологической литературе датировки раннескифских комплексов существенно завышены. Работа по корректировке этих датировок уже начата исследованиями Л. К. Галаниной, Г. Коссака, В. Г. Петренко, С. В. Полина. Предлагаемые ниже замечания обусловлены, таким образом, не возражениями против основной концепции И. Н. Медведской, а касаются исключительно содержащихся в статье способов обоснования этой концепции и конкретных исторических ее приложений.

В короткой заметке нет возможности детально анализировать предложенную автором относительную хронологию комплексов раннескифской культуры — их распределение, вслед за Г. Коссаком [1], по трем последовательным этапам (РСК-1, РСК-2, РСК-3), хотя выбор критериев и степень жесткости этого распределения требуют дополнительного осмысления. Так, вызывает определенные сомнения тезис о полном исчезновении к началу этапа РСК-3 костяных трехдырчатых псалиев с зооморфным оформлением (с. 92), тем более что сама И. Н. Медведская констатирует бытование в Посулье подобных псалиев даже на среднескифской стадии (с. 93). Вряд ли также привлеченного материала достаточно для утверждения об одномоментной, по существу, смене типов зеркал (с. 92). С другой стороны, исследовательница оспаривает правомерность принятого в скифологии использования в качестве хронологических индикаторов удил и псалиев (с. 94), силуэта двухлопастных стрел (с. 94) и т. п. Очевидно, для того, чтобы предлагаемая автором шкала выглядела вполне убедительной, необходимо создание достаточно дробной и обоснованной типологии различных категорий инвентаря и построение наглядных корреляционных таблиц. Но, повторяю, ведение детальной дискуссии на этот счет не входит в данный момент в мои намерения, да я и не считаю себя вполне к ней подготовленным. Больше внимания хотелось бы уделить выходам автора на проблемы хронологии абсолютной и на тесно с ней связанную историческую (в том числе культурно-историческую) интерпретацию анализируемого материала.

Сама И. Н. Медведская так формулирует логику своего исследования. С предложенной ею относительной хронологией раннескифских комплексов эти его аспекты сопрягаются прежде всего постановкой вопроса, «*на каком этапе РСК* кочевники проникли на территорию Древнего Востока». Выявление набора инвентаря, адекватного какому-либо из выделенных этапов РСК, в ближневосточных комплексах и обнаружение связанных с этими комплексами абсолютных хронологических реперов — и археологических, и исторических — «определят датировку этого этапа» (с. 86, 87; курсив мой.— *Д. Р.*). Однако на практике предложенная логическая схема автором не выдержана. С одной стороны, согласно И. Н. Медведской, «немногочисленные скифские древности, найденные на территории Ирана и Турции, показывают, что на Древнем Востоке РСК *представлена своим II этапом*» (с. 95, курсив мой.— *Д. Р.*). С другой же стороны, исходя из мнения (вполне мною разделяемого), что «культура номадов (и киммерийцев, и скифов) была единой, без заметных отличий», исследовательница видит в известных восточных свидетельствах о пребывании киммерийцев в Передней Азии уже около 720 г. до н. э. доказательство «существования культуры номадов, ее I этапа, в последней трети VIII в.» (с. 105). Таким образом, относительная и абсолютная хронология ближневосточных комплексов скифского облика и толкование вопроса о времени проникновения номадов на территорию древнего Востока в рассматриваемой статье, вопреки провозглашенным намерениям автора, оказываются между собой практически не связанными.

То же свидетельство о раннем пребывании киммерийцев в Передней Азии служит И. Н. Медведской главным основанием для утверждения, что сложение раннескифской культуры I этапа «в евразийских степях можно относить по крайней мере к середине VIII в.» (с. 105). Здесь наглядно проявляется отмеченная выше взаимозависимость вопросов хронологии раннескифских комплексов со

всеми прочими аспектами скифской проблемы. Построение хронологической шкалы, чтобы быть вполне корректным, должно быть совершенно свободно от априорного предпочтения какого-либо из существующих альтернативных толкований тех моментов, само осмысление которых зависит от результатов предпринимаемого хронологического анализа и может явиться лишь его следствием. Это в полной мере касается вопроса о времени, месте и механизмах формирования самой РСК.

Как известно, существуют две точки зрения на этот счет. Согласно одной, эта культура принесена в Восточную Европу «в готовом виде»; согласно другой, формируется именно в процессе контактов скифов с древним Востоком. И. Н. Медведская придерживается той точки зрения, что к началу переднеазиатских походов скифов (и киммерийцев, культурно с ними единых) эта культура уже вполне сложилась, и потому высказанное в свое время И. М. Дьяконовым суждение, согласно которому киммерийцы и скифы на этой стадии «принадлежали археологически к доскифским культурам» [2, с. 228], она считает «вынужденным», обусловленным исключительно «несогласованностью письменных и археологических источников», завышенностью датировок памятников скифской архаики (с. 86). Между тем существуют аргументы в поддержку суждения И. М. Дьяконова, совершенно независимые от исторических сведений о времени появления степных воинов в областях древнего Востока, базирующиеся исключительно на относительной хронологии. Я имею в виду восточноевропейские комплексы, без сомнения относящиеся к доскифской (в археологическом понимании термина) стадии — к новочеркасскому этапу, но при этом уже вполне наглядно демонстрирующие контакты создателей таких комплексов с древневосточными культурами, т. е. проникновение обитателей степей в зону распространения этих культур. Здесь в первую очередь следует назвать Носачевский курган [3] и курган у с. Квитки [4] в лесостепном Поднепровье, содержащие известные уздечные бляхи ассирийского типа. Показательна и находка в погребении того же этапа ассирийского шлема в северокавказском могильнике Клин-Яр [5]. В известной мере представляет интерес и достаточно широкое распространение в восточноевропейских комплексах этой поры кавказских древностей, в первую очередь бронзовых сосудов с зооморфными ручками.

Таким образом, вопрос, «на каком этапе РСК кочевники проникли на территорию Древнего Востока», оказывается вообще неточно поставленным, ибо это проникновение имело место на стадии, предшествующей сложению указанной культуры, в том числе этапа РСК-1 (или, по крайней мере, ее распространению в Восточной Европе). Отсутствие же комплексов новочеркасского облика в областях к югу от Кавказского хребта может быть объяснено не тем, что они старше появления восточноевропейских кочевников в этом регионе, а характером их ранних рейдов, типологически отличных от тех, что имели место несколько десятилетий спустя и засвидетельствованы хоть и немногочисленными, но однозначно интерпретируемыми памятниками скифского облика в Закавказье и Передней Азии.

Сама И. Н. Медведская характеризует памятники этапа РСК-1 как продолжающие в материальной культуре традиции новочеркасского времени, как «переходные между новочеркасским периодом и культурой келермесского времени» и вместе с тем как «скифские прежде всего по художественному стилю» (с. 87), т. е., очевидно, по наличию в их инвентаре произведений звериного стиля. Здесь, на мой взгляд, упущено из вида наличие в комплексах РСК-1 и элементов черногоровского облика, но принципиально важно другое: если на относительной хронологической шкале этап РСК-1 оказывается более поздним, чем начало проникновения номадов в Переднюю Азию, то любой вариант хронологии абсолютной не может служить аргументом в упомянутом споре о генезисе скифской культуры, привлекаться для опровержения гипотезы, согласно которой сложение звериного стиля (а значит, и завершение формирования раннескифской культуры)

произошло уже под влиянием и с участием древневосточных культур [2, с. 228; 6; 7, с. 30 сл.]

В археологическом обосновании абсолютных дат, составляющих как бы временную рамку раннескифской культуры, И. Н. Медведская в основном следует за Г. Коссаком. Так, для нижнего рубежа этапа РСК-1 она ссылается на предложенную им датировку конца новочеркасского этапа и кавказских реперов самого РСК-1, каковыми для немецкого исследователя служат комплексы Самтавро 106, Тли 68 и Тли 85, помещаемые им в конец VIII в. до н. э. [1]. В какой мере предлагаемую Г. Коссаком датировку этих комплексов определяют собственно кавказские аргументы и насколько узки достижимые в этом случае даты соответствующей совокупности раннескифских памятников, судить не берусь. Исторически конец VIII в. до н. э. как нижний рубеж РСК был бы правомерен в контексте любой из существующих гипотез о генезисе этой культуры, но столь же очевидно и то, что эта дата не дает оснований для предпочтения какой-либо из этих гипотез. Вместе с тем вряд ли указанных реперов, даже если их интерпретация вполне верна, достаточно для полного выведения новочеркасского этапа за пределы VII в. до н. э.

На наблюдения Г. Коссака опирается и защищаемая И. Н. Медведской дата этапа РСК-3. По существу, единственным археологическим репером здесь служит относимая ко второй половине VII в. до н. э. импортная античная керамика из Репяховатой Могилы № 2, не считая опубликованного пока лишь в виде тезисов и потому не поддающегося обсуждению исследования В. А. Киселя, который заново проанализировал и передатировал той же второй половиной VII в. до н. э. серебряное зеркало из Келермеса [8]. Конечно, хотелось бы видеть в статье какое-то объяснение того предпочтения, которое И. Н. Медведская отдает датировке керамики из Репяховатой Могилы Г. Коссаком перед той, что была предложена публикаторами этого комплекса [9], коль скоро расхождение между ними составляет целое столетие. Не менее ценно было бы услышать суждение на этот счет специалиста по античной керамике. Но как бы ни расценивать меру точности абсолютных хронологических реперов этапа РСК-3, сама их малочисленность предостерегает против излишней жесткости их применения, например вывода, что существование памятников, принадлежащих к РСК-3, во второй половине VII в. до н. э. с неизбежностью означает, что этап РСК-2 в свою очередь относится исключительно к первой половине этого века (с. 86). Длинная цепочка умозаключений, каждое из которых базируется на неоправданно ужесточенных трактовках, может в результате привести к весьма существенным искажениям общей картины.

Сама И. Н. Медведская, обращаясь к определению абсолютной даты «кочевнического инвентаря, найденного на территории Древнего Востока», ключевое значение придает, как уже сказано, не «местному археологическому материалу», а «письменным источникам и анализу исторической ситуации» (с. 96). При этом, однако, оперирует она по существу не прямыми свидетельствами об этой ситуации, а ее многоступенчатой реконструкцией, и в этих условиях особенно рискованна жесткость и однозначность выводов. Как можно, например, оценить в качестве довода в споре о времени гибели Урарту утверждение, что, «Если бы к началу войны (Мидии и Вавилона против Ассирии.— *Д. Р.*) Урарту не погибло, оно было бы союзником Ассирии» (с. 101)? И по категоричности, и по обоснованности оно напоминает известную фразу из романа Ж. Верна: «Если капитан Грант жив, то он находится в Австралии!» Последствия доверия, проявленного героями романа к этому заявлению, известны.

С другой стороны, даже если согласиться с мнением, что Урарту как единого государства в конце VII в. до н. э. уже не существовало, это не влечет за собой однозначного вывода о ранней гибели всех без исключения урартских памятников, в частности Кармир-блура, расположенного, как известно, на далекой северной периферии и, вполне возможно, в последние годы существовавшего в несколько

особой ситуации, что и обусловило сосредоточение там спасаемых разновременных сокровищ.

Прямолинейностью грешат и рассуждения автора о характере военного взаимодействия между Урарту и кочевниками: вопреки утверждению И. Н. Медведской, «завоевание и разрушение крепостей» нужно отнюдь не только «тем, кто ведет тотальное завоевание страны» (с. 101), но в не меньшей степени и участникам кратких грабительских рейдов, тем более что основные поддающиеся отчуждению богатства (за исключением, конечно, скота) всегда и повсюду сосредотачивались именно в укрепленных резиденциях, а не в открытых поселках.

Предпринятая И. Н. Медведской жесткая реконструкция позднеурартской истории сродни ее же утверждению, что Партатуа — сын Ишпакая (с. 104): линейная связь post hoc ergo propter hoc не нуждается в глазах автора в дополнительных аргументах. Вся же предлагаемая цепь умозаключений о времени гибели Урарту, об участниках антиассирийской коалиции и о «геополитической ситуации во второй половине VII в. до н. э.» составляет одну из опор утверждения, что после 670-х годов в восточных областях Ближнего Востока степные кочевники не были активной политической силой. Второй его опорой служит хронология самих кочевнических памятников Передней Азии, но на с. 103 мы находим классический образец аргументации датировки по замкнутому кругу: « ...находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их *должны* датироваться первой половиной VII в.» по той причине, что «ни *археологическими*, ни клинописными источниками на территории Ирана и Турции во второй половине VII в. они (скифы.— *Д. Р.*) не засвидетельствованы» (с. 103 , курсив мой.— *Д. Р.*). Но ведь датировка этих археологических источников составляет цель исследования, а не исходную посылку! Вот чем обернулось на практике намерение датировать местным археологическим материалом скифские древности из ближневосточных комплексов, заявленное в начале статьи.

Наконец, третьей опорой для определения времени, к которому относятся древности кочевнического типа из Передней Азии, служит сама топография этих древностей и сопоставление ее с распределением во времени и пространстве событий, участие в которых скифов и киммерийцев засвидетельствовано восточными текстами. Однако обе выборки — и археологических, и исторических данных — столь малы и случайны, что правомерность их использования в качестве надежного основания для реконструкции целостной картины представляется весьма проблематичной. Достаточно ли, к примеру, наличия в дошедших до нас текстах двух сообщений о присутствии киммерийцев в двух различных точках Передней Азии для вывода, что за время, разделяющее зафиксированные этими сообщениями события, имело место «перемещение» зоны активности названного народа (с. 103)? Ведь, по сути, основанием для такого утверждения служат не столько сами свидетельства, сколько отсутствие каких-либо еще данных о расселении киммерийцев в рассматриваемое время — тот «белый фон», на который проецируется случайно сохранившаяся информация. Методом такой проекции и воссоздается, как правило, вся история пребывания скифов и киммерийцев в областях Древнего Востока, в том числе в обсуждаемой статье. Именно его применение позволяет И. Н. Медведской утверждать, что «на территории между верховьями Тигра, Евфрата и Большого Заба киммерийцы находились более или менее постоянно только в 70-е годы (VII в.— *Д. Р.*)» (с. 104). И когда следующим шагом автора является вывод, что, «следовательно (!), все (!!) памятники культуры кочевников из этого региона датируются только (!!!) 70-ми годами VII в. до н. э.» (с. 104), то это полное и безоговорочное торжество принципа argumentum ex silentio не только в воссоздании хода событий, но и в решении сугубо археологической задачи построения абсолютной хронологии раннескифских древностей. Показательно при этом, что категоричность суждений автора возрастает буквально от фразы к фразе, как, например, от «более или менее» к «все» и «только» в приведенных цитатах.

Весьма ответственный вывод, что восточноевропейские кочевники — киммe-

рийцы и скифы — активно действовали в Передней Азии лишь в первой половине VII в. до н. э., порождает целый ряд новых вопросов. Помимо отмеченной самой И. Н. Медведской (с. 105) необходимости искать объяснение полной его несогласованности с античной традицией, требуется объяснить природу ощутимого урартского влияния в комплексах этапа РСК-3 (прежде всего в Келермесе), объяснить стилистическую близость келермесских древностей этого этапа к вещам из Зивие, лакуну между этапом РСК-3 и среднескифской стадией, занимающую, если принять хронологию И. Н. Медведской, весь VI в. до н. э. и не помешавшую тем не менее прямой культурной преемственности между двумя названными периодами истории скифской культуры. Пока все эти моменты не проанализированы и не освещены, самой заметной в концепции И. Н. Медведской оказывается не возможность с ее помощью устранить ряд трудностей, а уязвимость аргументации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // *Galanina L., Grač N., Kellner H.-J., Kossack G.* Skythika. München, 1987.
2. *Дьяконов И. М.* История Мидии с древнейших времен до IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
3. *Ковпаненко Г. Т.* Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е. // Археологія. 1966. Вип. XX.
4. *Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
5. *Белинский А. Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1980. № 4.
6. *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.
7. *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
8. *Кисель В. А.* О серебряном зеркале из Келермеса // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
9. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Институт востоковедения РАН,
Москва

М. Н. ПОГРЕБОВА

О ПРИНЦИПАХ ДАТИРОВКИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ

Статья И. Н. Медведской посвящена важной и актуальной проблеме. С накоплением новых материалов необходимость пересмотра хронологии памятников скифской культуры, и в частности удревнения ее ранних этапов, стала очевидной. Как известно, многие специалисты, основываясь на различных материалах, эту необходимость сейчас обосновывают. Безусловно ценно в этом случае обращение к древневосточным археологическим памятникам, значимость которых, в первую очередь в силу их возможной увязываемости с письменными свидетельствами, для всех исследователей бесписьменных культур всегда была весьма велика. Тем более своевременной и интересной представляется предложенная журналом дискуссия.

Не пытаясь обсуждать все затронутые в статье вопросы, хочу остановиться на трех аспектах: принципах датировки первого этапа РСК; продолжительности активной деятельности степняков в Передней Азии; значении древневосточных письменных источников для датировки скифских археологических памятников.

© М. Н. Погребова, 1993 г.

Предлагая датировать I этап РСК второй половиной VIII в. до н. э. и даже совершенно конкретно 750—700 гг., И. Н. Медведская исходит из предложенной Г. Коссаком хронологической позиции новочеркасской ступени и из приведенных тем же автором датировок кавказских памятников раннего этапа. Эти последние, по мнению И. Н. Медведской, «доказывают факт существования РСК уже в конце VIII в. до н. э. и не ограничивают его начало».

Как известно, комплексами, позволяющими удревнить начало РСК, Г. Коссак считал погребение 106 Самтаврского и погребения 68 и 85 Тлийского могильников. Справедливости ради следует подчеркнуть, что исследователь датировал их не концом VIII, а рубежом VIII—VII вв. до н. э. [1, с. 48; 2], а так как кинжал из тлийского погребения 85 типологически относится к наиболее ранним [3, с. 30], нет оснований предполагать, что к северу от Кавказского хребта сложение этого типа оружия началось раньше. Но даже и предложенная Г. Коссаком дата представляется недостаточно обоснованной кавказскими материалами. Так, что касается погребения 106 Самтавро, Г. Коссак указал на присутствие в его инвентаре некоторых предметов, в первую очередь трубчатого навершия и черноглиняной керамики с рифлением, широко представленных в памятниках IX—VIII вв. до н. э. преимущественно Восточного Закавказья. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что абсолютные даты для археологических памятников Закавказья, синхронных появлению здесь урартского и скифского материалов, зиждятся в основном на этих последних и, возможно, могут впоследствии подвергнуться некоторой корректировке. Однако огромное количество введенного к настоящему времени в научный оборот материала позволило создать относительную периодизацию, прочность которой поверяется, в частности, сравнением материалов из различных областей Закавказского региона. В рамках этой общей периодизации этапы IX—VIII и VII—VI вв. до н. э. имеют достаточно четкие характеристики, отличающие их по массовому материалу, что отнюдь не исключает переживания на поздних этапах отдельных типов вещей, в массе более характерных для предшествующего периода.

Упомянутое погребение 106 помимо типичных вещей скифского облика, имеет в составе инвентаря и железный кинжал с гвоздиками для крепления накладок на рукоятку — предмет, характерный для VII—VI вв. до н. э., кстати, воспроизведенный Г. Коссаком не совсем точно. Вряд ли есть основания особенно отделять во времени погребение 106 и уж тем более погребение 27, также отнесенное И. Н. Медведской к I этапу, от других погребений Самтаврского могильника, содержащих элементы скифского культурного комплекса и по совокупности инвентаря несомненно принадлежащих периоду VII—VI вв. до н. э.[1] Хочу также напомнить, что В. Г. Петренко на основании анализа содержавшихся в погребении 106 наконечников стрел скифского типа склонна поддержать Р. М. Абрамишвили, в свое время датировавшего этот комплекс второй половиной VII в. до н. э. [4, с. 72; 5, с. 129, 130].

Что касается Тлийского могильника, то погребения 68, 85 и 109, содержавшие из всего скифского комплекса лишь акинаки, сочетавшиеся, в частности, с бронзовыми топорами, можно рассматривать как относительно более раннюю группу «скифских» погребений этого могильника (хотя не исключаю того, что причины некоторой разницы инвентаря — не хронологического порядка), но хронологическая разница между ними и другими погребениями со скифским

[1] Конечно, четких границ между периодами не существует и разделить комплексы конца VIII и начала VII в. до н. э. можно только условно. В то же время сравнительный анализ погребений такого представительного памятника, как Самтаврский могильник, позволяет, как кажется, выделить группу погребений, занимающих промежуточную позицию между типичными памятниками обоих периодов (т. е. IX—VIII и VII—VI вв. до н. э.). Комплексы эти в целом более архаичны, чем «скифские». Присутствие в одной из могил этой группы (№ 202) трубчатого навершия лишь указывает на использование подобных вещей на протяжении достаточно длительного периода.

инвентарем если и была, не могла быть слишком большой. Кроме того, ни инвентарь этих погребений в целом, ни типологические особенности акинака из погребения 85, который упоминался выше, явного выхода в VIII в. до н. э. не обеспечивают. Представляется, таким образом, что безусловных реперов для определения конца 1 этапа РСК концом VIII в. до н. э. кавказские материалы не дают.

Еще менее оснований, как кажется, исходя из приведенных Г. Коссаком достаточно широких параллелей IX—VIII в. до н. э., а иногда и VIII—VII вв. до н. э., относить конец новочеркасского этапа именно к 750-м годам до н. э.

И. Н. Медведская приводит, правда, и еще один аргумент в пользу предложенной ею хронологии I этапа: поскольку культура киммерийцев и скифов была единой, о чем свидетельствует сравнение археологических материалов скифского облика с территорий Передней Азии и районов, в которых письменные источники помещают оба эти народа, а киммерийцы, согласно этим источникам, проникли на Восток еще в 722—715 гг. до н. э., это доказывает «сам факт существования культуры номадов, ее I этапа, в последней трети VIII в. до н. э.»

Полностью разделяя мнение о единой материальной культуре киммерийцев и скифов, хочу подчеркнуть, что оно отнюдь не подразумевает неизменяемости этой культуры на всем протяжении киммерийско-скифской истории. Учитывая же существование гипотезы о сложении собственно скифского культурного комплекса именно в период переднеазиатских походов, приходится признать, что приведенный автором довод никак нельзя считать безусловным и решающим.

Высказывая эти соображения, хочу подчеркнуть, что возможность зарождения раннескифского культурного комплекса еще в конце VIII в. до н. э. представляется вполне реальной. Необходимо лишь отдавать себе отчет, что аргументы Г. Коссака и автора статьи отнюдь не бесспорны и прибегать к таким оборотам, как «Г. Коссак доказал» и «Г. Коссак обосновал», вряд ли уместно. Тезис этот нуждается в более полной аргументации.

Вызывает недоумение и постулируемая автором одинаковая протяженность всех трех этапов РСК, представленных разным количеством памятников, неоднозначных по объему и наполнению.

Обращаясь непосредственно к вопросу о пребывании скифов в Передней Азии, И. Н. Медведская приходит к выводу, что, вопреки установившемуся мнению, пребывание это было весьма непродолжительным. Если киммерийцы активно действовали здесь хотя бы на протяжении 70—40-х годов VII в. до н. э., то «история скифов на древнем Востоке — лишь небольшой эпизод в царствование Асархаддона». Вывод этот несомненно важен, так как вопрос о продолжительности скифо-киммерийско-переднеазиатских контактов связан с различными аспектами истории ранних скифов, и в том числе с проблемой места и времени формирования раннескифского культурного комплекса. Тем не менее правомочность подобного заключения вызывает сомнения.

Так, по мнению И. Н. Медведской, скифы проникают в Переднеазиатский регион лишь тогда, когда здесь оказываются археологические комплексы скифского облика, отнесенные автором ко II этапу РСК. Однако мы располагаем археологическими свидетельствами в пользу более раннего проникновения степняков в Переднюю Азию. Такими свидетельствами служат находки переднеазиатских вещей в восточноевропейских памятниках, предшествующих сложению раннескифского археологического комплекса. В работе, написанной в соавторстве с Д. С. Раевским, мы предположили, что присутствие таких вещей скорее всего явилось результатом военных рейдов в Переднюю Азию. Появление же скифских по облику комплексов на территории Передней Азии свидетельствует, на наш взгляд, не о начале походов, а об изменении их характера — стремительные

рейды сменились более или менее длительным присутствием их участников в древневосточном регионе [2].

При датировке собственно скифских археологических комплексов, найденных на территории Передней Азии, автор исходит в первую очередь из анализа письменных источников и восстанавливаемой на их основании общей политической ситуации и места в ней скифов. При этом И. Н. Медведская и те исследователи, на которых она опирается, отходят от традиционной точки зрения и полностью отвергают данные античной традиции. Оценить предлагаемый анализ — дело специалистов, но хотелось бы высказать некоторые общие соображения. При том незначительном количестве текстов, упоминающих киммерийцев и скифов, которыми мы располагаем, вряд ли можно делать какие-то слишком категоричные выводы, исходя из факта их отсутствия. Но даже если и принять вывод автора, придется признать, что к анализу собственно археологического материала, т. е. к поставленной в статье цели, он вообще не имеет отношения. Очевидно, что в дошедших до нас письменных источниках могли найти отражение действия скифов, представлявших собой достаточно мощную политическую и военную силу. Однако вряд ли проникновение скифов в Переднюю Азию принимало лишь такую форму. Присутствие отдельных разрозненных отрядов скифских воинов,— а именно о таком типе присутствия свидетельствует анализ ряда археологических памятников — вряд ли должно было непременно отразиться в письменных текстах, тем более достаточно фрагментарных. Поэтому совершенно необоснованным представляется утверждение автора, что, поскольку после середины VII в. до н. э. скифов в Передней Азии быть не могло, все археологические памятники скифского облика с этой территории должны датироваться соответствующим образом [3]. В то же время именно это предположение расценивается как доказательство того, что культура II этапа РСК, представленная в Передней Азии, к северу от Кавказа должна была сложиться не позднее 90—80-х годов VII в. до н. э., что соответственно определяет нижнюю границу этого этапа.

Представляется, что постулируемая в статье значимость древневосточных письменных памятников для определения хронологических реперов РСК при подобном их использовании остается достаточно сомнительной.

Для определения времени скифского присутствия в Передней Азии важным фактором всегда признавалась их неоднократно зафиксированная археологическая связь с урартскими центрами. Обращаясь к этому вопросу, автор опять попадает в замкнутый круг, утверждая, что, поскольку ни археологическими, ни письменными источниками скифы на территории Ирана и Турции во второй половине VII в. до н. э. не засвидетельствованы, находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. до н. э. Однако определение времени гибели Урарту и падения урартских центров, чему в статье уделено большое внимание, представляет для исследуемой темы бесспорный интерес.

Оставляя в стороне доказательность аргументов, приведенных в пользу гибели Урарту еще в середине VII в. до н. э., хочу остановиться на чисто археологической стороне дела и в первую очередь на дате Кармир-блура. Как известно, в этом урартском центре было сосредоточено значительное количество скифского инвентаря, и дата его гибели, действительно, во многом определяла датировку раннескифских материалов. Однако версия о ранней гибели и вообще весьма коротком сроке существования Тейшебаини кажется очень сомнительной. Па-

[2] Как бы ни относиться к предложенной нами гипотезе, факт ранних, еще «доскифских» контактов населения Восточной Европы с Передней Азией очевиден. «Археологические скифы» следовали уже проторенным путем. Следы восточного влияния могут быть прослежены и в памятниках, отнесенных автором и к I этапу РСК, но обосновать это положение в рамках данной заметки не представляется возможным.

[3] В этой связи можно напомнить о присутствии элементов скифского комплекса в слое II Деве-Гуюка близ Кархемыша, датированного VI в. до н. э. [6, рис. 9].

мятник этот, особенно тесно связанный с собственно закавказской культурой, содержит целую серию предметов (как, например, железные кинжалы и длинные железные мечи, ножи, наконечники копий, бронзовые колокольчики и др.), в массе своей эталонных для периода VII—VI вв. до н. э., о принципах выделения которого уже говорилось выше. Известны в Закавказье и памятники, в которых урартские и в частности кармирблурского типа, вещи сочетаются с переднеазиатскими вещами VI в. до н. э. [7]. Все это предполагает не только позднюю дату Кармир-блура, но и известную продолжительность бытования урартских древностей на территории Закавказья.

Вообще тезис о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. достаточно спорен. Даже уничтожение его как целостного образования не предполагает немедленной гибели всех его центров, и гибель такого северного форпоста, каким является Тейшебаини, отнюдь не обязательно должна совпадать по времени с разрушением Бастама. Более убедительным кажется мнение, что северные области Урарту пережили известный кризис середины VII в. до н. э.[4]

Приведенные соображения не позволяют согласиться с выводом о кратковременном эпизодическом пребывании скифов в Передней Азии.

Наконец, есть и другая категория источников, свидетельствующих о достаточно длительной связи скифов с Переднеазиатским регионом. Как известно, в искусстве архаических скифов немаловажную роль играли древневосточные, в частности урартские, мотивы. Это признается и сторонниками гипотезы центральноазиатского происхождения скифского искусства. С другой стороны, сочетание «скифоидных» мотивов с урартскими вещами и восточными, в том числе урартскими, сюжетами на предметах, условно относимых к Саккызскому кладу или найденных в разных пунктах Северо-Западного Ирана, как бы их ни интерпретировать, предполагают достаточно длительное и основательное соприкосновение носителей этих традиций.

В заключение хочу еще раз повторить, что обращение к скифской теме с древневосточных позиций бесспорно интересно и продолжение этой работы весьма желательно. Однако нужно учитывать, что предложенная автором версия — только недостаточно обоснованная гипотеза, и было бы преждевременно полагать, что скифская архаика получила бесспорные хронологические реперы, подкрепленные авторитетом истории древнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // *Galanina L., Grač N., Kellner H.-J., Kossack G.* Skythika. München, 1987.
2. *Kossack G.* Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. B. 5. München, 1983.
3. *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
4. *Петренко В. Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
5. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике // Вестн. Гос. музея Грузии. Вып. 19-А, 21-В. 1957 (на груз. яз.).
6. *Moorey P. R. S.* Cemeteries of the First Millenium B. C. at Deve Hüyük, near Carchemish // BAR International Series. 1980. 87.
7. *Есаян С. А.* Позднеурартское погребение Ошаканского могильника // Истор. филол. журн. 1976. № 3.
8. *Aroutiounian N. V.* Problemes concernantes la dernière periode de l'histoire d'Urartu // Acta antiqua, XXII. Budapest, 1974.
9. *Арутюнян Н. В.* Биайнили. Ереван. 1970.

Институт востоковедения РАН,
Москва

[4] Н. В. Арутюнян, как известно, реконструировал поздний период истории Урарту, опираясь, в частности, на надписи, найденные в Кармир-блуре [8, 9].

С. Р. ТОХТАСЬЕВ

К ХРОНОЛОГИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ТИПА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В МАЛОЙ АЗИИ

Статья И. Н. Медведской — определенный итог наметившейся в последние годы среди советских археологов тенденции к удревнению наиболее ранних памятников скифского типа. К этому закономерно вели непрерывно идущее накопление материала и его интенсивное осмысление, однако ряд обстоятельств препятствовал надежности выводов. Необходимо честно признать, что скифологи не знают переднеазиатской археологии, их представления об истории киммерийцев и скифов в Передней Азии остаются на уровне сорокалетней давности, хотя со времен «Истории Мидии» И. М. Дьяконова и «Ванского царства» Б. Б. Пиотровского ассириология и урартология не стояли на месте. Статья И. Н. Медведской выделяется на этом фоне прекрасным владением не только скифским, но и переднеазиатским археологическим материалом. В сочетании с широкой осведомленностью в области ассиро-вавилонских письменных источников и в соответствующей современной научной литературе это позволяет И. Н. Медведской прийти к принципиально важным и надежно обоснованным заключениям.

Конечно, в статье имеются слабые и спорные места — в работе со столь сложным и разнородным материалом они неизбежны. В ряде важных моментов ее аргументация подана слишком бегло и нуждается в усилении, некоторые существенные звенья в общей цепи доказательств даже опущены; несколько мне известно, это во многом связано с необходимостью для автора изложить свою концепцию наиболее компактным образом. Так, И. Н. Медведская считает киммерийцев носителями культуры скифского типа, однако оставляет в стороне доводы в пользу отождествления киммерийской материальной культуры с памятниками черногоровского и новочеркасского типов. В своем отклике на статью И. Н. Медведской я хотел бы, во-первых, подойти к проблеме с другой стороны, а именно сосредоточиться на рассмотрении этой последней концепции, опровержение которой открывает путь к удревнению РСК; во-вторых, обратить внимание на спорные или ошибочные пункты в построении самой И. Н. Медведской.

Те исследователи, которые считают данные античной традиции о киммерийцах как автохтонах Северного Причерноморья вполне достоверными, логично заключают, что археологические памятники, предшествующие появлению здесь скифов (resp. скифской культуры), являются киммерийскими. Особенно много внес в разработку этой гипотезы А. И. Тереножкин, благодаря трудам которого едва ли не подавляющее большинство археологов атрибутирует сейчас черногоровские и новочеркасские древности киммерийцам. Согласно А. И. Тереножкину, эти памятники датируются соответственно около 900—750 и 750—650 гг. до н. э. Для финальной даты новочеркасского этапа основанием ему «служат свидетельства античных письменных источников о приходе скифов в Северное Причерноморье и данные об их вторжении в страны Переднего Востока, начавшемся, по ассирийским клинописным документам, в 80-х годах (точнее —70-х *С. Т.*) VII в. до н. э. Об этом же свидетельствует факт распространения скифской культуры в Северном Причерноморье начиная с середины VII в. до н. э., подтвержденный скифской могилой на Темир-горе...» [1, с. 204 сл.]. Впоследствии А. И. Тереножкин в совместной с В. А. Ильинской книге, а вслед за ними В. Ю. Мурзин [2,

С. Р. Тохтасьев, 1993 г.

с. 19; 3, с. 68—70] удревнили появление скифов в Причерноморье до начала VII в. до н. э., однако лишь исходя из общих соображений. К IX—VIII вв. до н. э. относит новочеркасский этап Г. Коссак [4, с. 43—48, 84]; первые образцы культуры скифского типа западнее Волги он датирует около 700 г. В этом, разумеется, нет никакого противоречия с данными о скифах на границах Ассирии в 670-е годы, так как нет никаких материалов, свидетельствующих о том, что скифы начали вторжение за Кавказ сразу же по приходу из-за Волги. Однако по существу на заднем плане у А. И. Тереножкина и его последователей оказался следующий вопрос: если культуре киммерийцев в период, непосредственно предшествующий скифскому вторжению, соответствует новочеркасская группа памятников, почему тогда нет новочеркасских памятников где-либо южнее Кавказского хребта? Факт признавал сам А. И. Тереножкин: эти древности «еще не известны в Передней Азии» [1, с. 205]. Но их нет и в Закавказье. Как на единственное археологическое свидетельство проникновения киммерийцев в Переднюю Азию А. И. Тереножкин ссылался на уздечные бляхи из Носачевского кургана новочеркасского времени, «изображения которых есть на рельефах дворцов ассирийских царей Саргона и Ашшурбанипала» [1, с. 205]. Г. Коссак, однако, указал в этой связи, что такие бляхи были в ходу в Ассирии уже при Тиглатпаласаре III (744—727 гг. до н. э.) [4, с. 35, 39]. В более поздней работе [2, с. 86] А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская уже не приводят этот аргумент, но взамен предлагают рассматривать свидетельством киммерийского проникновения в Переднюю Азию рельефы из Нимруда IX в. до н. э. (!) с изображениями всадников, которых они почему-то считают именно киммерийцами. Не спасают положения и ссылки А. И. Тереножкина [1, с. 204] на позднеповочеркасские памятники из Болгарии (Белоградец, Енджа), которыми, по его мнению, «как бы обозначен путь походов киммерийцев из степей Причерноморья в Малую Азию». Ходячая гипотеза о переселении киммерийцев (их части) в Малую Азию через Балканы не только не находит какого-либо подтверждения в письменных источниках, но и прямо противоречит им. Кроме того, и в Малой Азии нет новочеркасских памятников. Подобно А. И. Тереножкину продолжает рассчитывать на открытие этих древностей к югу от Кавказа и М. Н. Погребова [5, с. 24], хотя тут же сама отмечает резкий контраст между большим числом раннескифских материалов в Закавказье и отсутствием «киммерийских». Правда, она ссылается на «интересные наблюдения А. М. Лескова (очевидно, неопубликованные.— *С. Т.*), выявившего в Закавказье незначительные собственно „киммерийские" материалы» [5, с. 25][5]. Г. Т. Квирквелия также не известны другие «предметы киммерийского облика» в Закавказье, кроме «удил из Сурмуши и кельта из Тхмори» [7, с. 12]. Дело как раз в том, что количество подобных находок должно было бы быть весьма значительным (ср. ниже о локализации «страны киммерийцев» ассирийских источников времени Саргона II). Отметим, что в своей следующей работе на сходную тему М. Н. Погребова не упоминает наблюдений А. М. Лескова и по существу отказывается пока объяснить отсутствие новочеркасских древностей в Закавказье [8, с. 13 сл., 136]. Между тем из одного этого факта однозначно вытекает несостоятельность признания киммерийскими новочеркасских памятников. Поразительно, что совсем незадолго до публикации упомянутых трудов М. Н. Погребова считала киммерийцев носителями культуры скифского типа [9, с. 55 сл.]. Очевидно, на ее взгляды повлияла та убежденность, с которой А. И. Тереножкин и его последователи настаивали на своей теории, в конечном счете основанной лишь на буквальном восприятии сведений античных авторов о киммерийцах как автохтонах Северного Причерноморья. Как показано в другом месте [10], эта традиция, вполне возможно, недостоверна. Напротив, данные о присутствии киммерийцев в Закавказье, на Ближнем Востоке и в Малой

[5] Возможно, речь идет о предметах урартского конского убора (в частности, времени Сардури II: около 760—730 гг. до н. э.), которые В. С. Бочкарев и А. М. Лесков [6, с. 78] сочли возможным сопоставить с упряжью черногоровского типа.

Азии не вызывают никаких сомнений. Из этих обстоятельств и следует исходить при постановке вопроса о материальной культуре киммерийцев. Киммерийцам принадлежат памятники соответствующего времени, происходящие из тех районов Закавказья, Ближнего Востока и Малой Азии, где письменные источники фиксируют киммерийцев, чуждые местным культурам и вместе с тем могущие принадлежать пришельцам с севера; хронологически и географически эти памятники должны находиться вне сферы активности скифов. Как раз такой подход к проблеме позволяет И. Н. Медведской прийти к единственно возможному (ср. [10; 11, с. 564 сл.]) выводу: указанным критериям могут отвечать только памятники скифского типа [2].

Ключевую роль играют памятники РСК из Малой Азии, особенно ее западных и центральных областей: до начала 30-х годов VII в. до н. э. скифы в Малой Азии не засвидетельствованы. И. Н. Медведская не подчеркивает специально значение малоазийских находок для археологической идентификации киммерийцев, да и упоминает из их числа лишь наиболее яркие. Поэтому имеет смысл привести здесь более полный (хотя, по необходимости, и не исчерпывающий — это задача специального исследования) перечень относящихся к теме памятников. *Мелия* (близ Приены) — наконечники стрел; нашествие киммерийцев под предводительством Лигдамиса в этом районе засвидетельствовано исторически [17, № 7; 18, с. 135 сл.]. *Сарды* — многократно публиковавшаяся костяная бляха из слоя разрушений около середины VII в. до н. э., т. е., очевидно, 644 г., когда город был захвачен киммерийцами [4, с. 66; 19, с. 186][3]. С. С. Сорокин упоминает в этой связи другую костяную бляшку в зверином стиле из Сард, фотографию которой ему показывал В. Г. Луконин [19, с. 187]. *Богазкёй* (фригийский культурный ареал) — наконечники стрел, железные трехпетельчатые псалии [12, с. 111—115, табл. XXX—XXXI, LVIII, 1695]. *Имирлер* — два захоронения (см. в статье И. Н. Медведской). *Алишар* (Каппадокия, фригийский культурный ареал) — наконечники стрел (см. литературу в [12, с. 114]): о киммерийцах на территории фригийского царства см. Strabo. I.3.21; Steph. Byz. s. v. Σὐασσός[4]. Уместно отметить, что Алишер, кажется, находится в той части Каппадокии, которую армяне называли впоследствии Gamirk[c]. Некоторые исследователи (см., например [22, с. 13 сл.]) отрицают, что в этом топониме сохранилась живая память о киммерийцах, выводя его непосредственно из библейского (Септуагинта) Γαμερ. Различие в вокализме остается при этом необъяснимым[5]. *Норшун-Тепе*, к северу от г. Малатья, аккадск. URU. Milīdi, о котором в связи с киммерийцами и их союзниками (?) фригийцами упоминает ассирийский текст, видимо, времени Асархаддона (см. в статье И. Н. Медведской: захоронение коня, «скифский» инвентарь). *Тарс* — наконечники стрел [23, с. 279; 24, табл. 174]: присутствие киммерийцев в близлежащих районах многократно засвидетельствовано на протяжении 40 лет, начиная от разгрома их Асархаддоном около 679 г. [25, с. 33, стк. 18, с. 51, стк. 43, с. 100, стк. 23; 26, с. 125]; примерно к тому же периоду относится упоминание киммерийцев в связи с киликийцами [27, № 17]; где-то в этом же районе около 640 г. Лигдамис совершил два нападения на пределы Ассирии и здесь же умер (в Киликии, согласно Страбону: Strabo. I. 3. 21 [28, с. 88—89; 29, с. 106 сл., 109; 30, с. 109 сл.]).

Представляется, что из предложенных локализаций «страны киммерийцев» ассирийских писем около 720—714 гг. [32, № 30—32; 33, № 92] наиболее

[2] Такое мнение уже не раз высказывалось в литературе, в том числе самой И. Н. Медведской, обычно в связи с находками стрел скифского типа. См. например [11, с. 239; 12, с. 114 сл; 13, с. 37; 14, с. 133—136; 15, с. 73; 16, с. 53].

[3] Обоснование этой даты см. [20, с. 406—409].

[4] Подробнее о материале из фригийского ареала см. [12, с. 111 сл; 21, с. 302 сл.].

[5] Ср. также Gamir — село, Ванский вилайет Турции; Gamirk[c] Nor — село, Октемберянский р-н Армении [31, с. 777].

обосновано помещение этой страны в Западной или Центральной Грузии [14, с. 108; 34, с. 90, 175, прим. 253; 35, с. 71; 36, с. 8—10]. И. М. Дьяконов уже отмечал [14, с. 135], что как раз в этих областях наблюдается наибольшая в Закавказье концентрация памятников раннескифского типа; самые древние из них (Тли, Самтавро, Ахалцихе) В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин датируют началом или первой половиной VII в. до н. э. [2, с. 24, 28—32], а Г. Коссак — около 700 г. [4, с. 43—48].

Таким образом, для тех памятников скифского типа, которые выделяются чисто археологическими методами в качестве наиболее древних, terminus a quo не 670-е годы [6], как предполагалось прежде, а 720—714 гг. [7] В частности, именно из этого вывода исходит (имплицитно) Г. Коссак в своих датировках скифской архаики. И. Н. Медведская идет дальше и логично заключает отсюда, что начало I этапа РСК в евразийских степях можно датировать по меньшей мере серединой VIII в. до н. э. Здесь с ней можно только согласиться. Но дальше возникает неувязка. И. Н. Медведская относит древнейшие памятники РСК Закавказья, Передней и Малой Азии ко II этапу, тогда как, согласно ее мнению, последняя четверть VIII в. до н. э., когда на исторической арене появляются носители РСК, соответствует еще I этапу. Находка в Тейшебаини орнаментированных пластин, относящихся к I этапу РСК (см. у И. Н. Медведской, с. 105, прим. 20), не меняет дела. Закономерен вопрос: если на территориях южнее Кавказского хребта по существу отсутствуют памятники I этапа, не следует ли удревнить начало II этапа по крайней мере до последней четверти VIII в. до н. э., предположив далее, что переход от I ко II этапу хронологически совпадает с переселением значительной орды номадов за Кавказ не позднее 714 г.?

И. Н. Медведская справедливо подчеркивает первостепенное для хронологии РСК значение клинописных источников, заключающееся в том, что они дают абсолютные даты событий (иногда вплоть до месяца и дня), а авторы их — современники киммерийцев и скифов. Вместе с тем нельзя и переоценивать эти источники, требуя от них больше, чем они могут дать. Дело в том, что большая часть этих сведений происходит из переписки и запросов ассирийских царей к Шамашу, а государственные архивы Ассирии дошли до нас в весьма лакунарном виде (не говоря уже о фрагментарности почти каждого документа). Письма времени Салманасара V не сохранились, от времени Саргона II дошли письма приблизительно за 721—719 и 715—706 гг. до н. э., от Синаххериба — ни одного или, возможно, единицы; в правление Асархаддона от 679 до 674 г. известны единичные письма; непрерывный ряд писем в 674—666 гг. вновь, уже в правление Ашшурбанипала, практически прерывается до 652 г., а после 646 г. до н. э. вплоть до конца Ассирии известно лишь два письма; за время Ашшурбанипала и позже полностью отсутствуют обычно чрезвычайно информативные письма от наместников провинций (см. подробнее [38, с. 119—123, 136]). Не менее важные для историка царские запросы к Шамашу известны только в царствования Асархаддона и Ашшурбанипала, причем далеко не за все годы. Особенно много лакун в ашшурбанипаловской части архива: запросы имеются только за время около 668—657 гг. и около 652—650 гг. до н. э. [8] С этим напрямую связано

[6] Дату сражения ассирийцев со скифами Ишпакая можно уточнить, если признать, что это эпизод ассирийско-маннейской войны 676/675 г. [27, с. LX].

[7] О возможном уточнении даты — 714 г.— см. в [37] и более основательно в [36]. Разумеется, это не terminus ante quem non: из наших источников нельзя заключить, что киммерийцы появились на границах Урарту лишь ко времени похода Русы I. В этой связи стоит отметить, что от времени Салманасара V, предшественника Саргона II, до нас не дошло пока ни одного письма из государственных архивов [38, с. 119]. Между тем именно в письмах мы имеем больше всего шансов встретить сведения о киммерийцах, судя по всему, еще не вступивших в VIII в. до н. э. в прямые контакты с Ассирией.

[8] См. [27, с. XIV, LVII]. Последняя серия запросов целиком посвящена гражданской войне в Ассирии 652—648 гг. до н. э.

отсутствие каких-либо сведений о северо-западных (Табал, Киликия, Мелид), северных (Хубушкия, Урарту, Шубрия), кроме Манны, соседях Ассирии, о Мидии и даже о Египте; киммерийцы, возможно, упомянуты в двух сильно фрагментированных текстах запросов ([27, № 295, 296], № 269, возможно, относится ко времени Асархаддона). Следует, наконец, учитывать, что документы составляются лишь ex occasione, и поэтому историографические сочинения, пусть даже написанные не современниками событий, уже в силу свойств жанра, имеют свои преимущества перед документами. Действительно, месопотамская «историография» сохранила сведения о киммерийцах и скифах, отсутствующие в документах. С другой стороны, ассирийские «анналы» и другие царские надписи, составлявшиеся с целью прославить царя, содержат лишь тенденциозно подобранные и отредактированные данные (разгром Ишпакая, жалкий конец Лигдамиса и т. п.), и многие события, известные по документам, не нашли здесь никакого отражения. Клинописные хроники вообще не упоминают скифов, о киммерийцах единожды сообщает только ассирийская хроника Асархаддона (победа над Теушпой: [26, с. 125]). После 639 г. до н. э. «анналы» отсутствуют, немногочисленные надписи наследников Ашшурбанипала почти бессодержательны, так что внешнеполитическая история Ассирии 638—630 гг. до н. э. по существу неизвестна, а в дальнейшем мы знаем только о ее войне с Вавилоном и Мидией.

К сожалению, все эти особенности нашего корпуса клинописных источников о киммерийцах и скифах И. Н. Медведская на практике почти не учитывает, что в ряде случаев серьезно ослабляет ее аргументацию или приводит к ошибочным заключениям. Так, в своей атрибуции киммерийцам кочевнических древностей между верховьями Евфрата, Тигра и Большого Заба она исходит из того, что в ассирийских источниках отсутствуют сведения о действиях здесь скифов. Учитывая, что эти источники дают лишь отдельные «кадры» событий, а также чрезвычайную подвижность номадов, предпочтительнее здесь кажется гипотеза, а не утверждение. Ex silentio делается и вывод о датировке этих древностей «только 70-ми годами VII в. до н. э.» (с. 104). Впрочем, И. Н. Медведская не учитывает и некоторые дошедшие до нас тексты: во время войны с Русой I киммерийцы вторглись на территорию Урарту из Манны [33, № 145], т. е. в это время они действовали не только на северных границах Урарту, как пишет И. Н. Медведская (с. 105); около 667 г. они фиксируются в Манне [39, № 22; 40, с. 420], а в 657 г. контролируют Сирию (см. ниже). Таким образом, по имеющимся данным письменных источников, хронологический диапазон памятников скифского типа в Северной Месопотамии определяется от 720—714 до 657 г. до н. э.

Невозможно согласиться с И. Н. Медведской, что «история скифов на древнем Востоке — лишь небольшой эпизод в царствование Асархаддона» (с. 105). Этот неожиданный вывод сделан главным образом при помощи разного рода argumenta ex silentio: ассирийские источники сообщают о скифах только в 676/5 — 675/4 гг.; в текстах о восстании Каштарити около 674—672 гг. и о походе Ашшурбанипала на Манну около 660 г. скифы, обитавшие на территории Манны незадолго до того и совершавшие походы по территории Мидии, не упоминаются; в запросах к Шамашу 671—670 гг. до н. э. относительно возможных восстаний, заговоров и т. д. против Асархаддона и/или принца Ашшурбанипала скифы, в отличие от киммерийцев, не названы, откуда И. Н. Медведская заключает, что «ассирийцы не ставили скифов на один уровень с киммерийцами»(с. 105) [9]. Это заключение, по-видимому, призвано как-то подкрепить следующий сразу за ним тезис о скифском эпизоде в царствовании Асархаддона. Рассмотрим эти аргументы — пусть даже onus probandi лежит на их авторе.

Ко времени войны Ашшурбанипала с Манной скифы могли уже покинуть ее

[9] Мысль выражена, пожалуй, не слишком ясно. Во всяком случае, не лишне напомнить, что даже после поражения и гибели Ишпакая Асархаддон в принципе готов был выдать дочь за нового царя скифов.

территорию (ср. данные о пребывании здесь киммерийцев около 667 г., см. выше), или, подобно киммерийцам в 675 г. [42], остаться нейтральными, или, наконец, выступить в роли союзников Ассирии, как, вероятно, было и в годы восстания Каштарити [27, с. LXII, 43, с. CCCLXXV]. В запросах о восстаниях и т. д. речь идет, судя по контексту, не о народах или государствах, а о представителях соседних с империей или покоренных ею народов, служивших в ее армии [10]. В целом молчание клинописных текстов о скифах при Ашшурбанипале и позже может быть связано элементарно с их скудостью или даже отсутствием, а также со спецификой освещения событий в царских надписях. В отношении последних поучителен следующий пример. Астрологический omen 657 г. [45, № 300+110] свидетельствует о том, что киммерийский царь владел в это время Сирией, отняв ее у Ашшурбанипала вместе с титулом šar kiššati — «царь мира». Комментируя этот текст, С. Парпола [40, с. 307 сл.] подчеркивает: ничего подобного нельзя было и допустить на основании официальных надписей Ашшурбанипала, где киммерийцы фигурируют в качестве второстепенной и не идущей ни в какое сравнение с Ассирией силы; отметим, кстати, что других упоминаний киммерийцев в ассирийских источниках с 665 до 644 г. нет. Дальнейшие построения С. Парполы несколько рискованны, но в главном с ним можно согласиться: как и в рассмотренном случае, молчание исторических надписей Ашшурбанипала о скифах может быть обусловлено их тенденциозным характером (или, добавим, их отсутствием после 639 г.). Свое предположение С. Парпола строит на основании античных источников, сообщающих о «гегемонии» скифов в «Азии», которая, как он полагает, установилась около 640 г. И. Н. Медведская, предпочитая следовать клинописным источникам во всем (ср. ниже), также обходит эти факты молчанием. Однако репрезентативность клинописных источников оказывается мнимой. Сообщения Геродота (Herod. I. 103. 3) и Страбона (Strabo. I. 3. 21) о скифском царе Мадии, представляющие две независимые традиции (ср. хотя бы разницу в написании имени: Μαδύης и Μάδυς), говорят о столкновениях скифов соответственно с Мидией при Киаксаре еще до его войны с Ассирией 615—605 гг. до н. э. и с трерами. Когда начал править Киаксар, в точности не известно, в клинописных источниках он впервые упоминается в изложении событий 614 г. [26, Хроника 3, стк. 29 сл.] или, может быть, около 620 г. [46], в 590—584 гг. он воюет с Лидией (Herod. I. 103. 2). Кшатрита (Фраорт Геродота), согласно Геродоту (I. 103. 1),— отец Киаксара, известен по ассирийским источникам около 674—670 гг. до н. э. [27, с. LX сл; 40, с. 193, прим. 331]. Мадий был сыном Прототия (Herod. I. 103. 3), ассирийские сообщения о котором [27, № 20] датируются несколькими годами раньше сведений о Кшатрите. Прототий—Партатуа стал царем после гибели своего предшественника (отца?) в 676/5 г. до н. э., т. е. скорее всего был тогда еще молодым человеком (в пользу этого свидетельствует, пожалуй, факт его сватовства к дочери Асархаддона). Элементарный расчет показывает, что война Киаксара с Мадием датируется временем не ранее второй половины VII в. и не позже 615 г. до н. э.

Свидетельство Страбона об «изгнании» скифами Мадия треров следует поставить в связь с данными Геродота (Herod. IV. 1. 2; I. 130. 1), согласно которым скифская «гегемония» охватила часть Малой Азии до р. Галис [11]. Треры известны в Малой Азии в то же время, что и походы киммерийцев Лигдамиса (644—640 гг.

[10] См. [27, с. LXIII]. Киммерийцы служили в ассирийской армии еще в 679 г. до н. э. [14, с. 113; 34, с. 175, прим. 259; 44, № 204]. То, что запросы касаются не собственно государства в лице царя и кронпринца, а в первую очередь их лично, видно из № 142, относящегося специально к последнему (этот факт подметил еще М. Штрек [43, с. CLXXX], но не сделал соответствующих выводов): естественно считать, что запрос направлен на предотвращение заговора в среде подданных.

[11] Подробный анализ свидетельств Геродота см. [47].

до н. э., см. [20, с. 406—409]). Треры участвовали во взятии Сард в 644 г. или, если следовать Каллисфену (фр. 29 Jacoby), в другом захвате города в 638 г. Таким образом, определяется начало нового периода активности скифов на древнем Востоке [20, с. 406], завершившегося, согласно Геродоту (Herod. I. 106. 2), еще до войны с Ассирией 615—605 гг. [48, с. 88]. К этому же периоду (во всяком случае, ко времени после Асархаддона) относится и поход скифов до границ Египта [20, с. 408; 43, с. CCCLXII; 48, с. 82 сл.][12]. Об отдельных скифских отрядах на службе у мидийцев и лидийцев известно еще в 90—80-е годы VI в. до н. э. (Herod. I. 73—74).

У нас нет прямых свидетельств о скифах в 670-е — 630-е годы до н. э., но из этого еще не следует, что на этот период они покинули районы, сопредельные с Ассирией. Косвенное, но вполне определенное свидетельство на этот счет содержит упоминание Геродотом Прототия, показывающее, что в своей книге он использовал не все имевшиеся у него материалы о скифах в Передней Азии [10, с. 37, прим. 68]. Это упоминание, выдающее знакомство Геродота с преданиями о res gestae Прототия, говорит и о том, что данные, которыми он располагал, значительно превосходили объем дошедших до нас ассирийских сведений о скифах и временны́м охватом, и содержательно. В самом деле, трудно представить, что память о мимолетном — как это получается согласно И. Н. Медведской — пребывании скифов Прототия в Передней Азии (буквально один — два года!) сохранялась бы устной традицией вплоть до времени первых греческих логографов (точно так же необъяснимым оказалось бы и включение скифов в библейскую Tabula nationum).

На с. 105 И. Н. Медведская между прочим делает намек на то, что античные сведения о скифах в Передней Азии после 70-х годов VII в. до н. э. недостоверны, между тем как очевидно, что в действительности они закрывают лакуну в клинописной традиции. Поэтому не достигает цели утверждение, что клинописные источники (scil.— в отличие от античных), современные киммерийцам и скифам, «должны иметь приоритетное значение». Этот методический принцип, справедливый, конечно, лишь в самом общем виде, на практике перерастает у И. Н. Медведской в своеобразную форму гиперкритики: все данные о скифах и киммерийцах, не находящие себе параллелей в клинописных источниках, объявляются не заслуживающими внимания (за вычетом Ierem. 51 : 27). Эта методика распространяется и на такие факты, известные из античных авторов, которые вообще не могли отразиться в клинописных источниках (например, присутствие киммерийцев в Малой Азии как самостоятельной политической силы еще в конце VII или начале VI в. до н. э.: Herod. I. 16. 2; Polyaen. VII. 2. 1).

Подведем итоги. Носителями культуры скифского типа были как скифы, так и киммерийцы. Первые памятники этой культуры должны датироваться не позже, чем начало последней четверти VIII в. до н. э. Хронология и география скифского и киммерийского присутствия на Ближнем Востоке и в Малой Азии усилиями главным образом ассириологов установлены сейчас уже достаточно хорошо. В соответствии с этими данными и следует определять хронологию и этнокультурную принадлежность скифоидных памятников древнего Востока. Первый опыт такого рода — чрезвычайно ценный по своим материалам и выводам труд И. Н. Медведской — не лишен и ряда серьезных недостатков, обусловленных способом привлечения автором письменных источников. Произвольное элиминирование целого круга источников о киммерийцах в Анатолии и скифах в Передней Азии и Анатолии во второй половине VII в. до н. э. может скорее вызвать подозрения в предвзятости автора. Представляется, что и без этого у И. Н. Медведской имеется достаточно убедительных аргументов в пользу того, что по крайней мере большинство памятников скифского типа на древнем Востоке не выходит во вторую половину

[12] Едва ли заслуживают обсуждения попытки К. Мазетти [49] опровергнуть историчность этого события.

VII в. до н. э., хотя дальнейшее сужение датировки до 670-х годов неоправданно. Если на древнем Востоке по существу нет памятников III этапа РСК, это еще не значит, что античная традиция о киммерийцах и скифах второй половины VII в. до н. э. выросла на пустом месте. Скифское царство могло находиться тогда где-то в Закавказье или даже на Северном Кавказе, затем непродолжительное время в Восточной Анатолии; стремительные рейды скифов и не должны были оставлять существенных материальных следов. Киммерийцы, с 60-х годов VII вв. до н. э. окончательно переселившиеся в Малую Азию, вероятно, скоро утратили постоянные связи со степной «метрополией». Сохранявшиеся в ходе этнокультурной ассимиляции элементы их традиционной культуры (прежде всего вооружение) могли подвергнуться некоторой консервации и не претерпеть тех изменений, которые характерны для III этапа РСК. Можно ли, наконец, сомневаться, что многие находки еще впереди?

Необходимое дополнение.

И. Н. Медведская не разделяет гипотезы И. М. Дьяконова (хотя и не полемизирует с ним специально), согласно которой в ассирийских гадательных текстах, составленных на вавилонском диалекте, а также в некоторых письмах термином «киммерийцы» могут быть обозначены скифы [14, с. 144]. Мысль И. М. Дьяконова развивает А. И. Иванчик [50, с. 7 сл.]: в запросах к Шамашу и письмах времени Асархаддона «в качестве врагов Ассирии, действующих в союзе с маннеями и мидийцами, упоминаются попеременно то скифы, то киммерийцы (причем никогда вместе в одном тексте») [50, с. 7]. Как полагает А. И. Иванчик, к началу правления Асархаддона (679 г.) киммерийцы окончательно переселились в Анатолию.

Если бы это предположение было оправданно, пришлось бы внести некоторые коррективы в предложенные И. Н. Медведской этнические атрибуции памятников скифского типа из Ирана. Однако мне не известно ни одного относящегося к нашей теме текста, который с необходимостью предполагал бы такую интерпретацию термина «киммерийцы». В гадательных текстах (не говоря уже о письмах) нет примеров намеренного кодирования одного этнического термина другим; только в упоминавшемся астрологическом тексте 657 г. до н. э. киммерийцы закодированы термином «умман-манда» (который и не является собственно этнонимом), причем он тут же и расшифровывается. Утверждение А. И. Иванчика, что киммерийцы и скифы никогда не упоминаются вместе в документальных текстах 670-х годов до н. э., ошибочно. В запросе к Шамашу [27, № 24, rev. 8—9] Асархаддон озабочен тем, что на его посланника в Хубушкию могут напасть «киммерийцы, (или урарты), или меннеи, или скифы, (или...), или другой враг»; оба этнонима сохранились на табличке полностью, указание А. И. Иванчика (в диссертации [50]), что слово «скифы» лишь восстанавливается издателем (Й. А. Кнудтцоном), не соответствует действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
2. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
3. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
4. *Kossak G.* Von den Anfangen des skytho-iranischen Tierstils//Skythika (Abhandl. Bayerischen Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. N. F. 98/1). München, 1987.
5. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
6. *Bochkarev V. S., Leskov A. M.* Lung-und spätbronzezeitliche Gussformen in nördlichen Schwarzmeergebiet (Prähistorische Bronzefunde, XIX, 1). München, 1980.
7. *Квирквелия Г. Т.* Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.06. Тбилиси. 1981.
8. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
9. *Погребова М. Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
10. *Tokhtas'ev S.* Cimmerians//Encyclopaedia Iranica. V. V. N. Y., 1991.
11. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
12. *Boemer R. M.* Die Kleinfunde von Boğazköy (Boğazköy — Hattuša. VII.). B., 1972.

13. *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э.//СА. 1980. № 4.
14. *Diakonoff I. M.* Cimmerians//Monumentum G. Morgenstierne. I. (Acta iranica, 21). Leiden, 1981.
15. *Грантовский Э. А.* [Выступление] Дискуссионные проблемы отечественной скифологии (Круглый стол)//Народы Азии и Африки 1980. № 6.
16. *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск. 1984.
17. *Welles C. B.* Royal Correspondence in the Helleistic Period. New Haven, Conn., 1934.
18. *Kleiner G., Hommel P., Wiener W.* Panionion und Melie. B., 1967.
19. *Сорокин С. С.* Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
20. *Spalinger A. J.* The Date of the Death of Gyges and Its Historical Implications//J. Amer. Oriental Soc. 1978. V. 98. № 4.
21. *Sulimirski T.* Scythian Antiquities in Western Asia//Artibus Asiae. 1954. V. 17. № 3—4.
22. *Ivancik A. I.* L'ethnonyme «les Cimmeriens»//Linquistique Balkanique. 1989. XXXII, 1.
23. *Goldman H.* Excavations at Gözlü Kule, Tarsus: 1936//Amer. J. Archaeol. 1937. V. 41.
24. *Goldman H.* Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. V. III. Plates. Princeton, N. J., 1963.
25. *Borger R.* Die Inschriften Asarhaddons, König von Assyrien. Graz, 1956.
26. *Grayson A. K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley, N. Y., 1975.
27. *Starr I.* Queries to the Sungod. Divination and Politics in Sargonid Assyria (State Archives of Assyria. V. IV). Helsinki, 1990.
28. *Thompson R. C.* The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—1932, (3) Inscriptions//Ann. Archaeol. and Anthropol. Univ. Liverpool. 1933. XX.
29. *Thompson R. C.* A Selection from the Cuneiform Historical Texts from Nineveh (1927—1932)//Iraq. 1940. V. VII.
30. *Millard A. R.* Fragments of Historical Texts from Nineveh: Ashurbanipal//Iraq. 1968. V. XXX.
31. *Акопян Т. Х., Мелик-Башхян С. Т., Барсегян О. Х.* Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Т. 1. Ереван, 1986 (на армян. яз.).
32. *Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Pt I. Letters from Assyria and the West (State Archives of Assyria. V. I). Helsinki, 1987.
33. *Lanfranchi G. B., Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Pt II. Letters from the Northern and Northeastern Provinces (State Archives of Assyria. V. V). Helsinki, 1990.
34. *Diakonoff I. M.* The Pre-History of the Armenian People. Delmar, N. Y., 1984.
35. *Diakonoff I. M., Kashkai S. M.* Geographical Names According to Urartian Texts. Wiesbaden, 1981.
36. *Иванчик А. И.* Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II//ВДИ. 1990. № 3.
37. *Lanfranchi G. B.* Some New Texts about a Revolt against the Urartian King Rusa I//Oriens Antiquus. 1983. V. 22.
38. *Parpola S.* Assyrian Royal Inscriptions and Neo-Assyrian Letters//Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological and Historical Analysis/Ed. Fales F. M. Roma, 1981.
39. *Thompson R. C.* The Reports of the Magicians and Astrologers of Nineveh and Babylon. V. I—II. L., 1900.
40. *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. V. II. Neukirchen; Vluyn, 1983.
41. *Streck M.* Assurbanipal und die letzten assyrischen Konige bis zum Untergange Niveveh's. II. Teil. Lpz., 1916.
42. *Fales F. M., Lanfranchi G. B.* ABL 1237. The Role of the Cimmerians in a Letter to Esarhaddon//East and West. 1981. N. S. 31.
43. *Streck M.* Assurbanipal und die letzten assyrischen Konige bis zum Untergange Nineveh's I. Teil. Lpz., 1916.
44. *Kwasman Th., Parpola S.* Legal Transactions of the Royal Court of Nineveh. Pt I (State Archives of Assyria. V. VI). Helsinki, 1991.
45. *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. V. I. Neukirchen; Vluyn, 1970.
46. *Diakonoff I. M.* Cyaxares//Encyclopaedia Iranica. V. V. N. Y., 1991.
47. *Vaggione R. P.* Over All Asia? The Extent of the Scythian Domination in Herodotus//J. Biblical Literature. 1973. V. 92.
48. *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and the Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznan, Delft, 1988.
49. *Mazetti C.* Origine delle notisie di Erodoto sulla calata degli Sciti in Palestina//Rassegna Sovietica. 1987. № 1.
50. *Иванчик А. И.* Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1989.

Санкт-Петербургский филиал
института востоковедения РАН

Я. А. ШЕР

О СТАТЬЕ И. Н. МЕДВЕДСКОЙ «ПЕРИОДИЗАЦИЯ СКИФСКОЙ АРХАИКИ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК»

Статья И. Н. Медведской несомненно актуальна и интересна не только для узкого круга специалистов-скифологов. В ней указано на «возникшую с накоплением нового материала тенденцию к удревнению раннескифской культуры (РСК)». Думается, что в данном случае вернее было бы говорить об РСК как о *раннескифских культурах* (а не культуре), ибо уже достаточно хорошо заметны различия между ними не только в целом — «восток — запад», но и внутри западных и восточных скифо-сакских культур. Но это — попутное замечание, а главный вопрос — в чем же причина тенденции к удревнению памятников РСК? Ведь датировки выразительных и характерных предметов греческой архаики, от которых, по мнению И. Н. Медведской «была изначально поставлена в прямую зависимость» хронология скифской культуры, за редкими исключениями не подвергались пересмотру. Те же ионийско-балканские материалы, датировки которых уточнялись за последние 20 лет, например, в работе Г. И. Смирновой [1, с. 33—53], И. Н. Медведской не используются.

Само понятие «тенденция» в данном контексте не очень удачно, поскольку порождает представление о некоем процессе неопределенной природы, хотя на самом деле речь должна идти не о тенденции, а о том, что теперь появились новые данные, свидетельствующие не только об отдельных передатировках (например, Репяховатая могила, которая была сначала отнесена к VI в. до н. э. [2]), а об общем переосмыслении истоков, последовательности и темпов распространения РСК. Это — большой вопрос, освещение которого выходит далеко за рамки комментария к статье И. Н. Медведской, но в самой статье об этом нужно было хотя бы очень кратко сказать, и тогда стало бы ясно, почему и на каких основаниях сложилась отмечаемая автором тенденция.

Первые данные о более раннем возрасте некоторых памятников РСК были опубликованы в работах А. А. Иессена [3], затем эта идея была поддержана в исследованиях А. И. Тереножкина [4; 5; 6, с. 267—270] и почти одновременно доказана на новых материалах М. П. Грязновым [7]. Были также получены радиоуглеродные датировки, сопоставленные с дендрохронологией [8], и новые материалы [9]. Однако не все скифологи, специалисты по Причерноморью, приняли эти новые данные и пока придерживаются прежних схем хронологии, согласно которым самые ранние памятники скифов датируются VII в. до н. э. Как всегда, в своем отечестве пророков не бывает, и вот изданная в Мюнхене добротная, но в основном компилятивная статья Г. Коссака [10] стала поводом к дискуссии об уточнении хронологии РСК.

Давая высокую оценку работе Г. Коссака, И. Н. Медведская поддерживает его вывод о том, что в восточноевропейских степях РСК существовали уже в VIII в. до н. э. Более того, Г. Коссак относит время появления РСК к концу VIII в. до н. э., а И. Н. Медведская — к началу или не позднее середины. Далее она показывает, чем отличается по составу вещей второй этап от первого и, соответственно, третий от второго. Все эти выводы вместе с вносимыми ею поправками к Г. Коссаку представляются вполне обоснованными и практически не вызывают сомнений. Составленная автором синхронистическая таблица находок

© Я. А. Шер, 1993 г.

является результатом большого и кропотливого труда. Если специалисты по европейской Скифии и найдут в подробно расписанных автором сочетаниях вещей какие-то неточности, то они уже не повлияют на периодизацию в целом. Правда, эта таблица находок намного бы выиграла, если бы ее клетки были заполнены не текстовыми ссылками, а рисунками. Выполнить такую работу при современных средствах копирования не очень сложно, зато наглядность и убедительность доказательств автора возросли бы несоизмеримо.

Важное место в статье занимает рассмотрение вопроса о скифах в Передней Азии. Анализируя данные древних текстов, И. Н. Медведская дает свою интерпретацию событий в Вавилоне, Ассирии и Мидии во второй половине VII в. до н. э., в основном обращаясь к новым материалам У. Зайдль, С. Кроля, С. Завадского и др. Речь идет о более ранней дате гибели Урарту, возвышении Мидии и роли скифов в этих событиях, как считает автор, весьма незначительной.

Археологу, не знающему древних языков, в данном случае остается принимать сказанное на веру или не принимать. Однако некоторые рассуждения представляются спорными. Например, И. Н. Медведская пользуется термином «киммерийцы» в традиционном этническом смысле, в то время как, если следовать вполне убедительным доводам И. М. Дьяконова, значение слова «киммерийцы» следует понимать не как название и тем более не самоназвание народа, а как «подвижный конный отряд» [11]. Близкую точку зрения высказывал и М. А. Дандамаев [12]. Но тогда все рассуждения о киммерийцах как о реальном народе, действовавшем на исторической арене, становятся не очень убедительными, особенно, когда слова «киммерийцы» и «скифы» используются рядом, несомненно как этнонимы и с подчеркиванием взаимной независимости действий этих этносов. К тому же автор подразделяет киммерийцев на «западных» и «другую часть». Сомнение усиливается еще и за счет традиционного для археологов (возможно и неверного) представления о том, что киммерийцы по времени предшествуют скифам. Правда, дальше И. Н. Медведская отмечает, что археологически памятники скифов и киммерийцев в Иране и Турции неразличимы и называет их вместе «культурой номадов», но здесь же пишет: «согласно письменным источникам, эту культуру в первую очередь следует называть киммерийской, а скифской — во вторую».

Вывод о том, что немногочисленные памятники скифской культуры, найденные на территории Ирана и Восточной Турции, датируются в пределах первой половины VII в. до н. э., т. е. относятся ко второму этапу РСК, а не к первому, важен не только сам по себе. Когда-то, после известных находок скифских вещей в Зивие, в целом ряде публикаций А. Годара, Р. Гиршмана, М. И. Артамонова, Б. Б. Пиотровского, Н. Л. Членовой и др. была высказана гипотеза о ближневосточном происхождении скифо-сибирского звериного стиля. Эти находки стали неким «эталоном» (лишнее свидетельство неуместности этого термина в археологии вообще) раннескифских изобразительных памятников и были датированы около 625 г. до н. э., «когда пал Саккыз, столица скифов, владевших этим районом в 653—625 гг.» [13, с. 96]. Комплексы скифских вещей из Ирана и Турции, относимые И. Н. Медведской ко второму этапу РСК, т. е. к первой половине VII в. до н. э., содержат хотя и немногочисленные, но традиционные для РСК изобразительные предметы. Следовательно, они были принесены сюда из областей, где формировался первый этап РСК, и ни о каком происхождении звериного стиля с Ближнего Востока не может быть и речи. Впрочем этот вопрос уже неоднократно рассматривался в литературе [14, 15].

Статья И. Н. Медведской знаменует собой определенный этап в изучении РСК. По отдельным историко-культурным регионам уже есть обобщающие наблюдения в работах В. Г. Петренко, Л. К. Галаниной, А. Ю. Алексеева и др., но это были отдельные хронографические выкладки локального характера. Здесь же дана едва ли не первая попытка представления сквозной периодизации.

Помимо своих бесспорных научных достоинств работа И. Н. Медведской обладает еще и неким символическим значением. Согласно одному из законов

развития науки всякая новая научная идея должна пройти через три этапа: 1-й этап — «этого не может быть», 2-й — «в этом что-то есть, но не так», 3-й — «это давно всем известно». Сорок лет тому назад А. А. Иессен, а спустя некоторое время и А. И. Тереножкин (который по некоторым вопросам не соглашался с А. А. Иессеном), почти интуитивно, на весьма незначительных материалах почувствовали, что скифские памятники южнорусских степей старше, чем это тогда считалось, и высказали свои соображения в указанных выше публикациях. Двадцать лет назад, но уже не интуитивно, а на основе анализа находок из кургана Аржан, к такому же выводу пришел М. П. Грязнов. В связи с этим он предложил по-новому оценить хронологическую принадлежность таких памятников, как Тасмола, Уйгарак, Тагискен. Добавим сюда Памирскую, Гумарово, Чиликты.

Хотя в статье И. Н. Медведской прямо не говорится о пути распространения РСК с востока на запад, весь материал, представленный в синхронистической таблице, в целом подтверждает эту мысль. Осталось «немного»: выполнить такую же синхронизацию для восточных районов РСК и сопоставить ее результаты с хронологией западных районов. Но так, чтобы результаты этого исследования появились раньше, чем через сорок лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР//СА. 1985. № 4.
2. *Петренко В. Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы//Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
3. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР//СА. 1954. Т. XVIII.
4. *Тереножкин А. Н.* Основы хронологии предскифского периода//СА. 1965. № 2.
5. *Тереножкин А. Н.* Киммерийцы. Киев, 1976.
6. *Тереножкин А. Н.* Рец. на: М. П. Грязнов. Аржан//СА. 1982. № 3.
7. *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
8. *Марсадолов Л. С.* Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.). Автореферат дис... канд. ист. наук. Л., 1985.
9. *Исмагилов Р.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры//АСГЭ. 1988. Вып. 29.
10. *Kossak G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils//Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-istorische Klasse. Heft 98, München, 1987.
11. *Дьяконов И. М.* К методике исследования по этнической истории (киммерийцы)//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
12. *Данадамаев М. А.* Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках//ВДИ. 1977. № 1.
13. *Фрай Р. Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
14. *Шер Я. А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля//Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемеров, 1980.
15. *Sher J. A.* On the sources of the Scythic Animal Style//Arctic. Antropology. 1988. V. 25. No. 2.

Кемеровский государственный университет

Г. И. СМИРНОВА

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЕ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросам хронологии памятников скифской архаики, с пересмотром их хронологии в сторону удревнения, в 80-е годы стало уделяться большое внимание. Правда, в работах, широко охватывающих раннескифскую культуру лесостепной Скифии [1, с. 125—139; 2, с. 24—86; 3, с. 17—36], фактически оказались незатронутыми памятники Среднего Поднестровья, объединяемые в западноподольскую группу. При этом выпали из рассмотрения не только скифские комплексы из старых довоенных раскопок [4], но и материалы, добытые в 50—70-е годы.

Начиная с 1987 г., вслед за работами Г. Коссака и С. В. Полина, мною в докладах [5, с. 74; 6, с. 293] и в обобщающих работах по предскифскому и скифскому периоду Среднего Поднестровья [7, с. 28, 29; 8, с. 28—31] неоднократно ставился и рассматривался вопрос о необходимости удревнения памятников раннескифского времени на Среднем Днестре. Возвращаясь к этому вопросу с расширенной аргументацией, необходимо подчеркнуть, что передатировкам подверглись в первую очередь погребальные комплексы, открытые в послевоенные годы. Что касается курганных комплексов из старых раскопок, то с ними еще предстоит дополнительно работать, поскольку иллюстрации инвентаря, особенно наконечников стрел, в изданной Т. Сулимирским книге из-за нечеткости нуждаются в проверке, а сами вещи частично разрознены по разным городам и странам либо утрачены.

Главным достижением исследователей, так или иначе затрагивавших вопросы хронологии архаических памятников европейских скифов, наряду с удревнением датировок в пределах конца VIII—VII вв. до н. э. явилось расчленение келермесско-старшежуровского горизонта на ранний и поздний [1, с. 125; 3, с. 17; 9, с. 41—54; 10, с. 22—55], что позволило Г. Коссаку разделить раннескифские памятники на три этапа. 1-й из них, предкелермесский на основании кавказских параллелей (Самтавро 106, Тли 68, 85) датируется Г. Коссаком концом VIII — началом VII в. до н. э. К 1-му этапу отнесены Рыжановка, кург. 2; Жаботин, курганы 2, 524 и др. [2, с. 42—48, 84]. 2-й этап, куда вошли Келермесские курганы 1 и 2, раскопанные Н. И. Веселовским, и ряд памятником старшежуровской группы Среднего Поднепровья (Старшая Могила; Рыжановка, кург. 5, Герасимовка и ряд других) приблизительно отнесены ко второй четверти VII в. до н. э. [2, с. 41—71, 84], 3-й этап, в который включены Келермесские кург. 3, 4 раскопок Д. Г. Шульца и часть памятников старшежуровского горизонта вместе с Репяховатой Могилой 1 и 2, датирован второй половиной VII в. до н. э. на основании пересмотренных дат греческой посуды из Могилы 2 [2, с. 71—83]. Кстати, опираясь на тот же греческий импорт, также определяет возраст этого памятника С. В. Полин, работа которого вышла одновременно с последним из рассматриваемых трудов Г. Коссака. Но в отличие от Г. Коссака, ограничивающего верхнюю границу 3-го этапа рубежом VII—VI вв. до н. э., С. В. Полин датирует не расчленяемый им келермесско-старшежуровский горизонт скифских памятников второй половиной VII — первой четвертью VI в. до н. э. [3, с. 26—31].

Схема С. В. Полина, использовавшего при пересмотре хронологии всех скифских памятников от ранних до поздних наконечники стрел в качестве основного

© Г. И. Смирнова, 1993 г.

диагностирующего признака, отличается от шкалы Г. Коссака по ряду параметров. Опираясь на типолого-хронологическую классификацию наконечников стрел А. И. Мелюковой, он уточняет хронологические рамки выделенных ею групп. Возраст 1-й группы, соответствующей келермесско-старшежуровскому горизонту по А. И. Мелюковой,— вторая половина или конец VII — первая половина VI в. до н. э. [11, с. 16—19],— он уверенно передвигает вниз, определяя серединой VII — первой четвертью VI в. до н. э. В рамках этой группы С. В. Полин вслед за А. И. Тереножкиным [12, с. 213, 214] видит более ранние комплексы, характеризующиеся присутствием керамики жаботинского типа, но не выводит их за пределы старшежуровского горизонта. Это, кроме рассматриваемого А. И. Тереножкиным кург. 5 в Рыжановке, курганы 453, 454 в Макеевке, 471 близ Ситняжки, 346 в Теклино, 6 в Берестнягах, 35 и 40 в Бобрице, 77 в Куриловцах, Пищальники и др. [3, с. 23]. Вместе с тем, базируясь на исследовании В. А. Ильинской по хронологии жаботинских наконечников стрел [13, с. 13], С. В. Полин переносит из 1-й хронологической группы А. И. Мелюковой в предшествующий предкелермесский пласт кург. 524 в Жаботине и Глинище, где представлены ромбические наконечники стрел жаботинского типа [3, с. 21]. Время предкелермесских и, по его представлениям, синхронных им жаботинских и новочеркасских памятников определяется в пределах рубежа VIII/VII — первой половины VII в. до н. э. Верхняя граница употребления жаботинских и новочеркасских наконечников устанавливается на основании отсутствия таковых в слоях греческих поселений Нижнего Поднепровья, возникших во второй половине VII в. до н. э., а также в ряде закрытых комплексов Северного Причерноморья, датирующихся греческим импортом второй половиной VII в. до н. э. [3, с. 22].

Подводя итоги сказанному, отметим, что главным отличием хронологической схемы С. В. Полина от шкалы Г. Коссака является нерасчлененность старшежуровского-келермесского горизонта, из которого Г. Коссаком выделен раннекелермесский пласт, обозначенный этапом 2. Этот этап Г. Коссак отнес приблизительно ко второй четверти VII в., считая начало VII в. пределом существования памятников этапа 1. Из этого следует, что верхний рубеж предкелермеских памятников, определенных С. В. Полиным как середина VII в. до н. э., не совпадает с абсолютными определениями Г. Коссака финала 1-го этапа.

Выделение Г. Коссаком группы архаических келермесских памятников и отнесение их к первой половине VII в. до н. э., что соответствует времени до возникновения первых греческих поселений в Северном Причерноморье, представляется в свете письменных свидетельств правомерным и обоснованным анализом археологических источников. Поэтому, хотя и не все в его хронологической шкале уточнено до конца, она может служить надежной опорой для дальнейших разработок внутренней периодизации памятников скифской архаики в разных регионах Скифии и коррекции хронологической позиции некоторых из них.

Прямым откликом на труды Г. Коссака по хронологии доскифских и раннескифских памятников явилась работа И. Н. Медведской, предложенная вначале в виде докладов [6, с. 293; 14, с. 77, 78], а затем статьи [15]. Ее исследования по корректировке периодизации раннескифской культуры (РСК), представленной Г. Коссаком, заслуживают самого пристального внимания. Существенно расширяя круг привлекаемых памятников как за счет старых, так и за счет новых объектов из Среднего Поднепровья и Кавказской зоны, она на основе комплексного анализа инвентаря из этих курганов определяет их место в хронологической шкале Г. Коссака, выделяя некоторые из них в группы, переходные между этапами 1 и 2 (Келермес, грунтовой могильник 27, Глинище, Орловец 346) и 2 и 3 (Келермес 24/111, Репяховатая Могила 1, Журовка 407, 432, Перепятиха). Представленная ею таблица распределения инвентаря, главным образом закрытых комплексов, позволяет проследить динамику материальной культуры. При этом она сама отмечает, что эта таблица может быть дополнена, в частности, за счет палочек-застежек и грибовидных столбиков.

Прослеживая поэтапную смену ведущих типов инвентаря, И. Н. Медведская четко показывает исчезновение одних из них и переживание других на каждом из последующих этапов. К началу 2-го (раннекелермесского) этапа исчезает основная часть ведущих типов инвентаря предшествующей группы: бронзовые двукольчатые удила и трехдырчатые псалии, пронизи с четырехлучевым знаком, колчанные наборы, состоящие преимущественно из двухлопастных наконечников стрел. Во 2-й фазе по-прежнему используются бронзовые стремечковидные удила и мечи-акинаки с бабочковидным перекрестьем, костяные псалии, включая появившиеся на 2-м этапе трензеля с головками в виде грифо-барана. Новым для этой фазы являются железные удила со стремячковидными и петельчатыми окончаниями, зеркала с центральной ручкой, «келермесский» тип костяных пронизей в виде грифо-барана.

На 3-м этапе, по Г. Коссаку и И. Н. Медведской, появляется греческий импорт и зеркала с боковой ручкой, при этом эталонными памятниками Г. Коссак считает обе Репяховатые Могилы и келермесские курганы, раскопанные Д. Г. Шульцем. И. Н. Медведская, отмечая недоработки Г. Коссака в вопросе об отличительных особенностях инвентаря 3-го этапа и сохранения признаков предшествующего, дополняет и уточняет круг характерного для этого этапа инвентаря. Ссылаясь на разработки относительной хронологии тясминских и поросских курганов В. А. Ильинской и Г. Т. Ковпаненко, она выделяет группу, переходную от 2-го к 3-му этапу, куда включает Репяховатую Могилу 1. На этом переходном этапе, по ее представлениям, наблюдается сосуществование исчезающих на 3-м этапе зеркал с центральной ручкой с зеркалами с боковой ручкой. На последнем этапе, по ее данным, кроме зеркал с ручкой на обратной стороне диска, фактически выходят из употребления бронзовые и костяные псалии с зооморфными окончаниями, а также железные трехдырчатые псалии и костяные пронизи в виде грифо-барана. Вместе с тем продолжает существовать большая группа вещей, известных на 2-м этапе: мечи-акинаки, удила петельчатые и псалии трехпетельчатые из железа, удила стремявидные из железа и бронзы, пронизи клювовидные.

Что касается еще одной категории инвентаря — наконечников стрел, то И. Н. Медведская говорит о них в основном в полемике с В. Г. Петренко, которая при определении хронологической последовательности раннескифских курганов Предкавказья придает большое значение сочетанию дробно классифицируемых наконечников стрел с конкретным набором узды [16, с. 60]. Исходя из этого спора, ведущегося главным образом вокруг относительной микрохронологии памятников 2-го этапа (в основном курганов Нартана), а также из других разделов работы И. Н. Медведской, можно суммировать следующее.

На 1-м этапе преобладают двухлопастные наконечники стрел, среди которых ведущими являются стрелы жаботинского типа. На этапе 2 превалируют длинновтульчатые трехлопастные с листовидной головкой без жалец (т. е. без заостренных концов лопастей) и трехлопастные листовидные со скрытой или чуть выступающей втулкой. Трехлопастные листовидные стрелы сочетаются с архаическими двухлопастными, при этом на втором этапе происходит замена ромбических на наконечники с плавной линией лопастей [13, с. 15, 18], называемых обычно овально-ромбическими или листовидно-ромбическими, хотя этот признак, как считает И. Н. Медведская, в значительной мере субъективен.

К концу 2-го этапа, по мнению И. Н. Медведской, появляются трехлопастные наконечники стрел с выделенными жальцами (чаще их называют треугольно-сводчатыми или трехлопастными с массивной сводчатой головкой). Это заключение И. Н. Медведской подкрепляется выводом А. И. Мелюковой о том, что в границах первой хронологической группы трехлопастные наконечники с массивной сводчатой головкой появляются позже трехлопастных с лавролистным в плане пером [11, с. 19]. Такое относительное членение колчанных наборов рассматривается И. Н. Медведской на закрытых комплексах могильника Нартан, где в одних курганах (12, 16) представлены только трехлопастные наконечники с листовидной

головкой, сочетающиеся еще с архаическими двухлопастными, а в других (15, 17—21) присутствуют треугольные с массивной сводчатой головкой [17, с. 32—42, табл. 33, 39, 41, 43, 46, 48, 53]. Реальность такого членения наборов стрел 2-го этапа РСК подтверждается ею древневосточными находками, среди которых из всех разновидностей наконечников стрел представлены только длинновтульчатые листовидные без жалец и листовидные со скрытой втулкой.

На 3-м этапе, считает И. Н. Медведская, ведущими становятся трехлопастные наконечники с треугольно-сводчатыми головками.

Дополнив и откорректировав разработки Г. Коссака о ведущих категориях инвентаря каждого из трех этапов РСК и показав его динамику, И. Н. Медведская предлагает уточнение абсолютных дат РСК путем привлечения древневосточного материала, имеющего выход на абсолютные хронологические датировки. Ею показано, что древности номадов на территории Северно-Западного Ирана (скифы и киммерийцы) и Восточной Анатолии (только киммерийцы), известны по находкам в Норшунтепе, Имирлере, Богазкёе, Нуш-и Джане III и др., по сочетанию типов инвентаря соответствуют 2-му этапу РСК, а по формам наконечников стрел — ранней части этого этапа. Абсолютные даты кочевнического инвентаря, найденного в этих регионах Древнего Востока, уточняются комплексно — с помощью местного археологического материала и письменных источников при глубоком анализе исторической ситуации на Древнем Востоке в раннескифское время. При этом она резонно подчеркивает решающую роль в корректировке дат за современными киммерийцам и скифам письменными свидетельствами о событиях, связанных с кочевниками, и результатами их анализа.

В итоге всестороннего разбора всех источников И. Н. Медведская приходит к следующим выводам: культура номадов в восточном регионе Ближнего Востока (Восточная Турция, Иран), соответствующая 2-му этапу РСК, в равной степени принадлежала киммерийцам и скифам. В этой зоне их памятники датируются 70-ми годами VII в. до н. э., что предполагает сложение второго этапа РСК к северу от Кавказа не позднее 90—80-х годов VII в. Даты (722—715 гг.) первого упоминания киммерийцев на Древнем Востоке, в пределах северных границ Урарту, приводят ее к заключению о сложении культуры номадов в Евразии (1-й этап РСК) не позднее середины VIII в., а не к концу VIII в., как считает Г. Коссак.

В связи с поисками древневосточных реперов для хронологии РСК является важным обращение И. Н. Медведской к вопросам поздней истории Урарту и времени гибели урартских крепостей, в том числе Кармир Блура, финальная дата существования которого до начала VI в. до н. э. ныне ставится под сомнение. Исследования в Бастаме — крепости, построенной, как и Кармир Блур, Русой II и сгоревшей в его царствование, послужили толчком для пересмотра поздней истории Урарту, тотальное крушение которого немецкие исследователи С. Кроль и У. Зайдль считают возможным относить к середине VII в. до н. э. Кармир Блур, как известно, благодаря находкам в его слоях раннескифских древностей является одним из опорных памятников при определении хронологии РСК. Перенос его верхней даты в начало второй половины VII в., а вслед за этим и найденного там раннескифского инвентаря подкрепляется И. Н. Медведской реконструкцией геополитической ситуации во второй половине VII в. до н. э. на территории Ирана и Восточной Турции. В ее основу положен всесторонний анализ работ урартологов и ассириологов об исторических событиях в древневосточном регионе на протяжении VII в. Приведенная И. Н. Медведской реконструкция событий во второй половине VII в. в Иране и сопредельных территориях ставит под сомнение не только возможность военно-политической активности номадов в регионе, но и сам факт их присутствия здесь.

Понимая, что компетентную оценку второго большого раздела рассматриваемой работы И. Н. Медведской должны дать востоковеды, позволю себе признать представленный ею совместный анализ древневосточных археологических и письменных источников плодотворным и весьма убедительным для скифолога. Про-

деланная ею корреляция закрытых погребальных комплексов из Среднего Поднепровья и Кавказской зоны по определенным категориям и типам инвентаря подтверждает предложенное Г. Коссаком членение раннескифских памятников на три хронологически последовательные фазы, между которыми она намечает комплексы вещей переходного характера. Расширенный ею круг особенностей каждого из трех этапов лимитируется не очень жестко, поэтому при определении позиции того или иного археологического комплекса в рамках трехэтапного деления РСК решающим показателем служит взаимовстречаемость конкретных типов вещей.

В отличие от И. Н. Медведской, выводы которой принципиально согласуются с Г. Коссаком в вопросах хронологии и синхронизации раннескифских памятников, В. Г. Петренко, принимающая его удревнение даты ряда эталонных архаических курганов, выражает сомнение в значительном понижении Г. Коссаком возраста таких погребальных комплексов, как погребение 106 могильника Самтавро, курганов 2 и 524 у с. Жаботин [16, с. 71, 72]. В своем несогласии она опирается в первую очередь на прослеживаемую ею дробную видоизменяемость стрелковых наборов из курганных могил Нартана, у хут. «Красное Знамя» и у с. Новозаведенное с учетом сочетания с определенным комплектом узды.

Возражая В. Г. Петренко, И. Н. Медведская на материалах названных могильников Центрального Предкавказья рисует несколько иную картину хронологической последовательности отдельных курганных комплексов внутри этих некрополей. Не считая удила и псалии надежным коррелирующим признаком в силу бытования одних из них на протяжении всего периода РСК, других — на 2-м и 3-м этапах, для доказательства своей внутренней периодизации предкавказских памятников она привлекает другие категории вещей, служащих, по ее мнению, хронологическими индикаторами.

Исходя из сегодняшнего состояния вопроса по пересмотру хронологии памятников РСК в сторону удревнения, когда дискуссия фактически только начинается, сопоставление создаваемых хронологических схем пока преждевременно. Поэтому на материалах скифской архаики правобережного Среднего Поднестровья попытаемся проверить диагностирующие признаки каждого из трех этапов РСК, уточнить, насколько это возможно, ритмы развития отдельных категорий вещей и найти соответствующее место среднеднестровским памятникам в рамках трехфазового членения РСК по Г. Коссаку и И. Н. Медведской. Корректировка хронологической шкалы РСК на материалах западного региона Скифии представляется возможной благодаря наличию здесь отдельных находок западного происхождения, дающих независимые хронологические привязки к среднеевропейским и балканским комплексам. Кроме того, имеются привязки к абсолютному счету времени через греческий импорт или переработки греческих моделей.

Из числа исследованных после войны курганов наиболее ранним является раскопанный А. И. Мелюковой в 1951 г. кург. 1 у с Ленковцы в днестровском Правобережье [18, с. 60—73], а точнее, впускная могила — кенотаф в насыпь более древнего кургана. О возможно впускном характере этого погребения позволили говорить наши раскопки в 1985 г. еще двух курганов из остававшихся трех в этой группе, где основные захоронения относились к эпохе бронзы, а впускные — только к сарматам (например, кург. 3) [19, с. 12—18].

Набор находок в кург. 1 у с. Ленковцы датирован А. И. Мелюковой первой половиной VI в. до н. э. [18, с. 64; 20, с. 43]. Среди собранных в разных местах могилы 28 наконечников стрел, отнесенных А. И. Мелюковой к I хронологической группе, двухлопастных 12: из них 5 — ромбических или, как теперь уточняет А. И. Мелюкова, овально-ромбических (рис. 1, *1*, *2*) и 7 — с головкой листовидной формы (рис. 1, *3*, *4*); трехлопастных — 14: из них 10 с лавролистной и остролистной головкой (рис. 1, *5*, *6*, *10*) и только 4 треугольных со сводчатой головкой (рис. 1, *7*), а также 2 трехгранных [11, с. 18, 19, табл. I; 6, И, 1—10]. Сочетание двухлопастных овально-робмических наконечников с треугольными со сводчатой головкой, как показала И. Н. Медведская, возможно

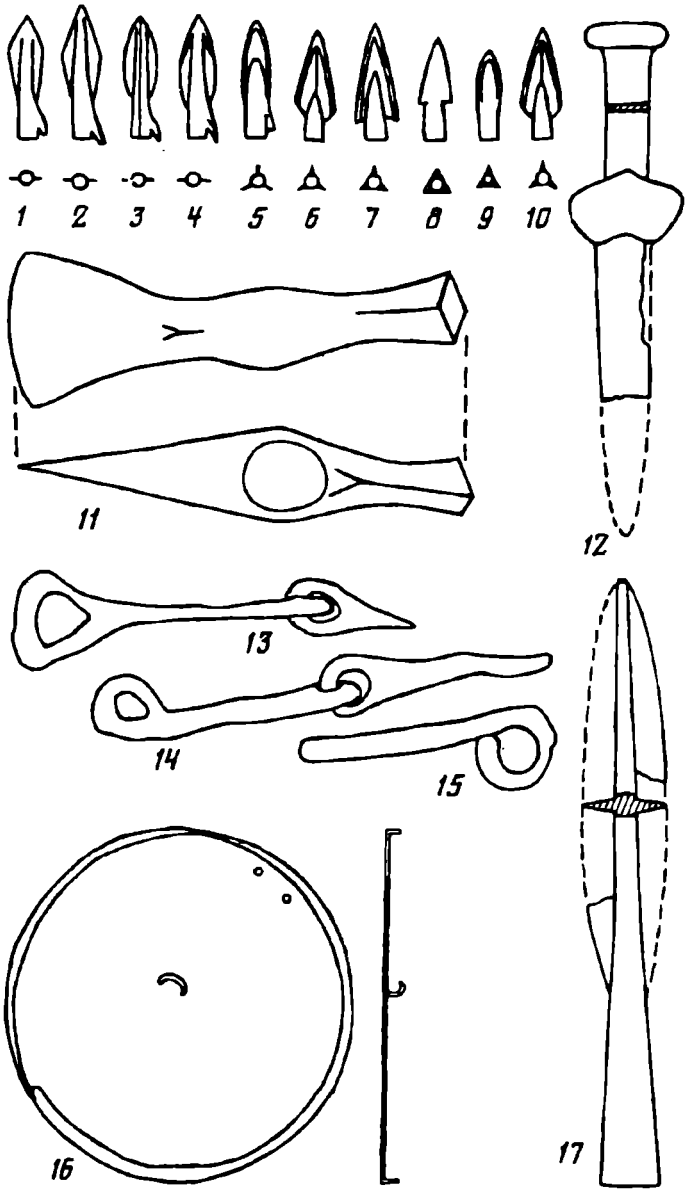


Рис. 1. Инвентарь из кург. 1 у с. Ленковцы

не ранее конца 2-го этапа, т. е. где-то ближе к финалу первой половины VII в. до н. э. По ее же данным, на 3-м этапе уже преобладают наконечники с треугольно-сводчатой головкой, при этом специально не отмечается переживание листовидно-ромбических. На исчезновение к середине VII в. до н. э. всех вариантов ромбических наконечников указывает и С. В. Полин [3, с. 21, 22], в отличие от которого Л. К. Галанина, четко отделившая от жаботинских наконечников листовидно-ромбические, допускает использование последних в третьей четверти VII в. до н. э. [21, с. 42].

В пользу отнесения ленковецкого комплекса находок ко 2-му этапу говорит дисковидное зеркало с обломанной петлей-ручкой в центре диска, замененной боковой ручкой, также не сохранившейся (рис, 1, *16*). По Медведской, зеркала с центральной ручкой — один из устойчивых признаков вещевого набора 2-го этапа РСК, существующие также в переходное время от 2-го к 3-му этапу. В данном случае наличие следов замены петли на ручку другого типа может вызвать возражения относительно принадлежности ленковецкого зеркала только 2-му этапу без захода в третий, когда появляются так называемые ольвийские зеркала с боковой ручкой. Но нам не кажется, что боковая ручка, вторично

приделанная, обязательно должна служить признаком более позднего возраста ленковецкого экземпляра. После утраты центральной ручки простейшим способом восстановить ее была не починка петли, а прикрепление к диску новой ручки сбоку. Иначе говоря, укрепление боковой ручки взамен утраченной центральной нельзя связывать с появлением на 3-м этапе РСК зеркал ольвийского типа.

Продолжая разговор о зеркалах с центральной ручкой как об индикаторах 2-го этапа, надо указать на ряд фактов более позднего датирования таких зеркал в комплексах раннескифского времени Карпато-Подунавья. Речь идет о зеркале с центральной ручкой на столбиках из погр. 5 могильника в Мэришелю (Северо-Восточная Трансильвания). Комплекс находок из этого погребения по фибуле с приемником в виде беотийского щитка (тип Глазинац II) надежно датируется концом VII в. до н. э. Такая фибула в Перахора происходит из комплекса, относимого по раннекоринфской керамике и бронзовому поясному гарнитуру к позднему VII в. до н. э., точнее, ко времени после 620 г. до н. э. [22, с. 77, 78, рис. 10, *3*, *4*]. Правда, среди наконечников стрел из погребения в Мэришелю нет овально-ромбических [22, с. 50, рис. 10, *6*], как в Ленковцах, что подтверждает более молодой возраст этого погребения по сравнению с ленковецким.

Другим примером служит зеркало с ручкой на столбиках из кург. 2 в Добрине (Западное Причерноморье, зона греческого города Одессоса) [23, с. 37, табл. IX, *39*]. Автором раскопок оно ошибочно названо умбоном от щита, поэтому и в последующих работах, связанных с изучением материалов Добрины, этот предмет, воспроизведенный в публикации нечеткой фотографией, долгое время оставался без внимания [24, с. 204; 25, с. 115; 26, с. 41—53].

Могильник у с. Добрина датирован М. Мирчевым концом VI — началом V в. до н. э. М. Чичикова, корректируя М. Мирчева, давала более раннее определение хронологии Добрины I, относя ее по фибулам типа Глазинац I к VI в. до н. э. в целом [23, с. 53; 27, с. 115]. Позже Б. Хенсель предложил более низкие, чем у М. Чичиковой, хронологические определения для Добрины. Исследуя методом горизонтальной стратиграфии могильники Равна и Добрина, он отнес большую часть курганов с лепной посудой из Добрины (зона I) еще к VII в. до н. э., точнее, ко времени до 80-х годов VI в. (годы основания Одессоса) [24, с. 210]. В Добрине из 73 сосудов лишь 7 круговых, в том числе ойнохоя, относящаяся к VI в. до н. э., может быть, только к его первой половине [28, с. 118, рис. 1]. Б. Хенсель ставит в прямую связь употребление кружальной керамики с деятельностью греческих гончаров Одессоса.

Хотя оба погребения в кург. 2, откуда происходит зеркало, дают только лепную посуду, Б. Хенсель вводит этот курган во II зону могильника в Добрине, считая его периферийным по отношению к курганам 5 и 12 с находками кружальной посуды [24, с. 212]. Оспаривать такую хронологическую позицию кург. 2 на основании особенностей лепной посуды сложно, так как урна в погр. 1, которому принадлежит зеркало, из-за плохой сохранности не реконструирована. Но в данном случае важнее учитывать не место кург. 2 в рамках горизонтальной стратиграфии могильника в Добрине, к сожалению не столь четкой, как в Равне, а находку зеркала в нем, которое, по мнению А. Вульпе, датирует этот курган временем не позднее конца VII в. до н. э. [29, с. 90].

Иная форма ручки на зеркалах из Мэришелю и Добрины вряд ли может служить хронологическим показателем. Во всяком случае, И. Н. Медведская не разделяет по времени зеркала с петлей и с ручкой на столбиках. Мы также затрудняемся предложить такое разграничение. Одним из ранних комплексов с зеркалом с ручкой на столбиках является курган Глинище [30, с. 82, рис. 1], занимающий позицию между докелермесским и ранним келермесским горизонтом. Как считает И. Н. Медведская, близок ему по времени набор находок из погр. 27 Келермесского грунтового могильника, куда входит зеркало с петлей [31, с. 13, рис. 3, *10*, *11*].

Таким образом, исходя из сказанного выше о зеркалах с центральной ручкой, было бы неправомерно исключать вторую половину VII в. до н. э. для некоторых западноевропейских регионов, Карпато-Подуновья во всяком случае.

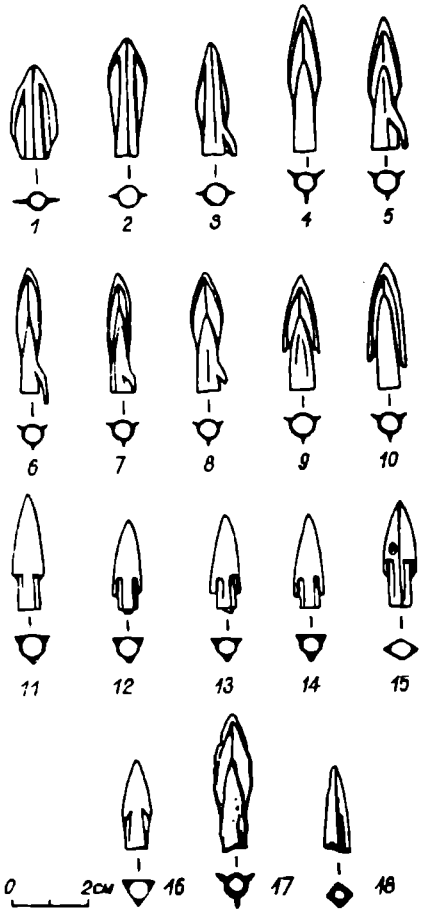


Рис. 2. Набор наконечников стрел из кург. 1 у с. Круглик

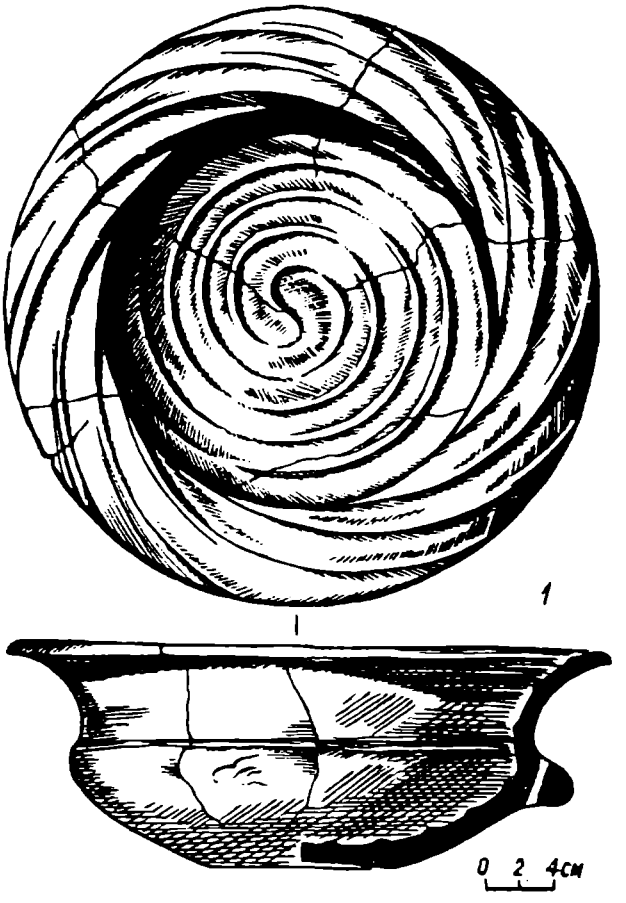


Рис. 3. Миска из кург. 1 у с. Круглик

Возвращаясь к датировке комплекса находок из кург. 1 у с. Ленковцы, следует подчеркнуть, что остальной инвентарь не противоречит хронологической позиции — конец 2-го этапа РСК, что в абсолютных датах приходится на вторую четверть — середину VII в. до н. э. Это короткий меч-акинак из железа с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, железные удила со стремечковидными и петлевидными окончаниями, боевой топор и копье (рис. 1, *11—15*, *17*), бытовавшие как на 2-м, так и на 3-м этапах. Ранним признаком этого комплекса в рамках РСК служит прочерченный орнамент на черпаке [18, с. 64, рис. 30, *3*], фактически отсутствующий на посуде из раннескифских курганов Среднего Поднестровья.

К числу пока малочисленных скифских памятников 2-го этапа в Прикарпатье считаем возможным отнести непотревоженное погребение в подбойной могиле распаханного кургана у с. Старые Куконешты на Среднем Пруте [32, с. 239, 241, рис. 1]. В состав инвентаря входят костяные палочка-застежка и 2 грибка, а также 8 бронзовых наконечников стрел, из них 4 — двухлопастные с листовидной головкой и 4 — трехлопастные длинновтульчатые с остролистой в плане головкой. За исключением одного двухлопастного, все наконечники имеют шипы. По типам наконечников стрел, характерных для I хронологической группы А. И. Мелюковой, В. А. Дергачев вначале отнес это погребение к числу раннескифских и датировал концом VII — первой половиной VI в. до н. э. [32, с. 241], позднее, вслед за А. И. Мелюковой, учитывающей подбойный характер могилы [25, с. 144],— только VI в. до н. э. [33, с. 101—103, рис. 33, *5—15*]. Нам же представляется, что определяющим возраст погребения в Куконештах является не тип могилы, а состав инвентаря, вполне соответствующий 2-му этапу, когда в стрелковом наборе сочетаются

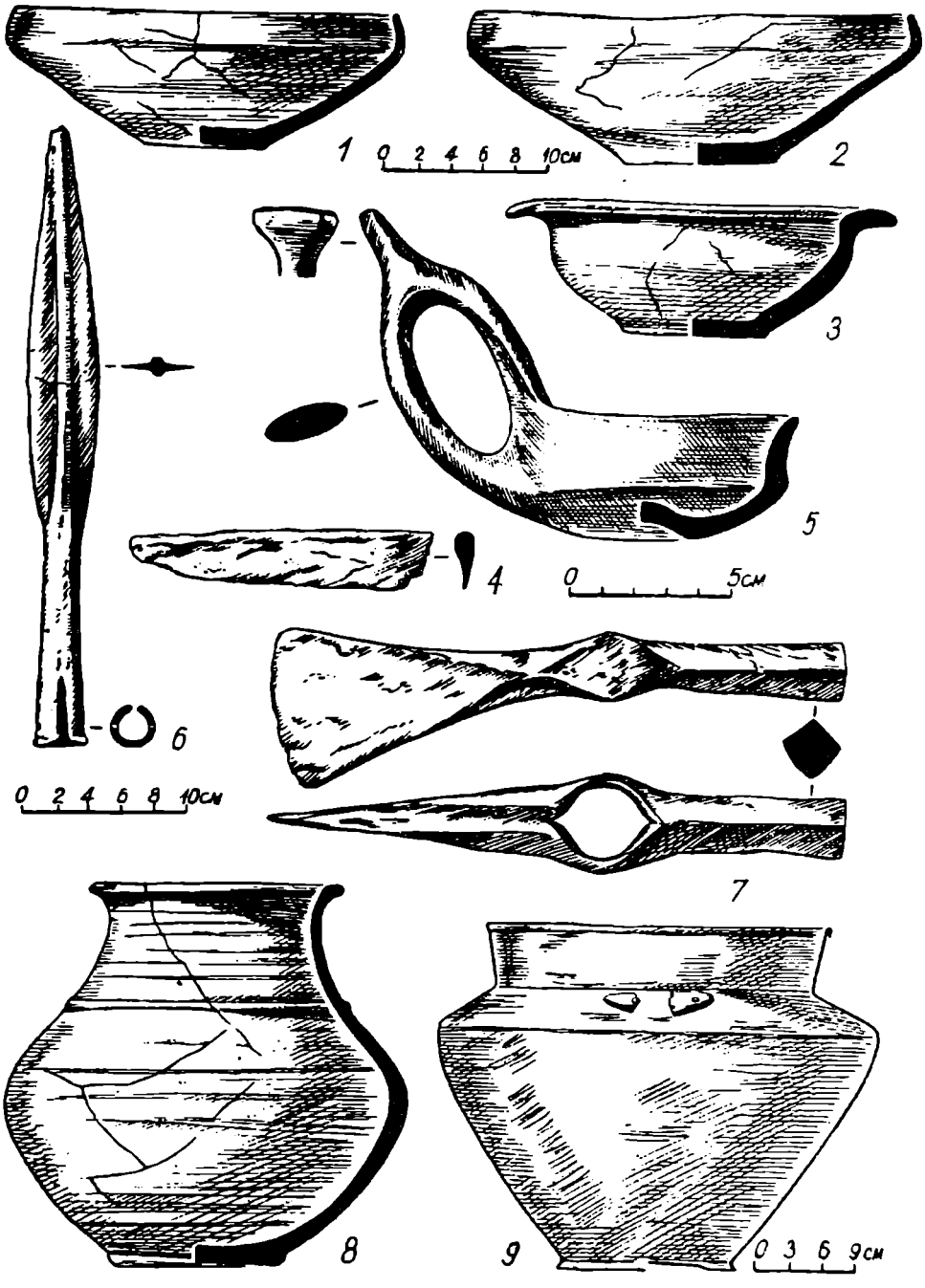


Рис. 4. Инвентарь и посуда из кург. 1 у с. Круглик

двух- и трехлистовидные наконечники при полном отсутствии треугольно-сводчатых.

К 3-му этапу РСК бесспорно принадлежит впускное погребение в кург. 1 у с. Круглик, которое в свое время было мною осторожно датировано серединой — второй половиной VI в. до н. э. по присутствию в составе стрелкового набора, типичного для I хронологической группы А. И. Мелюковой, небольшого трехгранного наконечника с короткой, почти скрытой втулкой (рис. 2, *16*). Аналогии последнему я находила тогда в колчанных наборах II хронологической группы [34, с. 17, рис. 3, *11*]. С такой высокой датой не соглашался А. Вульпе, поскольку она не соответствует возрасту миски типа Фериджеле, найденной в том же кургане (рис. 3). Чернолощенная миска с косыми каннелюрами по широко развернутому краю и каннелированной волюте на дне, по типологии

Таблица 1

Результаты спектрального анализа металла котла из кургана в Круглике

Часть котла	Cr	Mn	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Pb	Sn	Sb
Тулово	0,02	0,01	0,12	—	—	99,09	—	—	—	0,76	—
Ручка	0,01	—	0,15	—	—	88,95	—	—	10,89	—	—

А. Вульпе, наиболее характерна для 1—2-го комбинационных типов инвентаря могильника Фериджеле и в крайнем случае для 3-й комбинационной группы этого памятника. Время 1—2-й групп по новым пересмотренным им датам определяется в пределах «около 650 г.— вторая половина VII в. до н. э.», а 3-й — концом VII в., возможно, рубежом VII—VI вв. до н. э. [29, с. 85—91].

Описывая и корректируя состав стрелкового набора из Круглика, следует напомнить, что в него входит 19 наконечников, из них 16 бронзовых, 1 железный трехлопастной с листовидной головкой и 2 костяных. Среди бронзовых наконечников преобладают трехлопастные: 5 листовидных (рис. 2, *4—8*) и 2 треугольно-сводчатых (рис. 2, *9*, *10*), а также трехранные (6 экз.). Из трех двухлопастных наконечников два относятся к архаическим типам: это удлиненно-ромбический наконечник длиной 3,3 см (рис. 2, *2*) и другой — с широкой листовидной головкой и скрытой втулкой (рис. 2, *1*). Аналогии последнему находит в комплексах VIII в. до н. э., например кург. 15 в Стеблевке в днепровском Правобережье [35, с. 58, 148, рис. 11, *26*; 36, с. 105—107]. Преобладание трехлопастных наконечников (при наличии среди них и треугольно-сводчатых) над двухлопастными возможно было, по И. Н. Медведской, в конце 2-го этапа. Что касается аналогий небольшому трехгранному наконечнику со слабо выделенной втулкой, повлиявшему на высокую датировку впускной могилы в Круглике, то они известны уже в колчанных наборах рубежа 2—3-го этапов (Пищальники [37, с. 48, рис. 39, *3*], Репяховатая Могила 1 [38, с. 37, рис. 6, *4*, *5*]), что по новым датировкам приходится на время вокруг середины VII в. до н. э.

Для уточнения даты погребального комплекса из Круглика в рамках VII в. до н. э. важна находка в нем медного котла, которому долгое время не обнаруживалось аналогий как в Карпато-Дунайском регионе, так и среди греческой бронзовой посуды [34, с. 17, 18, рис. 2, *7*]. Неожиданно сравнительно близкий аналог ему появился среди скифских древностей Среднего Поднепровья, когда бронзовый котел из Репяховатой Могилы 2, считавшийся греческим [38, с. 54, рис. 27, *3*], был реконструирован С. Я. Ольговским, отнесшим его к числу кавказских импортов [39, с. 78—83, рис. 1—3]. Ситула из Круглика (рис. 4, *9*) — не литая, а выклепанная из тонкого медного листа, по ряду признаков (техника изготовления, контуры тулова, низкий кольцевой поддон, подгиб металлической пластины у края венчика, форма лапки для крепления ручки) близка выклепанному котлу из Репяховатой Могилы 2, дата которой, как говорилось выше, пересмотрена: со второй половины VI в. передвинута во вторую половину VII в. до н. э.

Похожи эти котлы и по составу металла. Результаты спектрального анализа, сделанные А. Н. Косолаповым в лаборатории научно-технической экспертизы Эрмитажа, показали, что тулово ситулы из Круглика фактически сделано из чистой меди (99,09%), а металл лапки содержит 88,95% меди и 10,89% свинца (табл. 1). Такое же соотношение меди и примесей дал спектральный анализ тулова и ручек у котла из Репяховатой Могилы 2 [39, с. 80—82].

Остальные вещи из погребения в Круглике — железные топор и копье (рис. 4, *6*, *7*) — встречаются на протяжении 2-го и 3-го этапов РСК.

Среди инвентаря в Круглике особое место принадлежит кружальному сероглиняному сосуду (рис. 4, *8*), который сам по себе не определяет возраст погребального комплекса, но позволяет ограничивать время захоронения только

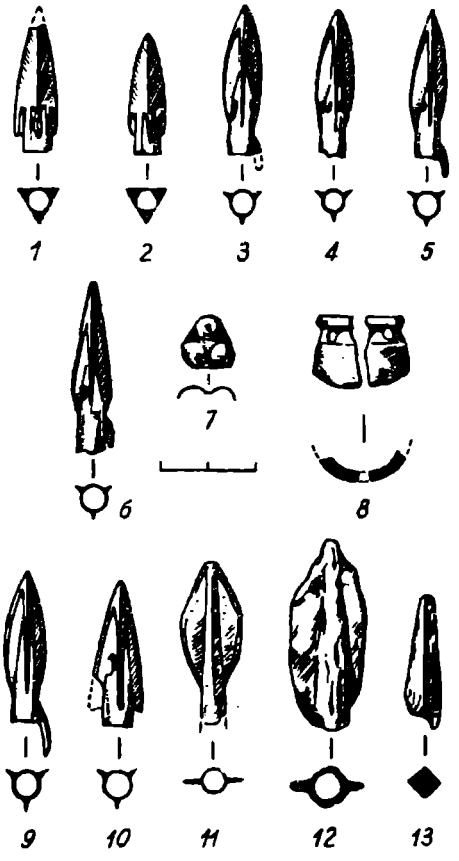


Рис. 5. Инвентарь из кург. 2 у с Долиняны

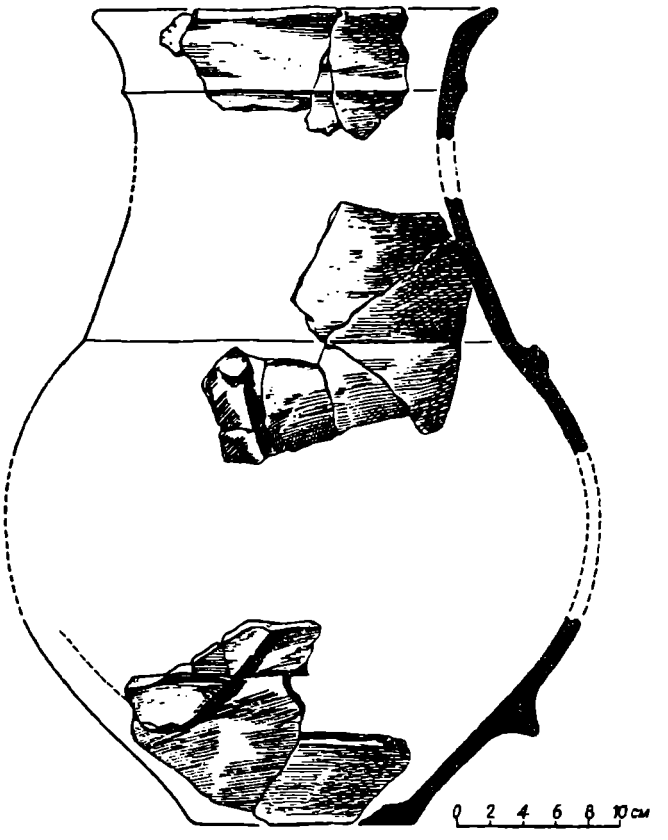


Рис. 6. Сосуд из кург. 3 у с. Долиняны

3-м этапом, соответствующим, как подчеркивалось выше, началу греческой колонизации Северопонтийского побережья в начале второй половины VII в. до н. э. Знакомство скифского населения лесостепи с гончарным кругом и употребление кружальной сероглиняной керамики в аборигенной среде Среднего Поднестровья следует ставить в связь с деятельностью либо греческих гончаров на Березани и на других древнейших поселениях греков в Северном Причерноморье, либо — южных фракийцев, заимствовавших технологию гончарного круга от колонистов, из Истрии в первую очередь. Так или иначе, поскольку кружальная сероглиняная посуда в Среднем Поднестровье не являет собою полного копирования греческих и даже южнофракийских форм серой керамики, формирование здесь устойчивого набора горшков, отличающихся определенным своеобразием как по технологии, так и по типам [34, с. 18, 23—25; 40, с. 76—90; 41, с. 112—115, рис. 1, *9*; 42, с. 228—239, рис. 65, *6*; 43, с. 74, рис. 6, *1*, *2*], требовало какого-то времени, возможно, в пределах нескольких десятков лет. В свете сказанного при уточнении абсолютного возраста погребения в Круглике было бы более правомерным относить его к последней четверти VII в. до н. э.

В 1,5 км от места находки впускного погребения в Круглике расположен Долинянский могильник, состоящий из четырех курганов [34, с. 23; 44, с. 32]. Каменные насыпи трех из них сильно снивелированы за счет глубокой выборки камня местными жителями. Кроме того, как выяснилось во время раскопок, погребальные камеры были опустошены грабителями в древности, что ограничивает возможности по разработке микрохронологии этого могильника.

Из четырех курганов наиболее многочисленный инвентарь сохранился в кург. 2, самом большом в этой группе, с монументальной погребальной гробницей из дерева и камня. Из собранных в разных местах камеры 13 наконечников стрел, 11 бронзовых, 1 большой железный с овально-листовидной головкой

и обломанной втулкой, а также 1 четырехгранный костяной (рис. 5). Из 11 бронзовых наконечников только 1 двухлопастной с ромбовидной головкой и обломанной втулкой, длиной 1 см (рис. 5, *11*). По форме головки в сочетании с удлиненной втулкой его можно относить к новочеркасскому типу. Данный экземпляр хронологически выпадает из набора бронзовых стрел кург. 2, характеризующихся большой грацильностью. Соотношение их таково: 6 трехлопастных с остролистной головкой и шипом, в ряде случаев обломанным (рис. 5, *3—5*, *9*), 1 треугольно-сводчатый (рис. 5, *10*), 2 трехгранных (рис. 5, *1*, *2*) и 1 с узким треугольным пером, но без жалец (рис. 5, *6*). Легкость пропорций отличает их от основной массы наконечников стрел I хронологической группы, по А. И. Мелюковой, точнее, от стрел 3-го этапа РСК и приближает их к стрелковым наборам II группы [11, с. 21, табл. 7], что говорит о принадлежности этого набора к концу 3-го этапа.

Другие вещевые находки из кург. 2 в Долинянах: пластинки железного панциря, золотая накладная бляшка треугольной формы с тисненным орнаментом (рис. 5, *7*) и сосуды — не являются хронологическими определителями в рамках 3-го этапа РСК. То же можно сказать о небогатом наборе сохранившегося инвентаря из других курганов в Долинянах [34, рис. 7, *4*, *5*; 44, рис. 8]. Золотая серьга из кург. 1, вероятно, сделана греческим мастером по прототипу широко распространенных в лесостепной Скифии в раннескифское время серег или височных подвесок с округлым щитком в форме шляпки гвоздя или гриба и изогнутой дужкой, нередко с маленькой шляпкой на конце [45, с. 21—24, табл. 16, 17]. Из числа сосудов интересна урна из кург. 3 (рис. 6), похожая на корчаги группы Фериджеле [44, рис. 6; 46, с. 246, рис. 10]. Их сближают вытянутые пропорции, высокое цилиндрическое горло, два ряда выступов-упоров разной формы и богатая валиковая орнаментация [47, с. 54, рис. 18, *9*, *11*, *14*, *15*, табл. X, XI]. Корчаги с указанными признаками преобладают в 1—3-й комбинационных группах могильников типа Фериджеле, которые, как говорилось выше в связи с миской типа Фериджеле из кургана в Круглике, относятся к промежутку времени от середины VII до рубежа VII—VI в. до н. э.

Проведенный анализ находок из курганов у с. Долиняны показывает их принадлежность к 3-му этапу РСК, а судя по грацильности наконечников стрел из кург. 2 — к концу этого этапа. С абсолютными датами финала 3-го этапа вопрос ныне решается двояко. Как уже отмечено, Г. Коссак определял его рубежом VII—VI вв. до н. э., а С. В. Полин — первой четвертью VI в. до н. э. Исходя из материалов не только погребальных памятников с архаическим скифским инвентарем, но и синхронных им поселений в Среднем Поднестровье (например, Иванэ-Пустэ [41, с. 112, рис. 1, *8*, *10*], Долиняны [48, с. 56, рис. 8, *3*, *8*], Залесье [43, с. 74, 77, рис. 4]), где найдена греческая посуда VII—VI вв. до н. э., вряд ли будет правомерным ограничивать верхний предел РСК рубежом VII—VI вв. до н. э. Поэтому, удревняя Долинянский могильник, считаем возможным датировать его концом VII — первой четвертью VI в. до н. э.

Еще один архаический памятник в среднеднестровском Правобережье, на котором необходимо остановиться, это полностью исследованный курганный могильник у с. Перебыковцы [49, с. 37—67]. Среди шести курганов особое место принадлежит кургану 2, давшему, несмотря на ограбленность, богатый набор разнообразного и важного для определения хронологии инвентаря. В свое время он ставился нами в один хронологический ряд с курганом Старшая Могила и датировался первой половиной — серединой VI в. до н. э. [49, с. 62].

Основанием для синхронизации кург. 2 в Перебыковцах со Старшой Могилой явились одинаковые находки таких редких категорий вещей, как железные тесловидные топоры с крылышками и бронзовые жертвенные ножи, а также стремечковидные удила, боевые топоры, костяные палочки-застежки и наконечники стрел (рис. 7, *2—6*, *9*, *10*; 8; 9, *16—21*). Ныне Старшая Могила датируется Г. Коссаком временем более древних келермесских курганов [2, с. 67]. Ко 2-му этапу РСК относит этот курган и И. Н. Медведская, считающая костяные псалии

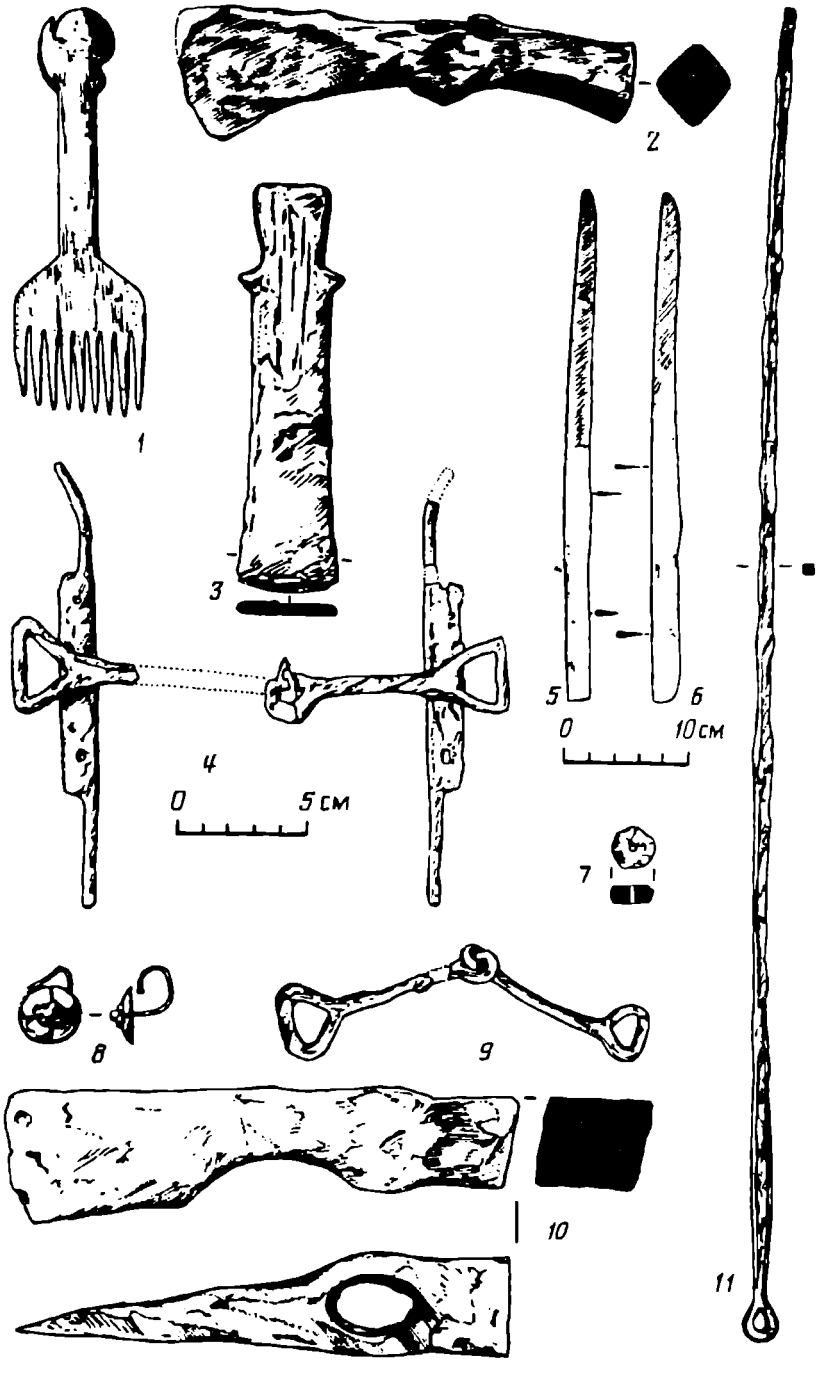


Рис. 7. Инвентарь из кург. 2 у с. Перебыковцы

с зооморфными окончаниями, представленные среди инвентаря Старшой Могилы, хронологическим индикатором 1-го и 2-го этапов. Псалии с головой грифо-баранов, известные в этой Могиле, появляются, по их мнению, только на 2-м этапе.

Не оспаривая доводов Г. Коссака и И. Н. Медведской относительно принадлежности Старшой Могилы ко 2-му этапу, посмотрим, можно ли в свете их же критериев для определения места закрытых комплексов в рамках трехэтапного членения РСК по-прежнему синхронизировать кург. 2 в Перебыковцах со Старшой Могилой. В этом кургане наряду с перечисленными выше предметами скифской архаики найдена электровая серьга-наушница, украшенная крупной зернью и накладным мелкорубчатым поясом (рис. 7, *8*). Это изделие принадлежит к редко встречающемуся варианту сережек-наушниц с орнаментированной шляпкой, представляющих собой

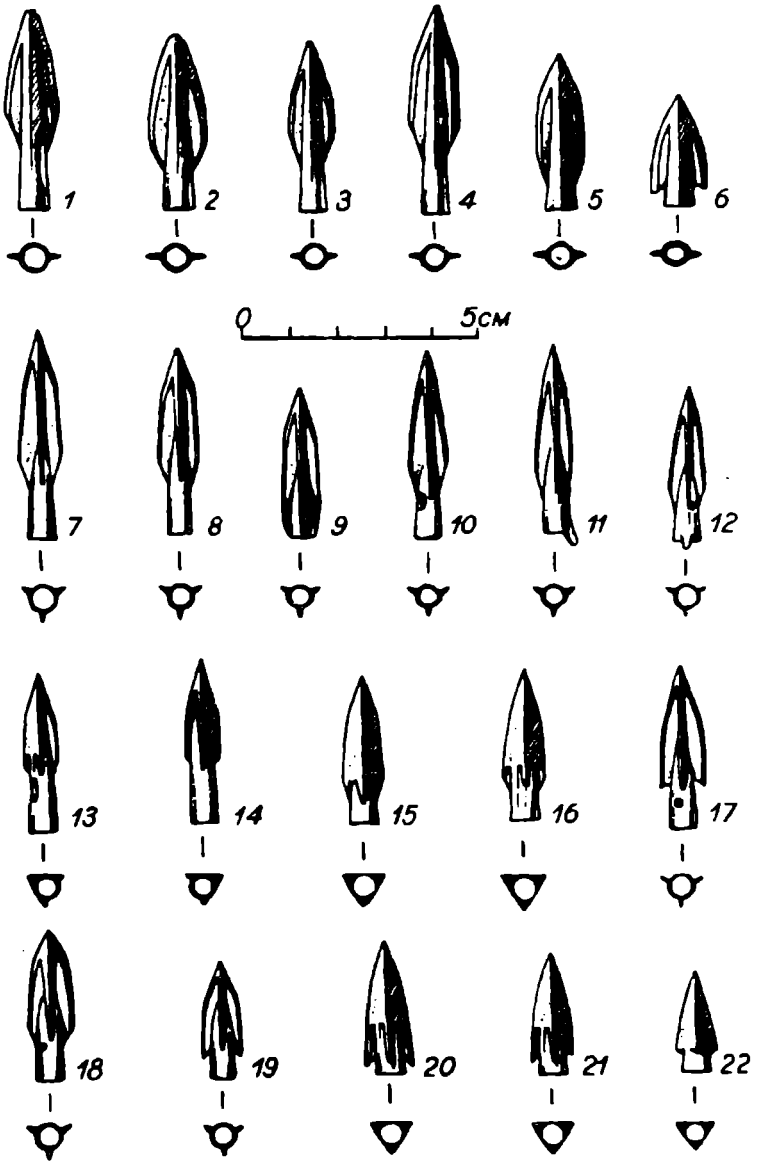


Рис. 8. Первый колчанный набор из кург. 2 у с. Перебыковцы

образцы греко-варварского искусства [45, с. 24, 25, табл. 16, *21*]. До последнего времени не находились прямые аналогии орнаментации наушницы из Перебыковцев [49, с. 50, рис. 9, *8*]. Теперь, продолжив поиски, недавно мы обнаружили близкий аналог в фондах Отдела античного мира Эрмитажа благодаря любезной помощи И. И. Саверкиной. Эта пара золотых наушниц из коллекции Хр. Лемме, находившейся ранее в Одессе (ГЭ, инв. № Д—210). С серьгой из Перебыковцев их объединяет дисковидная форма щитка округлого профиля, изогнутый стержень с маленькой гвоздевидной головкой на конце, прикрепленный в центре с внутренней стороны, и орнамент шляпки — пирамидка из шариков в центре и рубчатая проволока, обрамляющая пирамидку и края диска. На серьгах из коллекции Хр. Лемме отсутствуют лишь перемычки из рубчатой напаянной проволоки между двумя кольцами рубчика. Кроме того, они больше и массивнее перебыковских.

К сожалению, эти бесспорные параллели серьге-наушнице из Перебыковцев не имеют паспорта и поэтому не могут служить опорой для определения их возраста. Серьга же из Перебыковцев может датироваться вещами, найденными вместе с нею. Многие из этих вещей существовали как на 2-м, так и на 3-м этапах РСК. Но поскольку не возникает сомнений в выполнении орнаментированных серег-на-

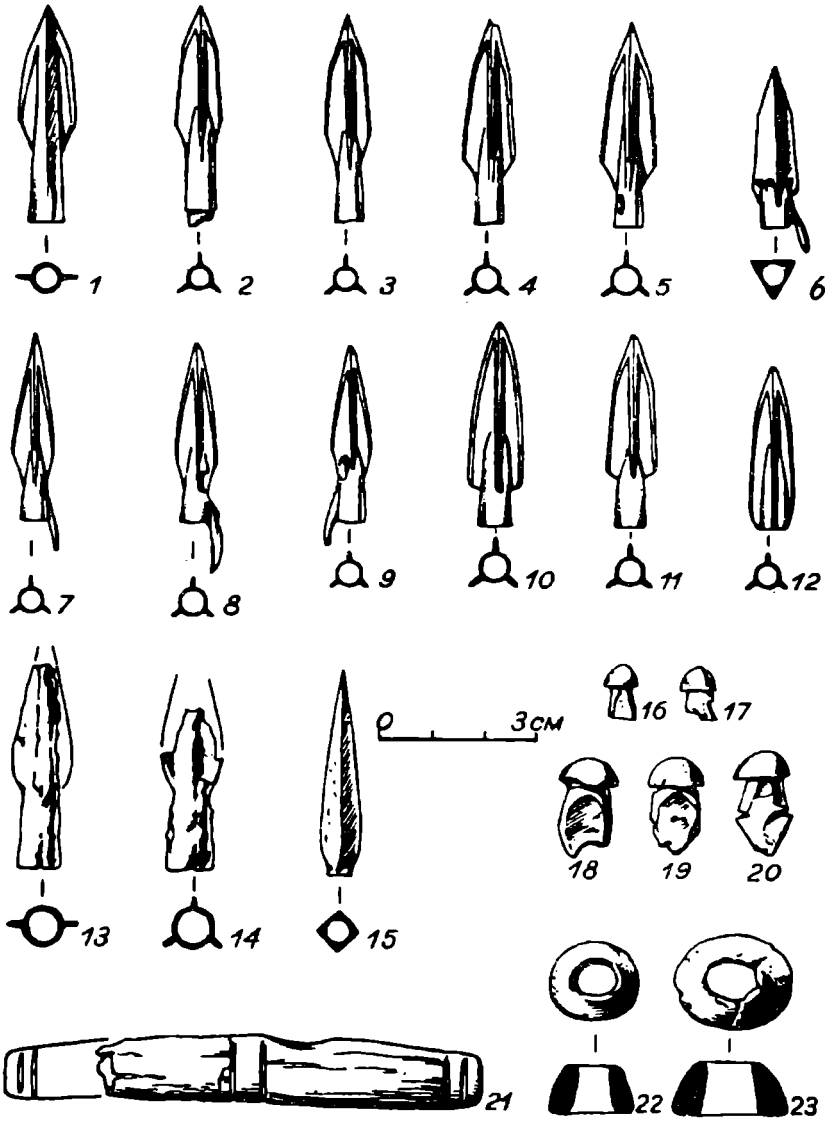


Рис. 9. Второй колчанный набор из кург. 2 у с. Перебыковцы

ушниц греческим мастером или мастером, хорошо знакомым с греческим ювелирным искусством, время их изготовления должно быть ограничено 3-м этапом РСК, характеризующимся, по Г. Коссаку, появлением в Скифии греческого импорта. Иначе говоря, наши серьги позволяют уточнить возраст комплекса находок из рассматриваемого кургана 3-м этапом, скорее всего только его второй половиной.

Такое хронологическое определение подтверждается составом и особенностями наконечников стрел из двух колчанных наборов кург. 2. В склепе были обнаружены два скопления наконечников стрел. Первый полный стрелковый набор найден в северо-западной части камеры, возле бокового столба V, а второй — около центрального столба XVI и отдельные стрелки из него — подле бокового столба VIII, где зафиксирован грабительский ход [49, с. 44, рис. 5].

Первый набор состоял из 133 бронзовых наконечников, из которых только 11 двухлопастных без шипа и с достаточно длинной втулкой, за исключением одного. Среди 10 длинновтульчатых преобладают стрелки с многоугольной головкой (7 экз.) (рис. 8, *3—5*), 3 экз. имеют лавролистную головку (рис. 8, *1, 2*). В группе двухлопастных выделяется один наконечник приземистых пропорций с широко расставленными лопастями, подрезанными под косым углом к короткой втулке (рис. 8, *6*). Морфологически близкие наконечники стрел происходят из кургана возле с. Глинище

[30, с. 82, рис. 2, *г*] и кургана 20 Нартанского могильника [17, табл. 48, *35*]. Напомним, что комплекс находок из кургана в Глинище И. Н. Медведская относит к группе, переходной от этапа 1 к этапу 2, а курган 20 в Нартане — ко 2-му этапу. На архаичность такого наконечника из Нартана 20 обращает внимание В. Г. Петренко, причисляющая этот курган к древнейшей группе раннескифских погребальных памятников Центрального Предкавказья [16, с. 63, 64, рис. 1, *Д—1*].

Конечно, одиночная находка архаического наконечника не является основанием для датирования всего колчанного набора, в котором преобладают трехлопастные и трехгранные стрелы. Соотношение тех и других таково: трехлопастных — 48, из них 18 остролистовидных (рис. 8, *10—12*, *18*), 26 — с многоугольной головкой (рис. 8, *7—9*) и только 4 — с треугольно-сводчатой (рис. 8, *17*, *19*); трехгранных — 55 экз., из них — 4 с листовидной головкой (рис. 8, *15*, *16*) и 51 — с треугольной (рис. 8, *20—22*); 19 экз. комбинированных, где две стороны головки оформлены в виде граней и одна в виде лопасти (рис. 8, *13*, *14*). В целом преобладание трехлопастных наконечников над двухлопастными позволяет относить первый набор к 3-му этапу или только ко второй его половине, если учитывать присутствие в нем отдельных остролистных наконечников грацильного облика.

Второй, частично разрозненный стрелковый набор состоит из 80 наконечников: 77 бронзовых, 2 железных и 1 костяного (рис. 9). Среди бронзовых только один двухлопастной с многоугольной головкой и длинной втулкой (рис. 9, *1*).

Трехлопастные стрелки составляют самую большую группу — 71 экз. Среди них выделяется несколько типов и вариантов: а) 2-й тип, по А. И. Мелюковой, с остролистной головкой и выступающей втулкой (29 экз.), из них с шипом на черенке — 23 экз. (рис. 9, *7—9*) и без шипа — 5 экз. Втулка одной из стрелок обломана (рис. 9, *12*). Обращает внимание преобладание остролистных наконечников стрел мелких размеров (из 29 экз. у 22 длина от 3,2 до 3,6 см, длина 7 более крупных — 3,8—4 см). Особый вариант 2-го типа составляют стрелки с многоугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 9, *2—5*). Они превалируют в данном наборе — 38 экз. (длина от 3,7 до 4 см); б) 3-й тип, по А. И. Мелюковой,— 4 экз. с массивной треугольной головкой и более или менее длинной втулкой (рис. 9, *10*, *11*).

Трехгранных стрелок с треугольной (почти башневидной) головкой, выступающей втулкой и шипом на ней только 5 экз. (длина 2,8—3 см) (рис. 9, *6*).

Типы бронзовых наконечников стрел во втором наборе в основном повторяют представленные в первом, но их количественное соотношение несколько иное. Здесь намного меньше двухлопастных и трехгранных, а среди остролистовидных преобладают мелкие узкие образцы. Малочисленность двухлопастных наконечников и грациальность входящих во второй набор стрел не позволяют синхронизировать колчанные наборы из кург. 2. Второй набор позднее первого, поэтому его можно датировать концом 3-го этапа. К сожалению, невозможно установить, когда попал в камеру второй колчанный набор во время похорон воина вместе со всем инвентарем или позже, при последующих посещениях этой усыпальницы?

Инвентарь из других курганов у с. Перебыковцы не дает дополнительных данных для уточнения возраста этого могильника в пределах второй половины 3-го этапа РСК [49, с. 62, рис. 4, 4, *12*, *15*, *17*].

Ограничивая время курганного некрополя у с. Перебыковцы второй половиной 3-го этапа, мы фактически синхронизируем его с курганом у с. Круглик и курганами 1 и 3 у с. Долиняны. Курган 2 у с. Долиняны скорее всего относится к концу 3-го этапа, финал которого определяется нами временем не ранее первой четверти VI в. до н. э. Правомерно ставить вопрос о VI в. до н. э., точнее, его первой трети или первой половине как о продолжении существования раннескифской культуры в Среднем Поднестровье, но говорить об этом придется особо в другой работе. Таким образом, удревнив погребальные комплексы днестровского Правобережья, мы пока не можем более точно определить их позицию в хронологической цепочке памятников 3-го этапа РСК.

Заключая отметим, что региональное изучение инвентаря из закрытых комплексов Среднего Поднестровья, где пока отсутствуют погребальные памятники

1-го этапа и очень мало принадлежащих 2-му этапу, к сожалению, не позволило всесторонне проверить основные хронологические критерии первых двух фаз РСК, по И. Н. Медведской. Оказалось невозможным проконтролировать такие хронологические признаки 1—2-го этапов, как костяные псалии с зооморфными окончаниями. Но их полное отсутствие в составе инвентаря среднеднестровских памятников 3-го этапа, включая западноподольские [4, табл. IV—XI], может служить косвенным доказательством правильности выводов Г. Коссака и И. Н. Медведской о костяных псалиях как индикаторах 1—2-го этапов, доживающих, по данным И. Н. Медведской, до начала 3-го этапа. Относительно зеркал с центральной ручкой как признаках 2-го этапа говорилось выше — по приведенным примерам они известны в Восточно-Карпатском регионе на 3-м этапе, что в абсолютных датах приходится на последнюю четверть VII в. до н. э.

Основную часть рассмотренных нами комплексов можно относить только к 3-му этапу, хотя многие идентичные типы и формы вещей из них были известны и на 2-м. Различия инвентаря 2-го и 3-го этапов ярче всего выступают в составе колчанных наборов, главным образом за счет таких особенностей, как величина и стройность наконечников стрел, изменяющихся в сторону уменьшения размеров к концу 3-го этапа РСК. Что касается количественного соотношения разных типов и вариантов наконечников стрел в составе стрелковых наборов Приднестровья, то оно не совпадает с выводом И. Н. Медведской о преобладании на 3-м этапе трехлопастных наконечников с жальцами, сделанным ею на материалах Приднепровья и Северного Кавказа. В правобережном Поднестровье не наблюдается преобладания треугольно-сводчатых наконечников над другими типами трехлопастных.

Внесение дополнений в перечень характерных особенностей хронологических групп раннескифских материалов и их коррекция возможны и по другим регионам Скифии, что отнюдь не умаляет значения проделанной И. Н. Медведской работы по удревнению и хронологической классификации памятников скифской архаики. Работа по расчленению келермесско-старшежуровских памятников на два хронологически последовательных горизонта (этапы 2 и 3), начатая Г. Коссаком вслед за Л. К. Галаниной и В. Г. Петренко, разделивших келермесские комплексы на ранние и поздние, а затем продолженная И. Н. Медведской, должна быть продолжена. Несмотря на бросающуюся в глаза монолитность материальной культуры 2-го и 3-го этапов РСК по многим категориям инвентаря, необходимо расширение круга хронологических индикаторов за счет других категорий вещей, не использованных И. Н. Медведской. В лесостепной зоне Северного Причерноморья следует в первую очередь привлечь бронзовые заушницы с грибовидной шляпкой, доказав их появление еще на 2-м этапе. К числу работающих хронологических признаков относятся конические пастовые бусы-розетки, судя по находкам их в погр. 106 Самтаврского могильника, появляющиеся уже на 1-м этапе РСК, а также каменные блюда и некоторые виды лощеной посуды с резным и штампованным орнаментом. Названные вещи при корреляции с другими типами инвентаря позволят уточнить относительную хронологию закрытых комплексов, из которых они происходят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kossak G.* Zaumzeug aus Kelermes//Hallstatt Kolloquium Veszprem 1984. Budapest, 1986.
2. *Kossak G.* Von den Anfangen des skythoiranischen Tierstils//Skythika. München, 1987.
3. *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток//Археологія. 1987. Вып. 59.
4. *Sulimirski T.* Scytowie na zachodniem Podolu. Lwow, 1936.
5. *Смирнова Г. И.* О некоторых аспектах изучения предскифской культуры в свете взглядов А. И. Тереножкина на доскифскую Лесостепь//Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987.
6. *Смирнова Г. И., Флёров В. С.* Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова (Ленинград, 1988)//СА. 1990. № 3.
7. *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II — первой половине I тысячелетий до н. э. по материалам Западно-Украинской экспедиции//Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.

8. *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тысячелетий до н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1990.
9. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе//АСГЭ. 1983. Вып. 23.
10. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов)//АСГЭ. 1983. Вып. 24.
11. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
12. *Тереножкин А. И.* Погребения раннескифского времени у с. Рыжановка//МИА. 1965. № 130.
13. *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типа//Археологія. 1973. Вып. 12.
14. *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток//Тез. докл. междунар. конф. «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока». Ч. 3. М.: Наука, 1989.
15. *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и древний Восток//РА. 1992. № 3.
16. *Петренко В. Г.* К востоку о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья//Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 1990.
17. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.
18. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре//КСИИМК. 1953. Вып. 51.
19. *Смирнова Г. И.* Курганы у сел Ленковцы и Кельменцы в Среднеднестровском Правобережье (эпоха бронзы и сарматы)//Древние памятники культуры на территории СССР. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1991.
20. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья//МИА. 1958. № 64.
21. *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время//АСГЭ. 1990. Вып. 30.
22. *Marinescu G.* Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen//Dacia. 1984. N. S. t. XXVIII, nr. 1—2.
23. *Мирчев М.* Тракийският могилен некропол при с. Добрина//Изв. на народния музей Варна. Кн. 1(XVI). Варна, 1965.
24. *Hänsel B.* Zur Chronologie der 7. bis 5. Jahrhunderts v. Chr. in Hinterland von Odessos an der westlichen Schwarzmeerküste//PZ. 1974. B. 49.
25. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
26. *Toncva G.* La culture et l'art des Thraces aux VII-e et VI-e siècles av. n. e.//W. Arch. 1979. T. XLIV. 1.
27. *Чичикова М.* Керамика от старата желязна епоха в Тракия//Археология. София, 1968. 10, 4.
28. *Alexandrescu P.* Pour une chronologie des VI—IV siecles//Thraco-Dacia. 1976. T. I.
29. *Vulpe A.* Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe//Dacia. 1977. N. S. t. XXI.
30. *Рабинович Б.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья//СА. 1936. Т. 1.
31. *Галанина Л. К., Пиотровский Ю. Ю.* Курганы эпохи бронзы и раннемеотские погребения Келермесского могильника//Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986.
32. *Дергачев В. А.* Раннескифское погребение на Среднем Пруте//СА. 1979. № 3.
33. *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976). Кишинев, 1982.
34. *Смирнова Г. И.* Раскопки курганов у сел Кругляк и Долиняны на Буковине//АСГЭ. 1968. Вып. 10.
35. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наук. думка, 1989.
36. *Клочко В. И., Скорый С. А.* К вопросу о древнейших скифских памятниках в Восточной Европе//Тез. докл. конф. «Проблемы археологии скифо-сибирского мира». Ч. 1. Кемерово, 1989.
37. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев.: Наук. думка, 1981.
38. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
39. *Ольговський С. Я.* Бронзовый казан з Реп'яховатої могили з Черкащини//Археологія. 1987. Вып. 58.
40. *Smirnova G. I.* K otarce trácké na kruhu robené keramiky ve střednim Podněstří//AR. 1965. XVII, 1.
41. *Ганіна О. Д.* Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте//Археологія. 1965. Вып. XIX.
42. *Смирнова Г. И.* Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре//AR. 1967. XIX, 2.
43. *Ганіна О. Д.* Поселения ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся//Археологія. 1984. Вып. 47.
44. *Смирнова Г. И.* Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
45. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д 4—5.
46. *Смирнова Г. И.* Население Среднего Поднестровья в VI—V вв. до н. э. и его западные соседи//Actes du II-e Congr. internat. de Thracologie. T. I. Bucuresti. 1980.
47. *Vulpe A.* Necropola hallstattiana de la Ferigile. Bucureşti, 1967.
48. *Смирнова Г. И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.)//АСГЭ. 1981. Вып. 22.
49. *Смирнова Г. И.* Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре//Тр. Эрмитажа. 1979. Т. XX.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Публикации

Ю. Г. КОЛОСОВ, В. Н. СТЕПАНЧУК, В. П. ЧАБАЙ

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА им. ГЛЕБА АНАТОЛЬЕВИЧА БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО

Памяти Г. А. Бонч-Осмоловского посвящается

В 1990 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося археолога, исследователя палеолита Крыма Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского. Многими достижениями советское палеолитоведение обязано Г. А. Бонч-Осмоловскому. К одному из них относится его большой вклад в освоение и разработку методики раскопок палеолитических стоянок в пещерах Крыма.

В отечественной археологии существует добрая традиция называть древние стоянки именами исследователей, отдавших много жизненных сил и энергии бескорыстному служению археологической науке. Желая выразить искреннее уважение памяти Г. А. Бонч-Осмоловского, авторы предлагают назвать его именем новый, открытый в 1988 г. Крымской палеолитической экспедицией, мустьерский памятник.

Памятник находится в юго-западном Крыму, в черте с. Скалистое Бахчисарайского р-на поблизости от мустьерского грота Шайтан-Кобы, который в 1929—1930 гг. исследовал Г. А. Бонч-Осмоловский [1, с. 61—82]. Со времени его исследований прошло более полувека. За это время долину р. Бодрак разведывали многие археологи, геологи, палеонтологи и др. Лучше всего была исследована долина среднего течения реки. Здесь стали известны такие палеолитические памятники, как Большой скалистый навес (западный участок) [2, с. 3—10], Большой скалистый навес (восточный участок) [3, с. 7, 8], Шайтан-Коба II [4, с. 162—166], серия раннепалеолитических местонахождений Шары I—III и Чакмаклы [5, с. 85—106]. В самые последние годы сотрудниками Крымской палеолитической экспедиции Института археологии АН Украины кроме указанной мустьерской стоянки им. Г. А. Бонч-Осмоловского (далее ГАБО) открыты еще несколько памятников: Шайтан-Коба III на 150 м выше по течению реки от Шайтан-Кобы II [6, с. 1—49], серия Скалистенских позднепалеолитических мастерских под открытым небом [7, с. 1—40] и, наконец, многослойная стоянка в гроте Скалистом. Последняя является пока единственным пещерным раннемезолитическим памятником в долине р. Бодрак.

Таким образом, в результате перечисленных исследований на сравнительно коротком отрезке среднего течения р. Бодрак выявлена цепочка многочисленных, в большинстве случаев мало изученных памятников огромного хронологического диапазона — от позднего ашеля до раннего мезолита включительно. Не приходится сомневаться, что раскопки и анализ добытых материалов из указанных памятников дадут возможность более успешно ставить и решать ряд актуальнейших проблем, связанных с локальными различиями палеолитических индустрий, сложением и

© Ю. Г. Колосов, В. Н. Степанчук, В. П. Чабай, 1993 г.

Рис. 1. Вид на стоянку им. Г. А. Бонч-Осмоловского (х) с левого берега р. Бодрак

развитием культур, переходом от ашеля к мустье, от мустье к позднему палеолиту, от позднего палеолита к мезолиту, древнейшим заселением Крыма и др.

Дополнительные данные для решения, в частности, проблемы культурного членения мустье Крыма дает вновь открытый памятник ГАБО. Как уже отмечалось, стоянка ГАБО находится в с. Скалистое, на правом берегу р. Бодрак, на крутом склоне, что возвышается над зданием детского сада. Высота горы около 50 м. Если смотреть на место находок артефактов с противоположного, левого, берега реки, то отчетливо видно, как широкая полоса скалистого обнажения куэсты, спускающаяся под довольно большим углом падения, в десятке метров от стоянки перекрывается заросшим травой и редкими кустами шиповника оползневым шлейфом (рис. 1). Далее влево по склону гора задернована и не имеет скалистых выходов. Судя по направлению скалистого обнажения, очень четкой локализации подъемного материала, сильной крутизне склона горы, стоянка размещалась в каком-то полностью в настоящее время погребенном пещерном образовании.

Судя по площади распространения подъемного материала, протяженность площадки перед погребенной пещерой составляет ~ 10 м, предполагаемое расстояние от современной дневной поверхности в месте выхода культуросодержащих отложений до задней скальной стенки ~ 5— 7 м. Высота стоянки над летним уровнем вод Бодрака достигает 23 м. Крутизна склона — 38—39°. Экспозиция склона с находками и, следовательно, погребенного убежища — юго-западная.

Состояние склона в месте сборов заставляет предполагать, что первые кремни появились на поверхности лишь несколько лет назад. Разрушения, причиненные за это время отложениям стоянки, по-видимому, минимальны.

С целью исследования погребенного убежища на месте концентрации находок в 1988 г. был заложен шурф, доведенный в 1989 г. до площади в 12 м^2. Раскоп шириной 4 м врезан в крутой склон на глубину 3 м. Максимальная мощность отложений прослежена зондажем на 3 м и составила ~ 5 м.

В процессе раскопок удалось выявить небольшую площадку, вероятно, предшествующую входу в погребенную пещеру или навес. О близости последнего свидетельствует сплошной завал различных по величине камней известняка, обычно концентрирующихся у капельной линии обвалившегося козырька. Отложения на площадке сверху вниз залегают в такой последовательности (рис. 2): 1 — щебнистый гумусированный суглинок; 2 — тонкий прослой слоистого суглинка, лежащего согласно падению современного склона; 3 — расслаивающийся рухнувший козырек навеса; 4 — щебнистый палевый суглинок с прослоями, сложенными щебнем и мелкой плиткой — остатками обвальных плит; 5 — свет-

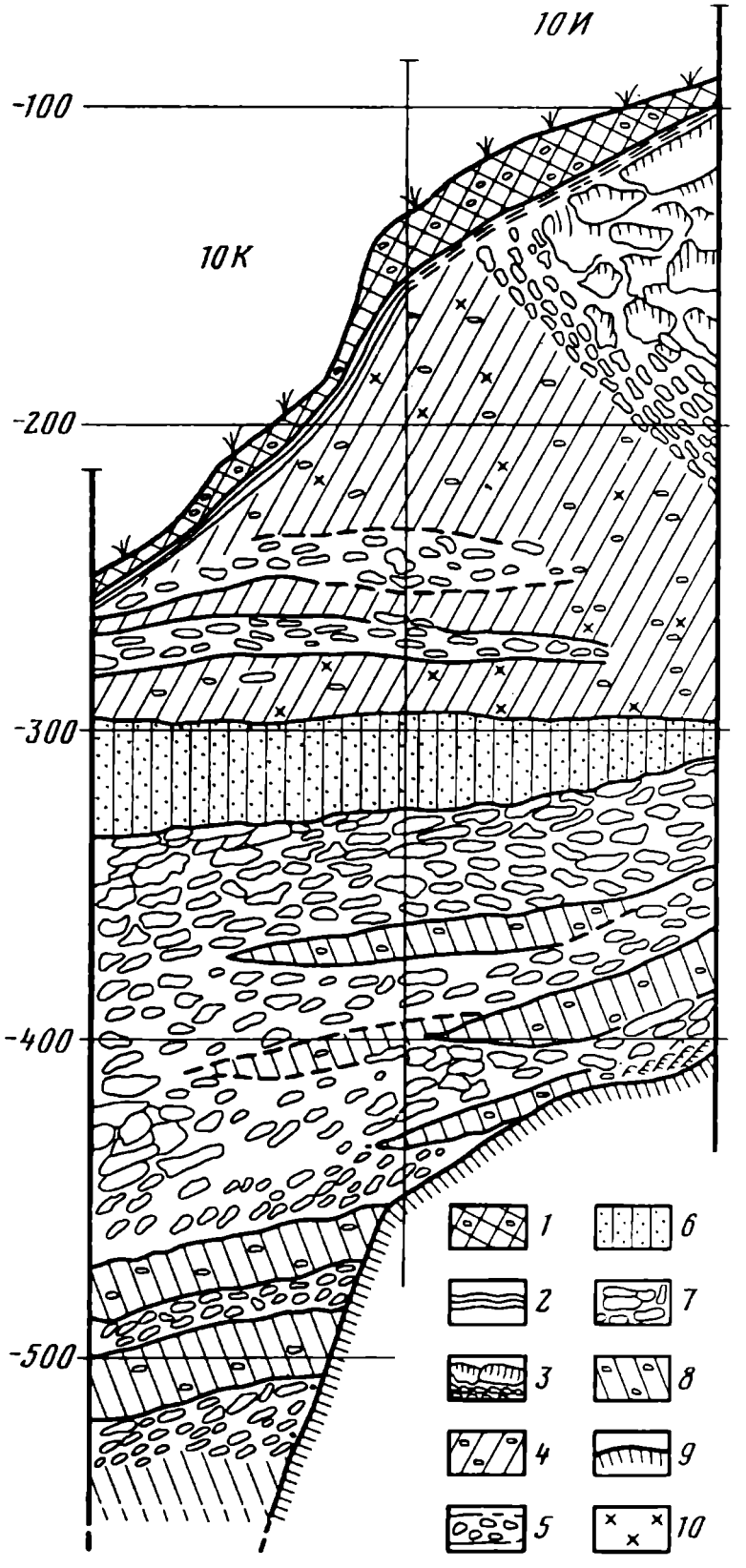


Рис. 2. Стоянка им. Г. А. Бонч-Осмоловского. Профиль северной стенки. *1* — щебнистый гумусированный суглинок; *2* — расслаивающийся рухнувший козырек навеса; *3* — слоистый суглинок, лежащий согласно современному склону; *4* — щебнистый палевый суглинок; *5* — щебнистые прослои — остатки обвальных плит; *6* — щебнистый светло-палевый суглинок; *7* — светло-палевый малощебнистый супесчаный суглинок; *8* — прослои щебня; *9* — коренная скала; *10* — находки кремней

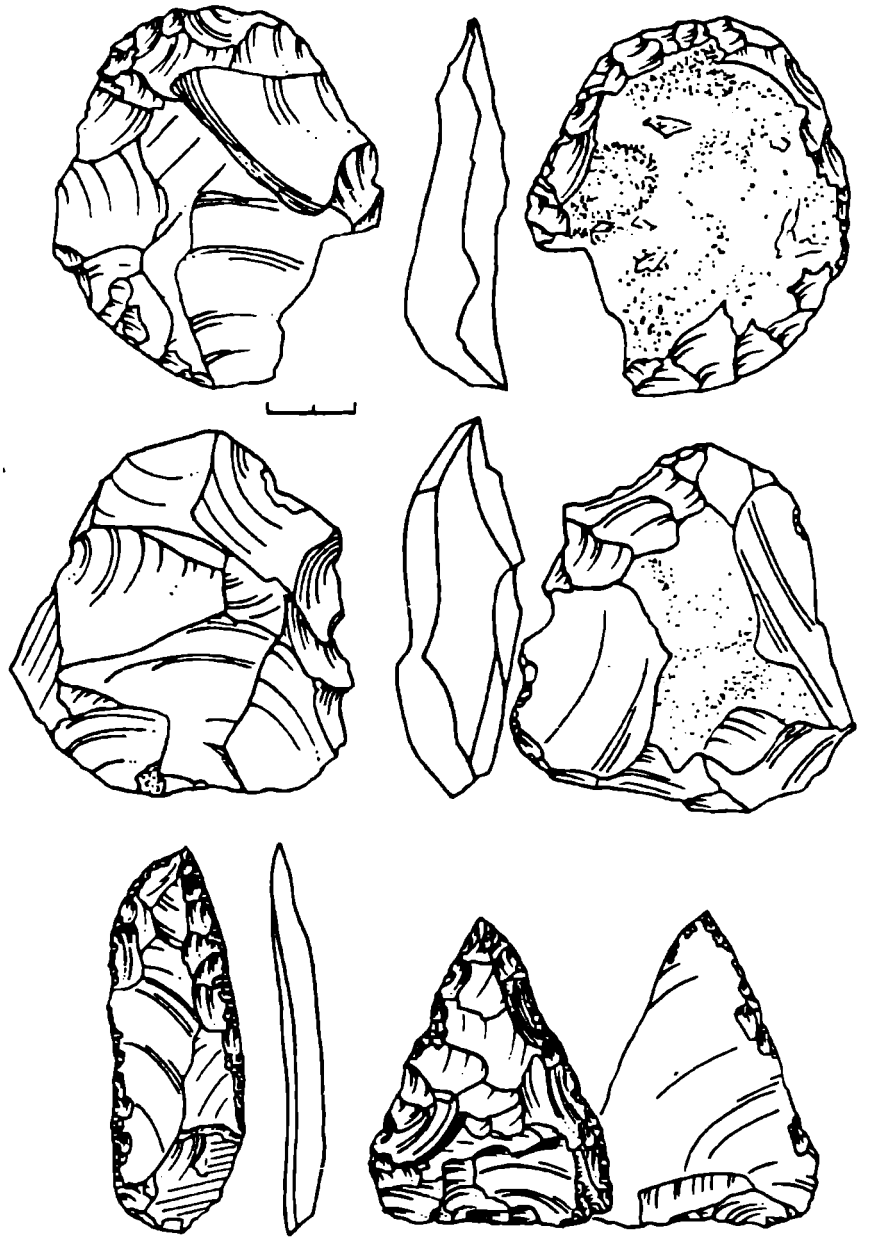


Рис. 3. Нуклеусы и остроконечники I слоя

лопалевый малощебнистый супесчаный суглинок; 6 — мощный слой рыхлого щебня с прослоями светлопалевого суглинка; 7 — коренная скала.

С четвертым литологическим слоем связаны находки культурных остатков мустьерского возраста: кремня, гальки, фаунистических остатков, костных и древесных угольков. В нижележащих отложениях находок нет. Исключением являются единичные находки кремней с глубины —510 м. Но достоверно их искусственное происхождение не устанавливается. В нижней части толщи щебнистого палевого суглинка фиксируется горизонт полуразложившихся обвальных плит. На некоторых участках прослеживаются два уровня обвального горизонта, но на основной площади раскопа он один и выклинивается к востоку, т. е. в глубь склона. Этот обвальный горизонт четко разделяет толщу палевых суглинков. Находки обработанных кремней встречены и над и под горизонтом обвала; это позволило выделить два отдельных культурных слоя. Слои значительно различаются по мощности и количеству находок. Во втором, подобвальном слое, культурных остатков ощутимо меньше. В то же время во втором слое четче улавливается положение культурных остатков как в плане, так и в профиле.

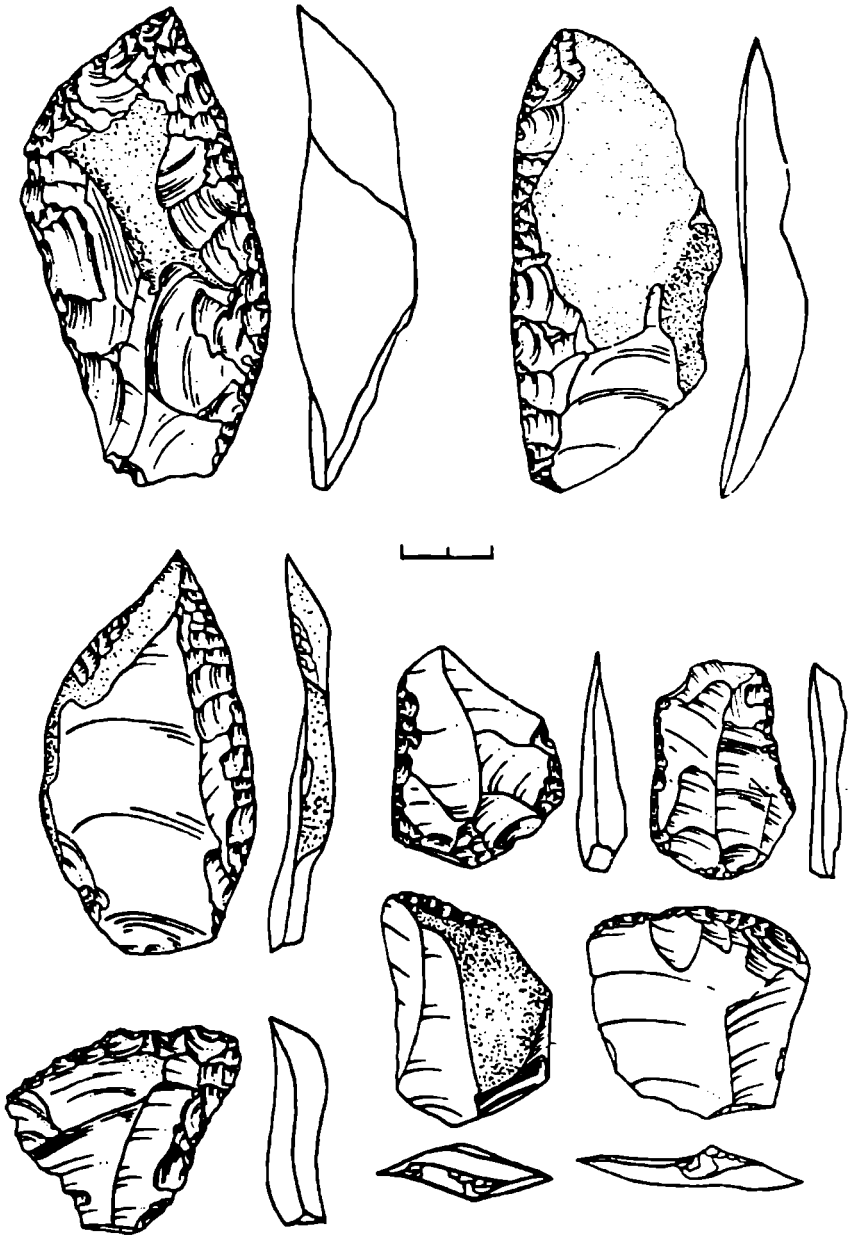


Рис. 4. Остроконечники и скребла I слоя

Это позволило выделить для этого слоя два самостоятельных горизонта, вероятно, свидетельствующих о непродолжительном заселении скального убежища.

Иная картина в надобвальных отложениях, где горизонты, отделенные стерильными прослойками, почти не вычленяются. Причина этому, возможно, кроется в более интенсивной эксплуатации стоянки на этом этапе заселения. Видимо, сыграл свою роль и рухнувший на площадку перед скальным убежищем козырек. Своим весом он смял и уплотнил культуросодержащие суглинки, плотно спрессовав существовавшие, насколько это можно установить по сохранившимся остаткам, отдельные жилые горизонты в единый нерасчленяющийся культурный слой. О большом весе и мощности упавшего блока можно судить хотя бы по его совершенно необычному положению: блок лежит с наклоном в 45° в глубь склона и его мощность на протяжении менее 1 м возрастает более чем на 1 м.

Верхний культурный слой. Вскрыт на площади 12 м^2.

Фаунистические остатки. Подробное определение костей животных еще не закончено. В предварительном плане можно лишь указать на преобладание костей лошади. Но этим видовое разнообразие фауны не исчерпывается.

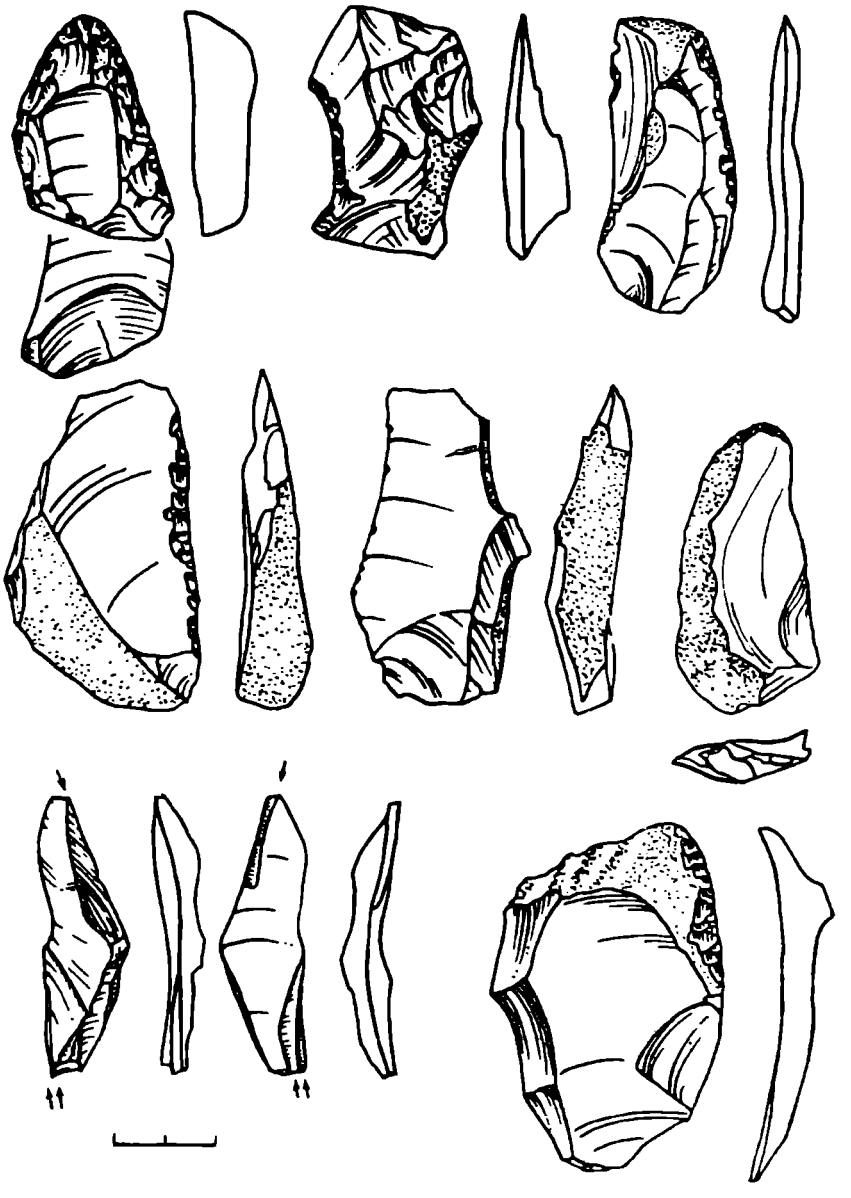


Рис. 5. Скребла, ножи, скребок и резец I слоя

Кремневая индустрия. Собрано более 13 тыс. обработанных кремней и свыше полусотни галек. Сырьем для изготовления орудий служил серый, неоднородной окраски высококачественный кремень. Многочисленные выходы этого кремня встречены в окрестностях горы Кремянной. Они являлись основной сырьевой базой для стоянок бассейна р. Бодрак на всем протяжении палеолита.

13 657 кремней слоя представлены: нуклеусами — 128 (~ 1% всех находок кремней); пренуклеусами, нуклевидными обломками — 195; отщепами — 5 333; пластинами — 273 (~ 2%); чешуйками — 7 122; орудиями — 606 (4,5%).

Бо́льшую часть нуклеусов — 67,6% составляют одно- и двусторонние радиальные, 25 нуклеусов (21%) — подпараллельные. Около 10% приходится на бессистемные ядрища. Двумя изделиями представлены нуклеусы, близкие леваллуазским (рис. 3).

Сколы составляют 41% от общего количества обработанного кремня. Индекс пластин 4,9. Технические показатели, полученные по серии в 200 сколов, таковы: индекс подправки общий 51,8, тонкой подправки 30. Индекс точечных пяток 23,5. Показатель сколов с радиальной огранкой спинок 25, параллельно и субпараллельно ограненных 55. Соотношение радиальных и параллельных сколов

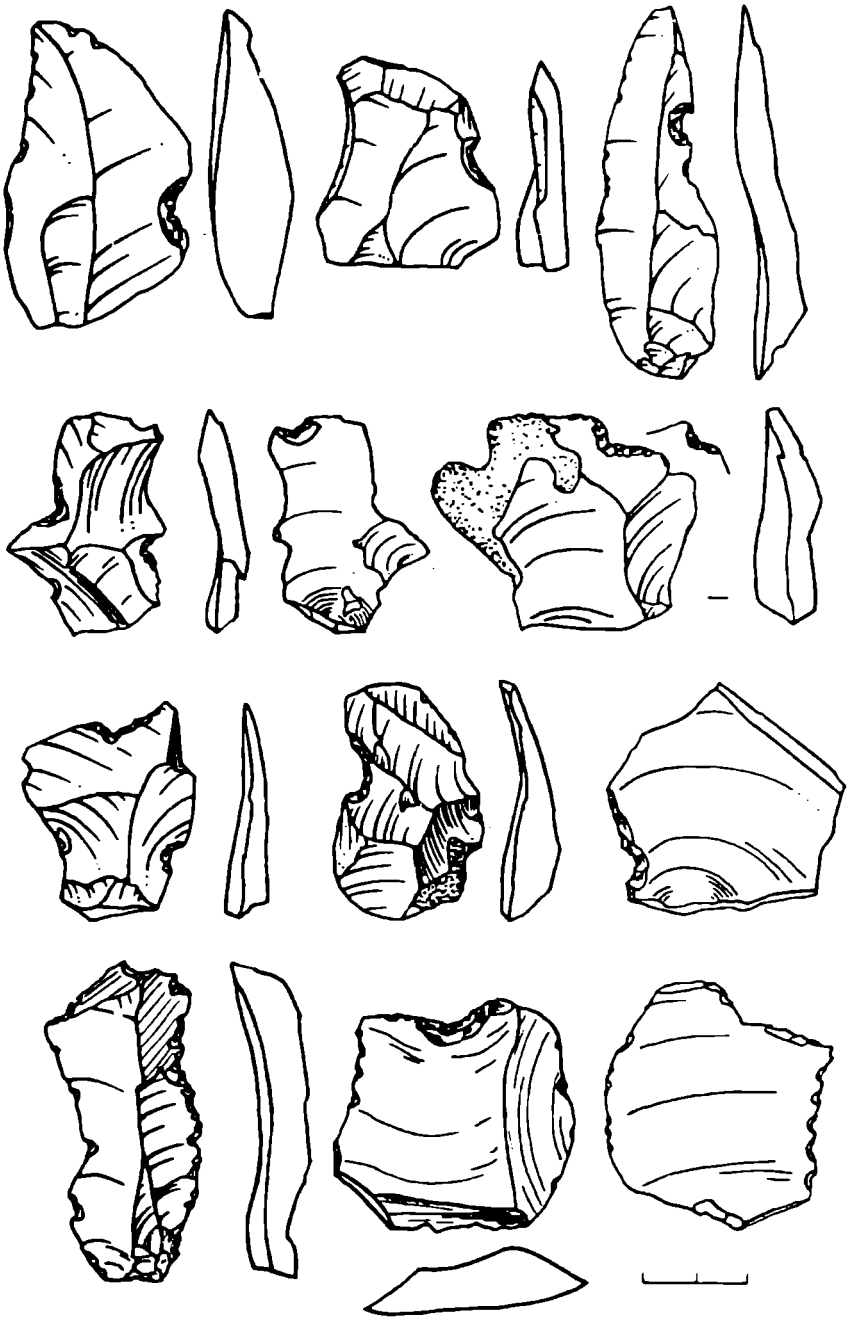


Рис. 6. Выемчатые и зубчатые орудия I слоя

выражается как 1:2,2. Такое соотношение, по экспериментально полученным авторами данным, характерно для радиального расщепления камня.

Орудийный набор представлен односторонними и двусторонними изделиями. Бифасы (без частично-двусторонних форм) составляют 4,1%.

Среди односторонних изделий имеются: остроконечники, скребла, ножи, зубчато-выемчатые орудия позднепалеолитических типов.

Остроконечники (40 экз.) составляют 9,2% набора односторонних орудий слоя (без обломков и сколов с ретушью). Значительно преобладают продольно-острийные остроконечники, т. е. те, у которых острие лежит либо точно по оси скалывания, либо лишь слегка отклоняется от нее. Угловатых остроконечников всего 18% (рис. 3; 4).

Скребла (136 орудий) составляют 31,4%. Более половины скребел (52%) — продольные однолезвийные изделия. Затем бо́льшая группа представлена попе-

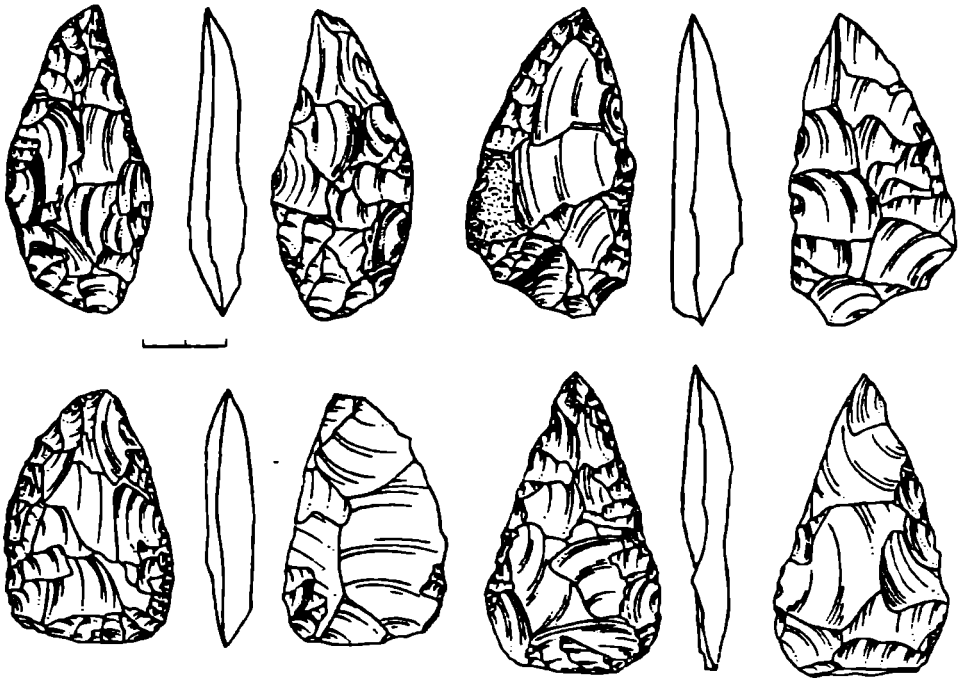


Рис. 7. Двусторонние орудия I слоя

речными — 17%, далее следуют конвергентные — 13,2, двойные — 9 и угловатые — 8,8% (рис. 4; 5).

Серийно представлены ножи с площадками и ретушированными лезвиями (21 экз.) и обушковые ножи с лезвиями, несущими выразительные следы использования (8 экз.). Ножей обоих типов среди целых орудий односторонней обработки — 6,7% (рис. 5).

Выемчато-зубчатые орудия составляют непривычно большую часть орудийного набора, достигая 49%. Из каждого десятка этих орудий семь-восемь — выемчатые. Их обилие и разнообразие позволяют различать несколько разновидностей выемчатых орудий по способу изготовления выемок, их размерам, количеству, локализации (рис. 6).

Остается неясной причина такой высокой доли выемчато-зубчатых орудий в материалах верхнего слоя стоянки. Объяснение можно искать в хозяйственном своеобразии памятника (или вскрытого участка), можно усматривать здесь и культуроопределяющий признак. Все же исследованный участок стоянки пока слишком мал, для того чтобы делать какие-либо определенные выводы. Имеющиеся же факты свидетельствуют о значительных количественных колебаниях показателя выемчато-зубчатых в зависимости от раскопанного участка. Так, в материалах 1988 г. показатель составил чуть более 40, а в материалах 1989 г.— свыше 56%.

Позднепалеолитическая группа орудий, которая включает резцы (5 экз., большей частью атипичные), скребки (4 экз.), проколки (2 экз.) и долотовидные орудия (3 экз.), составляет 3,2% (рис. 5).

Завершают список односторонних орудий обломки (58 экз.) и сколы с ретушью (90 экз.).

Двусторонние орудия немногочисленны, но демонстрируют высокую степень мастерства изготовителей. К двусторонним примыкают частично двусторонние, с учетом которых индекс бифасов составляет 4,8.

Таким образом, если базироваться на критериях, предложенных В. Н. Гладилиным [8, с. 92—105], индустрию верхнего слоя нельзя относить к двусторонней.

Бифасы распределяются на остроконечники, скребла, нож. Остроконечники в большинстве своем асимметричные, близкие к сегментовидным очертаниям, тонкие в сечении, с утонченным основанием (наконечники?). Их насчитывается девять целых и три фрагмента. Скребел пять, причем четыре из них частично

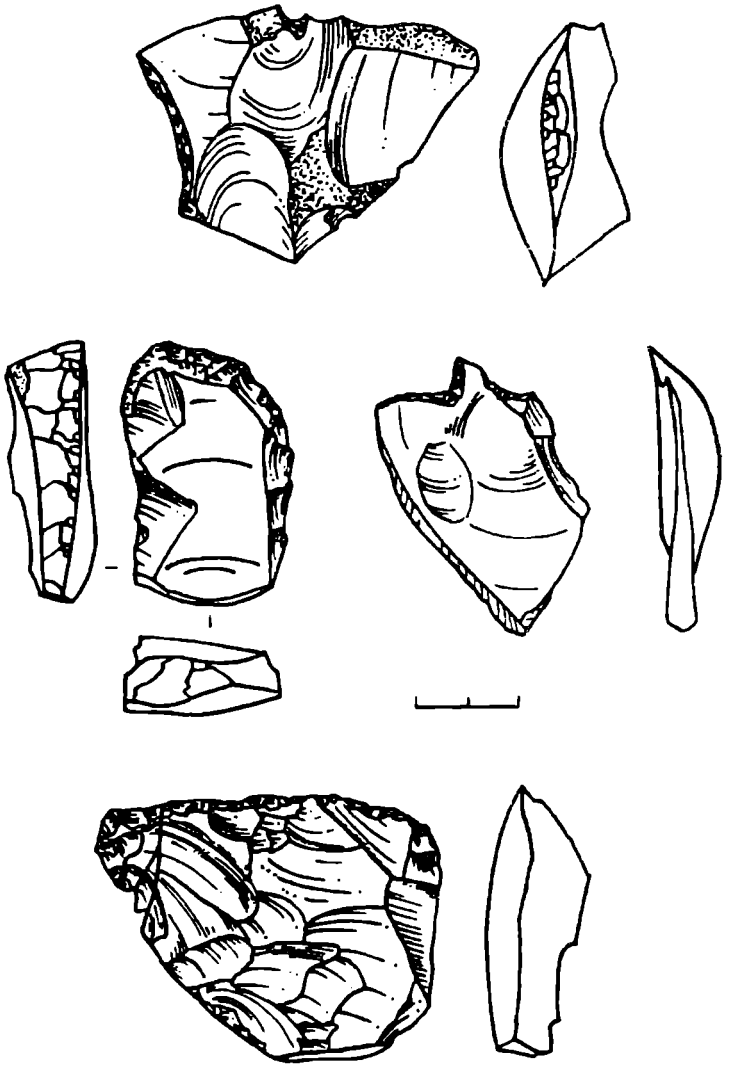


Рис. 8. Орудия II слоя

двусторонней обработки. Имеется одно изделие, которое условно можно отнести к атипичным ножам с площадкой, и семь обломков бифасов.

Итак, 82% всех целых двусторонних форм составляют острийные бифасы с хорошо выраженной тенденцией к асимметричности. Для всех бифасов в целом остроконечники (наконечники) составляют почти 50%, скребла до 20, атипичный нож с площадкой — 4, обломки — 28% (рис. 7).

Орудия на гальках. Обнаружены 61 целая и фрагментированная речные гальки, чаще песчаниковые. Шесть несут на поверхности следы использования в качестве отбойников.

Костяные орудия. Найдено несколько ретушеров на обломках стенок крупных трубчатых костей.

В слое имеются свидетельства использования огня: пережженные косточки, изредка древесные угольки. Очаги на площади, вскрытой в 1989 г., не встречены. Плохо сохранившееся очажное потемнение было зафиксировано в разведовательном шурфе в 1988 г.

Нижний культурный слой. Вскрыт на площади 12 м².

Фаунистические остатки. Фон составляют крупные копытные. В целом фауна слоя худшей сохранности.

Кремневая индустрия. Обнаружено 511 кремней. Сырьем служил тот же серый кремень, что и в верхнем слое. Кремневые находки распределяются следующим образом (экз.): нуклеусы и пренуклеусы — 5; нуклевидные об-

ломки — 17; обломки — 14; отщепы — 213; пластины — 8; чешуйки — 234; орудий, включая отщепы и пластины с ретушью,— 19.

Нуклеусы и пренуклеусы в основном относятся к радикальным, лишь один пренуклеус — протопризматического скалывания.

Сколы составляют ~ 44% всего кремня. Показатель пластин 3,5. Индустрию характеризуют такие технические показатели: индекс широкой подправки 56, тонкой 33. Показатель точечных пяток 16. Показатель сколов с радиальной огранкой спинки 30, параллельной 58%. Соотношение радиальных к параллельным выражается как 1:2 и характеризует радиальный принцип расщепления камня.

Среди немногочисленных орудий имеются: два угловатых скребла, два продольных, четыре выемчатых орудия, пять отщепов с ретушью, две пластины с ретушью, три обломка односторонних орудий и один обломок бифаса (рис. 8).

Как видно, орудий слишком мало для полноценной статистической обработки. Для уверенной характеристики индустрии нижнего слоя следует накапливать новые данные. Сейчас можно лишь высказать предположение о том, что различия между индустриями верхнего и нижнего слоев стоянки будут невелики. Ряд черт, в частности большая доля выемчатых, применение приема двусторонней оббивки заставляет предполагать генетическую близость слоев. Не противоречат этому предположению технические показатели, с одной стороны, достаточно близкие, а с другой — фиксирующие плавное развитие в сторону более прогрессивной техники расщепления (рост пластинчатости, показателя точечных пяток — как результат более широкого применения параллельного расщепления).

На уровне нижнего горизонта слоя II зафиксировано потерявшее четкие очертания очажное потемнение. Толщина слоя, насыщенного древесными и костными угольками, а также комочками пережженного суглинка, достигала 7 см. В момент вскрытия очаг представлял собой вытянутое овальное пятно (до 2,3× 1 м). Первоначально очаг имел, по всей видимости, округлые очертания, диаметр его приближался к 1 м. Затем очаг был размыт.

Таким образом, в предварительном плане (учитывая далеко недостаточную исследованность) индустрия памятника может быть охарактеризована как мустье одностороннее, фасетированное, с низкой пластинчатостью и радиальной схемой скалывания. Специфическая особенность индустрии — весьма высокий индекс выемчато-зубчатых орудий (49%) с присутствием небольшого (до 5%) количества двусторонних форм.

Наиболее близкой аналогией на территории Крыма кремневому комплексу ГАБО являются ранние памятники старосельского круга индустрий [9, с. 242, 243]. Так, индустрия Кабази V практически сходна с комплексом ГАБО по всем техническим показателям [10, с. 34—45]. Что же касается типологических, то различия достаточно существенны.

Если при дальнейшем исследовании стоянки технико-типологические показатели существенно не изменятся, то аналогичным памятником, сходным по многим параметрам (и техническим, и типологическим) могут являться мустьерские слои Баракаевской пещеры в Прикубанье [11, с. 84—87]. Устанавливаемое сходство этих памятников достаточно ярко свидетельствует о контактах населения Крыма и Прикубанья в мустьерское время. Видимо, можно предполагать отток части носителей односторонних индустрий Крыма в восточном направлении для раннего вюрма. Для более уверенного вывода необходимо все же накапливать новые данные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боны-Осмоловский Г. А.* Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Обри-Оди//БКИЧП. 1930. № 2.
2. *Мацкевой Л. Г.* Археологічні розвідки в Бахчисарайському районі Кримської області (1960—61)//Студентські наукові праці. 1962. Т. 29.
3. *Колосов Ю. Г.* Шайтан-Коба — мустьэрська стоянка Криму. Київ: Наук. думка, 1972.
4. *Колосов Ю. Г.* Изучение материалов из Шайтан-Кобы//МИА. 1971. № 173.

5. *Щепинский А. А.* К вопросу об ашеле в Крыму//Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
6. *Колосов Ю. Г., Гладилин В. Н., Степанчук В. Н. и др.* Отчет Крымской палеолитической экспедиции о работах 1988 г.//Науч. арх. ИА АН УССР. 1988. № 19.
7. *Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П.* Отчет о работе Крымской палеолитической экспедиции в 1987 г.//Науч. арх. ИН АН УССР. 1987. № 12.
8. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
9. *Чабай В. П., Степанчук В. Н.* Относительная хронология мустьерских индустрий Крыма//Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. Тез. докл. XX Республиканской конф. Киев: Наук. думка, 1989.
10. *Колосов Ю. Г., Степанчук В. М., Чабай В. П.* Нові мустьерські стоянки Південно-західного Криму//Археологія. 1988. № 64.
11. *Любин В. П., Аутлев П. У., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Мустьерские пещерные стоянки Прикубанья//Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989.

Институт археологии
АН Украины, Киев

Yu. G. KOLOSOV, V. N. STEPANCHUK, V. P. CHABAY

G. A. BONCH-OSMOLOVSKY MOUSTERIAN SITE

Summary

1990 was the hundred-year anniversary of the known investigator of the Palaeolithic G. A. Bonch-Osmolovsky. In connection with this date the authors suggest to give his name to a new Mousterian site in the South-Western Crimea. This rock-site is fully covered with soil, it is located in the Bodrak river valley not far from the known Shaitan-Koba site. The cultural deposit is 5 m thick and consists of two levels separated with a layer of stone slabs which falled down from the rocks. The industry is of one-facial, blade, facetted character with radial splitting technology. There are some specific features, among them bifacial tools. In the territory of the Crimea close assemblages should be pointed in the sites of Staroselye type. Out of the peninsula close analogies there are in the materials of Barakayevskaya cave in the Kuban river area.

Г. Г. СОРОКИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ ОРНАМЕНТИРОВАННЫХ ПОДЕЛОК В ЮДИНОВО I

В 1980 г. после длительного перерыва под руководством З. А. Абрамовой вновь было продолжено исследование одного из интереснейших памятников Русской равнины — верхнепалеолитической стоянки Юдиново I (рис. 1) [1].

В результате раскопок к настоящему времени накоплен новый материал, составивший уникальную коллекцию каменных и костяных изделий. Часть орнаментированных поделок из кости представляет собой первоклассные образцы геометрического орнамента эпохи палеолита. Введение их в научный оборот — цель данной публикации [1].

Костяная индустрия Юдиновской стоянки разнообразна и по своему облику достаточно характерна для большинства верхнепалеолитических памятников как Восточной, так и Западной Европы, где известны широкие аналогии практически всем категориям изделий из Юдинова. Различия носят типологический, локальный характер.

В качестве сырья для костяных изделий использовались бивень и ребра мамонтов, рог оленя, трубчатые кости мелких животных и птиц [2]. Среди орудий выделены наконечники из бивня (все они, как правило, со скошенным основанием), шилья, иглы, проколки, ретушеры, лощила, молоткообразные из рога, землекопалки, вкладышевые орудия из ребер и другие.

Поделки из бивня, определяемые как украшения, довольно однообразны — это диадемы (сохранились лишь во фрагментах) и бусинки из тонких пластинок бивня.

Особую, трудноопределимую в функциональном отношении, категорию костяных изделий составляют так называемые стержни с изредка сохранившимися заостренными концами и стержневидные изделия, форма которых и анализ микроследов на поверхности не говорят ничего определенного об их функциях. Возможно, что стерженьки с заостренными концами были своеобразными застежками или булавками: один из таких стерженьков имеет навершие с просверленным отверстием. А. К. Филиппов, основываясь на изучении материала Мальты, предполагает, что такие стержни, не имеющие следов износа, если не считать утраченных заостренных концов, можно отнести в разряд наконечников мелких дротиков или стрел [6, с. 31]. Ф. М. Заверняев называет их остриями [7, с. 147]. Это в известной степени соответствует их форме. Но так как этот термин функциональный, а функция в данном случае точно не определена, то в данной работе эти предметы будут именоваться стержнями.

Для специалистов эти изделия интересны прежде всего тем, что именно они являются носителями гравированного геометрического орнамента из ромбов, известного в Юдиново I (рис. 2, 3).

---

[1] Автор выражает глубокую признательность З. А. Абрамовой, любезно предоставившей для публикации материалы раскопок.

[2] Описание материала из Юдиново I в монографии первого исследователя этого памятника К. М. Поликарповича очень лаконично и практически не содержит анализа каменных и костяных изделий [2]. Очень фрагментарны сведения о костяных изделиях, содержащиеся и в работах В. Д. Будько [3—5].

© Г. Г. Сорокина, 1993 г.

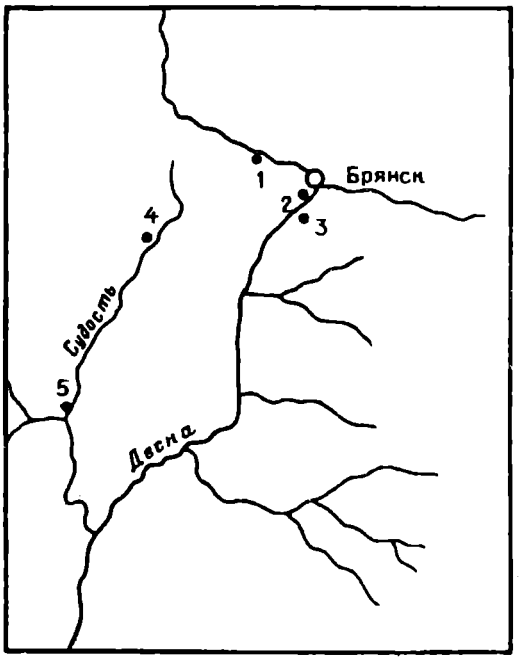


Рис. 1. Палеолитические стоянки бассейна р. Десны: *1* — Хотылево; *2* — Тимоновка; *3* — Супонево; *4* — Елисеевичи; *5* — Юдиново

Выделены четыре типологические группы стержней, различающихся по форме и размерам. Следует сразу оговорить, что фрагментарная сохранность и утраченность типологически значимых концов у большинства стержней предопределяют, разумеется, условность такого выделения.

Первую группу, самую многочисленную, образуют тонкие изогнутые стержни диаметром до 0,5 см с одним или двумя острыми концами, в большинстве случаев не сохранившимися.

Следующая группа состоит из стержней укороченных пропорций и с сечением большего диаметра, по форме напоминающих наконечники со скошенным основанием (2 экз.). Морфологически они ближе всего орнаментированным остриям из Хотылево II [7, с. 146].

К третьей группе можно отнести стерженек с просверленным навершием (1 экз.).

И четвертую группу образуют крупные массивные орнаментированные стержни диаметром > 1,5 см (3 экз.). Морфологически близкие аналогии известны в костяной индустрии Костенок I, Мальты [8, табл. XVIII, XIX]. В Западной Европе такие крупные стержни близки поделкам типа «baquette» («палочка»), известным прежде всего в Истюриц, Ложери-Бас, а также в Мас-д'Азиль и в Гурдан [9, с. 203].

В коллекции в настоящее время насчитывается порядка 100 экз. стержней, сохранившихся большей частью во фрагментах, из этого числа орнаментированы лишь 15 экз. Для описания выбрано 11 экз. достаточно хорошей сохранности.

Изделие 1 (рис. 2, *7*; 3, *7*). Длина 7,3 см, диаметр сечения в срединной части 0,3—0,4 см. Оба конца обломаны. Поверхность по всей окружности стержня украшена орнаментом в виде сплошной сетки, в которой основной ячейкой является вытянутый ромб. Выше, через небольшой промежуток гладкой поверхности, расположен поясок из нанесенных впритык острых углов. Играет ли этот поясок самостоятельную роль как структурный элемент в общей композиции или предполагалось его последующее соединение с ромбической сеткой посредством прорезания по диагонали коротких линий, неясно. Рисунок прорезан орудием с острой режущей кромкой, скорее всего острием. Участки, близкие к кончикам стержня, не орнаментированы.

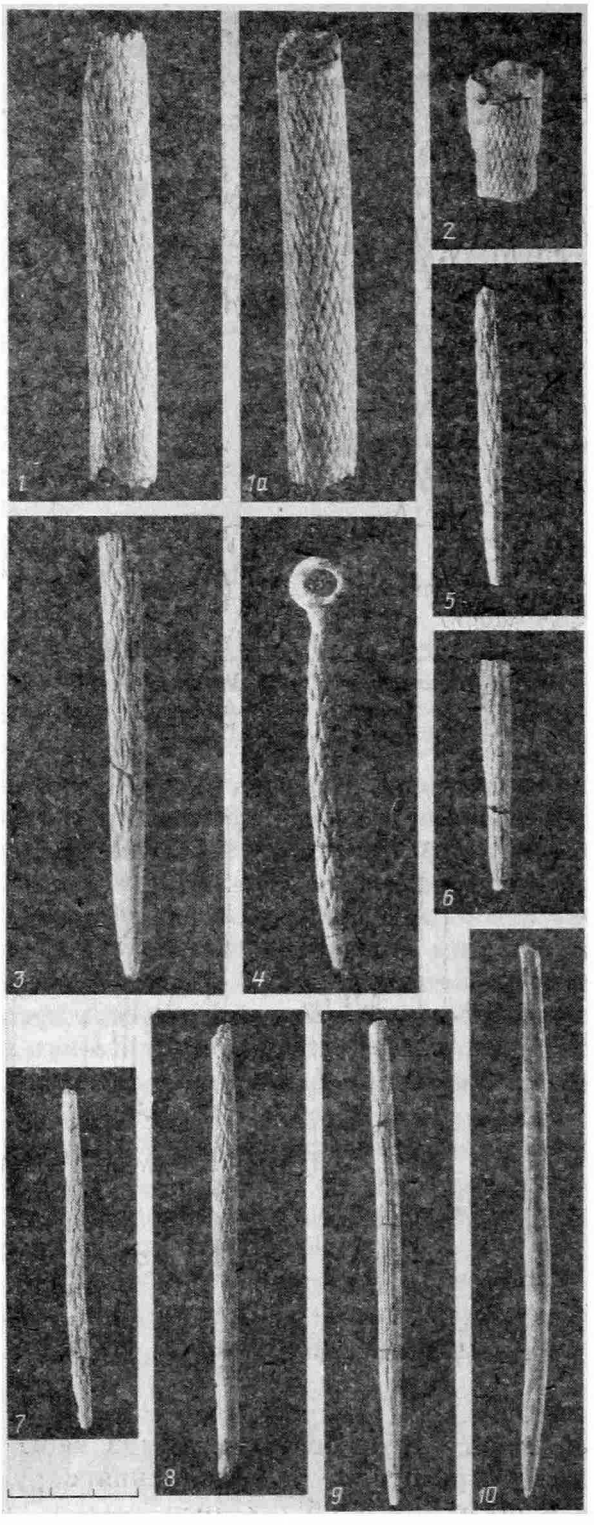


Рис. 2. Юдиново I. Орнаментированные стержни

Изделие 2 (рис. 2, *8*; 3, *8*). Длина 10,5 см, диаметр сечения в срединной части 0,4—0,5 см. Кончики стержня также обломаны. Нижний участок не орнаментирован («верх» и «низ» у таких стержней с обломанными концами определены условно, для удобства описания). Узор из ромбов в виде сетки прорезан лишь на узком участке поверхности, занимающем примерно $^1/_3$ окружности. С одной стороны (условно с правой) сетка ограничена глубоко прорезанной длинной прямой линией. С другой — рисунок имеет продолжение в виде отдельных параллельных рядов из прорезанных впритык острых углов,

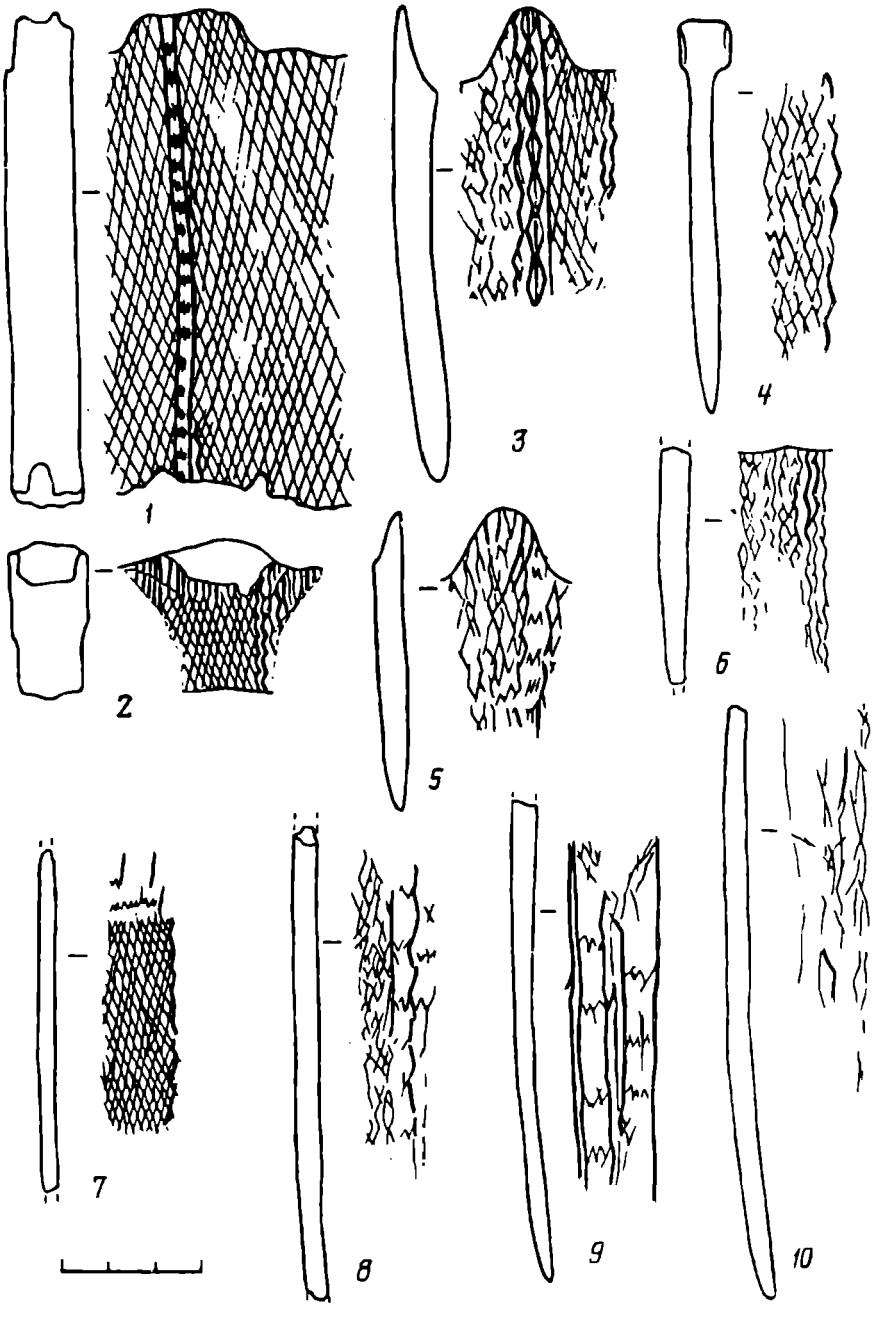


Рис. 3. Юдиново I. Развертки орнаментальных изображений

распространение которых по окружности стержня в свою очередь ограничено длинной зигзаговой линией. Частичность заполнения окружности ромбической сеткой, связь последней посредством общих прорезанных линий с участком, на котором нанесены ряды острых углов, связанных в свою очередь общими линиями с зигзагом,— все это говорит о незавершенности намеченной композиции, о прерванности процесса гравирования на одной из стадий.

Изделие 3 (рис. 2, *9*; 3, *9*). Длина 10,4 см, диаметр сечения в срединной части 0,4 см. Сохранился нижний острый кончик. Сильно залощенная поверхность изогнутого стержня незначительно повреждена корневищами растений. Гравированный рисунок состоит из длинных параллельных глубоко прорезанных линий, разделяющих поверхность окружности стержня на два сектора. Внутреннее пространство обоих секторов заполнено рядами из острых углов; ряда из разных секторов, расположенные на разном уровне, не состыковываются друг с другом.

По явной недоконченности многих линий также можно предположить о незавершенности гравированного рисунка.

Изделие 4 (рис. 2, *10*; 3, *10*). Длина 12,3 см, диаметр сечения 0,4—0,5 см. Поверхность тщательно заглажена, сохранился нижний острый конец. Гравированный рисунок нанесен легкими неглубокими прорезями. Тонкие зигзаговые и косые линии схематичны и в своем несложном переплетении образуют как бы основу для будущей композиции.

Все четыре стерженька, описанные выше, отнесены к первой, условно выделенной типологической группе.

Изделие 5 (рис. 2, *5*; 3, *5*). Длина 6,6 см, диаметр сечения в срединной части 0,5 см. Полностью сохранившийся стерженек по форме напоминает наконечник или острие со скошенным основанием. Поверхность стерженька украшена сеткой из вытянутых ромбов. Сетка занимает не всю окружность изделия, а прерывается с двух сторон зигзаговыми линиями; на образованном этими линиями участке поверхности нанесены параллельно друг другу вдоль длинной оси изделия ряды из острых углов — пять рядов по два-три угла. Ряды углов прорезаны совершенно асимметрично по отношению к центральной оси изделия, поэтому они вряд ли играли роль декоративных элементов, а являлись своего рода разметками при нанесении сетчатого узора из ромбов. Линии рисунка прорезаны очень глубоко и создают впечатление рифленой поверхности.

Изделие 6 (рис. 2, *6*; 3, *6*). Длина сохранившегося фрагмента 5,1 см. Диаметр сечения верхней части 0,6, нижней — 0,3 см; разница в диаметре дает основание предполагать, что это изделие типологически близко описанному выше и также имело заостренный конец и утолщенное скошенное основание. Поверхность сильно выкрошена, что затрудняет анализ гравированного изображения. Ромбическая сетка занимает примерно половину окружности стержня, значительную часть поверхности занимают глубоко прорезанные параллельные зигзаговые линии. Короткие линии, расходящиеся по диагонали от зигзагов, свидетельствуют о том, что последние служили, вероятно, основой для нанесения сетки; последовательность нанесения орнаментального узора в этом случае представляется следующей: сначала прорезались линии в виде зигзага, затем они соединялись между собой по диагонали короткими линиями, и таким образом получался геометрический узор из ромбов, напоминающий сетку.

Изделие 7 (рис. 2, *3*; 3, *3*). Длина наиболее хорошо сохранившегося изогнутого стерженька 10 см, диаметр сечения верхней части 0,7—0,8, нижней — 0,4 см. По форме также напоминает наконечник со скошенным основанием. Заостренный конец сильно заглажен, что, видимо, свидетельствует о долгом употреблении этого стерженька.

Сложная орнаментальная композиция отличается целостностью и законченностью. Ромбическая сетка прорезана на поверхности стержня полукольцом и ограничена с обеих сторон длинными прямой и зигзаговой линиями. Центральную часть композиции занимает цепочка из одиночных вытянутых ромбов, разделенных по длинной оси симметрии прорезной линией. Возможно, что изображение ромбов получилось в результате состыковки внутренними углами двух симметричных зигзаговых линий. Как и во всех остальных случаях, орнаментальное поле не доходит до заостренного кончика. Это изделие, как и два предыдущих, отнесено ко второй типологической группе.

Изделие 8 (рис. 2, *4*; 3, *4*). Длина 8,5 см, диаметр сечения в срединной части 0,4 см. Стерженек хорошей сохранности отличается тем, что единственный в коллекции имеет округлое навершие с просверленным отверстием. Орнаментальное поле в виде ромбической сетки занимает всю окружность стержня. Глубокие прорезные линии также создают впечатление рифленой поверхности. Не покрыты орнаментом заостренный кончик и само навершие. Это изделие по своему типу может быть выделено в отдельную группу.

Поделки, морфологически близкие описанному стержню, с просверленным навершием на одном конце и заостренным противоположным концом, но несколько

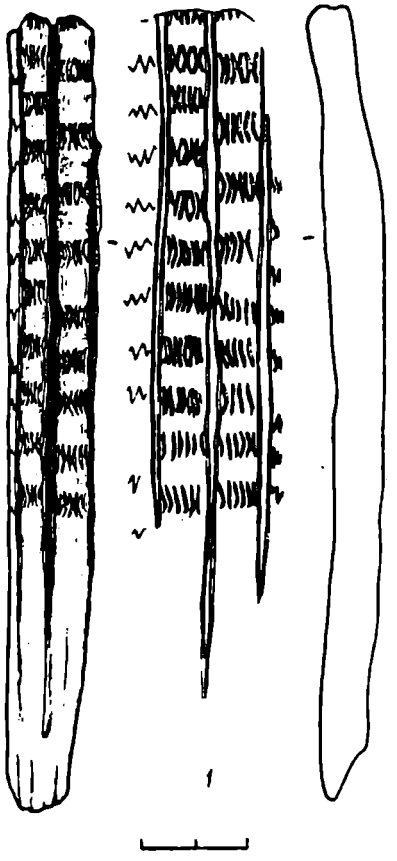


Рис. 4

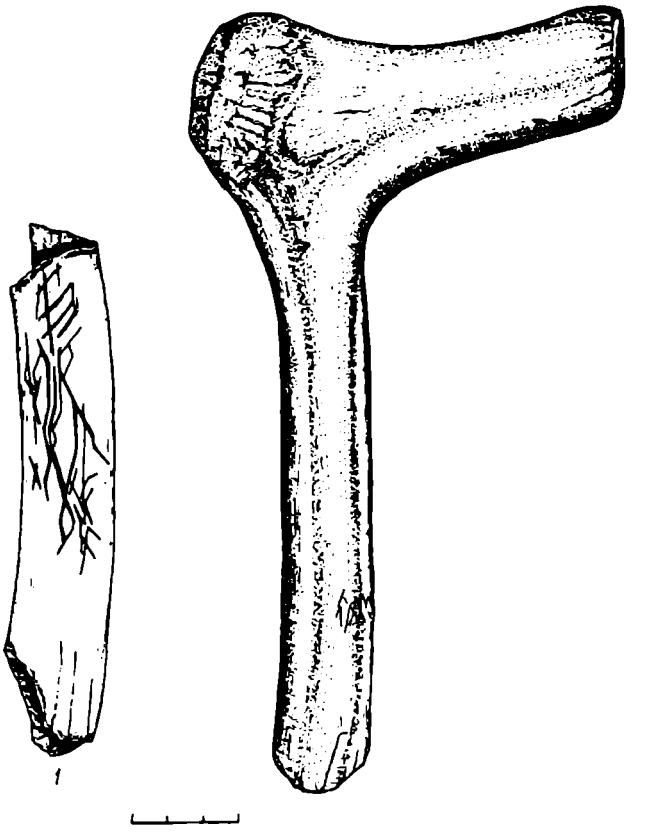


Рис. 5

Рис. 4. Юдиново I. Крупный стержень типа «baquette»

Рис. 5. Орнаментированные изделия Юдиновской стоянки: *1* — ребро мамонта; *2* — «молоток» из рога оленя

иных форм и пропорций известны в верхнем горизонте Костенок IV, в Межиричах. Мезине.

Изделие 9 (рис. 2, *1*, *1а*; 3, *1*). Крупный стержень типа «baquette» относится к четвертой типологической группе. Длина этого изделия 10,5 см, диаметр сечения до 1,5 см. По краю сечения на одном из концов прорезана выемка-паз, предназначенная, видимо, для крепления. Противоположный конец скошен. Поверхность стержня тщательно выровнена и заглажена. Орнаментальная композиция по характеру построения аналогична композиции, описанной для изделия 7. Здесь центральную часть ромбического узора в виде сетки занимает участок длинной полосы, ограниченной с двух сторон прямыми линиями. Внутреннее пространство полосы заполнено параллельными рядами поперечных нарезок — по три нарезки в каждом из 18 рядов.

Изделие 10 (рис. 2, *2*; 3, *2*). Фрагмент расколотого вдоль и обломанного с двух концов крупного стержня, аналогичного описанному выше. Орнамент представляет собой сплошную ромбическую сетку, как и в предыдущем случае, с почти идеально прямыми и параллельными диагоналями, что обусловило геометрическую правильность образованных ромбов. В верхней (условно) части этого фрагмента нанесены вертикально глубокие параллельные прорези, игравшие, вероятно, роль разметок, от которых вниз отходят по диагонали прямые линии, образующие в своем пересечении ромбическую сетку. И здесь, как и в большинстве случаев, встречены параллельные ряды зигзагов.

Изделие 11 (рис. 4, *1*). Стержневидное изделие, также вошедшее в четвертую группу, слегка изогнутое, длиной 15 см и с наибольшим диаметром в сечении 1,7 см, резко выделяется среди прочих изделий необычностью рельефной формы и орнаментальной композицией.

Поверхность стержня разделена вдоль длины глубокими бороздками на четыре сектора. Два срединных сектора украшены параллельно идущими рядами коротких поперечных нарезок. В левом секторе 11 рядов нарезок, в правом 10. В каждом ряду по шесть-восемь нарезок. При близком рассматривании видно, что одна такая нарезка состоит в свою очередь из двух меньших, расходящихся радиально из точки соприкосновения друг с другом. Два крайних боковых участка украшены параллельными рядами зигзагов из двух-трех углов; ряды зигзагов приблизительно совпадают с рядами коротких поперечных нарезок.

Подобная орнаментальная композиция не имеет себе аналогий и вносит разнообразие в единство ромбического мотива, характерного для орнаментальных композиций Юдиново I.

Анализ гравированных изображений на других четырех стерженьках чрезвычайно затруднен из-за плохой сохранности их поверхности. Геометрические рисунки, угадываемые по отдельным линиям, также представляют собой различные сочетания длинных и коротких прямых линий, зигзагов и острых углов, образующих ромбическую сетку. Все сочетания имеют аналогии среди описанных выше гравированных изображений.

В целом новые находки орнаментированных стержней значительно расширяют представление о ромбическом орнаменте Юдиновской стоянки, первые образцы которого стали известны из раскопок, проводившихся в 60-е годы [3—5].

Кроме стержней в Юдиново орнаментировались, видимо, и другие изделия из бивня и кости. Изображения отдельных ромбов и ромбической сетки встречены на узких пластинках и крупных обломках бивней, ребрах, молотковидном орудии из рога оленя.

«Молоток» (рис. *5*, *2*) представляет собой обрезанный с двух концов ствол рога с верхним отростком длиной 17 см, служившим в качестве рукоятки. Короткая ствольная часть выполняла ударные функции: об этом свидетельствуют многочисленные выщербины, выбоины. На сильно заглаженной поверхности рукояти у нижнего конца выгравирована цепочка из шести ромбов, прорезанных асимметрично по отношению к форме рукояти и не образующих какого-либо композиционного рисунка. Было ли нанесено изображение ромбов в декоративных целях и подразумевало ли это изображение дальнейшее пространственное развитие рисунка, судить в данном случае трудно.

Не представляют собой единой композиции и гравированные рисунки хаотично сочетающихся прямых и зигзагообразных линий и образованных их пересечением отдельных ромбов. Такие рисунки встречаются на пластинках и обломках бивня и нескольких ребрах; для гравирования использовались не случайные ребра, а те, которые представляли собой орудия,— характер обработки концов и частичная выбранность спонгиоза в этих местах позволяют предположить использование их как рукояток (рис. *5*, *1*).

Маловероятно, что подобные гравированные изображения несли декоративную функцию,— против этого говорит их бессистемность, асимметричность в расположении на поверхности. Скорее всего их можно считать своего рода эскизом, «тренировкой», в которой пробовал руку древний мастер прежде чем смог тонко и точно прочертить на подготовленном материале линии задуманного орнаментального рисунка.

Анализ поделок, украшенных гравированным орнаментом, позволил выявить ряд устойчивых закономерностей в их орнаментации: 1) гравированный орнамент, представляющий собой композиционное целое, обнаружен только на стержневидных поделках и не встречен на других изделиях; 2) орнаментальное поле занимает всегда средний и верхний участки тонких стержней и никогда не распространяется на заостренный кончик; 3) орнаментальные композиции всегда ориентированы вдоль длинной оси изделия; 4) рисунки представляют собой варианты композиций,

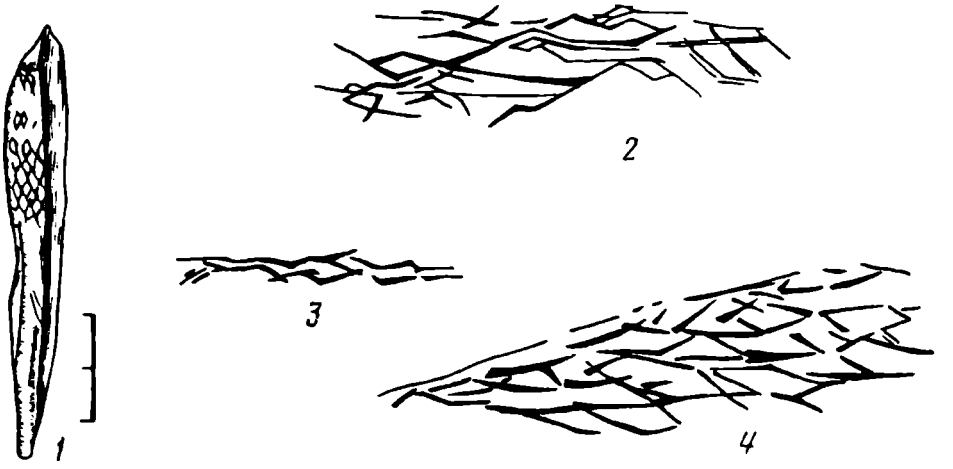


Рис. 6. Орнаментальные изображения на костяных поделках Юдиновской и Тимоновской стоянок: *1* — острие из Тимоновки (коллекция ГИМ — 147/3802); *2* — хаотичное изображение ромбической сетки Юдиново I; *3—4* — аналогичные изображения в Тимоновке [11, с. 275, рис. 9]

построенных из таких первичных элементов, как длинная прямая линия (долевое и диагональное расположение), короткая прямая линия, нарезка (изделия 1 и 11), длинная линия в виде зигзага, острые углы. Сочетание этих исходных элементов создавало основу для геометрического рисунка из ромбов.

Анализ изображений, отражающих различные стадии процесса гравирования и отличающихся разной степенью законченности, позволяет предположить несколько способов создания сложного рисунка ромбической сетки; эти способы одновременно могли и сочетаться друг с другом: создание ромбической сетки в результате пересечения под острым углом длинных прямых линий, прорезанных по диагонали; на основе прорезания поперечных рядов из острых углов и соединения рядов короткими прямыми линиями, прорезанными по диагонали; на основе соединения по диагонали короткими линиями параллельных зигзагов, идущих вдоль длинной оси изделия.

В качестве разметок могли использоваться и другие дополнительные линии.

Техника гравирования специально не изучалась. Прорезание длинных диагональных линий близко, видимо, по технике нанесению спирального орнамента, описанному А. К. Филипповым [6, с. 11].

В большинстве случаев рисунок прорезан орудием с острой режущей гранью, вероятно, острием; глубокие линии на многих поделках создают впечатление рифленой поверхности.

Еще ранее, на основе сопоставления нескольких орнаментированных предметов из Юдиново I, описанных В. Д. Будько, и изделий с орнаментом, найденных при раскопках палеолитической стоянки Тимоновка I (96 км севернее от Юдиново), Л. В. Греховой был сделан вывод о близком сходстве их орнамента [10]. Подтверждают этот вывод и новые находки в Юдиново I, описанные выше

Сравнительный детальный анализ, к сожалению, затруднен ввиду чрезвычайной фрагментарности коллекции костяных изделий из Тимоновки. Л. В. Грехова, подробно описавшая костяные изделия этой стоянки, выделяет в коллекции Тимоновки 23 орнаментированных предмета [10, с. 88]. Орнаментальные изображения встречены в основном на кусках и пластинках бивня и на ребрах в виде ромбической сетки. Стержневидные изделия представлены всего одним экземпляром плохой сохранности с незначительным орнаментированным участком (рис. 6, *1*). По-видимому, это обломок острия или его заготовки. Каких-либо поделок, украшенных единой законченной композицией, нет [3]. Орнаментальные

[3] Детальному изучению орнаментальных изображений Тимоновской стоянки посвящена одна из работ А. Маршака [11].

изображения на куске бивня размером 15,7 см [10, с. 85, рис. 1, *1*; 11, с. 273—274, рис. 3—6] также не образуют единой композиции.

Первичные элементы, входящие в основу рисунка ромбической сетки в Тимоновке, как и в Юдиново I, представляют собой различные комбинации длинной и короткой прямых линий, зигзагов, углов. При сравнении некоторых схематичных гравированных изображений из Юдиново и Тимоновки бросается в глаза поразительное сходство стилистической манеры исполнения (рис. 6, *2—4*). Невольно создается впечатление, что эти рисунки выполнены одной рукой.

Отсутствие же в коллекции Тимоновки сложных композиционных рисунков объясняется скорее всего плохой сохранностью в культурном слое памятника изделий из бивня.

Отличительной чертой искусства, представленного в материалах Юдиново и Тимоновки, является то обстоятельство, что геометрический орнамент оказывается здесь единственным видом изобразительной деятельности [4].

Достаточно близок ромбическому орнаменту Юдиновской и Тимоновской стоянок орнамент на роговых мотыгах в коллекции палеолитической стоянки Боршево II на Дону. Сравнивая орнамент Тимоновки и Боршево II, П. П. Борисковский писал о «большой близости орнаментальных мотивов, происходящих с обеих стоянок» [12, с. 51, 59].

Орнамент из ромбов в целом можно отнести к виду сетчатого орнамента, включающего в себя также и более простой рисунок косой сетки из перекрещивающихся линий, выделенный З. А. Абрамовой в сводной таблице различных групп элементов орнамента [13].

Аналогом развитому сетчатому орнаменту из Юдиново и Тимоновки является и сетчатый орнамент из шестигранников, хорошо известный по материалам стоянки Елисеевичи [2]. Орнамент в Елисеевичах нанесен в основном на крупные отщепы бивня, известные в археологической литературе как «чуринги». Любопытно, что в композиции из шестигранников геометрическая форма ячеек сетки соблюдается не всегда строго, в результате чего образуется неупорядоченное чередование шестигранников и ромбов. Отчетливее всего это видно на фрагменте бивня длиной 18,9 см [11, с. 288, рис. 34].

При детальном анализе геометрических рисунков на костяных поделках из Елисеевичей прослеживается определенное сходство в орнаментальных композициях из шестигранников и ромбов, выраженное в следующих чертах: распространение орнаментального рисунка в виде сетки; использование ромба как составной ячейки сетки (в композициях Елисеевичей ромб встречается наряду с шестигранником — см. выше); применение одного и того же способа связи элементов орнамента по принципу простого повторения; привязка орнаментального поля к длинной оси изделия. Все это позволяет предположить определенную связь между двумя орнаментальными мотивами. Возможно, что ромбический орнамент является более поздней в хронологическом отношении вариацией орнамента из шестигранников [5].

Привлекая для общих выводов анализ орнаментированных предметов из Юдиново I и Тимоновки, который позволяет констатировать не только общность орнаментального мотива, но и значительное сходство стилистической манеры в нанесении ромбической сетки, можно с большой долей вероятности предполагать не только синхронность этих двух памятников [6], но и говорить о близких контактах

---

[4] Интерпретация Л. В. Греховой группы штрихов на одном из обломков кости в коллекции Тимоновки как изображения оленя [10, с. 85, рис. 1, *10*], по мнению автора, далеко не бесспорна.

[5] Все три памятника входят в группу деснинских стоянок, отличающихся характерным обликом кремневого инвентаря. Согласно радиоуглеродным датировкам, Елисеевичи имеют более древний возраст, чем Юдиново и Тимоновка [14].

[6] Однокультурность этих памятников была установлена Л. В. Греховой на основе анализа кремневого и костяного инвентаря, показавшего почти полное совпадение комплексов как в процентном соотношении, так и в детальных характеристиках отдельных типов [10, с. 91; 15].

между их обитателями, включая возможность использования стоянок одной группой людей.

Чрезвычайно важен вопрос и о культурно-исторической связи Юдиновской и Тимоновской стоянок, с одной стороны, и Боршево II — с другой. Более определенные выводы могут быть сделаны на основе тщательного сравнительного анализа как орнаментированных изделий из кости, так и кремневого инвентаря [7].

Примечательно то, что и в эпоху раннего неолита среди стоянок деснинско-сожской группы был распространен ромбический тип орнаментации керамики [16; 17]. Несомненно, что возможность установления преемственности между орнаментами двух археологических эпох представляет собой большой интерес. Тем очевиднее становится важность привлечения палеолитического орнамента как потенциального источника для реконструкции сложных взаимосвязей внутри огромной ассоциации археологических культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова З. А.* Новые исследования стоянки Юдиново II//КСИА. 1988. Вып. 189.
2. *Поликарпович К. М.* Палеолит верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
3. *Будько В. Д.* Новое сооружение из костей мамонта в пункте Юдиново I//Докл. АН СССР. 1967. Т. XI. № 7.
4. *Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит северо-запада Русской Равнины//Природа и развитие первобытного общества. М.: Наука, 1969.
5. *Будько В. Д.* Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск: Наука и техника, 1969.
6. *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите//Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
7. *Заверняев Ф. М.* Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки//СА. 1981. № 4.
8. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР//САИ. 1962. Вып. А4-3.
9. *Chollot-Varagnac M.* Les origines du graphisme symbolique. Essai d'analyse des ecritures primitives en Préhistoire. Paris, 1980.
10. *Грехова Л. В.* Обработанная кость Тимоновской стоянки//Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
11. *Marshack A.* Upper Paleolithic Cymbol Systems of the Russian Plain: Cognitive and Comparative Analysis//Current Anthropology. 1979. V. 20. No. 2.
12. *Борисковский П. П.* Палеолитическая стоянка Боршево II//МИА. 1941. № 2.
13. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство//Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
14. *Куренкова Е. И.* Радиоуглеродная хронология и палеогеография позднепалеолитических стоянок Верхнего Приднепровья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
15. *Грехова Л. В.* Кремневые комплексы стоянок Тимоновка I и II и однокультурные памятники Деснинского бассейна//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
16. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР//МИА. 1973. № 172.
17. *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Подесенья//СА. 1985. № 2.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

[7] П. П. Борисковский пишет о значительном сходстве кремневого инвентаря Тимоновки и нижнего горизонта Боршево II, где и были обнаружены орнаментированные поделки [12, с. 59].

А. М. ЖУЛЬНИКОВ

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВОЙНАВОЛОК XXVII

Среди энеолитических памятников Карелии выделяется группа поселений с асбестовой керамикой сходной по ряду признаков с волосовской («классического» типа по Н. Н. Гуриной [1, с. 264]). В археологической литературе они характеризуются бедностью слоя, преобладанием кварцевых орудий, керамикой с примесью асбеста, орнаментированной простейшими узорами из отпечатков гребенчатого штампа [2, 3, с. 152]. Материалы раскопок поселения Войнаволок XXVII, представленные в данной статье, во многом расходятся с традиционным представлением о памятниках с асбестовой керамикой.

Поселение, открытое Г. А. Панкрушевым в 1962 г., расположено на северо-восточном берегу Повенецкого залива Онежского озера, в 3 км к северо-западу от пос. Повенец. Занимает участок древней береговой террасы высотой 8—8,5 м над уровнем озера (рис. 1). На современной поверхности памятника были отмечены три овальные впадины 4×6 м и глубиной до 0,5 м, расположенные в один ряд вдоль бровки древнего берега озера. Южнее находится заторфованная впадина (5×12 м и глубиной 0,8 м), вероятно, естественного происхождения. Площадь поселения ~ 1000 м². Раскоп 552 м² (в 1984 г.) охватил центральную часть поселения, включая все три впадины (рис. 1).

Вблизи впадин стратиграфия имеет следующий вид: 1 — дерн, подзол — 7—12 см; 2 — песок темно-желтого цвета с красноватыми включениями — 20—30 см; 3 — красноватый песок 5—10 см; 4 — светло-желтый материковый песок.

В ходе раскопок прослежены остатки трех жилищ-полуземлянок. Жилище 1 подпрямоугольной в плане формы (6×7,2 м) (рис. 2) углублено в материк на 0,3—0,4 м. Стенки жилища прослеживались в виде углистых полос шириной 20—30 см. В южной части жилища уголь не сохранился, стенка наблюдалась в виде линии, разделяющей черноватый песок заполнения жилища и желтый материковый песок. В углах зафиксированы крестообразные выступы темно-желтого, слегка черноватого песка, которые, по-видимому, являются следами от выступающих бревен сруба. К коротким сторонам жилища примыкали входы-коридоры длиной ~ 2 м, шириной 0,9 м. На дне входов прослеживалась прослойка ярко-красного песка мощностью 5—7 см. Уровень дна западного входа был на 25 см, а восточного на 10 см выше слоя пола, что предполагает наличие выступа-порога.

Слой пола рядом со стенками — ярко-красный с черноватым оттенком песок мощностью 5—12 см; в центре жилища он белесый, так как находился у поверхности и подвергся воздействию почвы. Этим объясняется и нечеткость контуров кострища (кострищ?), отмеченного в центре в виде красно-белесого пятна, в пределах которого найдено значительное скопление (~ 1000 экз.) лидитовых отщепов и чешуек.

Находки (фрагменты керамики, орудия из камня, отходы, куски меди) встречены в значительном количестве по всей площади пола, но наибольшая их концентрация отмечена у входов (рис. 2).

Среди многочисленных хозяйственных ям, выявленных после снятия слоя пола, выделяется группа ям в юго-восточном углу жилища. Одна из них имела подчетырехугольную в плане форму (100×130 см и глубиной 25 см), стенки ее

© А. М. Жульников, 1993 г.

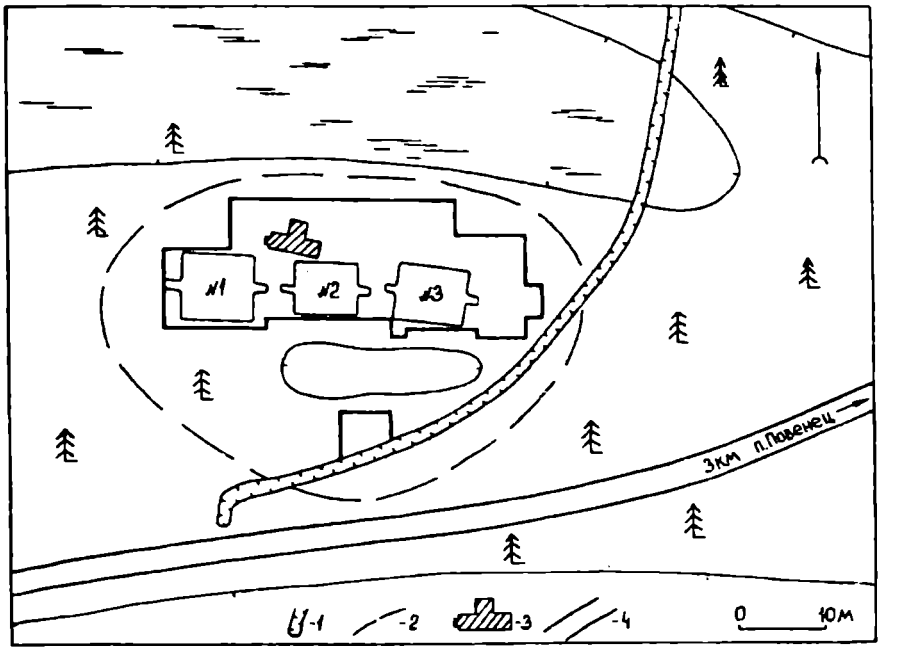


Рис. 1. План поселения Войнаволок XXVII. *1* — окоп времен войны; *2* — граница поселения; *3* — раскоп 1968 г.; *4* — дорога

в верхней части отвесные, ниже плавно переходят в понижающееся к центру дно. В заполнявшем яму углистом гумусированном песке найдены кальцинированные косточки, обломок янтарной пуговицы, отщепы, фрагменты керамики. Несколько небольших округлых в плане ямок глубиной до 30 см, расположенных западнее, сходны с ней по характеру заполнения и по находкам.

В северо-восточном углу жилища раскопана яма, по-видимому, предназначавшаяся для крупного сосуда. У ее дна на глубине 30 см от слоя пола найдены обломки донышка. Верхние части этого же сосуда обнаружены за пределами жилища к северу от входа.

К югу от западного входа расчищена еще одна яма подчетырехугольной формы (90×130 см, глубина 15 см). Стенки ямы отвесные, дно неровное. Найдены фрагменты керамики, отщепы, обломки шлифовальных плиток. Все остальные ямы в жилище не имели четких контуров, были неглубокими, заполнены красноватым песком с немногочисленными находками. Явных столбовых ямок не обнаружено.

Два других жилища отличались от центрального лишь некоторыми деталями. Жилище 2 (восточное) имело размеры 8,4×6,4 м; в нем не зафиксировано углистых полос вдоль стенок. Находок значительно меньше, чем в жилище 1, среди них почти нет отходов производства каменных орудий. В северо-восточном углу найдено шесть целых лидитовых наконечников копий и дротиков, в юго-западном расчищен развал сосуда. Мало находок вдоль южной стенки жилища. Жилище 3 (западное) выделялось почти квадратной в плане формой, по размерам оно наибольшее (8,4×7,6 м). Углистых полос вдоль стенок не отмечено, в углах есть выступы, но они не такие четкие, как в жилище 1. В центре находились остатки кострища (кострищ?), где обнаружены четыре небольших обгоревших камня. Там же, у северного края кострища, найдено скопление лидитовых отщепов. При разборке слоя пола у входов обнаружено два развала сосудов, здесь же концентрировалась большая часть других находок.

Рассматривая план поселения в целом, можно отметить, что жилища расположены по одной линии — запад-восток, по-видимому, параллельно древнему берегу Онежского озера.

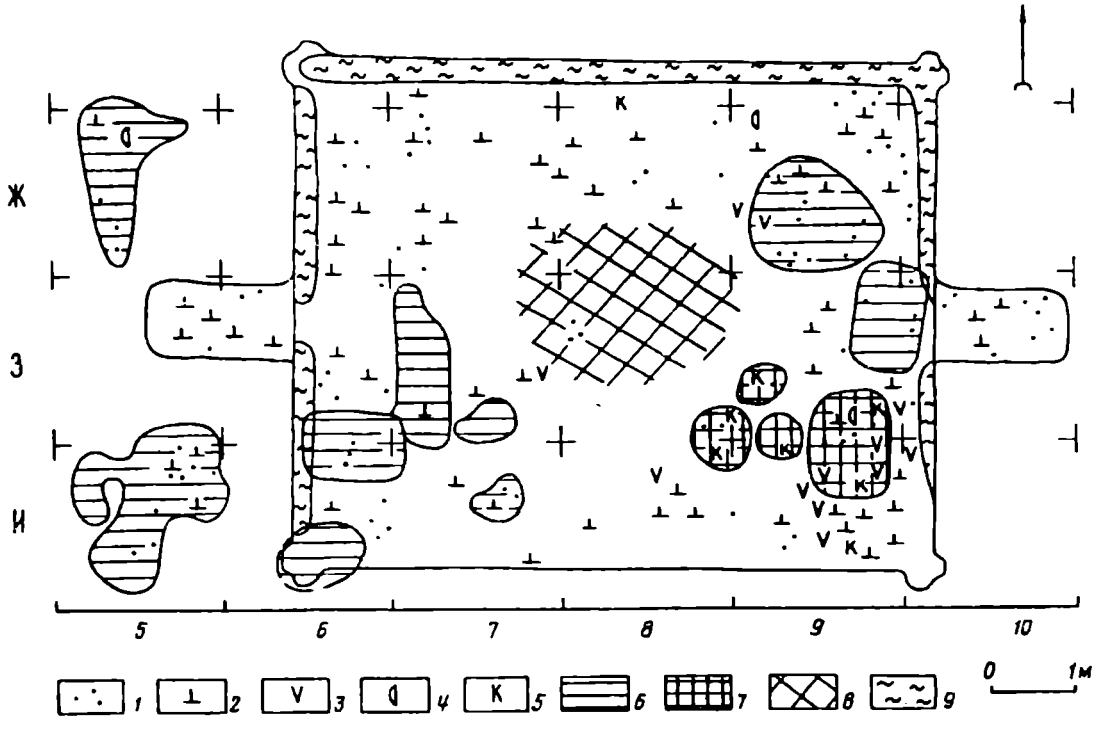


Рис. 2. План жилища 1. *1* — керамика; *2* — орудия из камня; *3* — куски меди; *4* — изделия из янтаря; *5* — кальцинированная кость; *6* — красноватый песок; *7* — углистый песок; *8* — кострищное пятно; *9* — уголь

Жилища, видимо, представляли собой долговременные срубные, углубленные на 0,5—0,6 м в землю сооружения. Срубный характер построек подтверждается крестообразными выступами в углах жилищ, отсутствием в них столбовых ямок, четкими, почти идеально прямыми линиями стенок, а также углистыми полосами, обнаруженными вдоль стенок жилища 1. В жилище вели два входа-коридора, примыкающие к коротким стенкам. Длинные стороны входов наблюдались в виде четкой ровной линии и явно были чем-то закреплены. Крыша, видимо, опиралась только на бревна сруба. В ее покрытии, вероятно, использовалась береста, обуглившиеся пластинки которой были найдены у дна, в песке, заполнившем котлован сгоревшего полуземляночного жилища 1. Изготовлением орудий занимались в основном в центре, у кострища. Наиболее интенсивно в хозяйственных целях использовались юго-восточные части жилищ. Именно здесь обнаружены сходные по характеру заполнения и находкам хозяйственные ямы. Возможно, в них хранили заготовленные продукты питания. В ряде ям округлой формы с котловидным дном, расположенных здесь же, стояли закопанные частично в землю сосуды.

В летнее время вся основная хозяйственная деятельность переводилась за пределы жилищ, когда наиболее активно использовалось пространство рядом с входами, где были обнаружены многочисленные находки, следы хозяйственных ям, кострищ.

На поселении Войнаволок XXVII обнаружено 9144 различных предмета, среди которых 1362 крупных и 1112 мелких фрагментов керамики, 6233 каменных предмета, 131 кусок асбеста, 250 кальцинированных косточек, 5 изделий из янтаря, 44 изделия и кусочка самородной меди.

Керамика представлена 38 сосудами, выделенными по индивидуальным отличиям верхней части. Они круглодонные, котловидной или полуяйцевидной, иногда слегка закрытой формы (рис. 3). Диаметр сосудов 6—62 см. Толщина стенок 0,3—0,7 см, но есть фрагменты до 1,2 см. Изготовлены лепным способом, хорошо прослеживается техника скрепления лент путем налепа встык. Обжиг

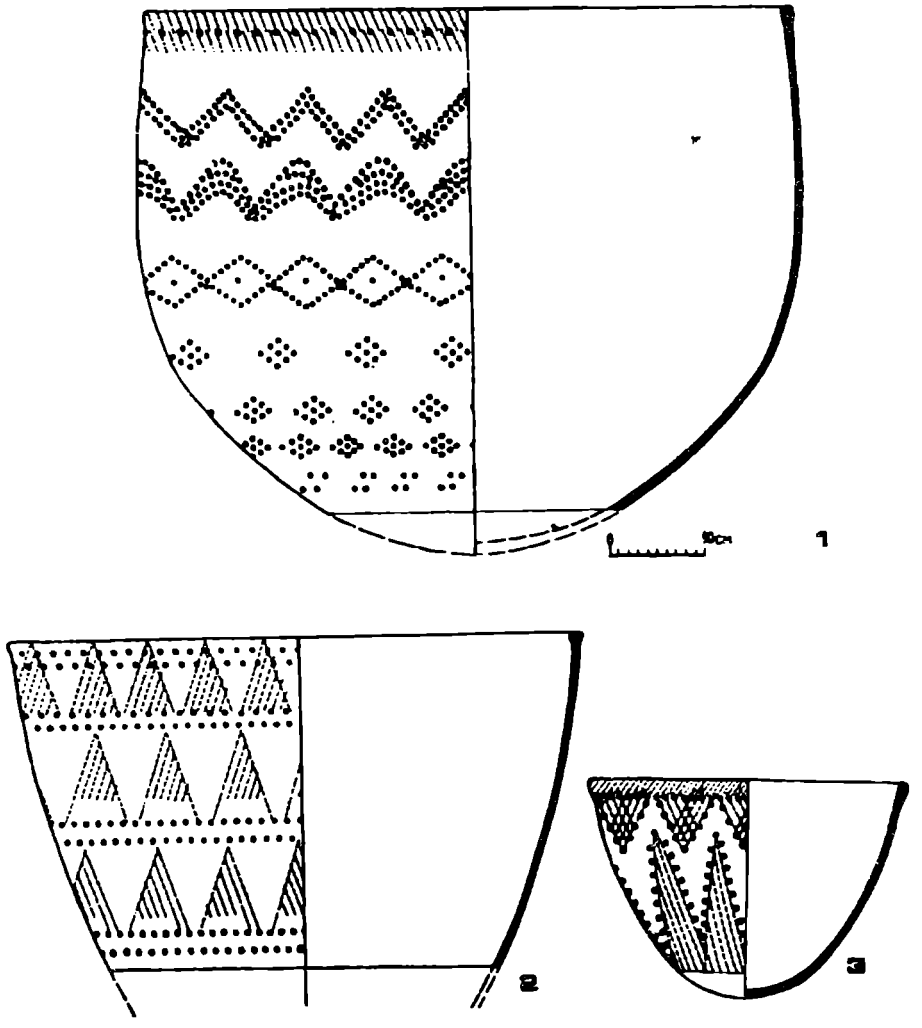


Рис. 3. Реконструкция сосудов

неравномерный, цвет черепков коричневый, серый и желто-красный. На внутренней поверхности имеются следы штриховки в виде расчесов. Сосуды больших размеров содержат значительную долю примеси крупных волокон асбеста, в небольших сосудиках асбест почти не заметен. В большинстве сосудов заметны следы выгоревших перьев и пуха. На расслоившихся фрагментах сохранились отдельные их отпечатки.

Венчики все прямые, различаются: округлые, у больших сосудов утолщенные (15 экз.); Г-образные (5 экз.); Т-образные (2 экз.); скошенные наружу (2 экз.) или внутрь (1 экз.); прямосрезанные (13 экз.). На верхней части одного из венчиков имеются налепы (рис. 4,*7*).

Венчики, кроме двух, орнаментированы по верхнему срезу в основном отпечатками гребенчатого штампа (34), а также ямками неправильной формы (2).

Сосуды, за исключением миниатюрного неукрашенного сосудика, орнаментированы разреженными узорами по всей поверхности. Основные элементы орнамента: отпечатки короткого и длинного гребенчатого штампа (74%), ямка-лунка (63%), отпечатки трубочки (6,8%), гладкого штампа (9%). Преобладают узоры, выполненные сочетанием двух, редко трех элементов.

Сосуды украшены в основном геометрическими узорами, состоящими преимущественно из горизонтальных зон треугольников, составленных отпечатками длинной гребенки, между которыми, как правило, находится горизонтальная полоса из ямок-лунок или отпечатков короткой гребенки (11 экз.) (рис. 3, *2*, *3*;

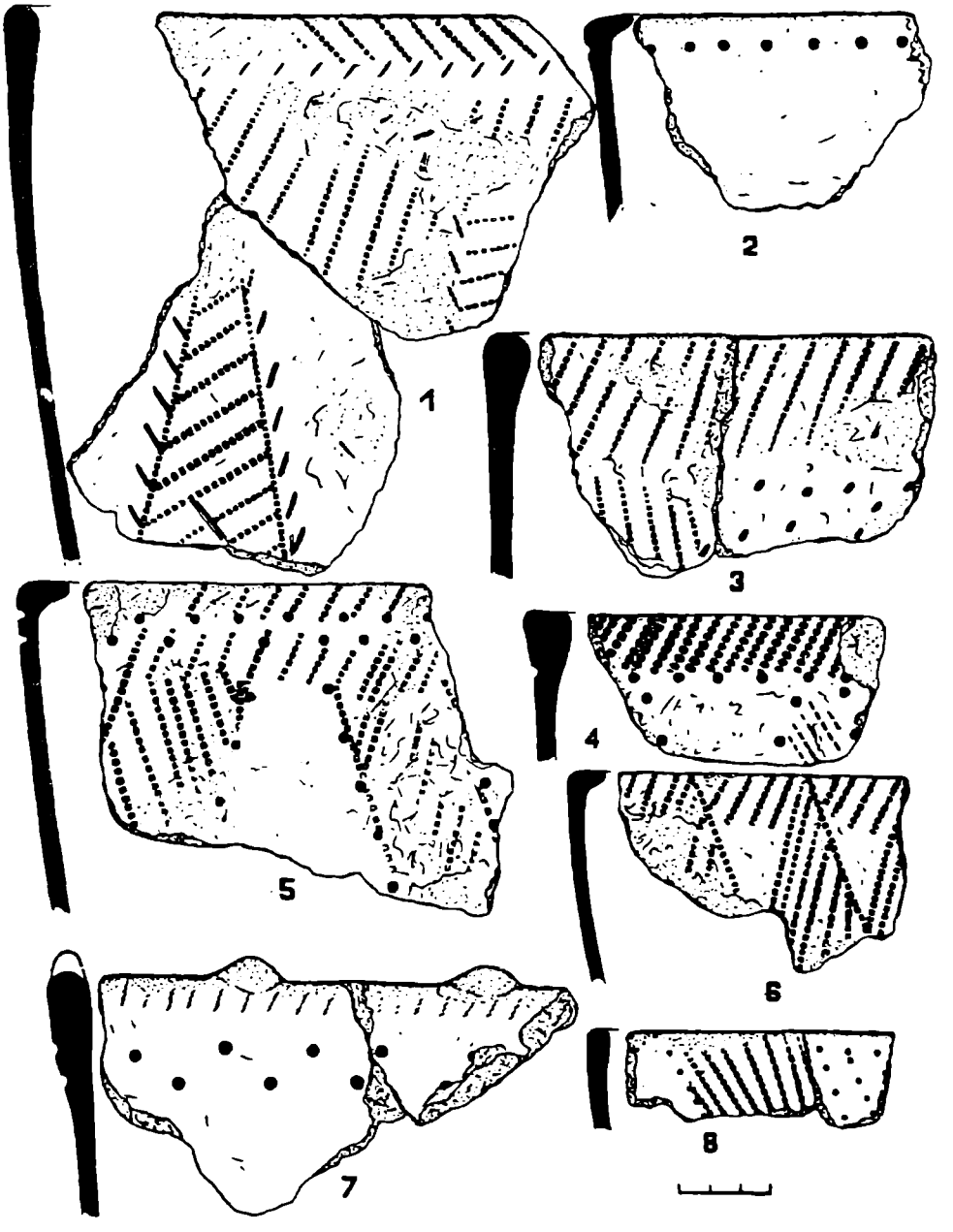


Рис. 4. Керамика поселения Войнаволок XXVII

4, *1*, *6*; 5, *1*, *2*, *7*). На других сосудах сочетания гребенки, ямки или трубочки образуют оконтуренные горизонтальные пояса зигзагов (7 экз.), часто в сочетании с треугольниками, которые в этом случае располагаются у венчика и направлены вершинами вниз (*5* экз.) (рис 4, *4*, *5*; 5, *4—6*, *8*, *9*). Среди узоров есть неоконтуренные горизонтальные зигзагообразные полосы (4 экз.), иногда сочетающиеся с поясами из подромбических фигур (1 экз.) (рис 3, *1*; 4, *7*). Один сосуд украшен в верхней части горизонтальным рядом из отпечатков наклонно поставленного гребенчатого штампа, ниже расположена зона из ямок-лунок, расставленных в шахматном порядке у восьми сосудов узоры полностью не реконструируются (рис. 4, *2*, *3*; 5, *3*).

В коллекции есть также пять фрагментов обкатанной керамики без примеси асбеста, орнаментированных гребенкой, ямками круглой и ромбической формы. По-видимому, на поселении присутствуют следы более ранней стоянки (стоянок?), размытой во время трансгрессий Онежского озера.

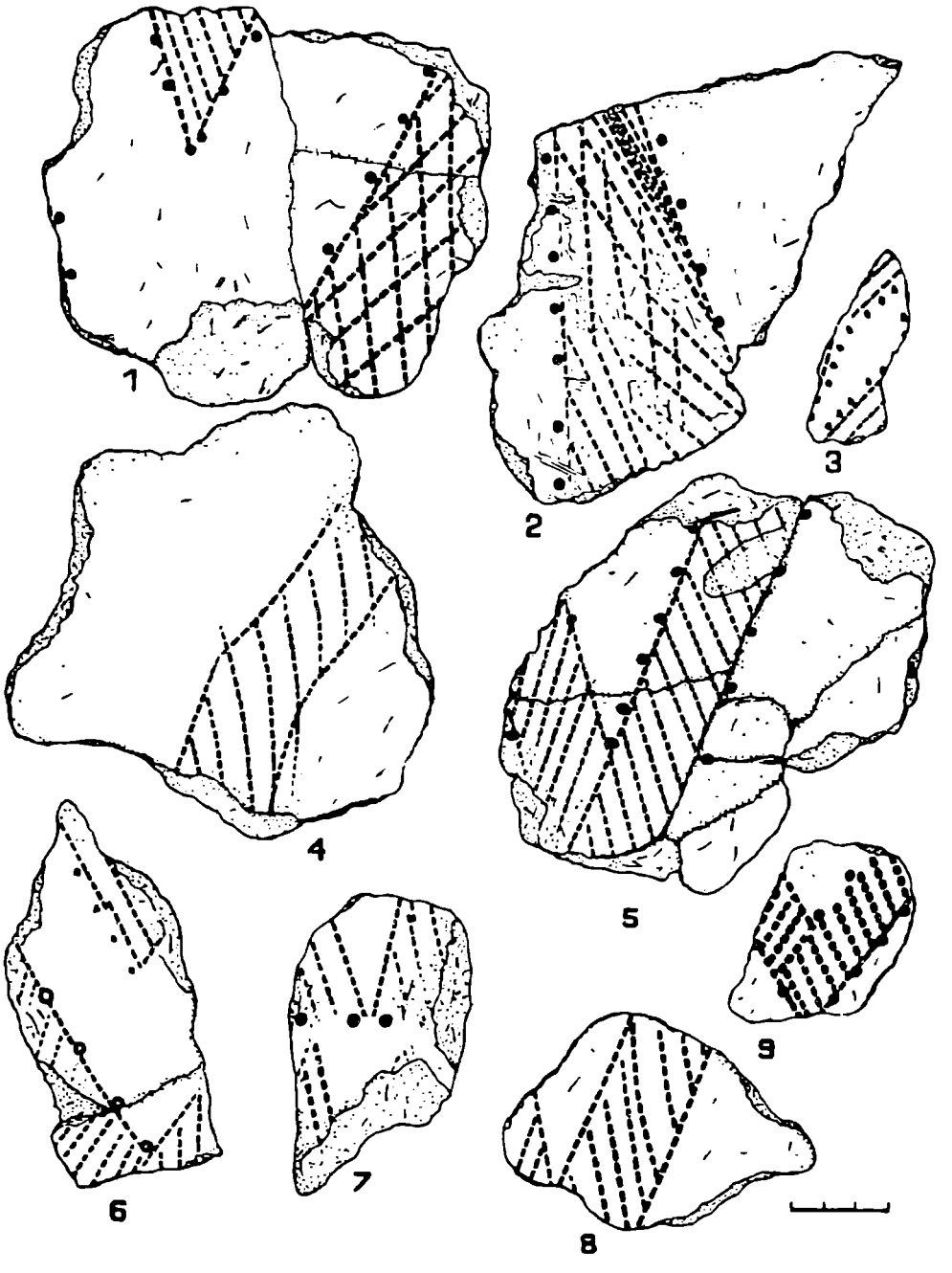


Рис. 5. Керамика поселения Войнаволок XXVII

Керамика, обладающая по всем признакам высокой степенью сходства с обнаруженной на Войнаволок XXVII, выделена нами на 10 поселениях с разновременными комплексами, расположенных в Южной Карелии. По форме сосудов, сочетаемости элементов орнамента и особенно узорам она сопоставима прежде всего с поздненеолитическими — раннеэнеолическими гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой Карелии и Финляндии. Но ни у той ни у другой разновидности геометрические узоры не получают такого распространения. В технике изготовления сосудов поселения Войнаволок XXVII хорошо заметен постепенный отход от неолитических традиций. Так, практически отсутствуют венчики, скошенные внутрь, которые преобладают в гребенчато-ямочной [4] и часто встречаются в ромбоямочной керамике [1, с. 280, 5]. Небрежность в нанесении узора, его разреженность, нерегулярность, переход к новым примесям

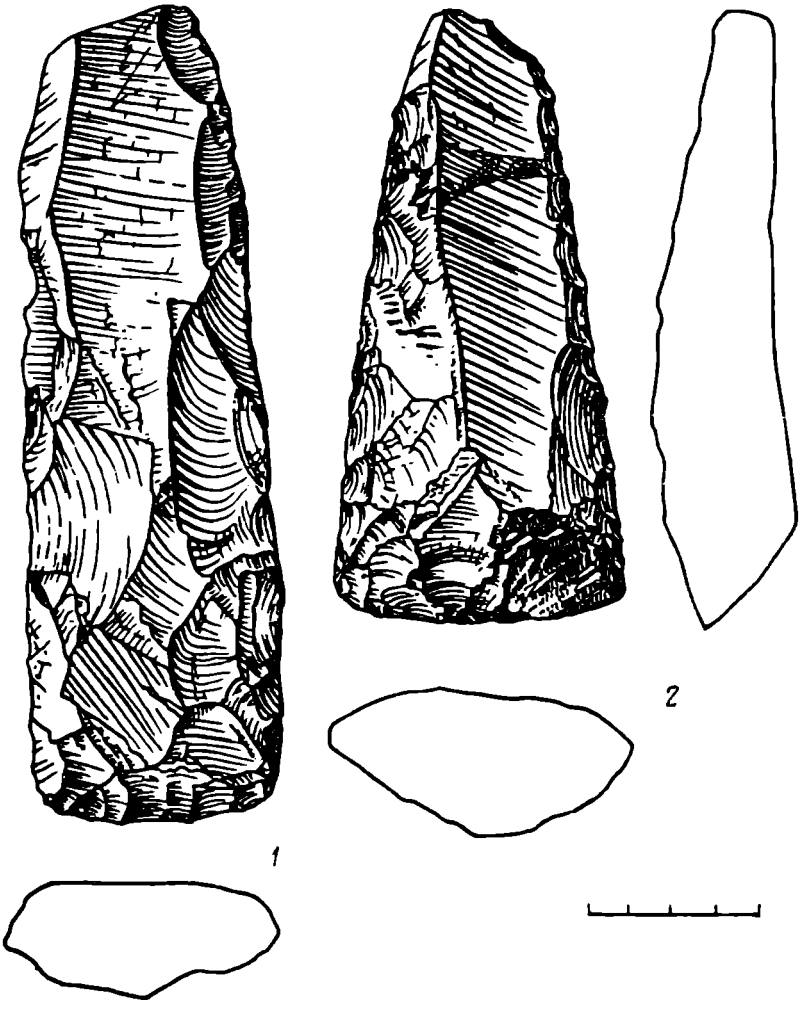


Рис. 6. Заготовки рубящих орудий из сланца

также указывают на то, что эта керамика несколько более поздняя, чем гребенчато-ямочная и ромбоямочная. На мысе Войнаволок она залегает ниже всех известных здесь поселений с ромбоямочной керамикой, а это в условиях северо-восточного побережья Онежского озера является хронологическим показателем [6] и дополнительно свидетельствует о ее более позднем характере.

В то же время комплексы с керамикой типа Войнаволок XXVII среди всех других разновидностей керамики с асбестовой и органической примесью выглядят наиболее ранними. Она среди них единственная, которая обладает определенными чертами сходства с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой и генетически, по-видимому, связана именно с нею. Типологическое ее обособление, вероятно, во многом связано с освоением новых примесей (асбест, органика), быстро изменивших форму ямок и резко уменьшивших возможность украшения ими сосудов [1, с. 50; 7, с. 130], но сохранились основные виды узоров, характерные для поздненеолитической — раннеэнеолитической керамики Карелии. Комплексы с керамикой типа Войнаволок XXVII по примесям, форме сосудов, типам венчиков, разреженности орнамента, некоторым узорам сближаются с ранней асбестовой керамикой с волосовскими чертами (типа Тунгуды III, Войнаволока XXIV) и могут быть выделены в отдельную группу, являющуюся связующим, промежуточным звеном между гребенчато-ямочной, ромбоямочной керамикой и асбестовой керамикой с волосовскими чертами.

Высокая степень сходства между даже достаточно территориально удаленными

Таблица 1

Состав каменного инвентаря поселения Войнаволок XXVII

№ п.п.	Каменный инвентарь	Кремень	Лидит	Сланец	Кварц	Кварцит, песчаник	Шифер	Всего
1	Скребки	73	17	6	3	—	—	99
2	Скребла	1	5	4	—	—	—	10
3	Скобели	6	7	—	—	—	—	13
4	Наконечники и их обломки	29	39	—	—	—	1	69
5	Заготовки наконечников	5	47	—	—	—	—	52
6	Рубящие орудия и их обломки	—	—	78	—	—	—	78
7	Заготовки рубящих орудий	—	—	42	—	—	—	42
8	Сверла	4	2	—	—	1	—	7
9	Проколки	8	7	1	—	—	—	16
10	Ножи	—	8	—	—	—	—	8
11	Обломки пил	—	—	—	—	4	—	4
12	Резцы	4	—	—	1	—	—	5
13	Штампы	—	—	—	—	4	—	4
14	Фигурные кремни	2	—	—	—	—	—	2
15	«Утюжки»	—	—	—	—	3	—	3
16	Грузило	—	—	—	—	1	—	1
17	Камень с проточкой	—	—	—	—	1	—	1
18	Точильные бруски и их обломки	—	—	—	—	4	—	4
19	Обломки шлифовальных плит	—	—	—	—	361	—	361
20	Отбойник	—	—	—	—	1	—	1
21	Отщепы с ретушью	32	35	2	2	—	—	69
22	Нуклевидные куски	3	—	—	—	—	—	5
23	Пластины неретушированные	3	—	—	—	—	—	3
24	Неретушированные отщепы	592	4256	467	45	—	—	5360

комплексами с керамикой типа Войнаволок XXVII предполагает какую-то общность в исходной базе и требует специального изучения.

Несомненный интерес представляют многочисленные изделия и куски самородной меди (44 экз.), обнаруженные довольно равномерно по всей площади раскопа. Из них 6 предметов являются недеформированными дендритами самородной гидротермальной меди, 33 предмета имеют следы холодной ковки или расплющивания, 5 сплюснуты до пластин [1]. Таким образом, как и на поселениях с ромбоямочной керамикой Карелии, здесь применялась холодная ковка самородной меди [8, 9], и принадлежность этого памятника к эпохе энеолита не вызывает сомнения.

Найдены два целых и три обломка изделий из янтаря: подвеска с отверстием асимметричной формы, обломок подвески, одна целая и два обломка округлых пуговиц диаметром от 1 до 2 см с V-образным сверлением.

Среди 6217 различных каменных предметов (табл. 1) преобладают лидитовые (71%). Лидит — порода камня, сходная по структуре с кремнем, почти равная по твердости, но из-за большей по размерам зернистости несколько хуже обрабатывается. Месторождения лидита находятся в 40—50 км от места поселения, на противоположном берегу Повенецкого залива Онежского озера. Обилие на поселении отщепов, чешуек из лидита свидетельствует об изготовлении орудий на месте. Широко применялся также кремень, сланец, кварцит. Орудий же из

[1] Анализ проведен Э. Л. Чистяковой (Врублевской).

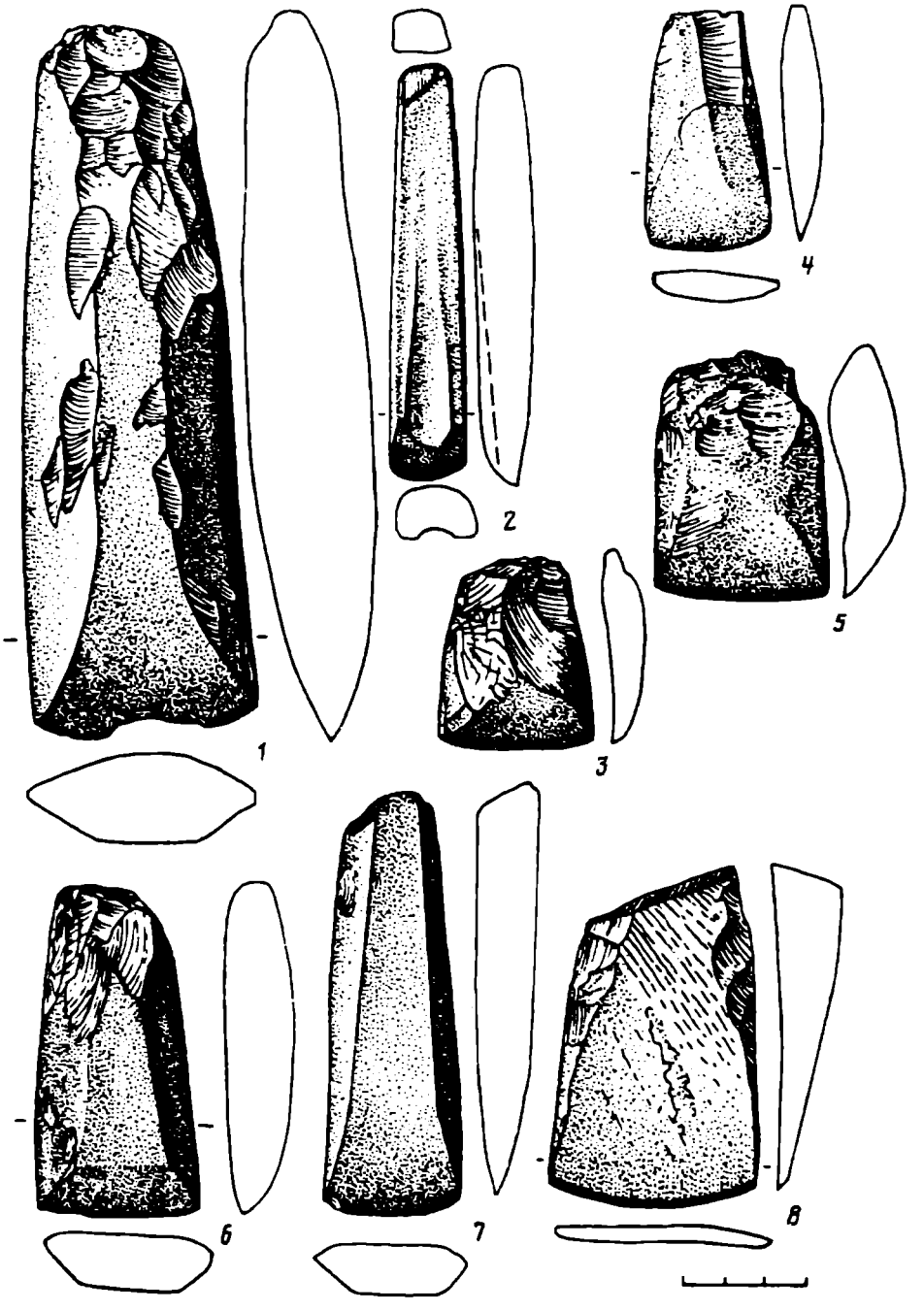


Рис. 7. Рубящие орудия из сланца. *1* — топор; *2* — долото; *3, 5, 8* — крумейсели; *4* — стамеска; *6, 7* — тесла

кварца найдено всего 4 экз., что не характерно для этого района Карелии и отмечено здесь только на ряде поселений с асбестовой керамикой с волосовскими чертами. Многочисленны на поселении сланцевые рубящие орудия (120 экз.), из них 42 заготовки, которые не имеют следов пиления и изготовлены продольными пластинчатыми сколами с подправкой по краям (рис. 6). Но сланцевых отщепов при раскопках найдено сравнительно немного, в отличие от шлифовальных плиток и их обломков (380 экз.). По сведениям А. Я. Брюсова, эта особенность характерна для долговременных поселений в Карелии, тогда как на временных стоянках первичные сколы представлены очень широко [10, с. 105].

По-видимому, изготовление заготовок рубящих орудий население, оставившее памятники типа Войнаволок XXVII, вело в основном в местах выхода сланца,

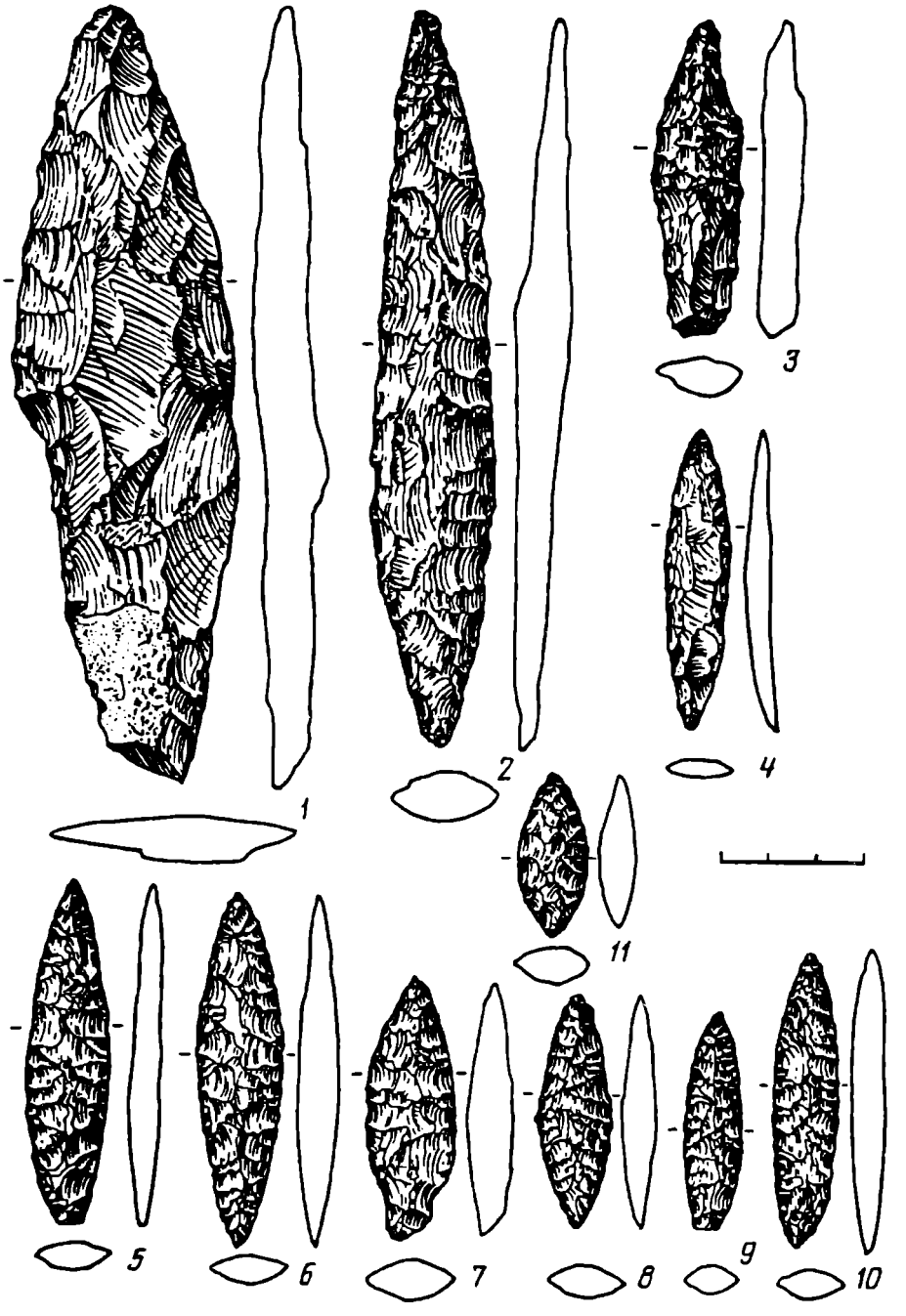


Рис. 8. *1*, *2*, *4* — наконечники (лидит); *3* — проколка (лидит); *5*—*11* — наконечники (кремень)

а их дальнейшая шлифовка и полировка проводились уже на постоянных поселениях, но не исключена также возможность получения заготовок путем обмена.

Найдено 10 целых тесел и пять обломков их лезвий. Преобладают полностью зашлифованные и отполированные тесла так называемого русско-карельского типа — трапециевидные в сечении, со слегка округлым в плане рабочим краем (рис. 7, *7*), у двух тесел с прямым рабочим краем (рис. 7, *6*) обушная часть имеет три грани. Три округлые в сечении тесла имеют слабо зашлифованную поверхность, лучше обработано их лезвие.

Стамески (11 экз.) зашлифованы менее тщательно, чем тесла, подпрямоугольные в сечении, с прямым или слегка закругленным в плане лезвием (рис. 7, *4*).

Топоры (три целых, три обломка лезвий) все с округлым в плане рабочим

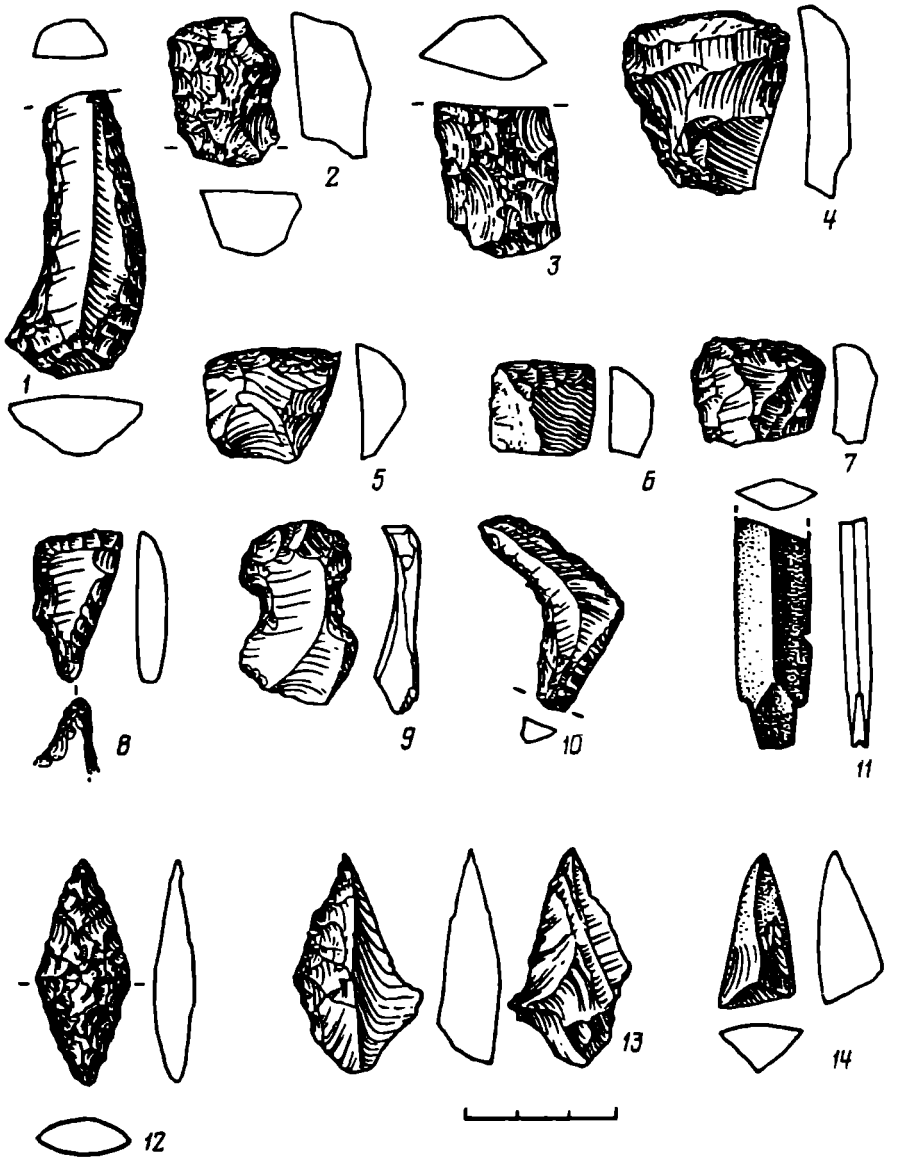


Рис. 9. *1, 3* — скребковидные орудия (кремень); *2, 4—7* — скребки, (кремень); *8, 13* — проколки (кремень); *9, 10* — фигурные кремни; *11* — обломок наконечника (шифер); *12* — наконечник (кремень); *14* — проколка (сланец)

краем, полностью зашлифованы, за исключением одного крупного топора (30×6 см), у которого подобная обработка имеется только на лезвии, четыре топора с округлым сечением, один с подтрапециевидным (рис. 7, *1*).

Обнаружено три целых и три обломка желобчатых долот. Одно крупное долото имело глубокий желобок, шероховатую разрушенную поверхность. Остальные долота тщательно зашлифованы по всей поверхности, неглубокий желобок не доходит до лезвия (рис. 7, *2*) и, возможно, не имеет функционального значения, но, вероятно, такое лезвие могло образоваться уже при подправке сработанных в работе желобчатых долот.

34 обломка средних и обушных частей крупных рубящих орудий не поддаются определению.

Большой интерес представляют найденные на поселении когтевидные долота-круммейсели (6 экз.) (рис. 7, *3*, *5*, *8*). Они все подпрямоугольной в плане формы, слегка суженной, за исключением одного, к обушной части; имеют слабо выраженный желобок вдоль рабочего края.

Наконечников стрел, дротиков, копий — 121 экз., из них 40 целых, 29

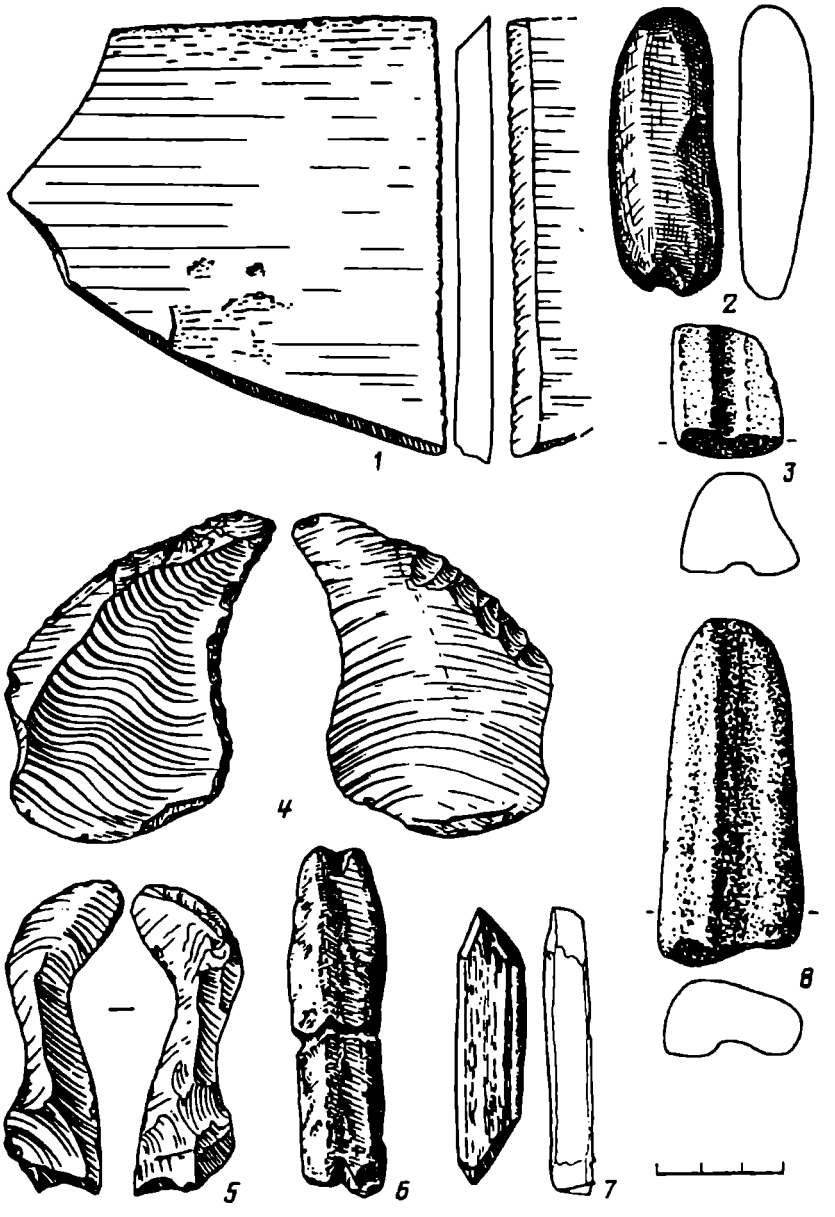


Рис. 10. *1* — штамп; *2* — галька с проточкой; *3*, *8* — «утюжки» (песчаник); *4*, *5* — ножи (лидит); *6* — грузило; *7* — кусок асбеста с обработкой

обломков, 52 заготовки. Основным типом являются наконечники листовидной формы различных пропорций (рис. 8, *4*, *6*, *8*, *10*, *11*), расширенная часть иногда смещена к основанию (рис. 8, *2*). Имеются также листовидные ромбические стрелы (рис. 9, *12*) с необработанным ретушью основанием (рис. 8, *5*, *9*); кремневый наконечник стрелы с черешком (рис. 8, *7*); обломок шиферного наконечника стрелы, ромбовидного в сечении, с шипами (рис. 9, *11*).

Среди скребущих и режущих орудий преобладают скребки (99 экз.), выделяются: треугольные в плане, как правило, с закругленным рабочим краем и иногда отретушированными сторонами (рис. 9, *4*, *5*); подпрямоугольные с прямым или слегка округлым в плане рабочим краем (рис. 9, *6*, *7*); изготовленные на удлиненных отщепах, с рабочим краем на длинных сторонах (рис. 9, *1*); на отщепах неправильной формы.

Скобели (13 экз.) сделаны на отщепах, их ретушированные выемки колеблются от 0,5 до 4 см в диаметре.

Проколки (16 экз.) и сверла (7 экз.) изготовлены на отщепах или других,

сломанных орудиях; длина заостренных концов от 0,5 до 3 см (рис. 8, *3*; 9, *8*, *13*). Сечение в основном треугольное. Выделяется проколка (?) из сланца, треугольная в сечении, обработанная шлифовкой по всем граням (рис. 9, *14*).

Ножи (8 экз.) изготовлены из лидита на удлиненных отщепах неправильной формы, в основном с односторонней ретушью вдоль рабочего края. Есть экземпляр, имеющий форму углового ножа (рис. 10, *5*), и нож-скребок на широком отщепе (рис. 10, *4*).

В коллекции имеется три гребенчатых штампа, изготовленных из обломков пил, а также штамп на толстой (0,7 см) плитке с небольшими надпилами на одной из длинных сторон (рис. 10, *1*). Противолежащая сторона заострена и использовалась, вероятно, для нанесения ямок. На поселении найдено два фигурных кремня. Один из них лунарной формы (рис. 9, *10*), второй с двумя скребковидными и двумя скоблевидными краями (рис. 9, *9*) и может быть отнесен также и к комбинированным орудиям.

«Утюжки» (3 экз., по-видимому, для заглаживания древков стрел) изготовлены из крупнозернистого песчаника, имеют продольный желобок ~0,5 см в диаметре (рис. 10, *3*, *8*).

Встречено три точильных бруска подчетырехугольной в сечении формы со следами работы на всех сторонах и одна точильная плитка неправильной формы с канавками на одной из сторон от заточки остроконечных предметов.

При раскопках найдена галька со сточенными гранями и проточкой на одном конце (рис. 10, *2*), кусок асбеста со следами обточки (рис. 10, *7*). Назначение их неясно.

Рассмотренный состав каменного инвентаря довольно близок к обнаруженному на поселениях Карелии с ромбоямочной керамикой и асбестовой керамикой с волосовскими чертами. Некоторые незначительные различия, по-видимому, преимущественно хронологического порядка. Так, для поселений с ромбоямочной керамикой характерна немногочисленность изделий из камня по сравнению с керамикой, значительна доля орудий из кварца, не отмечено фигурных кремней, шиферных (сланцевых) ромбических в сечении наконечников [1, 5, 11]. На поселениях же с асбестовой керамикой с волосовскими чертами уже появляются листовидные наконечники с прямым и вогнутым основанием, а желобчатые долота и круммейсели единичны. Последние видоизменяются и приобретают форму узких стамесок.

Но в целом круг аналогий каменному инвентарю и украшениям с поселения Войнаволок XXVII гораздо более широк; то же можно сказать и об их хронологическом диапазоне. Поэтому остановимся на орудиях, имеющих наиболее ограниченный ареал (шиферные (сланцевые) наконечники, круммейсели).

Сочетание шиферных ромбических в сечении наконечников с шипами и без шипов и круммейселей, а также листовидных наконечников из кремня, янтарных украшений известно на поселениях типа Киэрикки в Финляндии [12], датируемых на основании высотных данных и типологического анализа материалов первой половиной III — началом II тыс. до н. э. [12, 13]. Но орнаментация керамики этого поселения довольно существенно отличается (она сходна с орнаментацией ранней асбестовой керамики с волосовскими чертами с поселений Карелии), хотя в обоих случаях в качестве примеси использовался асбест, наблюдается сходство в формах венчиков. Хронологически это, вероятно, близкие памятники.

Сочетание шиферных наконечников, круммейселей и янтарных украшений известно на стоянке Модлона II в Вологодской обл. и, по мнению С. В. Ошибкиной, соотносится с керамикой с асбестовой и органической примесью [14, с. 128]. Керамику верхнего слоя Модлоны характеризует ряд общих черт с керамикой типа Войнаволок XXVII: — применение двух примесей для приготовления теста сосудов (асбест и органика), сочетание нескольких элементов при орнаментации, геометрические узоры и др. В качестве аналогии керамике Модлоны II приводится асбестовая керамика стоянки Лахта III в Южной Карелии [14, с. 127]., отнесенная нами к типу Войнаволок XXVII. Таким образом, результаты раскопок поселения

Войнаволок XXVII подтверждают гипотезу С. В. Ошибкиной о том, что в формировании верхнего слоя Модлоны (Модлона II) приняло участие население с территории западнее Онежского озера [14, с. 129].

Две близкие даты, полученные по ^{14}C для угля, собранного в углистых полосах вдоль стенок жилища 1 (4410 ±50 (ТА-1748); 4280±80 (ТА-1726), с учетом анализа материалов и имеющихся параллелей дают возможность датировать поселение Войнаволок XXVII началом второй половины III тыс. до н. э.

Переходный характер материалов этого поселения позволяет использовать их для решения вопроса о смене культур в позднеэолитическое — энеолитическое время в лесной полосе Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР/МИА. 1961. № 87.
2. *Журавлев А. П.* Два поселения с асбестовой керамикой в Пегреме//СА. 1988. № 2.
3. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
4. *Витенкова И. Ф.* Поселение Лакшозеро II с чистым комплексом гребенчато-ямочной керамики//Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
5. *Журавлев А. П.* Илекса I//Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
6. *Панкрушев Г. А.* Формирование берегов Онежского озера в голоцене (по археологическим данным)//Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
7. *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера//МИА. 1951. № 20.
8. *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л.* Ранний этап металлообработки в Карелии//СА. 1978. № 1.
9. *Журавлев А. П., Девятова Э. И., Врублевская Э. Л.* Медные изделия Залавруги IV//СА. 1981. № 4.
10. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
11. Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района//Археологический сб. Петразаводск, 1947.
12. *Siiriainen A.* Yli-ien Kierikki Asbestikeraaminen asuinpaikka Pohjois — Pohjanmaalla//SM. 1967
13. *Carpelan C.* Om asbestkeramikers historia i Fennoshandien//FM. 1978. № 85.
14. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Институт археологии РАН,
Москва

A. M. ZHULNIKOV

THE CHALCOLITHIC SETTLEMENT OF VOINAVOLOK XXVII

Summary

The Chalcolithic settlement of Voinavolok XXVII is situated on the north-eastern bank of the Onega lake. Three semisubterrainean dwellings were excavated as well as a number of potsherds, stone tools, fragments of native copper and copper artefacts, amber ornaments. The pottery seems to be a certain link between the comb-pit (with rhombic pits) and asbest Volosovo-type pottery of Karelia. According to C14 datings it is dated to ca. mid 3rd millenium B. C. The transitional character of the materials is of importance for solving the question of cultural shift during the Late Neolithic and the Chalcolithic in the forest zone of European Russia.

И. В. ГАВРИЛОВА

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА — БРОНЗЫ НА Р. ШАЧЕ В КОСТРОМСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Исследования поселения на р. Шаче интересны тем, что находки здесь типичной волосовской керамики уточняют северо-восточную границу распространения волосовских древностей, а также наличием остатков меднолитейного производства.

Поселение находится в Сусанинском р-не Костромской обл. близ д. Фоминцино, на правом берегу р. Шачи — левого притока Костромы и занимает западную половину небольшого возвышения, поднятого на 0,5—0,7 м над окружающей его низкой поймой. Возвышение слегка вытянуто в направлении запад — восток. от современного берега реки удалено на 250—300 м, от высокого коренного берега — на 1—1,5 км. На расстоянии 50—70 м на юго-восток — восток от него протекает ручей, впадающий в Шачу, с севера подступает заболоченный лес.

Как и на большинстве памятников этого района, культурный слой лежит неглубоко — 15—25 см, сразу под дерново-почвенным горизонтом, отличается черным цветом, интенсивно насыщен находками разного времени, толщина его 20—38 см, ниже — желтая супесь или суглинок.

Несмотря на сравнительно небольшую вскрытую площадь (24 м^2) здесь зафиксированы три очажных пятна и три скопления керамики, из которых два содержали обломки волосовских сосудов, одно принадлежало сосудам с «текстильным» орнаментом и находилось в заполнении очажного пятна, определяя тем самым его дату. Другой очаг датировать не представляется возможным, а третий, по-видимому, связан с металлообработкой и поэтому заслуживает особого внимания. Он имел округлые очертания диаметром 40 см, его верхняя граница фиксировалась на глубине 25 см от современной поверхности, в подстилающий горизонт углублялся на 8—10 см. Вокруг очага культурный слой носил следы сильного обжига, образуя в свою очередь пятно расплывчатых очертаний диаметром 2,5—3 м. В пределах этого большого пятна почва местами имела красноватый оттенок, встречались угольки, на разной глубине найдены бесформенные куски обожженной глины (обмазка?), обломки льячек или тиглей, возможно, обломок открытой формы для отливки заготовок, выплеск меди и медное острие (рис. 1, *1—8*).

Обломки тигельков или льячек отличаются массивностью. Толщина их донышек иногда более 2,5 см, высота бортика 2,5—3 см, он поднимается не круто, на наружной стороне большинства донышек — неширокие бороздки. Судя по частично реставрированному сосудику, целые изделия имели форму чаши с короткой ручкой. Внутренний диаметр его не менее 8 см, длина ручки 6 см, она сужается и утоншается к концу, слегка выгнута кверху. Обломки формы (или форм) тоньше — 1,5—1,8 см, бортик ниже — 0,7—1,3 см, внутренняя поверхность тщательно заглажена, на некоторых обломках сохранился сглаженный угол. Скорее всего такие формы служили для изготовления пластины-заготовки, которая подлежала дальнейший обработке.

Выплеск меди имеет неправильную S-видную форму, его длина 2,9, толщина 0,3—0,4 см. У медного стерженька длиной 6, диаметром 0,4 см один конец плавно сточен с двух сторон, другой — очень острый, предназначался, видимо, для крепления в рукояти.

© И. В. Гаврилова, 1993 г.

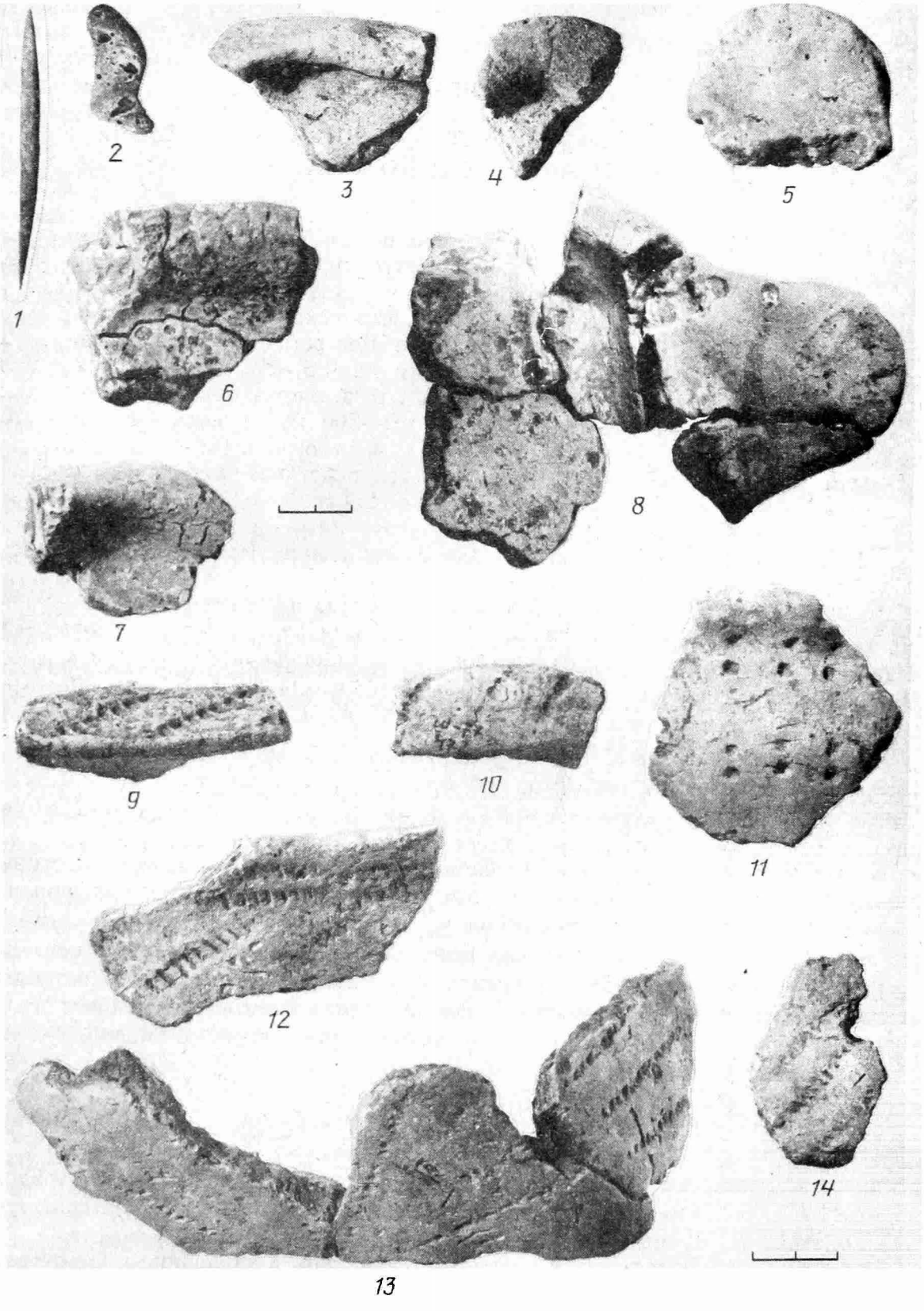


Рис. 1. Находки из меднолитейной мастерской и волосовская керамика с поселения на р. Шаче: ***1*** **— медное острие;** ***2*** **— выплеск меди;** ***3, 4*** **— обломки формы;** ***5—8*** **— обломки тиглей или льячек;** ***9—14*** **— обломки сосудов**

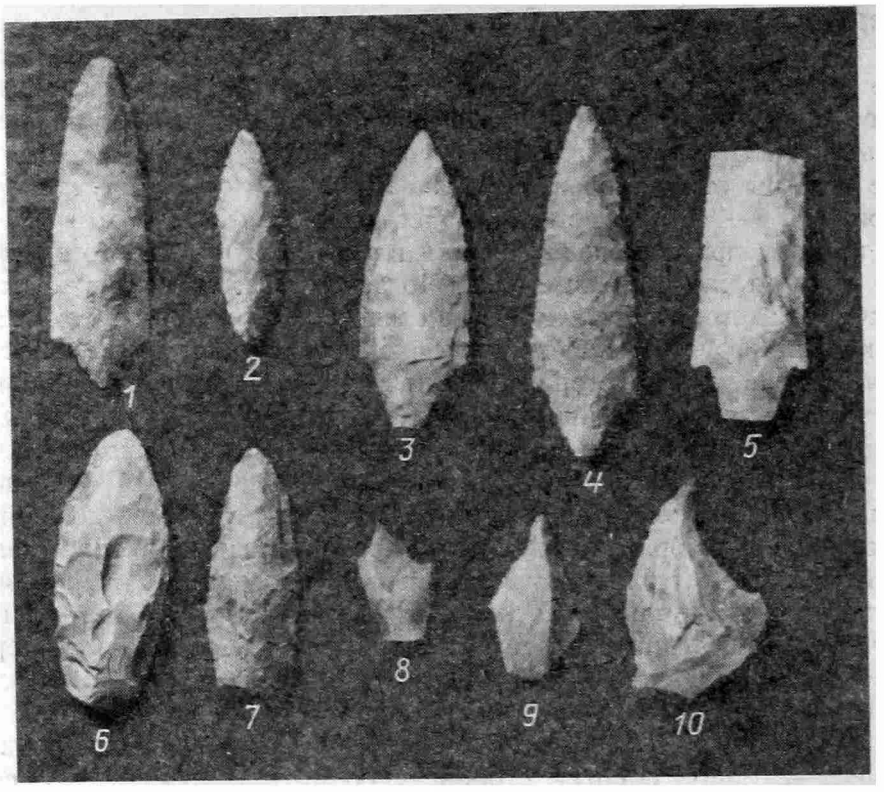


Рис. 2. Кремневые изделия с поселения на р. Шаче: *1—7* — наконечники стрел; их обломки, заготовки; *8—10* — проколки

Сказанное выше служит доказательством плавильного производства, а находка медного изделия свидетельствует о том, что здесь же производилась и готовая продукция.

Для выявления связи металлообрабатывающего комплекса с добытым здесь материалом обратимся к рассмотрению последнего, включающего несколько костяных предметов, каменный инвентарь и керамику, общей численностью 1181 экз. (рис. 1, *9—14;* 2, *1—10;* 3, *1—18;* 4, *1—11).*

Костяной инвентарь маловыразителен. Целые изделия представлены единственным кочедыком, конец которого обломан и превращен в орудие для расширения отверстий. Помимо него имеется обломок, предназначение которого не ясно, — его можно рассматривать как насад гарпуна с выступами-«крылышками» для крепления бичевы, но резкая заостренность и короткое расстояние от острия до «крылышек», возможно, указывает на его принадлежность к наконечнику стрелы с шипами. Остальные находки включают обломки рога и кости со следами пиления и последующим сломом. Нужно отметить, что пиление всегда направлено перпендикулярно длинной оси кости, оно достаточно глубокое, поэтому слом тонкий.

Сырьем для каменного инвентаря служил валунный кремень различного цвета, невысокого качества, изредка использовались сланец и кварцит. За исключением нескольких орудий микролитического облика все прочие изготовлены из отщепов. О том, что отщеп использовался в качестве заготовки, свидетельствуют готовые изделия, нуклеусы и их обломки, а также отходы производства.

Расчленить хронологически каменный инвентарь в смешанном культурном слое весьма трудно, тем не менее можно заметить, что основные категории орудий укладываются в период бронзы. Так, например, из девяти наконечников стрел шесть — типичные для этой эпохи — с треугольно-удлиненным пером и таким же, но коротким черешком, причем три из них снабжены шипами. Три

наконечника имеют листовидно-удлиненные очертания, их насад обломлен, конец одного превращен в сверло (рис. 2, *1—7*).

Помимо упомянутого из орудий-перфораторов отметим еще одно сверлышко из удлиненного отщепа и две проколки. Для одной из проколок использован маленький тонкий отщеп, на конце и боковой стороне которого размещаются тщательно отретушированные жальца. Вторая проколка крупнее, ее тонкое острие слегка изогнуто, обе боковые стороны отретушированы. Одна из них вогнута и служила, вероятно, скобелем (рис. 2, *8—10*). Из остальных десяти скобелей заслуживают внимания четыре, для которых приспособлены обломки или заготовки каких-то изделий, и еще два скобеля с двумя рабочими выемками по двум противоположным сторонам.

Как обычно, категория скребков самая многочисленная — 42 экз. За исключением нескольких групп скребков, отличающихся особой тщательностью обработки рабочего края, эта категория орудий не столь выразительна. Заготовками для них служили крупные массивные уплощенные и тонкие пластинчатые отщепы. У большинства скребков рабочие края округлены в различной степени или прямые, ретушь иногда заходит на боковые стороны. Рабочий край чаще всего противолежит ударной площадке, изредка располагается на боковой стороне, совсем редко нанесен с брюшка. Очертания разнообразны, но преобладают подпрямоугольные и подтреугольные удлиненных и укороченных пропорций. Скребков из крупных и массивных отщепов 13, из них восемь подпрямоугольных и подтреугольных, семь атипичных, шесть скребков подтреугольных очертаний из некрупных уплощенных отщепов, столько же (шесть) из тонких пластинчатых отщепов, пять из коротких широких, пять миниатюрных.

Интересно наличие скребла, заготовкой которому служила сланцевая плитка, подправленная по одной боковой стороне с обеих плоскостей, со следами сработанности.

Среди рубящих орудий нет целых экземпляров. Можно отметить подпрямоугольный обломок уплощенного тесла из сланца, зашлифованного по всей поверхности, с асимметрично скошенным, округленным рабочим краем и сланцевую заготовку миндалевидных очертаний с подправкой по периметру, а также два обломка фатьяновских топоров. Помимо перечисленных изделий в инвентаре имеются три некрупных гальки-отбойника, 19 нуклевидных кусков кремня и 16 обломков, принадлежность которых к какой-либо категории неясна.

Аналогии подавляющему большинству перечисленных выше изделий нетрудно найти в каменном инвентаре древних поселений костромского Поволжья, в том числе на поселениях Станок I—II, содержащих лишь материалы эпохи раннего металла [I, с. 85—138; 2, с. 7—14].

Керамика, собранная в раскопе, неоднородна, но четко расчленяется типологически, к тому же весьма показательно процентное соотношение ее типов. Основную массу составляют обломки посуды эпохи бронзы — 70%, тогда как неолитические и энеолитические — 17, фрагменты сосудов эпохи железа — 13%.

Обломки неолитических сосудов, составляющие всего 6%, типичны для посуды костромских памятников этого времени (рис. 3, *1—5*); они толсты, из грубого глиняного теста с крупным песком или дресвой, занозисты, но без штрихов, сильно обожжены. За редким исключением элементы и мотивы орнамента аналогичны украшениям на сосудах прочих неолитических поселений этого района: чередующиеся горизонтальные пояски различной ширины из круглых ямок, гребенчатых оттисков, полулунчатых вдавлений. Исключение составляют оттиски гладкого, без перегородочек штампа и мелкие поверхностные овалы, которые образуют те же, упомянутые выше мотивы. Малочисленность и, главное, мелкие размеры фрагментов делают эту керамику маловыразительной [3, с. 188—237; 4, с. 76—83].

Энеолитическая керамика (11% от общего количества) представлена обломками сосудов галичской культуры (рис. 3, *6—8*), весьма близкими предшествующим по технологии, размерам и форме; основным же элементом орнамента здесь служит гребенка или ее заменители: шнур, намотанный на стержень, реже —

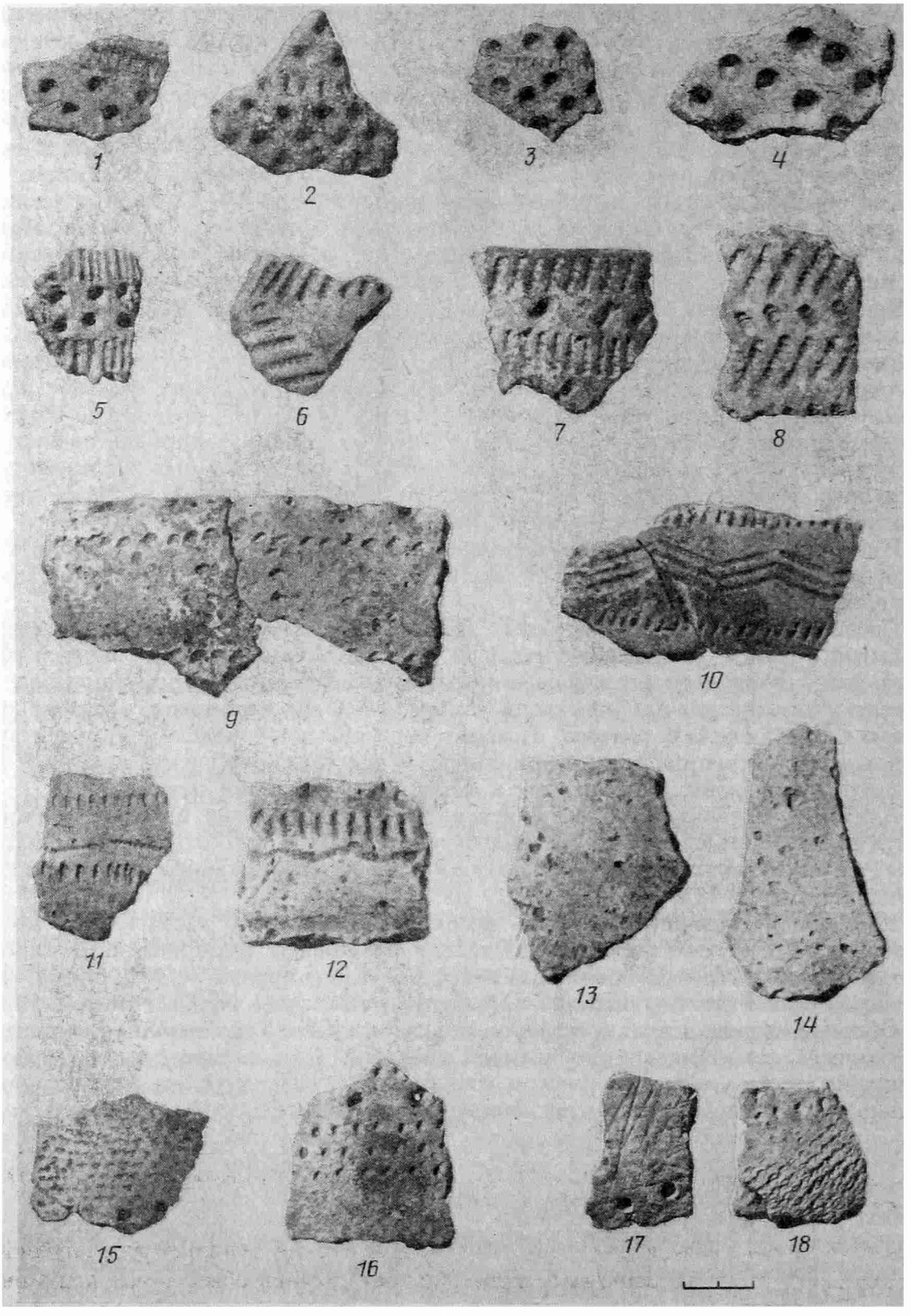


Рис. 3. Керамика с поселения на р. Шаче: ***1—5*** **— обломки неолитических сосудов;** ***6—8*** **— обломки энеолитических, галичских сосудов;** ***9—14*** **— обломки сосудов эпохи бронзы;** ***15—18*** **— обломки сосудов эпохи железа**

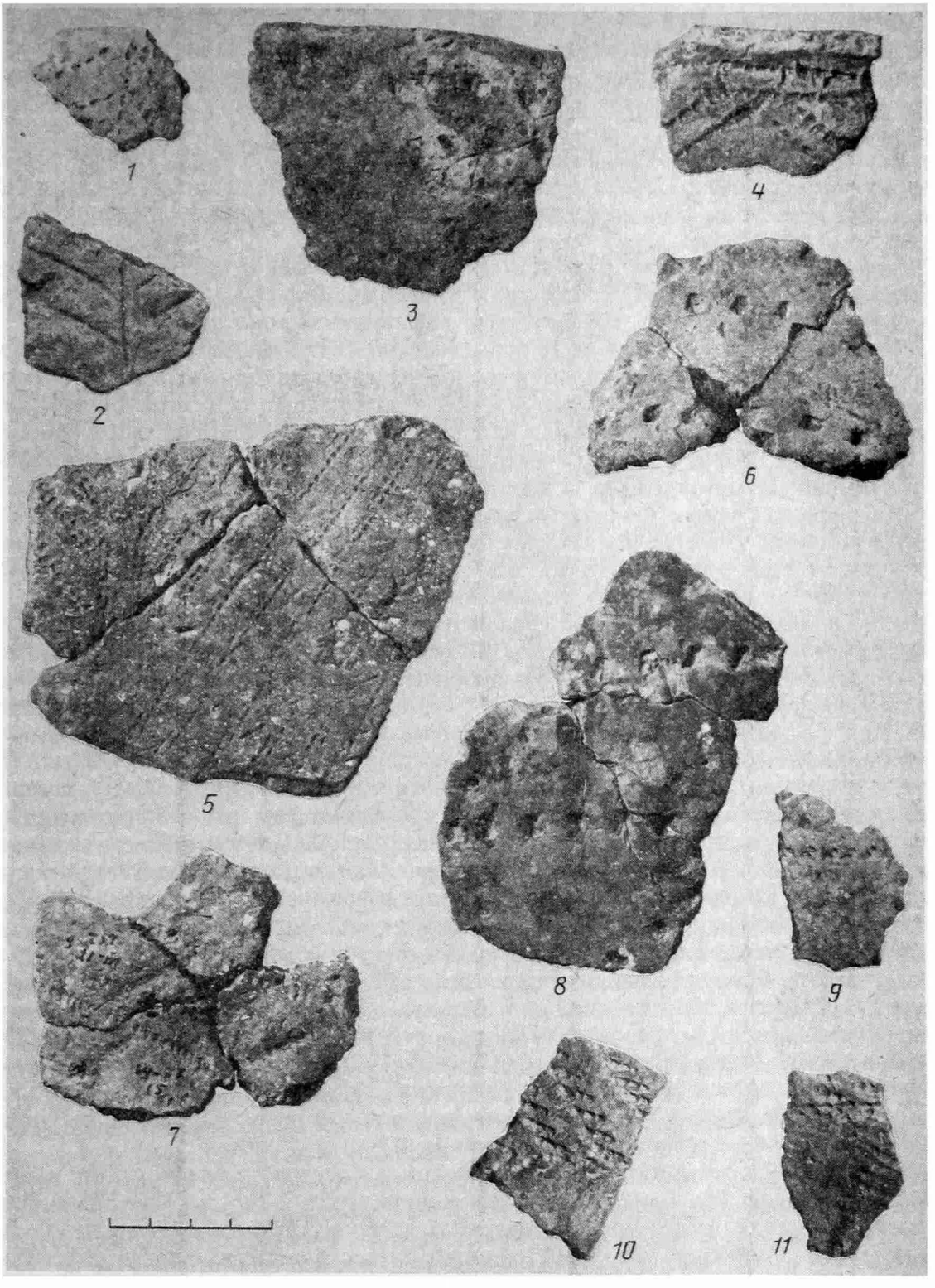


Рис. 4. Керамика с поселения на р. Шаче: *1—8* **— обломки типичных волосовских сосудов;** *9—11* **— обломки своеобразных тонкостенных сосудов**

гладкий и «рамчатый» штампы. В качестве дополнения используются глубокие неправильные ямки, гребенчатые овалы. Мотивы рисунка обычны для керамики этого типа: горизонтальные пояски различной ширины, густые вертикальные зигзаги, косые ленты — «лесенки» из коротких гребенчатых оттисков. Иногда орнамент в значительной степени разрежен. На одном некрупном фрагменте три коротких гребенчатых отпечатка расходятся из одной точки. Не исключено,

что они изображают лапку или след птицы — одно из характерных черт для галичского орнамента. На обеих поверхностях фрагментов нередки штрихи от заглаживания. Аналогии этой керамики находятся среди посуды прочих поселений галичской культуры [5, с. 5—27].

Керамика эпохи бронзы в свою очередь не едина: 42% составляют обломки волосовских сосудов, 27% — фатьяноидные и тонкие черепки из глины с органической примесью, хорошо заглаженные, без орнамента, принадлежащие скорее всего тем же сосудам.

Волосовская керамика (рис. 1, *9—14*; рис. 4, *1—8*) представлена 353 фрагментами, из которых 20 относятся к своеобразным сосудам (рис. 4, *9—11*), характерным лишь для костромских памятников волосовского периода [6, с. 52—57]. Они тонкостенны, вылеплены из глины с примесью толченой раковины, хорошо обожжены. На некоторых фрагментах наблюдаются штрихи от заглаживания на одной или обеих поверхностях. Для украшения использовался почти единственный элемент — короткий или удлиненный гребенчатый овал. Орнамент разрежен и включает крупные геометрические фигуры, преимущественно ромбы и треугольники, заполненные внутри параллельными косыми лентами из овалов, нанесенных под углом к краю сосуда.

У типичных волосовских сосудов во всех случаях, когда можно установить, примесью к глине также служит толченая раковина, добавленная в различном количестве: иногда в совсем незначительном, иногда ее так много, что она хорошо видна на поверхности фрагментов. Судя по обломкам, большинство сосудов были крупными, диаметром 35—37 см, но наряду с ними встречаются обломки маленьких сосудиков. Они были непрофилированными с характерными Т- и Г-образными венчиками, слегка сужались ко дну. В нашем распоряжении имеются фрагменты плоских днищ. Поверхность сосудов тщательно заглажена, без штрихов, но с выщербинками.

Элементами орнамента служат главным образом отпечатки узкого и широкого гребенчатых штампов (116 фрагментов), как длинного, так и короткого, всего с двумя-тремя квадратными зубчиками. Реже используются оттиски перевитого шнура (67), ямчатые вдавления (42), прочерченные линии (41), на 17 фрагментах, принадлежащих одному сосуду, наблюдаются «рамчатые» отпечатки, 48 фрагментов лишены орнамента. Для одного сосуда, как правило, использовался один из элементов, еще один иногда украшал его срез и край.

Орнамент в значительной степени разрежен, но покрывает сосуд целиком, почти всегда украшен срез венчика. Мотивы просты и немногочисленны: горизонтальные пояски, горизонтальные и вертикальные зигзаги, «горизонтальная елочка», «ромбическая сетка», «дерево со стеблем». Первый из мотивов выполнялся всеми элементами кроме рамчатого штампа: зигзаги, «горизонтальная елочка» и «ромбическая сетка» — гребенкой или перевитым шнуром: «дерево со стеблем» — рамчатым штампом и прочерченными линиями.

Несмотря на отсутствие реставрированных сосудов, о композиции в целом можно судить по фрагментам, принадлежащим одному сосуду. Как правило, она включала один или два мотива, при этом в обоих случаях степень заполнения орнаментом различна. Так, единственный на сосуде мотив «дерево со стеблем» покрывал его очень густо, горизонтальные же пояски на одном сосуде нанесены плотно друг к другу, на другом — с большим интервалом. В том случае, когда композицию составляли два мотива, в подавляющем большинстве она включала горизонтальные пояски, нередко сдвоенные, и горизонтальные зигзаги.

Сравнивая рассмотренную выше керамику с волосовской из других памятников костромского Поволжья, можно сказать следующее. При тождестве технологических признаков, формы и размеров она отличается наличием в орнаменте «дерево со стеблем» и отсутствием мотивов в виде крупных геометрических фигур, а также тем, что здесь гребенка не наносилась «шагающим способом», не использовался «отступающий штамп» [3, с 214—218; 6, с. 54—56]. Не исключено, что отсутствие последних может объясняться не столь полными

Таблица

Процентное соотношение групп керамики по горизонтам культурного слоя *

Горизонт	Ямочно-гребенчатая керамика	Галичская керамика	Волосовская керамика	Фатьяноидная керамика	Текстильная керамика	Всего
			%			
I	6 (32)	8 (52)	38 (226)	32 (199)	16 (96)	605
II	10 (24)	18 (45)	52 (127)	14 (36)	6 (12)	244

* Первая цифра — процент, цифра в скобках — количество фрагментов.

данными, имеющимися в нашем распоряжении, к тому же следует заметить, что в костромском Поволжье «отступающий штамп» отмечался единственно на керамике поселения Поповка. Мотив же «дерево со стеблем» нередко наблюдается на керамике волосовских поселений Волго-Окской группы — Холомонихи, Владычина [7, с. 5—21].

Очевидно, волосовская керамика Шачи обладает сходством как с керамикой поселений Верхневолжской группы, так и с керамикой Волго-Окских поселений.

Фатьяноидная керамика и обломки сосудов, предположительно причисленных к ней (рис. 3, *9—14*), вылеплены из глины с органической примесью, иногда с добавкой песка, возможно, естественного происхождения. Глиняное тесто хорошо промешано, черепки гладкие, без штрихов. Из-за фрагментарности о форме и размерах сосудов можно судить по аналогиям из других костромских памятников [8, с. 101—109]. Судя по обломкам, они были типичными, но украшены скромнее: горизонтальными поясками из каплевидных и мелких округлых ямок, иногда отпечатками гребенки и зигзагами — одинарными, двойными и более широкими из оттисков того же гребенчатого штампа. Кроме того, имеются единичные мелкие обломки типичных фатьяновских сосудов: обломок венчика, густо покрытого отпечатками лучинки (?), нанесенными с нажимом на один конец, два обломка стенок от одного сосуда, украшенных косыми ромбиками и горизонтальными почсками из гребенки или шнура.

Фрагменты «текстильной» керамики (рис. 3, *15—18*) целиком или частично покрыты «сеткой», реже — штрихами. На многих из них поверх «сетки» размещается один или несколько горизонтальных поясков из глубоких круглых ямок, мелких ямчатых вдавлений, а под венчиком — еще и «жемчужин». Текстильная керамика Шачи типична для поселений этого типа в костромском Поволжье, она составляет 12—13% общего количества [1, с. 98—108; 135—164].

Процентное соотношение рассмотренных выше групп керамики по горизонтам культурного слоя отражено в таблице.

Как можно видеть, процентное содержание трех первых групп керамики увеличивается с глубиной, тогда как в двух последних уменьшается. Заметим, что керамические обломки, связанные с обработкой металла в обоих горизонтах культурного слоя, представлены одинаковым количеством — по 32 в каждом.

Судя по незначительному проценту неолитической, энеолитической и галичской керамики, можно предположить, что в указанный период это место посещалось лишь периодически, в эпоху же бронзы могло служить долговременным поселением, со временем которого и следует скорее всего связывать рассмотренный выше металлообрабатывающий комплекс. Определить точнее хронологические рамки последнего весьма затруднительно, тем более, что он сам по себе вызывает ряд вопросов. Так, остается невыясненным, производилась ли здесь выплавка меди или лишь плавка, что служило сырьем, откуда его получали; в настоящее время известно только, что металл представлял собой почти чистую медь [1].

[1] Анализ произведен в лаборатории ИИМК РАН.

Уточнить дату металлообрабатывающей мастерской можно лишь, используя некоторые аналогии. Например, обломки тиглей, близкие находкам из Уржумкинского, Руткинского, второго Ахмыловского поселений [9, с. 20—34], позволяют отнести эту мастерскую к волосовскому времени, материальные остатки которого в наших раскопках более многочисленны. О сравнительно раннем возрасте рассмотренного комплекса свидетельствуют также открытая форма заготовки-пластины и простота готового изделия. Здесь уместно напомнить, что исследователями установлено наличие примитивной металлургии у племен с присваивающим хозяйством, как и тот факт, что меднолитейное производство в волосовское время было известно окским и средневолжским племенам [10, с. 96—121; 11, с. 28; 12, с. 165].

Если наше предположение справедливо, то данная мастерская служит еще одним, весьма веским, доказательством меднолитейного производства у волосовских племен Верхнего Поволжья и того, что Костромской край входил в волосовский металлообрабатывающий очаг, отражающий период становления и развития металлургии в лесной зоне Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье // МИА. 1963. № 110.
2. *Гаврилова И. В.* Период каменного века в костромском Поволжье // Краеведческие зап. костромского историко-архитектурного музея-заповедника. Вып. 1. Ярославль, 1973.
3. *Гурина Н. Н.* Неолитическое поселение Борань // МИА. 1960. № 79.
4. *Гаврилова И. В.* Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями // КСИА. 1969. № 117.
5. *Гаврилова И. В.* Галичская культура в костромском Поволжье // Краеведческие зап. костромского историко-архитектурного музея-заповедника. Ярославль, 1977.
6. *Гаврилова И. В.* Об особенностях памятников волосовского типа в костромском Поволжье // КСИА. 1980. Вып. 161.
7. *Третьяков В. П.* Варианты волосовских древностей //СА. 1979. № 1.
8. *Гаврилова И. В.* Фатьяноидная керамика костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
9. *Кузьминых С. В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. 2.
10. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
11. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
12. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

I. V. GAVRILOVA

THE SETTLEMENT OF THE NEOLITHIC AND THE BRONZE AGE PERIODS ON THE SHACHA RIVER IN KOSTROMA REGION OF THE VOLGA BASIN

Summary

The archaeological investigations on the right bank of the Shacha river (Kostroma region, Susanino district) are of interest for solving questions of early metalwork. In the excavated area of 24 sq. m unstratified cultural layer with cultural remains of different epochs was revealed. Three accumulations of pottery and three fireplaces were found, one of them was connected with metalwork. The soil around this fireplace was burnt red, here pieces of burnt clay, fragments of casting-spoons and crucibles were found together with a fragment of an open casting mould, copper drop and copper point. The most informative group of tools is dated to the Bronze Age, these are arrowheads of elongated triangle form, some of them with short tang or with side dowels. Pottery is distinguishable morphologically: 17% of vessels are dated to the Neolithic and the Chalcolithic, 13% are of Iron Age and 70% are of the Bronze Age, mainly of Volosovo type. The site was periodically attended during the Neolithic, the Chalcolithic and the Iron Age, but in the Bronze Age in was a long-term settlement, where the metalwork was practiced. Some characteristics allow the author to ascribe this assemblage to Volosovo culture. It characterizes the process of development of metallurgy and metalwork among the forest cultures with non-producing economy.

Б. А. ШРАМКО, Ю. Г. МАШКАРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ БИМЕТАЛЛИЧЕСКОГО НОЖА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Самый ранний период появления железных изделий в Восточной Европе изучен еще слабо. Это объясняется не только редкостью и плохой сохранностью древнейших железных предметов, но и тем, что лишь немногие из них подвергались всестороннему изучению. Известные в настоящее время в Восточной Европе находки позволяли считать, что на самом раннем этапе знакомства с новым металлом использовались изделия из метеоритного железа [1, с. 3—9; 2, с. 109—114; 3, с. 44—45; 4, с. 9]. Из такого железа изготовлен, в частности, хорошо датированный листовидный наконечник копья из кургана Бичкин-Булук в Нижнем Поволжье. Комплекс, в котором он обнаружен, относится ко времени около 1750 г. до н. э. [1, с. 8]. Анализ показал, что копье сделано из метеоритного железа, содержащего 3,65% никеля [5, с. 203].

Другие предметы, происходящие из поселений и погребений различных культур бронзового века не древнее середины II тыс. до н. э. и изготовлены из кричного железа, добытого из руды. К их числу относятся вещи из памятников срубной культуры: нож, найденный на дне землянки на селище у с. Любовка в Харьковской области [2, с. 110; 6, с. 102—103, рис. 2, 8], и шило, обнаруженное в жилище на поселении Ташлык в Николаевской обл. [4, с. 15—16, рис. 3, *1*]. Хронологически обе находки не выходят за рамки сабатиновского этапа [1400—1150 гг. до н. э.], но нож из Любовки относится к началу этапа, а шило из Ташлыка к более позднему времени, видимо, к XIII в. до н. э. [4, с. 15]. Металлографический анализ ножа из Любовки показал, что он представляет собой очень простое изделие. Нож выкован из обычного кричного железа, имеющего структуру крупнозернистого феррита с мелкими включениями шлаков [6, с. 103, рис. 3]. Металл шила из Ташлыка также не отличается высоким качеством, но проковка его выполнена более тщательно. На шлифах видна структура мелкозернистая, феррито-перлитная с цепочками шлаковых включений. Исследователь полагает, что для изготовления шила была использована заготовка «из трех сваренных кусков металла» [4, с. 16], но нам кажется, что технология была более простой. Вряд ли при ковке такого небольшого орудия была преднамеренно применена сварка трех очень тонких полосок железа. Выявленные структуры [4, с. 15, рис. 3, *2*, *3*] вполне могли образоваться в результате проковки одной заготовки из первично неравномерно науглероженного кричного железа. При этом отпадает необходимость в предположении, что следы сварочного шва в некоторых местах не видны, так как они «разрушены коррозией» [4, с. 15]. Таким образом, нож и шило относятся к числу весьма простых ранних изделий из кричного железа.

Недавно была обнаружена еще одна очень ранняя железная вещь, которая заслуживает пристального внимания. В 1988 г. экспедиция Белгородского пединститута под руководством А. Г. Дьяченко провела охранные раскопки у с. Герасимовка в Валуйском районе Белгородской области у самой границы с Харьковской обл. В курганной группе из 20 насыпей, расположенной на левом берегу р. Уразовой (бассейн Оскола — притока Северского Донца), было раскопано шесть курганов, содержавших погребения древнеямной и катакомбной культур, а также одно

© Б. А. Шрамко, Ю. Г. Машкаров, 1993 г.

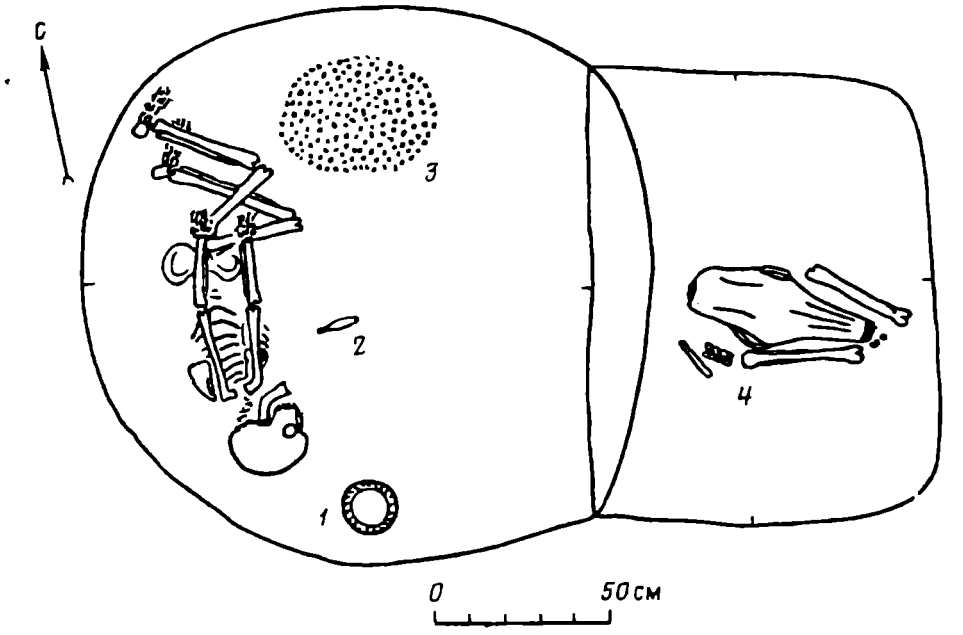


Рис. 1. План погребения 1 в кургане 14 (5) у с. Герасимовка: *1* — глиняный сосуд; *2* — биметаллический нож; *3* — охра; *4* — жертвоприношение

впускное сарматское погребение. Особый интерес представляет курган 14 (5), который имел высоту 1,6 м при диаметре 32 м. Первоначальная насыпь была сооружена над погребением 3, относящимся к древнеямной культуре. Затем у края насыпи последовательно были совершены два погребения (1 и 2) катакомбной культуры бронзового века. В данном случае мы остановимся на более подробной характеристике только погребения 1, чтобы уточнить обстоятельства находки биметаллического ножа, который А. Г. Дьяченко любезно передал нам для исследования.

Прямоугольная (1,25×1 м) входная яма этого погребения имела глубину 3,4 м от вершины кургана. В западной стенке входной ямы была вырыта катакомба, имеющая в плане форму овала с диаметрами 1,62×1,55 м (рис. 1). Нижняя часть катакомбы врезалась в слой мела. Форму свода и входного отверстия проследить не удалось, так как потолок катакомбы обвалился. К тому же на глубине 3,35 м в могильную яму стала проникать грунтовая вода, которая сильно затрудняла раскопки. Пол катакомбы находился на глубине 3,6 м и был на 20 см ниже дна входной ямы. Покойник был положен у западной стенки лицом к входу. Он лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, кисти рук находились у бедренных костей. Голова покойника ориентирована в сторону юга с небольшим отклонением к юго-востоку. Под костями покойника прослеживались остатки какой-то подстилки из материала растительного происхождения. У головы стоял глиняный сосуд, украшенный по всей поверхности орнаментом в виде горизонтальных рядов отпечатков зубчатого штампа (рис. 2, *1*). На полу у ног покойника отмечено пятно красной охры. В 15 см к востоку от груди лежал биметаллический нож (рис. 2, *2*), который имел железный клинок и медный черенок для рукоятки. На дне входной ямы находились остатки жертвоприношения в виде костей нижней части ног и черепа коровы.

Хотя вещей в погребении оказалось немного, однако они достаточно выразительны. Глиняный горшок приземистый, с округлым туловом и почти вертикальным венчиком. Украшающие его поверхность отпечатки зубчатого штампа образуют узор в виде «горизонтальной елочки». Такие сосуды характерны для раннего этапа харьковско-воронежского или среднедонского варианта катакомбной культуры, который по современным данным датируется в пределах 2000—1700 гг. до н. э. [7, с. 153; 8, с. 148, 156].

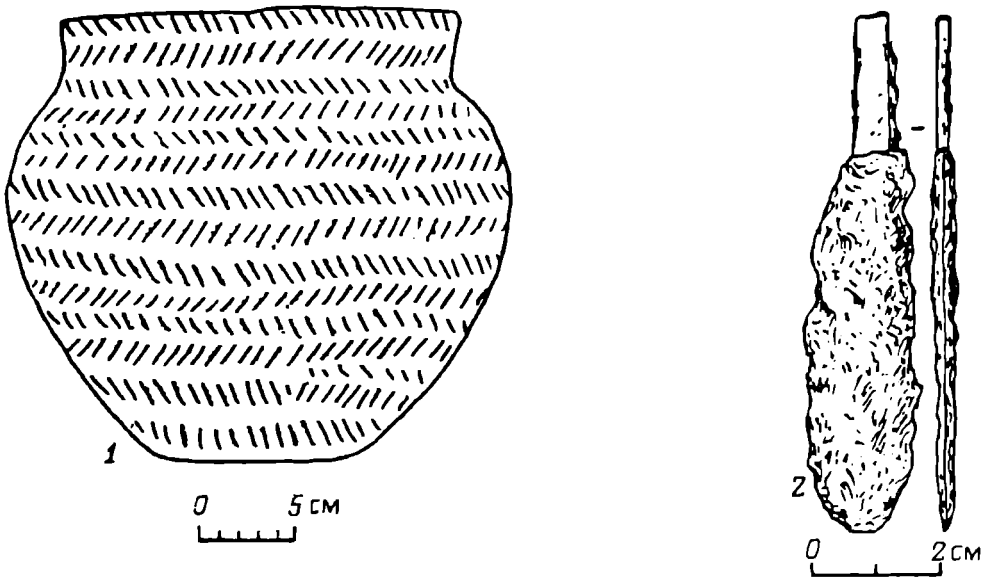


Рис. 2. Вещи, найденные в погребении кургана 14 (5) у с. Герасимовка: *1* — глиняный горшок; *2* — биметаллический нож

Биметаллический нож из Герасимовки (рис. 2, *2*, *3*) уникален, но по своей форме он вполне соответствует бронзовым ножам, которые известны в памятниках катакомбной и других синхронных культур. Типологически он относится к числу ранних изделий, не имеющих сделанного путем расковки расширения в нижней части. Герасимовский нож еще сохраняет листовидно-удлиненную форму с хорошо выраженным черенком, близкую к северокавказским листовидным ножам 2-го типа периода расцвета северокавказской культуры [9, с. 92, рис. 42; 10, с. 33—48]. Особенно близок он к ножу первой половины II тыс. до н. э. из кургана 2, погребения 6 Бамутского могильника, к ножам из Краматорска, Лебяжьего и др. [10, с. 39, рис. 4, *23*, *32*, *40*]. Этому инвентарю соответствует форма могилы и обряд погребения, которые особенно типичны для раннего павловского этапа (2000—1700 гг. до н. э.) среднедонской катакомбной культуры [8, с. 146, 147, 156]. В. И. Погорелов относит такие погребения к памятникам ямно-катакомбного типа (группа IIБ) и датирует их первой четвертью II тыс. до н. э. [11, с. 123]. Таким образом, в целом устройство могилы, обряд погребения, форма и орнаментация сосуда, форма ножа дают основание относить погребение у с. Герасимовка к числу ранних памятников, которые можно датировать временем около 1750 г. до н. э.

Особого внимания заслуживает биметаллический нож, являющийся древнейшим в Восточной Европе изделием такого рода. До сих пор было известно, что биметаллические ножи и кинжалы, имеющие железный клинок и бронзовый черенок для рукоятки, появляются на белозерском этапе с XI—X вв. до н. э. [12, с. 204; 4, с. 16]. При изготовлении этих и более поздних биметаллических ножей, кинжалов и даже мечей использовалась своеобразная технология, позволявшая при помощи литья прочно соединять различные металлы [13, с. 57—74]. Эта технология, при которой учитывалось различие в коэффициентах линейного расширения цветных металлов и железа, была еще неизвестна мастеру, изготовлявшему герасимовский нож.

Нож имеет длину 84,5 и наибольшую ширину 19 мм. Наибольшая толщина клинка в средней части 3,5 мм. Основу ножа составляет медный стержень прямоугольного сечения (6×2 мм). Около трети этого стержня использовалось как черенок для рукоятки. Последняя, возможно, была деревянной, но остатков ее на металле не обнаружено. Остальная часть стержня была обернута железной пластинкой, которой при помощи ковки придана форма вытянуто-овального,

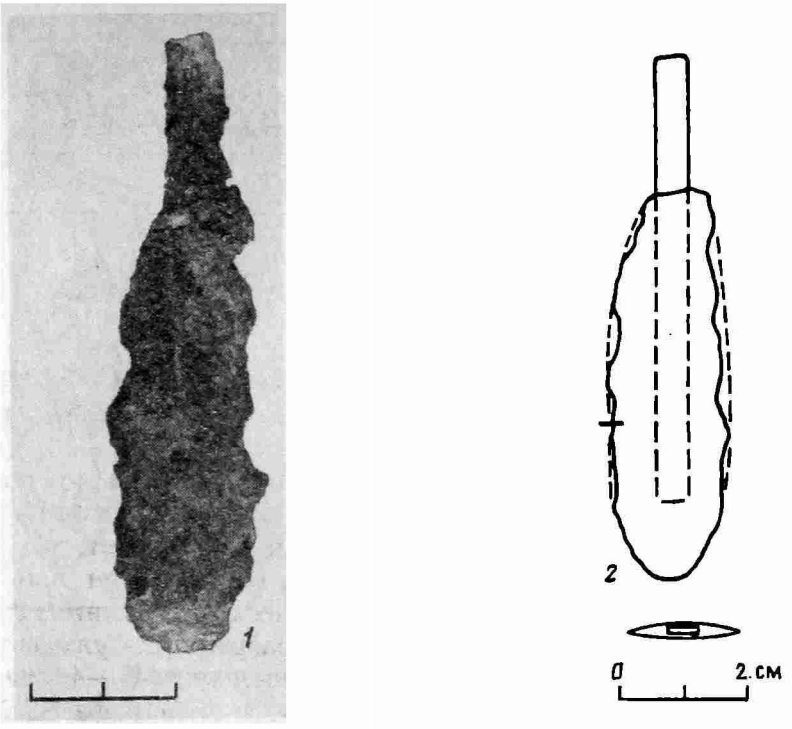


Рис. 3. *1* — биметаллический нож из кургана у с. Герасимовка; *2* — конструкция ножа

заостренного с двух сторон лезвия (рис. 3). Трудно сказать, была ли применена при этом кузнечная сварка железа с железом или мастер ограничивался простым сжатием краев пластинки. Выяснить это путем металлографического анализа мешает сквозная коррозия железной части ножа.

Химический состав металла в разных частях ножа определялся разными способами. Прежде всего важно было установить, что представляет собой железо, из которого сделан клинок. Вначале была предпринята попытка исследовать железную часть ножа без механического повреждения его и сжигания образца. Для этого был избран метод резерфордовского обратного рассеивания протонов. Суть метода заключается в измерении энергетического спектра рассеянных под определенным углом ускоренных заряженных частиц [14, с. 61]. При этом исследуемый объект внешне остается совершенно неизменным. Эта работа была проведена Ю. Г. Машкаровым в лаборатории кафедры экспериментальной ядерной физики Харьковского университета. Для сравнения с герасимовским ножом были взяты еще цельножелезный нож из наших раскопок на Бельском городище скифской эпохи, датируемый IV в. до н. э., и цельножелезный раннесредневековый нож XII в. из раскопок на Донецком городище под Харьковом. Два последних ножа сохранились хорошо. На электростатическом ускорителе Харьковского университета было произведено измерение энергетических спектров обратного рассеивания α-частиц с энергией 1,5 МэВ на указанных образцах с целью прежде всего выявить наличие никеля, характерного для метеоритного железа. Анализ спектра показал отсутствие никеля в рамках предела обнаружения данным методом ($\sim 10^{-2}$ вес.%). В то же время выяснилось, что более детальное обследование герасимовского ножа методом обратного рассеивания затруднено из-за пористой, шероховатой поверхности окисленной железной части ножа. Железную коррозию нельзя было удалить, так как она проникла на всю глубину металла.

Ввиду этого в дальнейшем для исследования железной, а затем и медной части ножа из Герасимовки были применены различные виды количественного спектрального анализа. Для получения более точных сведений о железной части ножа применен атомно-абсорбционный метод, при котором взятую от клинка навеску растворяли в соляной кислоте с добавлением нескольких капель азотной кислоты. Полученный раствор специальным распылителем подавали в виде аэро-

Таблица 1

№ п. п.	Наименование образца	Химический состав, %		Вес навески, г
		Ni	Fe	
1	Нож из Герасимовки	0,005	4,8	0,0578
2	Нож из Донецкого городища	0,02	99,98	0,1514

золя в пламя горелки, где температура достигала 3100° С. Количество железа и никеля определяли на спектрофотометре «Сатурн». Анализ двух ножей дал результаты, показанные в табл. 1.

Таким образом, атомно-абсорбционный анализ подтвердил и конкретизировал сведения, полученные методом обратного рассеивания протонов. Никель в железной части герасимовского ножа практически отсутствует.

Более полный количественный анализ был осуществлен при помощи эмиссионного метода. Благодаря некоторым методическим и техническим усовершенствованиям в Харьковском университете была разработана улучшенная методика эмиссионного спектрального анализа для определения 20—40 химических элементов из навески в 7—15 мг при использовании спектрографа СТЭ-1 с кварцевой оптикой [15, с. 91—94; 16, с. 22—24]. Испарение производилось при помощи угольного электрода в дуге постоянного тока, возбуждаемого модернизированным генератором ИВС-28 при силе тока 20 А с предварительным обжигом при силе тока 4—5 А в течение 60—90 с. Оценка концентрации давалась по градуировочным графикам на основании стандартных эталонных образцов. Результаты анализа железной части этим методом показаны в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что спектральный анализ подтвердил отсутствие никеля в ноже из Герасимовки, а также таких элементов, как хром и марганец, которые в спектрах метеоритного железа дают наиболее яркие линии. Железо ножа из Герасимовки химически очень чистое и в этом отношении оно имеет много общего с металлом ножей Бельского и Донецкого городищ, выкованных из кричного железа. Это позволяет уверенно говорить о том, что нож из Герасимовки также имеет лезвие, сделанное из кричного железа, которое добыто из руды путем восстановления в сыродутном горне.

Спектральный анализ хорошо сохранившейся медной части ножа из Герасимовки также оказался весьма показательным (табл. 3).

Таким образом, пробы, взятые после зачистки в двух местах стержня, показали, что стержень ножа из Герасимовки сделан из меди, в которой содержится значительная примесь мышьяка — более 1%. Другие примеси практически отсутствуют. Такой химический состав меди дает основание относить нож из Герасимовки к типичным для катакомбной культуры изделиям из меди с примесью мышьяка в сочетании с очень небольшим (в сотых и тысячных долях процента) количеством висмута, никеля, серебра, железа. Меньшее количество микропримесей в средней части стержня связано, видимо, с нагреванием заготовки для горячей ковки при соединении стержня с железом клинка. Изделия из такой меди относятся к предметам кавказского импорта, который достиг своего апогея в первой половине II тыс. до н. э. [17, с. 63, 71—72; 18].

С. Н. Кореневский показал, что ножи, металл которых содержит более 0,6% мышьяка, следует рассматривать не как местные изделия из привозной меди, а как кавказский импорт готовых изделий [10, с. 47]. В данном случае импортное происхождение изделия подтверждается и его типологической близостью к ножу из Бамута. Следовательно, в области Кавказа следует искать и древний центр, из которого могло быть получено в то время кричное железо.

Такой древнейший производственный центр добычи железа в сыродутных горнах существовал в предгорной полосе Восточного и Юго-Восточного Причер-

Таблица 2

№ п. п.	Наименование образца	Химический состав %														
		Fe	Ni	Pb	Cu	Cr	Mg	Mn	Ti	Ag	Al	Zn	W	Sn	Nb	Ca
1	Железная часть ножа из Герасимовки	Осн.	0,003—0,005	—	0,0005	0,003—0,005	0,01	<0,005	—	—	0,001	—	—	—	—	—
2	Нож из Бельского городища	Осн.	0,01	0,002	0,01	0,001	0,01	<0,005	—	—	0,001	—	—	—	—	—
3	Нож из Донецкого городища	Осн.	0,0008	—	>0,01	—	—	Сл	Сл	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 3

№ п. п.	Место взятия пробы	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mg
1	Средняя часть стержня	Осн.	—	—	—		0,001	—	>1,0	0,001	—	
2	Торец стержня	Осн.	—	—	—	0,001	0,01	—	>1,0	0,01	0,001	0,001

Примечание. В первой и второй пробах отсутствуют также Co, Mn, Au, Sr.

номорья. Благодаря многолетним работам грузинских исследователей здесь в четырех пунктах удалось выявить 35 печей для добычи железа и большое количество других остатков, связанных с предварительным обжигом железной руды, обработкой криц и т. д. Находки керамики, применение археомагнитного и радиокарбонного методов датировок показали, что мастерские для добычи железа существовали здесь длительное время. Некоторые из них относятся к самому раннему периоду освоения железа. Так, раскопанная в 1984 г. мастерская Нагомари по данным радиокарбонного анализа датируется XVIII в. до н. э. [19, с. 162]. Мастерские Мзиани относятся к XV в. до н. э. Целый ряд мастерских Колхиды может быть отнесен к XIV—XIII вв. до н. э. [19, с. 109, 132, 150]. Можно согласиться с тем, что столь ранние датировки колхидских железоделательных мастерских типа Нагомари 1, 2 могут вызвать сомнение и нуждаются в дальнейшем уточнении археологическими и естественно-научными методами [21, с. 269—273], но и просто отбрасывать их как недоразумение нельзя. Сомнение само по себе не является доказательством, а лишь предполагает возможность и других решений. В данном случае возможность существования столь древних мастерских в древнеколхидском районе не следует отрицать. Датировка Нагомари 1, 2 радиокарбонным методом устанавливается по двум образцам, и они дали небольшой разброс (1720 и 1770 гг. до н. э.). Этот колхидский центр не одинок. Достаточно отметить, что по соседству в иранском Азербайджане обнаружены остатки производства, связанного с добычей железа из руды, на поселении Геой-Тепе Д, которое датируется временем около 2000 г. до н. э. [22].

Конечно, преувеличивать роль этих древнейших мастерских не следует. До начала железного века было еще очень далеко. Древнейшие железоделательные мастерские добывали во II тыс. до н. э. не материал, обеспечивавший основную хозяйственную деятельность его потребителей, а драгоценный металл. Известно, что даже в XVI в. до н. э. у хеттов железо было в 5 раз дороже золота. Разумеется, этот драгоценный металл не оставался в руках тех, кто его добывал. Поэтому не удивительно, что в древнейших колхидских мастерских не найдено ни железных изделий, ни следов обработки железа. Драгоценное железо, вероятно, разными путями попадало отсюда в соседние области Закавказья и в страну Хатти [19, с. 38; 20, с. 681]. Наличие связей населения катакомбной культуры с областью Кавказа хорошо доказано [17; 18]. Попытку кавказское происхождение меди, из которой сделан стержень ножа из Герасимовки, позволяет предположить, что железная заготовка из какой-то ранней колхидской мастерской типа Нагомари попала к кавказским бронзолитейщикам, которые и изготовили биметаллический нож самым простым способом: обернули медный стержень согнутой пополам железной пластинкой и ковкой придали ей соответствующую форму ножа. Уже сама технология его изготовления показывает, что изделие не предназначалось для практического использования в хозяйстве. Это был драгоценный предмет, оформленный в виде ножа.

Благодаря торговым связям населения катакомбной культуры с областью Кавказа этот нож попал к тем, кто обитал на берегах р. Уразовой в бассейне Северского Донца, а затем вместе с владельцем и в курган у с. Герасимовки. Следует также отметить, что эта находка показывает интересную закономерность. В Восточной Европе, как и в Анатолии, в это время одновременно применялось и метеоритное железо и железо, добытое из руды [23; 24]. И то и другое одинаково было редким драгоценным металлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. 1958. № 4.
2. *Shramko B. A.* Die ältesten Eisenfundstücke in Osteuropa // Frühes Eisen in Europa. Acta des 3. Symposiums des «Comité pour la sidérurgie ancienne de l'UISPP». Schaffhausen. 1981.
3. *Кореневский С. Н.* О древнем металле бассейна р. Самары // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

4. *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопакс Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1983.
5. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // СА. 1965. № 4.
6. *Радзіевська В. Є., Шрамко Б. А.* Нові археологічні пам'ятки на Харьківщині // Археологія. 1980. № 33.
7. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
8. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
9. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 93.
10. *Кореневский С. И.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2.
11. *Погорелов В. И.* Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. 1989. № 2.
12. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев: Наук, думка, 1975.
13. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе: доскифский период // СА. 1977. № 1.
14. *Комаров Ф. Ф., Куманов М. А., Ташлыков И. С.* Неразрушающий анализ поверхностей твердых тел ионными пучками. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1987.
15. *Львов Б. В.* Атомно-абсорбционный спектральный анализ. М.: Наука, 1971.
16. *Лапчинская Л. В., Смыслова И. Н., Журавель Н. Е., Власенко В. И.* Некоторые особенности съемки порошковых проб спектрографом СТЭ-1-л // Вестн. Харьк. ун-та. Природные ресурсы Левобережной Украины. 1983. Вып. 23.
17. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
18. *Мунчаев Р. М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
19. *Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси: Мецниерба, 1987.
20. *Wertime T. A.* Pyrotechnology: Man's First Industrial Uses of Fire // Amer. Sci. T. 61. № 6.
21. *Медведская И. Н., Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде // СА. 1990. № 2.
22. *Brown T. B., Herbert A.* Iron Objekts from Azarbaijan // Man. London. 1950. № 4.
23. *Goetze A.* Kleinasien. München, 1957.
24. *Гиоргадзе Г. Г.* Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.

Харьковский государственный
университет

R. A. SHRAMKO, Yu. G. MASHKAROV

THE STUDY OF A BIMETALLIC KNIFE FROM A BURIAL OF CATACOMB CULTURE

Summary

The article is devoted to the study of a bimetallic (copper and iron) knife found in 1988 in the grave of Catacomb culture in the kurgan near Gerasimovka village of Belgorod region (basin of the Seversky Donets river). The burial is typical for the Pavlovka stage of the Middle Don Catacomb culture, it is dated to ca. 1750 B. C. A number of analyses have been made. The authors state that the blade is of iron produced of smelted ore. The tang is of copper containing arsenic, this fact being characteristic for the artefacts of the Caucasian origin. The technology is very primitive one: the copper rod was turned around with iron plate, which was then hammered to the form of the blade. The iron was presumabely obtained from the Kolchis metallurgical centre in the South-East Pontic area.

Т. П. ТИМОФЕЕВА

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ДРЕВНИХ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИХ ХРАМОВ В СОБРАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ

Лапидарий памятников зодчества Владимира, Суздаля и Юрьева оказался рассредоточен по разным музеям. Исключая г. Юрьев-Польской, наибольшей коллекцией белого камня располагает Владимиро-Суздальский музей-заповедник [1]. Значительная часть лапидария осела в музеях двух столиц. Настоящая публикация — продолжение работы по собиранию и каталогизации владимиро-суздальского лапидария.

Интересующий нас материал обнаружен в следующих музеях: Государственном Историческом (ГИМ), Государственном Эрмитаже (ГЭ), Государственном Русском музее (ГРМ); Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. Щусева (ГНИМА им. Щусева), Музее декоративно-прикладного искусства народов России (ДПИ) [1].

Музей «Куликово поле» тоже имеет несколько интересующих нас объектов, но, к сожалению, они остались нам недоступны.

Общее количество камней, в наличии которых удалось удостовериться и проделать возможные обмеры,— 61 блок и фрагмент от трех памятников: Успенского собора во Владимире, Рождественского собора в Суздале и Георгиевского в Юрьеве-Польском. 58 из них (кроме трех небольших осколков капителей) показано в сводной систематической таблице (рис. 1 и 2).

Львиная доля этого количества находится в ГИМ. Источником коллекции ГИМ явилась реставрация Успенского собора в 1888—1891 гг., проводившаяся местным инженером-архитектором И. О. Карабутовым, когда заменили часть фасадного камня, а из разобранных угловых контрфорсов 1708 г. вынули немало древних камней. Вынутые камни сначала хранились в самом соборе. А. Виноградов писал об этом так: «При разборке контрфорсов оказалось, что все нижние их ряды сложены были из камней, вынутых из нарушенных южной и северной стен Андреевского собора. Здесь были положены и оконные откосы с украшениями, здесь же в забутовке оказались и значительные части разукрашенных каменных желобов, разные изящные базы, какие были под мелкими колонками у наружных киотов собора, и другие украшения. Все замечательное, вынутое из контрфорсов, хранится теперь в соборе» [2, с. 113]. Небольшая часть их впоследствии была передана Историческим музеем в другие музеи.

Имеет смысл рассмотреть всю коллекцию Успенского собора целиком. Первая публикация этих камней принадлежит И. О. Карабутову [3]. В дальнейшем к ним обращались Н. Н. Воронин [4], Г. К. Вагнер [5, 6], Б. А. Огнев [7].

Состав камней Успенского собора весьма разнообразен: резные фасадные и фризовые капители и базы, фризовые консоли и колонки, квадры с женскими масками, желоба-водометы, фрагменты скульптуры, в том числе круглой, профили, обломки плит. При этом напомним, что в понятие «Успенский собор» входит не одно здание, а несколько: Андреевский собор 1158—1160 гг.; несохранившаяся архитектура, окружавшая его («терем» [8, с. 392], или «столп» [9, с. 582], «владычные сени» [9, с. 630], «притвор» [4, с. 166], упоминаемые

[1] Автор признателен администрации и сотрудникам музеев, предоставивших возможность для работы с интересующими нас объектами.

© Т. П. Тимофеева, 1993 г.

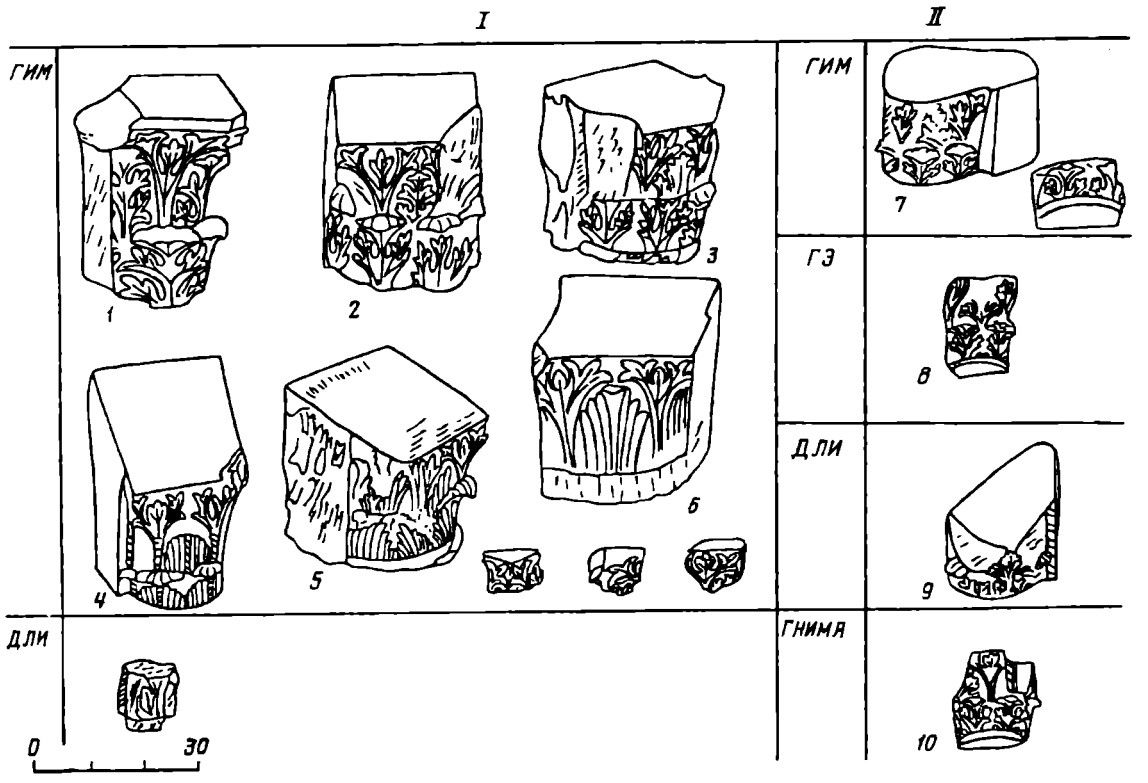


Рис. 1. Фасадные капители Успенского собора во Владимире: I — капители пилястр; II — капители центрального барабана

в литературе XII в. и отчасти подтвержденные археологически [4, с. 165—166; 10, с. 466—470]) и Всеволодова галерея 1185—1189 гг.

Наиболее многочисленна группа фасадных капителей. К ней мы отнесли 10 сравнительно целых или обколотых блоков и восемь небольших резных фрагментов (из которых три угловых скола на рисунке не показаны). Эти 10 капителей не составляют однородной группы, поскольку очевидно разнятся масштабом и рисунком орнамента и, вероятно, принадлежностью к разным конструктивным узлам и разному времени. Две из них (рис. 1, *1*, *2*) отличаются крупным размером (высота одной 58, другой 51 см, диаметр нижней округлой части около 40 см) и орнаментом, состоящим из листьев аканта во всех ярусах. Обе капители опубликованы и отнесены к фасадным пилястрам Андреевского собора [4, с. 178, рис. 68, с. 182; 5, с. 117; 11, с. 38]. Еще две большие фасадные капители хранятся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике [4, с. 179, рис. 69, с. 182; 5, с. 117, рис. 77, 79; 80, с. 118]. Эти четыре капители и определены как единственно сохранившиеся от собора 1158—1160 гг. [5, с. 118]. Однако очень близкой к ним кажется нам еще одна капитель из ГИМ (рис. 1, *3*). Высота блока 49 см, верхний прямоугольный план может быть восстановлен как 51× 43 см (капитель сильно обколота), диаметр полуколонны этой капители приближается к 40 см, что как раз и соответствует Андреевскому храму. Орнаментирована капитель листьями аканта, очень напоминающими другие четыре капители, хотя и на Всеволодовых галереях резьба некоторых капителей тоже имеет исключительно форму аканта и такой же их рисунок. Считаем возможным присоединить эту капитель к группе 1158—1160 гг.

В коллекции ГИМ есть еще три относительно целых капители (рис. 1, *4*—*6*). Одна из них (рис. 1, *4*) представляет собой крупный, почти кубический блок 45×48×46 см, часть которого занимает резная капитель [5, с. 218, 221, рис. 133]. В ее орнаментации примечательны два обстоятельства: витой стебель у всех листьев и два вида их — акант в верхнем ярусе и пальметта в нижнем и

промежуточном. Сочетание аканта и пальметты, но с обычным стеблем — на другой капители (рис. 1, *5*). Обе они отнесены Г. К. Вагнером к Всеволодовой галерее [*5*, с. 217; 6, с. 73, 80, рис. 58]. Еще одна капитель (рис. 1, *6*) очень сходна с вышеупомянутой. Блок, на котором она вырезана, отличается большими размерами: лицевая часть капители вписана в квадрат со стороной 49 см, что очень близко к масштабам Андреевского храма. Однако как быть с пальметтами в промежуточном ярусе? Таких нет на известных капителях этого времени. Снизу же рельеф обколот.

Однородную группу образуют, как нам кажется, еще четыре капители (рис. 1, *7—10*). Фрагменты из Эрмитажа [11, с. 38; 12, с. 22] и ГНИМА им. Щусева (рис. 1, *8*, *10*), полностью сохранившие только высоту блока, тем не менее достаточны, чтобы судить о целой капители. Масштаб и характер резного орнамента вкупе с высотой блока и кривизной нижней части позволяют отнести эти фрагменты к центральному барабану — «большому трибуну», как обозначен он в альбоме И. Карабутова. По обмеру И. Карабутова, высота капители «большого трибуна» 28 см, ширина сверху 27, диаметр снизу 21 см [3, л. 36]. Именно такие размеры имеют еще две капители: из ГИМ и ДПИ (рис. 1, *7*, *9*). Масштаб, рисунок и расположение орнамента — листьев аканта — не противоречат этой локализации, тем более что в процессе реставрации 1888—1891 гг. на «большом трибуне» было заменено 16 капителей [3, л. 17].

В отношении строительной техники обращает на себя внимание способ крепления блоков капителей в кладке: некоторые блоки имеют такую конфигурацию, которая обеспечивает сцепление с соседним блоком в виде замка (рис. 1, *3*, *7*). На некоторых камнях заметно сужение тыльной части, обращенной в кладку (рис. 1, *2*, *7*), что увеличивает внутри стены полость, заливаемую раствором.

Мелкие фрагменты представляют собой сколы разных частей капителей. Судя по расположению и масштабам деталей листьев аканта, среди них можно предположить обломок нижней части большой фасадной капители (ДПИ), угловые осколки больших капителей (ГИМ), обломок нижней части капители центрального барабана (ГИМ) (рис. 1).

Среди камней Успенского собора — четыре частично сохранившиеся капители фриза (рис. 2): три в ГИМ и одна в Эрмитаже [*5*, с. 221, рис. 132]. Все они одного размера и типа: лист аканта с витым стеблем, раскинутый на всю ширину фронтальной грани, и широкая пальметта между акантами. Высота капителей 22—24 см, ширина фронтальной грани 20—21 см, диаметр нижней части там, где она сохранилась, 12—14 см. Все четыре капители принадлежат Всеволодовой галерее. Ни один из фрагментов не сохранил своего блока, которым должен уходить в кладку.

От конструктивных узлов сохранились еще два камня (рис. 2) — базы полуколонн в виде круглой подушки с прямоугольным плинтом и угловыми рогами. Одна из них, в коллекции ДПИ, крупная; ширина ее по плинту 44 см, что в пределах соответствия фасадной пилястре Всеволодовой галереи, где диаметр полуколонны 35 см. Другая база, из ГИМ, более мелкого масштаба: ширина по плинту, углы которого сколоты, восстанавливается как 31 см, высота без плинта около 22 см. Она может быть привязана к полуколонне центрального барабана или абсид.

Несколькими экземплярами из ГИМ и Эрмитажа представлен аркатурно-колончатый фриз Всеволодовой галереи: колонка, капители, консоли, базы (рис. 2). Колонка сохранилась на две трети, с одной стороны обколота, с другой имеет профиль, характерный для верхнего конца. Капители (одна более или менее целая и две сильно обколотых в ГИМ и одна в ГЭ) однотипны по форме и резьбе: акантовые на витом стебле и пальметты [*5*, рис. 221, 132].

Из трех консолей одна клинчатая (большой целый блок с клинчатой консолью Успенского собора есть во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике [1, с. 58]) и две зооморфные: с птицей и маской льва; три резные базы имеют звериные маски на угловых рогах, плетенку на плинте и подушке, насечку на валике,

1
2
3
4
5
6
7
8
ГИМ
ГЭ
ДПИ
ГНИМА
ГЭ
ГРМ
ГЭ
ГРМ
I
II
III
0
30

сверху углубление для колонки [4, с. 372, рис. 170; 10, с. 38]. Подобные базы есть на западном фасаде Всеволодовых галерей.

Очень интересную группу образуют резные камни от фасадных декораций (рис. 2). Прежде всего это три блока с женскими масками от Андреевского собора, замененные новыми во время реставрации 1888— 1891 гг. [4, с. 177—179, рис. 67; 5, с. 107, рис. 69, 72]. В целом все три маски иконографически однотипны и схожи с боголюбовскими, однако не одинаковы по мастерству исполнения и сохранности: две маски расположены на плоскости несколько косо, имеют худшие пропорции, чем третья маска. На одном из камней лик утрачен.

Несколько камней опубликовано в альбоме И. Карабутова с указанием места находки. В кладке южного контрфорса найден блок с растительным побегом и трилистником [3, л. 50; 4, с. 183, рис. 73 б]. Рисунок рельефа отличается довольно крупным масштабом. Интересно, что стебель-побег плоский, с прямым обрезом рельефа и без неизменной бороздки, что встречается редко. Из крупных камней подобный контур замечен нами еще только на блоках архивольта Рождественского собора во Владимире [1, с. 62].

В забутовке юго-западного контрфорса обнаружена часть блока с двумя резными гранями, сходящимися под тупым углом; на одной грани плетенка, на другой трилистник и шишка [3, л. 50; 4, с. 183, рис. 73]. Н. Н. Воронин ставил под сомнение принадлежность обоих камней самому Успенскому собору 1158—1160 гг. [4, с. 184]. Первый камень, по его предположению, помещался в верхнем углу какого-либо прямоугольного дверного проема или в нижнем углу окна; второй — в косяке входа [4, с. 521—522], вероятно, так, чтобы плетенка располагалась горизонтально.

Еще на одном камне — небольшом плоском фрагменте 8 × 12 см — вырезаны переплетенные петли. Видимо, это концевая часть какого-то орнаментального пояса, довольно широкого — 18 см (ширина самой плетенки 8 см) и ограниченного на конце рамкой. Это может быть резная абака капители: подобная абака есть на южном портале Рождественского собора в Суздале.

Еще один резной камень был найден в земле к западу от собора: квадратный, несколько обколотый блок с резной пальметтой в круге. И. Карабутов определил его как «украшение над дверями» [3, л. 14]. Ширина блока 19 см; с трех необколотых сторон — рамка в 1,5 см. Пальметта по масштабу действительно сопоставима с резьбой архивольтов: диаметр круга 16 см, высота и ширина пальметты 12 и 11 см, рельеф невысокий — менее 1 см. К круглой тяге портала следует отнести блок-полувал с резной пальметтой в овале из ДПИ. Ширина его и соответственно диаметр полувала 15 см [4, с. 183, рис. 73]. Исходя из вытянутых пропорций пальметты, Г. К. Вагнер отнес камень к времени Всеволода III [5, с. 218].

Неясна принадлежность обколотого фрагмента с резным изображением птицы с женским ликом [4, с. 375, рис. 172]. Размер обломка 26 × 17 см велик для консоли фриза. Н. Н. Воронин осторожно причислил его к капителям портала [4, с. 373].

Три фрагмента принадлежат к объемной скульптуре (рис. 2). Ребристая розетка найдена в каменной забутовке; И. Карабутовым замечено ее сходство с розетками в оконных откосах Всеволодовых галерей [3, л. 13]. Из забутовки юго-западного контрфорса извлечены две обколотые фигурки птиц. От одной сохранились грудка, шейка, часть крыла с оперением, основание ноги; от другой — грудка, шейка и часть крыла (или ноги). Оба фрагмента невелики: высота одного 15 см, другого 18 см; оба обколоты сзади. На этом основании И. Карабутов

Рис. 2. Белый камень древних владимиро-суздальских соборов. I — Успенский собор во Владимире; II — Рождественский собор в Суздале; III — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском: *1* — капители фриза; *2* — базы фасадных полуколонн; *3* — консоли и базы фриза; *4* — колонки фриза; *5* — круглая скульптура; *6* — резные камни фасадных декораций; *7* — водометы; *8* — блоки, профили

предположил, что они «служили украшениями под базами киотов» [3, л. 13], т. е. во фризе.

С Успенским собором связываются два водомета, происходящие из юго-западного контфорса, на уровне аркатурно-колончатого фриза. От одного сохранился фрагмент желоба с звериными лапами по сторонам. На его основе Б. А. Огнев выполнил реконструкцию древнего водомета, использовав также и боголюбовскую барсовидную головку [7, с. 51 рис. 10]. Второй желоб — резной; рельеф покрывает всю наружную поверхность: с боков — пальметки, соединенные дугами, снизу — богатые по рисунку пальметки-елочки в сердцевидных рамках [3, л. 51; 4, с. 180, рис. 70, с. 181, рис. 71; с. 225; рис. 139; 7, с. 52, рис. 9, 11]. Сердцевидный орнамент известен на апсидах Дмитриевского собора, а также колонках фриза Георгиевского собора в Юрьеве [13]. Пальметта-елочка желоба ближе всего к колонкам башен Дмитриевского собора, хотя точной аналогии нет нигде [13, с. 210]. Здесь так же, как на колонках башен, масштаб орнамента тонко гармонирует с масштабом самого водомета: водомет сужается, и сердечко с вписанной пальметтой едва заметно сокращается.

Из небольшой группы блоков и профилей отметим три камня. Один — ступенчатая восьмигранная база из ГИМ с диаметром основания 36—38 см, диаметром верха 24—26 см, с незначительным углублением сверху; найдена в забутовке юго-западного котрфорса и обозначена И. Карабутовым как «пьедестал» [3, л. 13]. Невольно напрашивается сравнение с боголюбовской ступенчатой четырехгранной базой; однако эта последняя не кажется нам древней [1, с. 59]. Другой камень — цилиндрический блок большого диаметра 52 — 55 см, высотой 17 см, с обколотым профилем; он также мог служить базой какой-то неизвестной нам колонны. Третий камень — угловой обломок плинта толщиной 12 см с профилем в виде четвертного вала, выкружки и разномерных полочек.

Таким образом, камни Успенского собора, часто не имеющие прямых аналогов в сохранившейся архитектуре, актуализируют проблему несохранившихся зданий ансамбля Успенского собора 1158—1160 гг., а также архитектурных интерьеров. Манера и стиль резьбы ряда скульптурных фрагментов, не характерные для артели Андрея Боголюбского, заставляют либо иначе их датировать, относя ко времени Всеволода или Георгия, либо подозревать существование другой, параллельной артели, что все же маловероятно. Во всяком случае, все это материал, требующий размышлений более аналитического плана, чем позволяют задачи настоящей обзорной работы.

От других памятников — Рождественского собора в Суздале и Георгиевского в Юрьеве — хранится по пять камней в Эрмитаже и Русском музее, куда они попали из местных музеев в 1950-е годы (рис. 2). Рождественский собор представлен элементами аркатурно-колончатого фриза: это фрагменты четырех колонок, один из них опубликован [11, с. 39]. Орнаментация этих колонок была изучена и учтена нами при составлении таблицы орнаментальных схем фризовых колонок [13]. К Рождественскому собору относится и фризовая капитель из Эрмитажа. Пропорции, форма и орнаментация не оставляют сомнений в этой принадлежности.

Камни Георгиевского собора — две мужские головки фризовых святых — хранятся в Русском музее и три резных камня в Эрмитаже. Прямоугольный слегка дугообразный блок с плавным диагональным побегом с отростками принадлежит к карнизу притвора. Подобные камни есть как в кладке притворов, так и в коллекции Юрьевского музея; из них легко складывается связный орнамент [14, с. 244].

Два камня относятся к фасадным декорациям собора: квадр с ввернутым в спираль сильно стилизованным трилистником и продолговатый камень с роскошной пальметкой и дугообразным контуром, вторично использованный в качестве полуколонны [11, с. 39].

Таким образом, рассматриваемая здесь часть владимиро-суздальского лапидария существенно дополняет коллекцию Владимиро-Суздальского музея-запо-

ведника и вместе с юрьевским лапидарием они составят полную картину белого камня в музеях — материал, благодаря которому обогащается облик сохранившихся зданий и проступает образ утраченных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тимофеева Т. П.* Владимиро-суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII—XIII вв.//СА. 1990. № 1.
2. *Виноградов А.* История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. Владимир, 1891.
3. *Карабутов И.* Чертежи по реставрации Успенского собора в губернском городе Владимире в 1888—1891 гг.
4. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
5. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. М.: Искусство, 1969.
6. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Искусство, 1975.
7. *Огнев Б. А.* О позакомарных покрытиях//Архитектурное наследство. 1958. № 10.
8. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. 1962. Т. 1.
9. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. 1962. Т. 2.
10. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
11. Каталог выставки «1000-летие русской художественной культуры». М., 1988.
12. Эрмитаж. Русская культура VI—XVIII вв. Очерк-путеводитель. Л.: Искусство, 1983.
13. *Тимофеева Т. П.* К вопросу об орнаменте фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII—XIII вв.//СА. 1988. № 1.
14. *Тимофеева Т. П.* Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в.//СА. 1988. № 4.

Владимиро-Суздальский музей-заповедник,
Владимир

T. P. TIMOFEEVA

THE LIMESTONE OF VLADIMIR AND SUZDAL CATHEDRALS IN THE COLLECTIONS OF MUZEUMS OF RUSSIA

Summary

The blocks of limestone from the ancient cathedrals in Vladimir, Suzdal and Yuryev-Polskoy are kept not only in the local muzeums. More that 60 stones were found in the muzeums of Moscow and St.-Petersburg. After the restauration of the Assumption cathedral in Vladimir undertaken in late 19th century some stones were placed in the Historical Muzeum in Moscow. These are capitals and bases of facade and dome-drum, semi-columns, gutters, some elements of the decorative frieze, female mascarons and ornamental pieces belonging to the Assumption cathedral of 1160, the galleries of 1189 and some lost parts of it. Later a number of stones were placed in the Hermitage, Shchusev muzeum of the archtecture, Muzeum of the decorative and applied art in Moscow. Five blocks from the Nativity cathedral of Suzdal and five of them from St. George cathedral of Yuryev are kept in the Hermitage and the same set of them in the State Russian muzeum in Petersburg. The limestones from Vladimir and Suzdal cathedrals placed in the muzeums of Moscow and Petersburg are illustrated in the general systematic table (Fig. 1, 2).

История науки

К публикации работы А. К. Амброза

Несмотря на удивительную разносторонность научных интересов А. К. Амброза (1929—1985), изучение фибул эпохи переселения народов и раннего средневековья было «сквозной» темой в его творчестве [1, с. 99; 2, с. 9]. Если ряд разработок в отношении двупластинчатых фибул увидел свет при жизни ученого [3, там ссылки на другие работы], то исследования различных групп пальчатых, подвязных и других фибул, как импортов, так и восточноевропейских серий, бытовавших с V по IX в., не были завершены. Сейчас мы можем лишь частично представить детали готовившегося труда по некоторым упоминаниям и сжатым характеристикам в опубликованных работах [1, с. 99, 104—114; 2, с. 9, 10, 14—30, 34—36, 38, 42—47; 4, с. 35, 45—47, 54, 55, 61, 65, 66, 68, 69, 75, 76, 78—91, 96; 5; 6, с. 10—13, 21—23; 7; 8, с. 106—113, 130—132; 9, с. 6—10, 40, 41; 10; 11, с. 7—9; 12, с. 11, 20—22, 25, 26, 30, 31, 33, 35, 36, 38—43, 46—54, 61], а также по материалам архива А. К. Амброза. Кроме этого, к печати готовится его работа «Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв.», содержащая и характеристику фибул. Это научное наследие еще предстоит осмыслить.

Публикуемая небольшая работа — один из эскизов к создававшемуся А. К. Амброзом своду. Зная требовательность этого ученого к публикуемым трудам, очевидно, что представленные материалы и наблюдения должны были увидеть свет в иной форме. И все же, учитывая неослабевающий, а в последнее время даже заметно усиливающийся интерес к древностям Среднего Поднепровья эпохи переселения народов, публикация данной работы представляется вполне уместной.

Текст воспроизводится по рукописи, которой автор не дал названия. Обозначен лишь год — 1985, что на других рукописях не встречается. Ссылки даны там, где в рукописи поставлены скобки или где они необходимы по смыслу. Литература подобрана лишь та, из которой есть выписки в архиве А. К. Амброза или представленная в его библиотеке. Рисунок 1, *б* воссоздан по наброску автора в тексте рукописи, прочие подобраны при подготовке работы к печати. Все подписи к иллюстрациям составлены публикатором. Рисунок 2 — факсимильное воспроизведение рисунка Анатолия Константиновича.

Из материалов, связанных с работой А. К. Амброза над антропо-зооморфными фибулами, кроме отрывка о происхождении этого типа, по сохранившемуся в архиве наброску публикуется и последний вариант эволюционно-типологической схемы антропо-зооморфных фибул в целом (рис. 3). Этот набросок, судя по особенности почерка, бумаги, чернил, одновременен публикуемому тексту. Хотя развернутую аргументацию датировки и характеристику вариантов А. К. Амброз подготовить, по-видимому, не успел, представляется, что вдумчивый читатель, знакомый с трудами Анатолия Константиновича и опираясь на опубликованный здесь фрагмент текста, вполне может понять ход мысли исследователя.

Все подписи на рис. 3, кроме нумерации экземпляров, воспроизводят авторские. Хотя в подлиннике изображения фибул были сделаны схематично, точность и внимание Анатолия Константиновича к деталям не оставляет сомнения, какой именно из экземпляров рассматриваемого типа он имел в виду. Часть изображений имела точные подписи. Все это позволило при публикации наброска поместить точные изображения фибул, что, несомненно, сделал бы сам автор. Они взяты из общеизвестных изданий братьев Ханенко, Б. Салина, А. П. Калитинского, а также рисунков А. К. Амброза с оригиналов.

Хочется еще раз напомнить, что предлагаемые читателю материалы не являются законченной и подготовленной автором публикацией, и рассматривать их следует как предположения, советы обладавшего замечательной эрудицией и интуицией ученого в разработке весьма сложной темы.

Институт археологии РАН,
Москва

И. О. Гавритухин

А. К. АМБРОЗ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ДНЕПРОВСКИХ АНТРОПО-ЗООМОРФНЫХ ФИБУЛ

Днепровские антропо-зооморфные фибулы привлекают внимание особой причудливостью форм. На первый взгляд кажутся причудливыми и пальчатые фибулы, но их декор, по сути, весьма прост: это довольно стандартные головы зверей, показанные в фас, с утрированно выступающими надбровьями и ноздрями, сморщенной в оскале переносицей; головы хищных птиц с длинными, обычно желобчатыми массивными клювами; иногда их дополняет пара как бы склоненных профильных звериных голов с преувеличенно вытянутой верхней челюстью и вытянутым языком. Последний мотив взят из Скандинавии (а в конечном итоге это переработка позднеантичных львов и грифонов) и на континенте обычно так схематизирован и искажен, что распознается лишь по аналогиям. Все это дополняется и объединяется рельефной, обычно спиральной орнаментикой, сделанной в резной технике (вплоть до имитации циркулем), но всегда придающей фибуле неясную мерцающую поверхность, создавая впечатление большого декоративного богатства. Так что все элементы пальчатых фибул при обилии их вариаций весьма просты и легко определимы.

Антропо-зооморфные фибулы названы так из-за частого появления на них головы человека, а главное, из-за обилия животных мотивов: здесь видятся головы как бы козлов, лосей, коней, петухов, уток, змей, причем видятся смутно, переменчиво: стоит фибулу перевернуть — и головы козлов превратятся в птичьи, змеи имеют вторую голову вместо хвоста, шеи козлов неестественно длинные и извилистые. Все это обилие образов породило самые невероятные объяснения: что это ветвь искусства Скандинавии, что местное население раскапывало скифские курганы и попало под влияние скифского звериного стиля. Есть мнение, что днепровские художники вдохновлялись миром родной природы и изображали на фибулах привычных им животных. Пример переработки реальных образцов находим на фибулах Скандинавии, но там деформация идет очень постепенно, и художник в самом причудливом рисунке не забудет лап зверя, его ушей, глаз, языка, не изобразит козла с утиной шеей. Образы днепровских фибул не выглядят взятыми прямо из природы, их пестрота и неустойчивость сочетаний говорят скорее о каком-то процессе становления, об эволюции от образов неясных к более устоявшимся, узнаваемым.

Исследователи уже отметили связь антропо-зооморфных фибул с двупластинчатыми [13] и безусловное воздействие на них пальчатых [14, с. 92—94; 15, с. 81]. Действительно, они, как и обычные двупластинчатые, отличаются от рельефных пальчатых гладкой поверхностью, переносом декоративного эффекта на контур. Но А. П. Калитинский сузил область прототипов до двупластинчатых с треугольной головной пластиной [13, с. 295], тогда как у антропо-зооморфных не реже бывает и полукруглая пластина. А по композиции особенно близки пальчатым самые дорогие антропо-зооморфные фибулы — большие, сложно декорированные, сделанные из серебра. Если другие варианты широко тиражировались и представлены многими очень близкими между собой экземплярами, то эти пока индивидуальны. А. П. Калитинский ставил их в конце эволюционного ряда, Б. А. Рыбаков в 1949 г.— в его начале [14, с. 300, 301; 15, с. 58, рис. 7]. Я присоединяюсь к последней точке зрения.

Тщательнее всех исполнена фибула Мартыновского клада (рис. 1), попавшая в Британский музей в Лондоне [16, рис. 227]. И. Вернер удачно назвал ее «выдающимся экземпляром» днепровских антропо-зооморфных фибул [17, с. 168]. Фибула обильно украшена гравированным орнаментом, человеческая голова

© А. К. Амброз, 1993 г.

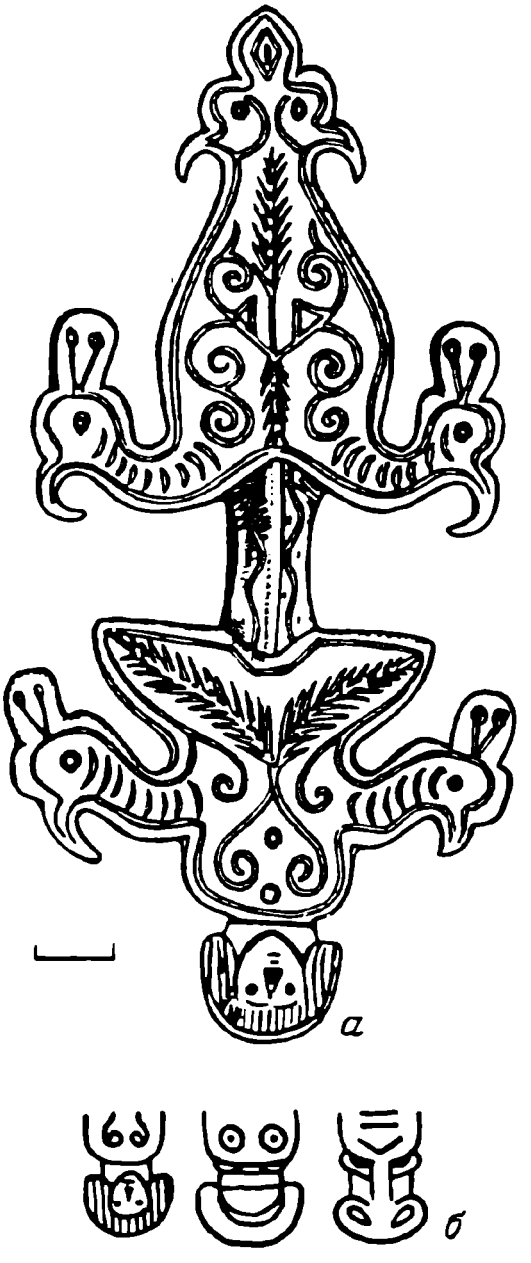


Рис. 1. Фибула из Мартыновки. *а* — общий вид, *б* — основа эволюционно-типологического ряда одного из элементов мартыновской фибулы

сделана особенно детально. Как уже отметил Б. А. Рыбаков, фибула явно повторяет форму пальчатых [14, с. 92—94], но очень своеобразно. Звериная голова на полукруглой пластине заменена человеческой, на ромбической — пальметкой, в которой можно с трудом распознать совершенно трансформированную обычную группу из трех головок — двух орлиных и одной звериной. Но особенно поражают необычайно большие выступы по бокам фибулы. Если рассматривать фибулу, держа человеческой головой вверх, эти выступы похожи на странные головы козлов, у которых ноздри почему-то соединены линией, а шеи необычно длинны и даже волнообразно изогнуты (это особенно видно на «верхней» паре). В течение многих веков фибулы разных народов носили вниз тяжелым концом, где была пружина, и кверху иглой. Так же устроены все антропо-зооморфные фибулы. Если мы перевернем фибулу так, то увидим на «козловидных»

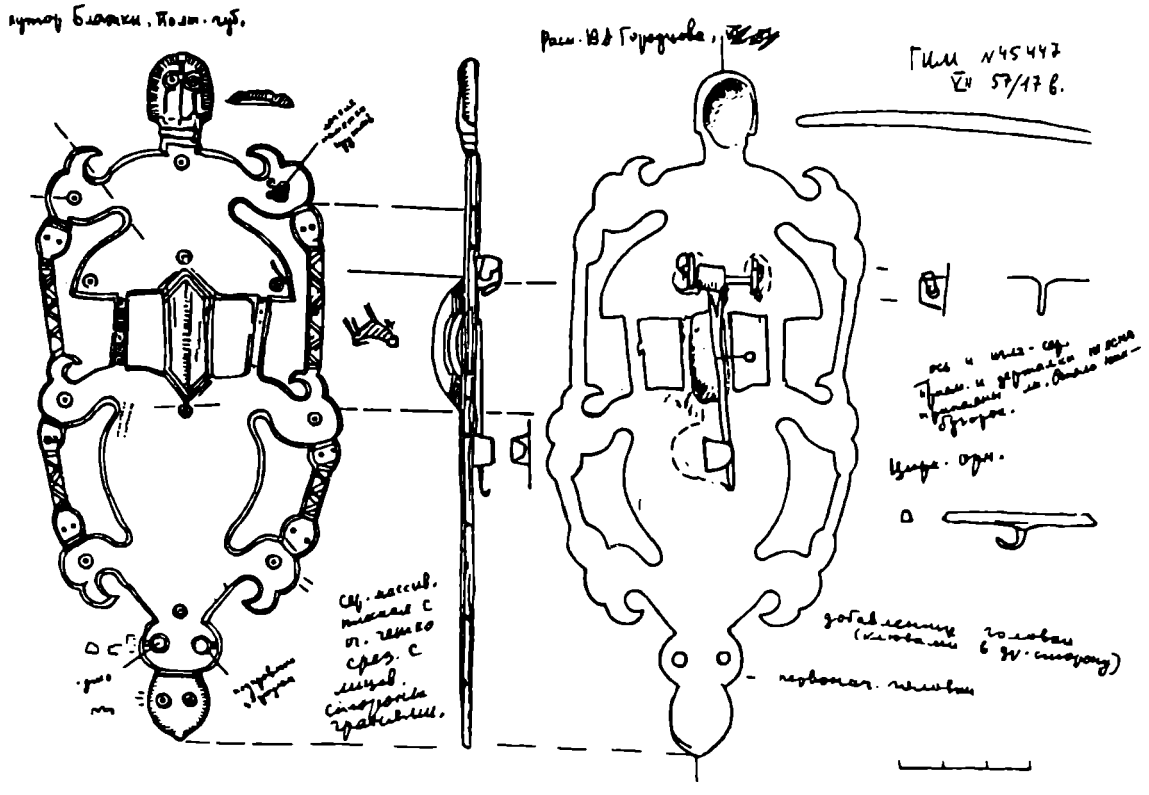


Рис. 2. Фибула из Блажков. Рабочий рисунок А. К. Амброза

выступах тщательно награвированные рисунки птиц, а непонятные ноздри окажутся просто хохолком из маленьких перьев. Хохолок, длинная изогнутая шея — все это особенности павлина, служившего излюбленным мотивом византийского искусства. Теперь понятно, почему ромбическую пластину пальчатых фибул художник превратил в одутловато-овальную — именно так выглядели бы спины павлинов: толстое туловище, тонкая гибкая шея и хохолок из перышек на голове. Не петух, не утка, не козел, а экзотический для Поднепровья павлин — вот сюжет мартыновской фибулы. Уже одно это выдает работу иноземного автора, скорее всего византийца. Получив заказ сделать пальчатую фибулу и будучи совершенно незнакомым с канонами их изготовления, он по-своему переосмыслил и внешний вид, и сюжеты имитируемых изделий, опустил даже рельефный декор плоскостей, но ярко сохранил общее сходство с пальчатыми. Впрочем, сохранен даже спиральный декор, но гравирован и дополнен мотивом перистых листьев пальмы («елочкой»). Даже голова человека с «плечами» легко укладывается в контур обычной у пальчатых фибул крупной звериной головы (рис. 1, *б*) и тоже является результатом переосмысления чуждого мастеру мотива. Не связанный сковывающим влиянием традиций, «мартыновский» мастер, сам того не зная, создал новую, очень живучую форму фибул.

Вероятно, новая фибула была создана не одна, они стали популярны в Поднепровье и вызвали много разнообразных подражаний. Фибула из 113 могилы Суук-Су в Крыму [18, рис, 131, 133], явно там привозная, тоже гравирована «пальмовыми листьями», но и крайне грубо; схематично прорисованы на ней и павлиньи головы. Сама форма фибулы иная, к ней мы еще вернемся. Сейчас важно подчеркнуть, что дело не ограничилось механическим копированием мартыновской фибулы, влияние нового стиля охватило разные типы днепровских фибул. Наиболее близка мартыновской роскошная серебряная фибула из Блажков, бывш. Полтавской губ. (рис. 2), но это уже произведение местного мастера, во многом самостоятельное. Здесь бесспорно показаны головы птиц, так как их

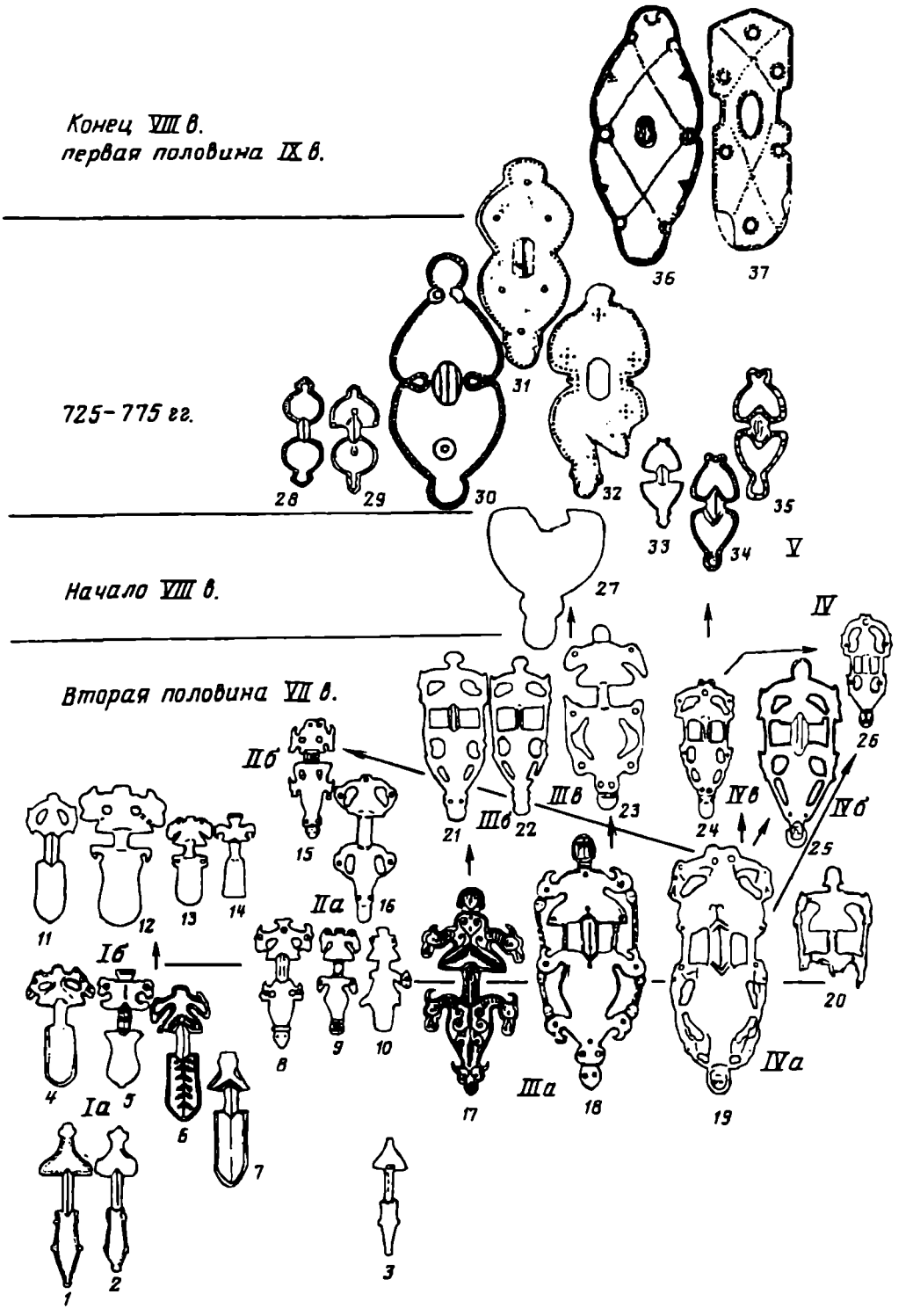


Рис. 3. Эволюционно-типологическая схема антропо-зооморфных фибул. *1* — Венгрия; *2* — Бригецио; *3* — Киевская губерния; *4* — Поставлуки; *5—6* — Суук-Су, склеп 131; *8* — Суук-Су, погр. *55*; *9* — Крым; *10* — Бакла; *11* — остров Кизлевый; *12* — Молочарня; *13*, *15*, *16*, *20—22*, *24—26*, *28*, *33*, *34* — Пастырское; *14* — Трощин; *17* — Мартыновка; *18* — Блажки; *19* — Киев, Маложитомирская ул., аналог — Пастырское; *23* — Врбас; *27* — Залесье; *29* — Пастырское, аналог — Степанцы; *30* — Харьевка; *31*, *32* — Пастырское, клад 1949 г.; *35* — Среднее Поднепровье; *36* — Ивахники; *37* — Песчанка

головы отделены от «ноздрей» двумя-тремя линиями. Длинные изогнутые шеи и одутловатые спины давали повод говорить о водоплавающих птицах [15, с. 80], но ведь у тех клюв совсем другой формы — неужели мастер, если он брал формы из жизни, был так неумел? Далее, удивляют змеи, вырастающие из клюва одной птицы и впивающиеся в затылок другой. Ниже птицы обращены друг к другу затылками и у змей появились две головы: одна, где обычно, другая на кончике хвоста. Голова человека превратилась в бесформенную «харю» не то зверя, не то человека, на исходный мотив указывает только штриховка «прически», но волосы на ней уже не спадают вниз, а торчат в стороны, как щетина. Все эти «жуткие» образы найдут объяснение, если повернем и эту фибулу вниз пружиной. Прежде всего, мастер использовал два источника: одну из работ «мартыновского» художника и пальчатые фибулы. С последних перенесена композиция на конце острой пластины: большая голова зверя с глазами и ноздрями на преувеличенно раздутом носу (но все крайне схематизировано для двупластинчатой фибулы), окруженная парой орлиных голов. Дужка с полосками тоже характерна именно для пальчатых, остальная композиция точно повторяет мартыновскую, вплоть до «плеч» у головы с «волосами», но нелепо узкие плечики на фибуле из Мартыновки здесь более естественно широкие. На блажковской фибуле появилось важное новшество: прямые перемычки. В чисто конструктивном виде они сделаны по бокам дужки и, вероятно, придуманы уже предшественниками «блажковского» мастера, которым казалось, что мартыновские фибулы с далеко выходящими выростами будут непрочны: их и соединили тяжами, придав фибулам дополнительную ажурность и «цветистость».

Создавшему блажковскую фибулу искусному местному мастеру были также чужды и непонятны павлины «мартыновского» мастера, как тому — древнегерманский декор пальчатых фибул. Необходимость ввести в композицию тяжи дала ему оригинальную идею: трактовать хохолки как головы змей. Чтобы в последнем не было сомнения, он и туловище змей покрыл зигзагом. Новшество не привилось, так как больше днепровских фибул со змеями не найдено. Другие мастера предпочитали механически притыкать откровенно конструктивные тяжи к головам и носам зверей и клювам птиц. Элементы новаторства в творчестве создателя фибулы из Блажков говорят о его больших знаниях и тонком вкусе, стремлении художественно осмыслить и безликие в этом отношении детали. Но в отличие от «мартыновского» мастера он уже имел перед собой новую, признанную традицию и был ею связан, он мог лишь осмысливать по-своему непонятные подробности, но выйти из «заданной» схемы уже не мог. Дальнейшее творчество идет во многом ощупью, сдерживаемое новым каноном, отсюда смутность образов, психологическая невозможность для мастеров произвольно и ясно изобразить реальное животное: козла, петуха и др., они должны были его вписывать в контуры, заданные мартыновским мастером. Таковы законы традиционного народного творчества. И только эта гипотеза позволяет объяснить всю пестроту антропо-зооморфных фибул и противоречия их развития.

Реален ли такой путь от единичного и случайного к общему? Ведь народное прикладное творчество только кажется безличным, на самом деле в нем всегда играли определяющую роль отдельные мастера, давая начало новой традиции. Для раннего средневековья Э. Бакка [19] смог проследить перенос в Южную Англию из Дании производства фибул в первом зверином стиле и самые ранние, высококачественные образцы связал с приездом одного датского художника, которого по его новому месту творчества назвал «кентским» мастером. Позднейшее производство этих вещей в Англии все более приобретало черты локального своеобразия, теряя присущие Дании особенности высокого стиля. Поэтому я и решился говорить о «мартыновском» мастере как о художнике со своим неповторимым почерком. Становилось традицией, «шло в тираж» не все созданное яркими мастерами-новаторами, а только то, что отвечало запросам времени. В Поднепровье в это время шел поиск собственного художественного языка. В истории «молодых» народов наступал момент, когда складывающиеся идеологи-

ческие представления требовали более совершенной формы для своего воплощения. Так, архаическое искусство эллинов или скифов нашло исходные формы на Востоке, древних германцев — в поздней античности. Днепровские анты сначала пытались приспособить для своих нужд готовую символику пальчатых фибул Подунавья, но излюбленных готами хищных зверей и птиц оказалось для них недостаточно; давно застывшие, строго определенные традицией образы пальчатых фибул сковывали фантазию антов, не соответствовали их представлениям о мироздании. Экзотичные изделия «мартыновского» мастера открыли путь этой фантазии, их непонятность позволяла, не прибегая к резкому нарушению заданного нового направления, видеть в них то, что хотелось видеть жителям Поднепровья. Как и зрителю XX в., им чудились там козлы, петухи, утки, пусть очень странно выглядящие, далекие от реальности. Все это стало отправной точкой для сложения новой традиции, как более отвечающей местному мировоззрению. Поэтому на Днепре быстро слилось в один поток все прежнее разнообразие антских пальчатых и двупластинчатых фибул — отсюда такая пестрота их ранних образцов, невозможность выстроить их в единый и последовательный эволюционный ряд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1//СА. 1971. № 2.
2. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.
3. *Амброз А. К.* О двупластинчатых фибулах с накладками — аналогии к статье А. В. Дмитриева «Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо»//Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
4. *Амброз А. К.* Фибулы Юга европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э.//САИ. 1966. Вып. Д1—30.
5. *Амброз А. К.*//СА. 1966. № 4.— Рец. на кн.: *Werner J.* Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. 1. Die Fibeln. B., 1961.
6. *Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.)//КСИА. 1968. Вып. 113.
7. *Амброз А. К.* Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в.//МИА. 1970. № 176.
8. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 2//СА. 1971. № 3.
9. *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.//Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
10. *Амброз А. К.*//СА. 1980. № 1.— Рец. на кн.: *Bierbrauer V.* Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
11. *Амброз А. К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су//Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
12. *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989.
13. *Калитинский А. П.* К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России//Seminarium Kondakovianum. 1928. V. 2.
14. *Рыбаков Б. А.* Древние русы//СА. 1953. Т. XVII.
15. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
16. Guide to Anglo-Saxon Antiquities. Oxford, 1923.
17. *Werner J.* Slawische Bugelfibeln des VII Jahrhunderts//Reineke-Festschrift. Mainz, 1950.
18. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 2//ЗООИД. 1907. Т. XXVII.
19. *Bakka Es.* On the begining of Salin's style I in England. Bergen, 1958.

Заметки

В. М. ЗУБАРЬ

ПО ПОВОДУ ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ПИСЬМЕННОГО ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ОЛЬВИИ СЕРЕДИНЫ II В.

(SHA, Ant. Pius., 9,9)

Еще М. И. Ростовцев, анализируя эпиграфические памятники, связанные с римским военным присутствием, писал, что одним из важных нарративных источников по истории Ольвии в первые века нашей эры является сообщение Юлия Капитолина о военной помощи, которая была оказана городу в его борьбе с тавроскифами в правление Антонина Пия (138—161 гг.) [1, с. 12—13]. Такая интерпретация этого источника не встретила каких-либо возражений и была принята большинством исследователей, которые в той или иной мере занимались историей Ольвии в римский период [2, с.13—14]. Причем именно на основании сообщения Юлия Капитолина делался вывод о том, что в правление этого императора в Ольвию был выведен римский гарнизон [3, с. 62; 4, с. 133; 5, с. 177—178; 6, с.72; 7, 31—32]. Однако в настоящее время появился ряд данных, которые не позволяют согласиться с таким однозначным выводом и несколько иначе интерпретировать это место из «Истории Августов», а также вопрос о времени появления римского гарнизона в Ольвии.

В «Истории Августов» при перечислении заслуг Антонина Пия сообщается, что этот император послал на помощь войска в Понт против тавроскифов и, победив последних, заставил их дать заложников ольвийцам (SHA, Ant. Pius., 9,9) [8, с.66][1]. Из этого места следует, что угроза Ольвии исходила от тавроскифов, в которых следует усматривать какую-то группу населения Крымской Скифии. К сожалению, контекст сообщения Юлия Капитолина не позволяет его уточнить, поэтому для правильной интерпретации необходимо обратиться к тем категориям источников, которые позволяют объективно оценить историческую достоверность приведенных данных.

Плиний, который, очевидно, использовал какие-то более ранние источники, писал, что скифотавры занимали горную часть Таврики и с Запада граничили с Херсонесом, а с Востока — со скифами-сатавками (сатархами) (Plin. NH, 85; ср.; Eust. k Dion Per., 163) [11, с. 134, 143; 12, с. 82—83, рис. 17]. Э. И. Соломоник в специальной работе, посвященной анализу термина «тавроскифы» отметила, что в первые века нашей эры — это тавры горной и частично предгорной части Крыма, которые испытывали определенное влияние скифов и, возможно, частично смешались с ними [13, с. 155]. Исходя их того, что в I—II вв. Крымская Скифия переживала подъем, а также использовав сообщение Юлия Капитолина, Э. И. Соломоник предполагала участие в военных действиях против Ольвии в середине II в. поздних скифов, живших в Таврике [13, с. 154, прим. 5][2]. Однако значительное удаление Ольвии от позднескифских центров Крыма не позволяет

[1] Следует отметить, что в более поздней работе М. И. Ростовцев отнес появление римского гарнизона в Ольвии ко времени правления Адриана [1, с. 13; см. также 9, с. 105; 10, с. 33].

[2] Показательно в этом отношении и то, что на карте Агриппы, в основе которой лежали более ранние источники, граница между Скифией и Сарматией проходила у Перекопа [14, с. 44—46].

© В. М. Зубарь, 1993 г.

согласиться с этим выводом. Поэтому для того чтобы выяснить возможность участия в этих событиях населения Таврики, необходимо хотя бы в самых общих чертах обратиться к анализу военно-политической обстановки в этом районе и в степной зоне Северного Причерноморья.

Эпиграфические источники свидетельствуют, что в начале II в. скифы терпят поражение от Савромата I (93/94—123/124 гг.), а затем и от Котиса II (123/124—132/133 гг.) [12, с. 165; 15, с. 32, 33; 16, с. 110—119], что, естественно, не могло не отразиться на их военном потенциале. Причем следует особо подчеркнуть, что ослабление поздних скифов в первой половине II в. нельзя связывать исключительно с победами боспорских царей. Определенную роль в этом процессе сыграла внешнеполитическая обстановка в степной зоне Северного Причерноморья, где в это время ведущей силой становится аланский союз племен [17, с. 12; 18, с. 141; 19, с. 132].

С появлением новых сарматских племен, двигавшихся с востока, связано угасание жизни и гибель позднескифских городищ Нижнего Днепра [17, с. 221; 20, с. 236—237; 21, с. 277]. Обострение обстановки в Поднепровье затронуло и поздних скифов Крыма, о чем свидетельствуют погребения, открытые на территории Неаполя Скифского, и особенно так называемое погребение аланского военачальника [22, с. 170]. На основании скрупулезного анализа вещей из этого комплекса Т. Н. Высотская пришла к выводу о том, что оно может быть датировано началом II в. [23, с. 202—203, рис. 94]. Это позволяет предполагать, что во II в. Неаполь, как и позднескифские городища Нижнего Днепра, был разгромлен аланами, с которыми следует связывать по крайней мере часть захоронений, обнаруженных при раскопках жилых кварталов позднескифской столицы [24, с. 37—39]. Причем есть основания относить это событие ко времени не позднее первой половины II в. [25, с. 17; 26, с. 50—51].

Исходя из сказанного, можно заключить, что позднескифское население Таврики и Нижнего Поднепровья было в первой половине II в. значительно ослаблено и не могло в это время участвовать в сколько-нибудь серьезных военных действиях за пределами своей территории, а тем более создать непосредственную угрозу Ольвии или ее ближайшей округе. Скорее всего, Ольвийское государство подверглось набегам аланских племен, которые двигались на запад через степную зону Северного Причерноморья. В справедливости такого заключения убеждает и археологический материал, обнаруженный на городищах ольвийской периферии [7, с. 31—32]. Если сделанное заключение правомерно, то военные столкновения ольвиополитов с варварами следует относить не к середине, а к первой половине II в. [1, с. 13].

В связи с этим особый интерес приобретает вопрос о том, когда в Ольвии появляется гарнизонная вексилляция [3]. Ключевым для его решения является датировка латинской надписи с упоминанием вексилляции I Италийского и V Македонского легионов, которая находилась под командованием центуриона XI Клавдиева легиона. Эта строительная надпись является, пожалуй, самым ранним надежным источником по вопросу о присутствии римского гарнизона в городе в третьей четверти II в. (IOSPE, I [2], № 322) [4].

Как считал М. И. Ростовцев, этот эпиграфический памятник датируется периодом не ранее правления императора Адриана (117—138 гг.), так как именно с этого времени на территории Нижней Мезии фиксируется присутствие подразделений XI Клавдиева легиона, и не позднее правления Марка Аврелия (161—180 гг.), когда V Македонский легион был выведен в Дакию [1, с. 12]. Однако в настоящее время, используя данные о передвижении римских воинских частей на территории Нижней Мезии и Северного Причерноморья, эту датировку можно сузить.

После второй Дакийской войны и образования провинции Дакия V Македонский

[3] Мы сознательно оставляем в стороне проблему взаимоотношений Рима и Ольвии во второй половине I—начале II в. [подробнее см.: 27, с. 27—32].

[4] Интерпретации этого памятника посвящена наша совместная статья с Н. А. Сон.

легион был переведен в Трезмис и взял под свой контроль охрану границы империи по Дунаю от Капидавы до Новиодунума, включая укрепления Барбоши и Орловку [28, с. 61, рис. 1; 29, с. 32—33]. Солдаты этого соединения дислоцировались в первой половине II в. в Тире, а с середины II в. в Херсоне [30, с. 98; 31, с. 67; 32, с. 26—29]. Поэтому не будет большим преувеличением предположить, что и Ольвия должна была входить в зону, военная защита которой осуществлялась силами V Македонского легиона.

На территории Нижней Мезии V Македонский легион находился до 60-х годов II в., а затем, видимо, в связи с реорганизацией охраны границ империи на Дунае в ходе Маркоманнских войн, был выведен в Дакию, где и оставался вплоть до ее эвакуации в 271 г. [29, с. 32—33; 33, с. 72; 34, с. 143]. В связи с этим, во второй половине 60-х годов II в. V Македонский легион свернул свои вексилляции, располагавшиеся на территории Нижней Мезии, Северо-Западного и Северного Причерноморья. Видимо, именно в это время гарнизоны Тиры и Херсонеса переходят под командование офицеров I Италийского легиона (IOSPE, I², № 417) [30, с. 98; 31, с. 65]. О том, что это был постепенный процесс, а не единовременный акт, свидетельствуют памятники керамической эпиграфики из Тиры, где V Македонский легион упоминается на втором месте, а вся вексилляция возглавлялась уже центурионом I Италийского легиона [30, с. 99, рис. 32]; надпись из Адамклиссии, из которой следует, что этот легион в оперативном отношении уже был подчинен командованию провинции Дакия [29, с. 46, 279]; а также рассматриваемый эпиграфический памятник из Ольвии, в котором говорится, что вся вексилляция находилась под командованием центуриона XI Клавдиева легиона. Видимо, и после официального перевода штаба и основной массы подразделений V Македонского легиона в Дакию часть его солдат какое-то время еще находилась на территории Нижней Мезии, а также в античных центрах Северо-Западного и Северного Причерноморья, пока им на смену не пришли солдаты других воинских подразделений. Исходя из сказанного, ольвийскую строительную надпись с упоминанием трех нижнемезийских легионов следует датировать второй половиной 60-х или началом 70-х годов II в. До появления новых данных только с этого времени можно с уверенностью говорить о присутствии в городе гарнизонной вексилляции.

Возвращаясь к сообщению Юлия Капитолина, следует еще раз подчеркнуть, что его историческая достоверность в отечественной историографии не вызывала сомнений. Однако Р. Сайм, проведя скрупулезный анализ текста «Истории Августов», пришел к выводу о том, что она была написана между 392 и 394 г. одним автором и очень близка «Истории» Аммиана Марцеллина, а также содержит значительное количество фактических ошибок и неточностей. Поэтому к сведениям, которые имеются в этом источнике, нужно относиться с большой осторожностью и считаться с возможностью фальсификаций [35, с. 70, 73—74, 165—175 и др.]. Более того, как было показано, сообщение, приписываемое Юлию Капитолину, плохо согласуется с военно-политической ситуацией в Таврике и в степной зоне Северного Причерноморья в середине II в., а также с эпиграфическими памятниками, свидетельствующими о присутствии в Ольвии римского гарнизона.

В свете сказанного было бы весьма заманчиво связывать сообщение о нападении тавроскифов не с Ольвией, а с Херсонесом, и считать это место в «Истории Августов» еще одной ошибкой ее автора, который перепутал названия этих античных центров Северного Причерноморья. В 30-х—40-х годах II в. Херсонес испытывал давление со стороны окружающих варваров, в которых следует усматривать в первую очередь обитателей предгорий и горной части Таврики, а также, возможно, сармат, проникавших в этот район наиболее интенсивно со II в. [32, с. 25, прим. 14; 36, с. 128]. С таким предположением хорошо согласуется и то, что именно в правление Антонина Пия Херсонесу были дарованы права элевтерии и, видимо, одновременно с этим оказана прямая военная помощь (IOSPE, I², № 362) [32, с. 26—27]. Причем наличие на мысе Ай-Тодор римского военного поста уже около 120 г. свидетельствует о том, что римляне внимательно следили за развитием обстановки

в Таврике и могли без особого труда расширить масштабы своего военного присутствия в этом районе [37, с. 112—113]. Однако настаивать на такой трактовке рассмотренного отрывка из «Истории Августов», вероятно, сейчас преждевременно, так как в пользу сделанного предположения имеются лишь косвенные данные.

Таким образом, в настоящее время, как представляется, имеются веские основания поставить под сомнение историческую достоверность фрагмента «Истории Августов», в котором говорится о нападении тавроскифов на Ольвию. Учитывая, что при написании этого труда источники использовались без должной тщательности, а возможно, и просто фальсифицировались, SHA, Ant. Pius, 9,9 не может безоговорочно использоваться для реконструкции истории Ольвии в середине II в. и привлекаться для решения вопроса о времени появления римского гарнизона в этом северопричерноморском центре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58.
2. *Славин Л. М.* Древний город Ольвия. Киев: Изд-во АН УССР, 1951.
3. *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
4. *Беляев С. А.* К пониманию CIL, VIII, 619 // ВДИ. 1968. № 4.
5. *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наук. думка, 1985.
6. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1989.
7. *Буйских С. Б.* Ольвийско - «тавро-скифская» война // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей. Київ,1989.
8. *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1908. Вып. 27.
9. *Славин Л. М.* Периодизация исторического развития Ольвии // Проблемы истории Севера Причерноморья в античную эпоху. М.; Л., 1959.
10. *Кадеев В. И., Дьячков С. В.* Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I—III вв. // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. Парутино, 1985.
11. *Десятшиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. 1.
12. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первые века н.э. М.: Наука, 1990.
13. *Соломоник Е.І.* Про значення термінa «тавроскіфи» // АП УРСР. 1962. Т. 11.
14. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
15. Корпус Боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965.
16. *Раевский Д. С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. — II в. н. э.) // ВДИ. 1973. 2.
17. *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Київ: АН УРСР, 1962.
18. *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // МИА. 1971. № 177.
19. *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этнографии Восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // Археологический сборник. 1971. № 16.
20 *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64.
21 *Абрамова М. П.* Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра // МИА. 1962. № 115.
22. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1957. Вып. 37.
23. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
24. *Пуздровський О. Е.* Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. 1989. № 3.
25. *Храпунов И. Н.* Поздние скифы на Днепре и в Крыму // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
26 *Щукин М. Б.* На западных границах Сарматии // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989.
27. *Виноградов Ю. Г.* Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности. Тез. докл. М., 1990.
28. *Dorutiu-Boila E.* Teritorial militar al legiunii V Macedonica la Dunarea de Jos//SCIV. 1972. T. 23. № 1.
29. *Aricescu A.* Armata în Dobrogea Romana. Bucureşti: Ed. Militara, 1977.
30. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев: Наук. думка, 1985.
31 *Сон Н. А.* Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. 1986. № 4.
32. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков: Выща шк., 1981.
33. *Fitz J.* Military History of Pannonia from the Marcomann War to the Death of Alexander Severus (180—235) // AAH. 1962. T. 14. Fusc. 1—2.
34. *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa: Novensia, 1988.
35. *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford: Univ. Press, 1968.
36. *Граков Б. Н.* Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3.
37. *Зубар В. М.* Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2.

Институт археологии
АН Украины, Киев

Я. В. КУЗЬМИН

СОПОСТАВЛЕНИЕ ХРОНОЛОГИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Задачей исследования является сопоставление независимых источников о возрасте поселений — исторических, археологических и радиоуглеродных. Исторические и археологические данные — это летописи, монеты и другие предметы с указанием года выпуска. Естественно, что они дают только один возрастной предел (не ранее такого-то года) и в некоторой степени условны. Радиоуглеродные данные показывают время прекращения жизни датируемого материала, которое в целом довольно близко ко времени его жизни. Переход от радиоуглеродных лет к календарным, т. е. калибровка датировок, проводилась по графикам, полученным М. Стювером и Р. Пирсоном [1]. Всего для сравнения отобрано 27 датировок, опубликованных ранее (таблица).

Рассмотрим кратко результаты археологических и исторических работ применительно к календарной хронологии памятников. Для мохэского поселения у Осинового озера найдены монеты Кайюань тунбао, имевшие хождение длительное время; начало выпуска — 621 г. н. э. [2]. Могильник у с. Троицкое датируется VII—IX вв. н. э.; подчеркивается близость материала поселений у Осинового озера и Куркуниха к Троицкому могильнику [3].

Селище Корсаковское 2 относится к позднему этапу Бохая в Приморье [4].

Верхний слой поселения Синие Скалы датируется VIII в. н. э. [5]; на поселении найдены монеты Кайюань тунбао.

Для территории Нижнего Приамурья имеется ряд находок монет в средневековых могильниках. В могильнике Болонь найдены монеты Сянь-юань-бао династии Северная Сун XI в. н. э.; Юань-фэнь-тунбао XI в. н. э. [6]. Для памятника Сикачи-Алян 1 известны четыре сунские монеты — Цзин-ю юань бао (1034—1038 гг. н. э.), Чжао шэн-бао (1094—1098 гг. н. э.), Чун-нин (1102—1106 гг. н. э.) [7]. Для раннего погребения Корсаковского могильника № 20 известна находка монеты Кайюань тунбао и Северная Ци (чеканилась с 553 г. н. э.). Погребения № 20 и 89 датируются археологически концом VI — первой половиной VII в. н. э. [8]. Для следующего этапа существования могильника в погребении № 311, датируемом концом VIII — началом IX в. н. э., найдены монеты Кайюань тунбао и Цянь юань (758—760 гг. н. э.). Погребения № 38 и 277 относятся к этапу существования могильника в первой половине X в. н. э.; к ним близки археологически погребения № 14 и 18 Надеждинского могильника и погребение № 7 Дубовского могильника, относящиеся к концу X — первой половине XI в. н. э. [7]. Для Хорского городища известна находка монеты Кайюань тунбао (сообщение В. Е. Медведева).

Для средневековых памятников Приморья имеется большое количество монет. Наиболее интересны для датирования вещи с известной датой выпуска. На Лазовском городище в жилище № 9 найдена гиря, выпущенная в 1206 г. н. э. на Ляодуне [9]. На Шайгинском городище найдена серебряная верительная пластина, выпущенная в 1145 г. н. э. [10]. Для поселения Осиновка по керамике установлено, что оно существовало в эпоху династии Юань (1271—1368 гг. н. э.) [11].

Русское поселение Албазино существовало во второй половине XVII в. н. э., до 1689 г. [12].

Перейдем к анализу результатов калибровки радиоуглеродных датировок средневековья Дальнего Востока России. Мохэские памятники укладываются в интервал 210—941 гг. н. э., наиболее плотно — 420—560 гг. н. э., т. е. V—VI вв. н. э. Согласование с археологическим возрастом хорошее.

Для памятника Синие Скалы калиброванная датировка — 547—648 гг. н. э., что хорошо соответствует нумизматической дате — не моложе 621 г.

© Я. В. Кузьмин, 1993 г.

Калибровка радиоуглеродных датировок средневековых памятников Дальнего Востока России

№ п. п.	Период, поселение	Радиоуглеродная датировка, л. н.	Калиброванная дата, от Р. Хр.
	Мохэ, IV—VIII вв. н. э.		
1	Новоселище 2	1680 ± 70(Ки—3167)	249—430
2	Водораздельная	1660 ± 140(МГУ—756)	210—560
3	Благословенное 2	1600 ± 20(СОАН—1615)	419—443
4	Куркуниха	1560 ± 60(РУЛ—287)	420—562
5	Гвоздево 2	1360 ± 240(МГУ—942)	461—478; 520—890
6	Троицкий могильник	1165 ± 30(СОАН—626)	807—898; 920—941
	Ольгинская культура, V—VIII вв. н. э.		
7	Синие Скалы, верхний слой	1460 ± 50(ЛЕ—657)	547—648
	Бохай, 698—926 гг. н. э.		
8	Корсаковское 2	1090 ± 30(Ки—3629)	897—975
	Амурские чжурчжэни		
9	Корсаковский могильник, погр. 89	1400 ± 25(СОАН—1630)	635—655
10	», погр. 277	1030 ± 40(ЛЕ—1776)	974—1019
11	», погр. 28	1030 ± 25(СОАН—1629)	984—1013
12	Дубовое, погр. 7	965 ± 40(СОАН—1674)	1018—1048; 1090—1119; 1142—1153
13	Надеждинский могильник, погр. 14	970 ± 30(СОАН—624)	1018—1031
14	», погр. 18	915 ± 45(СОАН—623)	1030—1166
15	Болонь	860 ± 50(ЛЕ—826)	1047—1093; 1118—1246
16	Хорское городище, ж. 11	940 ± 60(ГИН—6786)	1018—1166
	Чжурчжэни Приморья		
17	Шайгинское городище, ж. 251	908 ± 45(Ки—3153)	1038—1183
18	»	854 ± 55(ТИГ—242)	1047—1093; 1118—1246
19	»	820 ± 50(ТА—2017)	1165—1265
20	Ананьевское городище	830 ± 60(ТА—2016)	1159—1260
21	Лазовское городище, печь 2	780 ± 40(Ки—3163)	1225—1270
22	», печь 3	790 ± 50(Ки—3155)	1216—1275
23	», печь 4	710 ± 40(Ки—3154)	1265—1283
24	»	742 ± 60(ТИГ—241)	1244—1283
25	Сергеевка, погр.	780 ± 65(РУЛ—172)	1216—1275
	Династия Юань, 1271—1368 гг. н. э.		
26	Осиновка	640 ± 30(Ки—3170)	1287—1308; 1357—1381
	Позднее средневековье, XVII в.		
27	Албазино	280 ± 15(СОАН—1213)	1525—1566; 1629—1642

Единственная датировка по бохайскому памятнику Корсаковское 2 хорошо согласуется с археологическими представлениями.

Малое количество радиоуглеродных датировок по мохэской, ольгинской и бохайской культурам не дает пока возможности сделать уверенные выводы о соответствии археологических и радиоуглеродных данных. Гораздо больше материалов накоплено по чжурчжэньским памятникам Приморья и Приамурья — 17 датировок (таблица, № 9—25).

Радиоуглеродные датировки по чжурчжэньским памятникам укладываются в календарный интервал 635—1283 гг. н. э.; наиболее плотно в два интервала —

1045—1165 гг. и 1215—1275 гг. н. э. Как и по археологическим данным, наиболее ранняя дата получена для погребения № 89 Корсаковского могильника — 635—655 гг. н. э. Для погребений № 38 и 277 Корсаковского могильника и погребений № 14 и 18 Надеждинского могильника, а также погребения № 7 Дубовского могильника калиброванные датировки очень близки к археологическим — это в основном конец X—XI в. н. э. Для могильника Болонь даты также хорошо соответствуют — XI—XII вв. н. э. Очень близки между собой по возрасту основные чжурчжэньские памятники Приморья — Шайгинское, Лазовское и Ананьевское городища; калиброванные датировки соответствуют XI—XIII вв. н. э., что подтверждает представления о существовании этих поселений в XII — начале XIII вв. н. э. [11].

Датировка по стоянке Осиновка — 1287—1308 либо 1357—1381 гг. н. э. — хорошо совпадает с археологическими представлениями, согласно которым эта стоянка несколько моложе чжурчжэньских городищ. Для крепости Албазино наиболее приемлема дата 1629—1642 гг. н. э., что лишь на несколько десятилетий моложе исторической датировки.

Таким образом, применение процедуры калибровки стало обязательным при интерпретации датировок по археологическим объектам. Игнорирование калибровки приводит к грубым ошибкам. Простое арифметическое вычитание датировки из года отсчета нуля (обычно 1950 г. н. э.) является элементарным анахронизмом. Примером подобного подхода к радиоуглеродным датировкам средневековых культур Приморья является работа О. И. Дьяковой [13, с. 17, 25—26]. На основании изложенной выше процедуры перехода к календарной шкале (вычитание из 1950 г. абсолютной датировки) она делает далеко идущие выводы о наличии либо отсутствии тех или иных культурных слоев на памятниках, отличающихся по возрасту на 100—200 лет. Как было показано на основе серийного датирования [14], для раннего железного века и средневековья среднестатистическая ошибка измерения радиоуглеродным методом составляет около 300 лет, т. е. ±150 лет. Пытаться с помощью единичных датировок установить различия в 100—200 лет — на мой взгляд, незнание основ радиоуглеродного метода применительно к археологическим объектам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stuiver M., Pearson G. W.* High-Precision Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1950—500 BC // Radiocarbon. 1986. V. 28. № 2B.
2. *Деревянко Е. И.* Датированный позднемохэсский памятник на Среднем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1968. Вып. 3. № 11.
3. *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977.
4. *Шавкунов Э. В., Семениченко Л. Е.* Приморье в составе государства Бохай (698—926 гг.) // История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989.
5. *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя: Железный век. М.: Наука, 1977.
6. *Окладников А. П., Медведев В. Е.* Древний могильник на озере Болонь — памятник чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1970. Вып. 3. № 11.
7. *Медведев В. Е.* Приамурье в конце I — начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск: Наука, 1986.
8. *Медведев В. Е.* Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск: Наука, 1991.
9. *Леньков В. Д.* Археологические исследования на Лазовском городище // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.
10. *Шавкунов Э. В., Певнов А. М., Ивлиев А. Л.* Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.
11. *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990.
12. *Фирсов Л. В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического // Тр. Ин-та геологии и геофизики СО АН СССР. 1976. Вып. 205.
13. *Дьякова О. В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего

Востока СССР (по материалам керамического производства): Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1990.
14. *Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. № 194.

Тихоокеанский институт географии
ДВО РАН, Владивосток

Т. Д. ПАНОВА, Т. Д. АВДУСИНА

О НАХОДКЕ КЛАДА 1991 Г. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

В октябре 1991 г. на территории Московского Кремля в районе Спасской башни был найден клад серебряных украшений домонгольского времени. Клад обнаружен в одном из дворов здания Президиума Верховного Совета СССР, на небольшом участке сохранившегося древнего культурного слоя, мощность которого здесь достигает 4,6 м. Археологам впервые удалось зафиксировать в этой части крепости отложения домонгольского времени. Трудно было рассчитывать на его сохранение на территории, подвергавшейся на протяжении многих веков, особенно в 30-е годы нашего столетия, активной застройке.

В районе находки сохранились лишь нижние горизонты культурного слоя на отметки 3,40 (3,00) — 4,6 м. Клад был зарыт в ямку, вырытую уже в материке, до отметке 5,00 м, что говорит о довольно незначительном жилом слое в момент сокрытия ценностей.

Клад, видимо, был просто зарыт в грунт, без какого-либо вместилища. Не исключено, что его завернули в ткань, которая не сохранилась; следов дерева, глиняного сосуда или бересты здесь нет.

В кладе, состоящем из 23 предметов, представлены все 3 основные группы женских украшений домонгольского времени, известные на сегодня по археологическим материалам.

Прежде всего это украшения головы — трехбусинные височные кольца и шестилучевые зерненые колты. Шесть височных колец, ни одно из которых не сохранилось полностью, разделяются по форме бус на два типа. Пять колец несут на себе прорезные бусины, украшенные сканной проволокой и шариками зерни. Одно из украшений относится по технике исполнения бусин к зерненым.

Колты (их в кладе две пары) представлены типом с шестью лучами грушевидной формы и лунницей.

Вторую группу украшений составляют нагрудные. Прежде всего это три гривны, две из которых витые, а одна плетеная. В состав клада входит и медальон от барм с изображением четырехконечного креста с процветшим нижним концом. Медальон выполнен в технике черни с гравировкой, по краю позолочен.

Интересны бусы. Одна из бусин, с двенадцатью полусферами, находит аналогии только в кладах Старой Рязани и Твери; другая, сохранившаяся лишь наполовину, ажурная, украшена сканью и зернью.

Среди украшений рук выделяется браслет-наруч из двух полусогнутых створок (рис. 1). На одной из них хорошо видны изображения птиц и фантастических животных в арочках — в двух рядах по три в каждом. Браслет выполнен в технике черни. Второй браслет — витой из толстого дрота с утраченными в древности концами.

В кладе также находились пять обрывков витой проволоки.

По своему составу этот клад значительно отличается от найденного на территории Кремля в 1988 г. Кстати, оба комплекса украшений домонголь-

© Т. Д. Панова, Т. Д. Авдусина, 1993 г.

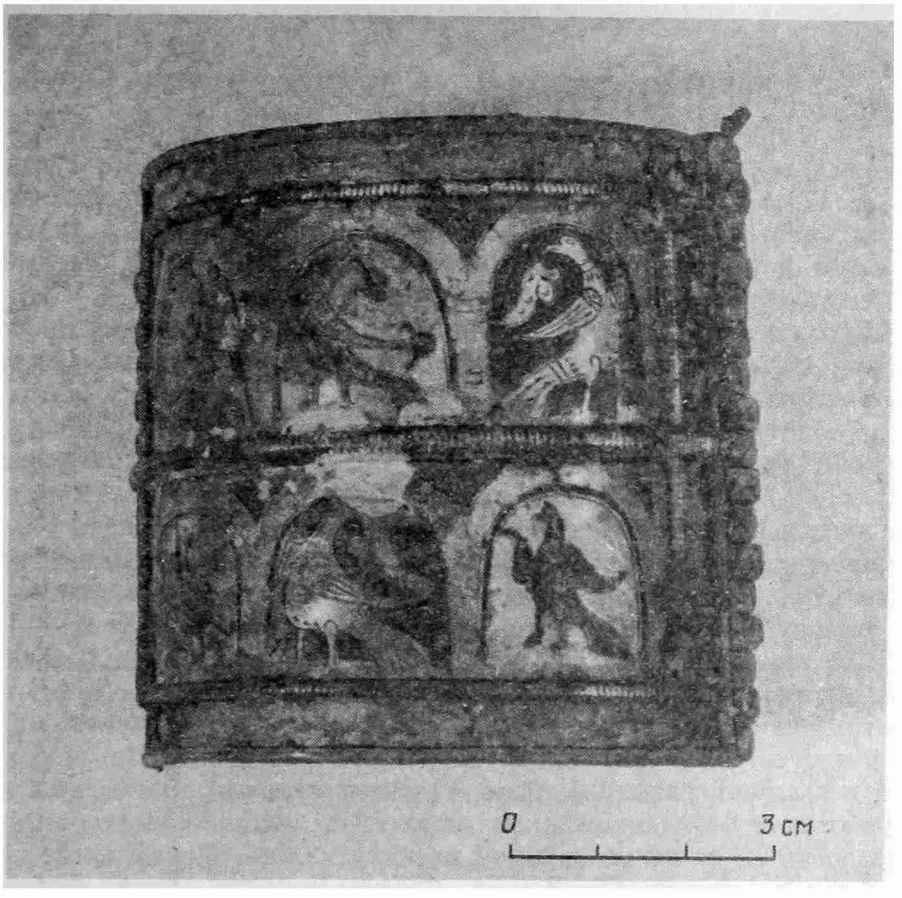


Рис. 1. Браслет-наруч из клада 1991 г. в Московском Кремле

ского времени обнаружены на расстоянии 100—120 м друг от друга. Это выделяет данный участок крепости и позволяет предположить высокий социальный уровень проживавших здесь во второй половине XII — начале XIII в. людей.

Все вещи клада датируются достаточно узко — рубежом XII—XIII вв. Также следует отметить отсутствие в нем предметов дальнего импорта (Восток, Скандинавия), входящих в состав клада 1988 г. — здесь только вещи, характерные для древнерусских центров.

Клад несомненно относится, как и первый, к 1238 г., когда Москва была разорена монголами. Находка уже второго комплекса домонгольских украшений за последние годы на древнейшей территории города вводит в круг источников по истории Москвы важный археологический материал, который представит интерес и для исследователей прикладного искусства Древней Руси.

Культурный слой Кремля, постоянные наблюдения за которым дают столь значительные результаты, достоин бережного сохранения и должен быть огражден от разрушения без серьезных на то оснований.

Государственные музеи
Московского Кремля

Т. И. МАКАРОВА

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ВЕРШКА НА РУСИ

В отношении вершка утвердилось мнение, что он возник на Руси не ранее XVI в. [1, с. 274; 2, с. 21—26]. Л. В. Черепнин аргументировал это мнение тем, что в письменных памятниках вершок упоминается поздно. В то же время остальные меры длины встречаются в ранних произведениях письменности и тем самым неопровержимо подтверждают свою древность.

Б. А. Рыбаков в своих работах об архитектурной математике древнерусских зодчих открыл сложную систему антропометрических мер, применявшихся в Древней Руси [3, с. 67; 4, с. 82—104; 5, с. 105—118]. Вершку в ней тоже места не нашлось. Теоретически доказал его присутствие в системе древнерусских мер А. А. Пилецкий при расчетах по созданию модулора, «Всемера» древнерусских зодчих [6, с. 53—57]. Но в отличие от всех других древнерусских мер, реально на древних вещах вершок обнаружен не был.

Это естественно: в архитектуре, обмеры которой стали фактическим материалом для метрологических исследований, вершок из-за малых своих размеров уловлен быть не мог. По эталону XIX в. он равен 4,445 см, а по эталону XVII в. — 4,48 см [4, с. 106]. В XIX в. русский вершок считался равным верхней косточке большого пальца или средней косточке среднего пальца мужской руки [7, с. 81][1].

Логично предположить использование вершка при изготовлении малых форм прикладного искусства, в частности, ювелирных изделий. Но археологи, как правило, не исследуют размеры вещи. Размеры указываются всегда в соответствующих работах и в коллекционных описях, но никакой информации с точки зрения метрологии из этого до сих пор не извлекалось. Исключение составляют обмеры серебряных цепей XI—XII вв., предпринятые Б. А. Рыбаковым [5, с. 105]. Оказалось, что рабочая часть (без окончания в виде головок драконов) цепи клада 1883 г. в Мироновском фольварке Каневского уезда Киевской губернии [10, с. 91] равна 124 см, что составляет половину великой сажени. Б. А. Рыбаков приводит еще два промера: «тонкой цепочки» из Старорязанского клада 1868 г. [10, с. 144], равной $^1/_4$ косой сажени, то есть локтю в 54 см, и одной из цепей, промеренной им в Киевском историческом музее и равной мерной сажени в 176 см [2, с. 105]. Таким образом, три из наиболее употреблявшихся на Руси четырех саженей на археологических вещах зафиксированы.

Соблюдение мер в изготовлении предметов из драгоценных металлов понятно: условия заказа на их изготовление и оплату предполагали договоренность об их размерах и весе затрачиваемого материала. Если же речь идет о мелких вещах, соблюдение малых мер, как вершок и его части, вполне вероятно.

Обратимся к таким явно заказным вещам, как перстни с княжескими знаками или орнаментальными сюжетами, которые можно считать геральдическими эмблемами [11, с. 241—247]. Именно эти перстни чаще других имеют устойчивые размеры щитка, будь он шестиугольным или квадрифолийным. Эти размеры близки полувершку (от 22 до 26 мм) [2]. Таких перстней, выполненных в технике черни, в настоящее время известно 13 экземпляров [12, рис. 15—16, № 49, 68, 71, 74, 82, 86, 87, 94, 96, 99—101].

---

[1] Н. И. Болотин пишет о двух значениях вершка в древнейших антропометрических системах: это 37 и 44,4 мм [8, с. 86]. На найденных в Старой Ладоге обломках двух счетных палочек (прямоугольных в сечении брусков) С. Н. Орлов увидел нарезки деления в 34 мм, которые принял за вершок, равный средней фаланге указательного пальца мужской руки [9, с. 163—166].

[2] При промерах для шестиугольного щитка измеряется диагональ шестиугольника или диаметр окружности, в который его можно вписать; при промерах квадрифолийного щитка — наибольшая ширина щитка или диаметр окружности, в который вписывается квадрифолий.

© Т. И. Макарова, 1993 г.

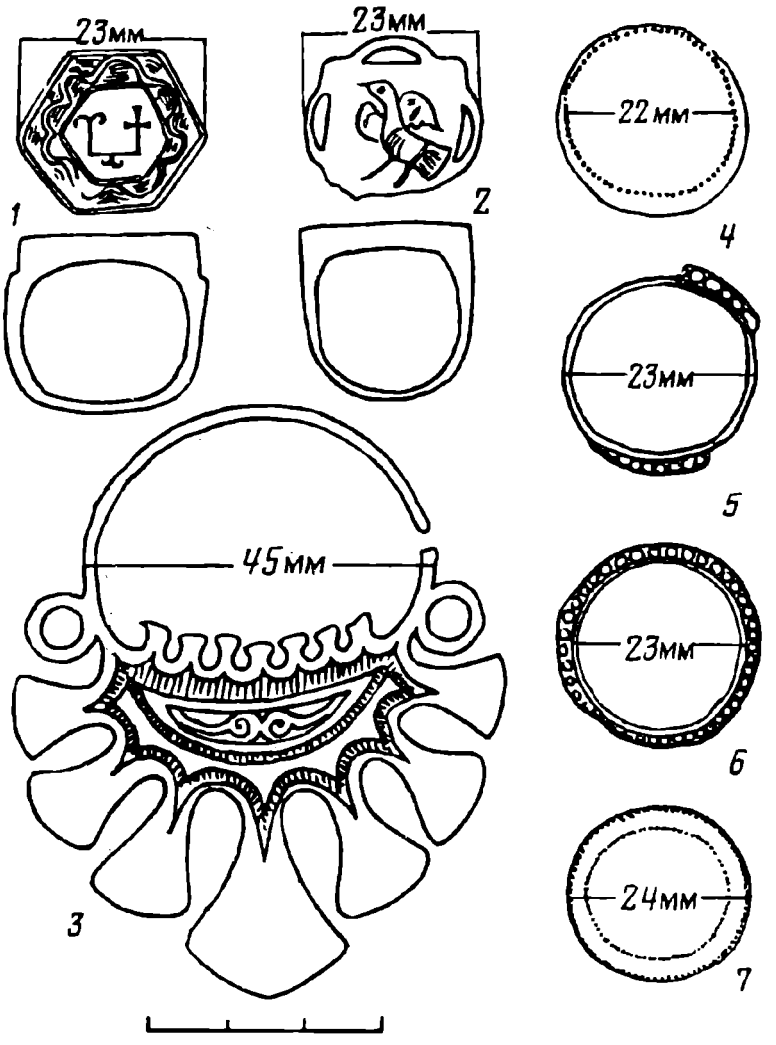


Рис. 1. Предметы, в изготовлении которых можно предполагать применение вершка: *1* — золотой перстень с княжеским знаком из клада в с. Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл.; *2* — серебряный перстень с птицей, Эрмитаж; *3* — семилопастное височное кольцо из раскопок А. В Арциховского 1940 г. Биостанция МГУ, курган № 1; *4* — золотая монета Владимира [15, с. 116, № 1—4;] *5* — серебряная монета Владимира [15, с. 123, № 12, *1*]; *6* — серебряная монета Владимира [15, с. 126, № 17, *3*]; *7* — серебряная монета Ярослава [15, с. 197, № 223, *1*]

Помимо перстней с чернью к этой группе персональных, заказных украшений можно отнести два перстня с гравировкой без следов чернения. Один из них золотой, другой — серебряный. Золотой перстень был найден в составе клада 1970 г. из с. Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл. [13, рис. 17, *1*]. На его шестиугольном щитке помещен княжеский знак, типологически близкий знакам черниговских князей [13, с. 103]. Он обрамлен бордюром из слабо выраженного бегунка, выполненного тонкой гравировкой (рис. 1, *1*). Ширина щитка перстня близка половине вершка (23 мм).

Другой перстень (рис. 1, *2*) происходит из раскопок Нефедова и хранится в Эрмитаже[3]. На его квадрифолийном щитке гравировкой изображена птица с приподнятыми крыльями. Ширина его слегка фрагментированного щитка тоже близка половине вершка (22—23 мм). Приблизительность приводимых малых величин не должна нас смущать. Она обусловлена тем, что перстни, о которых идет речь, выполнены теснением. При этой технике невозможно соблюсти вы-

[3] Эрмитаж, Отдел первобытного искусства. Инв. № 624/652—653. Сведения Т. В. Равдиной (Раскопки Нефедова в 1895 г. в с. Студеный ключ).

бранную меру, тем более, что практической необходимости в точном ее соблюдении не было. И все же тенденцию к соблюдению меры, близкой половине вершка, при изготовлении перстней с геральдическими изображениями на шестиугольном или квадрифолийном щитках можно считать не случайной.

Есть и еще одна категория украшений, где наблюдается та же тенденция. Это семилучевые височные кольца вятичей. Обмерялись орнаментированные височные кольца из курганов XII—XIII вв. в правобережье р. Москвы [14]. При всех изменениях формы кольца, связанных с увеличением лопастей, постоянной величиной оказывался только диаметр дужки (рис. 1, *3*), близкий вершку, т. е. 44 мм. Височные кольца изготовлялись литьем по восковой модели, абсолютной точности в соблюдении выбранной меры и в этом случае быть не могло, но упорство в стремлении сохранить меру, близкую вершку, показательно.

Интересно проследить, не наблюдается ли стремления следовать определенной мере на монетах русской чеканки. Нумизматы тщательно измеряют диаметр монеты, но он неодинаков даже у монет одного типа и колеблется, например, у сребреников Владимира Святославича от 22 до 30 мм [15, с. 121—139]. Иногда он неодинаков даже у монет одного чекана, потому что зависит от диаметра монетного кружка, не идеально стандартного и, естественно, чуть большего, чем нужно для отпечатка штемпеля.

Именно диаметр штемпеля оказывается единственно постоянной величиной для монет одного чекана. Но эта величина в нумизматических работах не приводится, и о ней можно судить только по фотографиям. Естественно, что суждение это будет предварительным и потребует последующей проверки с точными промерами на оригиналах.

Обратимся к фундаментальному изданию Сводного каталога русских монет X—XI вв., составленному М. П. Сотниковой и И. Г. Спасским [15, с. 116—201]. Для четырех златников с надписью «Владимир на столе» указаны диаметры монетного кружка, равные 22, 23—24, 23 мм. Отчеканены они одним штемпелем, диаметр его вместе с бусинным ободком, естественно, меньше самого монетного кружка. Он близок 22 мм, то есть половине вершка [15, с. 115—116] (рис. 1, *4*).

Вторым штемпелем отчеканены три золотые монеты Владимира [15, с. 116—117]. Диаметр монетного кружка на них почти совпадает с диаметром штемпеля, равного 21—22 мм. Третий штемпель имеет диаметр 21 мм, четвертый — 20 мм, пятый — 19 мм [15, с. 117—118]. Итак, все пять штемпелей, которыми отчеканены золотые монеты Владимира, имеют диаметры, близкие половине вершка (от 19 до 22 мм).

Неслучайность этого наблюдения подтверждают промеры штемпелей более частой находки — сребреников Владимира (I тип). Диаметр сребреников значительно увеличивается, монетный кружок достигает 27—28 мм, иногда более чем на миллиметр отступая от бусинного ободка. Интересно, как при этом изменялся диаметр штемпеля. Он увеличивался за счет бусинного ободка, рабочее поле штемпеля с основным изображением оставалось в диаметре, близком той же половине вершка, колеблясь от 22 до 24 мм [15, с. 121—139] (рис. 1, *5*, *6*).

Важно учитывать, что речь идет о первом выпуске монет Владимира Святославича. Нумизматы приурочивают его ко времени двух исторических событий: крещения Руси и женитьбы Владимира на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII в 989 г. Они считают, что за образец при начале русской чеканки были взяты солиды этих императоров [15, с. 60]. Повторяя пробу, вес, композиционный строй изображений, древнейшие русские монеты повторяли и линейные меры, уходящие в глубокую древность. Это касается и вершка [1, с. 274; 8, с. 89].

На монетах последующей чеканки, принадлежащих Владимиру (II, III и IV типов) диаметр рабочего поля штемпеля колеблется от 23 до 26 мм. Сам же монетный кружок становится значительно крупнее, достигая на отдельных экземплярах 33 мм. Неслучайность следования определенной мере, близкой половине вершка, в чеканке монет именно в ее начальный период, связанный с выбором

типа монеты, в какой-то мере подтверждается интересной аналогией. Новгородский князь Ярослав Владимирович предпринял собственную чеканку монет в последние годы жизни своего отца [15, с. 99]. Стилистическая их зависимость от сребренников Владимира очевидна. Для нас важно следование линейных размеров так называемых сребреников Ярослава малого веса древнейшим монетам Владимира — златникам. «Ярославле сребро» малого веса отчеканено тремя штемпелями с диаметром, близким половине вершка (21—22 мм) [15, с. 199—201].

Вопрос о месте и обстоятельствах чеканки малых сребреников Ярослава до сих пор остается дискуссионным [15, с. 102—104]. Ряд исследователей отстаивают русскую, конкретнее — новгородскую их чеканку. Следование в линейных размерах золотым монетам древнейшей русской чеканки в Киеве может быть дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения (рис. 1, *7*). Помимо ремесел, связанных с обработкой металла, вершок зафиксирован и в производстве небольших изделий из дерева [16, с. 244, 245].

Цель данной заметки — призыв к тщательным промерам предметов прикладного искусства, особенно из драгоценных металлов. Может быть, тогда будут найдены и более убедительные свидетельства применения вершка с первых шагов сложения древнерусской системы мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев Н. Т.* О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса//Seminarium Kondakovianum. 1927. Т. 1.
2. *Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944.
3. *Рыбаков Б. А.* Русские системы мер длины XI—XV веков (Из истории народных знаний)//СЭ. 1949. № 1.
4. *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих//Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
5. *Рыбаков Б. А.* Мерило новгородского зодчего XIII в.//Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
6. *Пилецкий А. А.* Модулор в старинных русских мерах//Архитектура СССР. 1976. № 8.
7. *Земзарис Я. К.* Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развития феодализма (XIII—XVI вв.)//Проблемы источниковедения. IV. М., 1955.
8. *Болотин Н. И.* Метрологические особенности и меры в древнерусских памятниках//Изв. вузов. Строительство и архитектура. 1969. № 11.
9. *Орлов С. Н.* К вопросу о древнерусской метрологии//СА. 1957. № 4.
10. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
11. *Макарова Т. И.* Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада//Древности славян и Руси. М., 1988.
12. *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М., 1986.
13. *Якубовский В. И.* Древнерусский клад из с. Городище Хмельницкой области//Археологія. 1975. № 16.
14. *Макарова Т. И., Равдина Т. В.* Семилучевые височные кольца с орнаментом//РА. 1992. № 4.
15. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983.
16. *Макарова Т. И.* Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска. // СА. 1985. № 3.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

Ж. К. Таймагамбетов. Палеолитическая стоянка имени Ч. Валиханова. Отв. ред. Р. С. Васильевский. Алма-Ата: Наука, 1990. 125 с.

Многослойная стоянка им. Ч. Валиханова, известная также под названием Карасу, является, вне всякого сомнения, одним из самых интересных и важных палеолитических памятников Средней Азии. Здесь представлен обильный и весьма своеобразный материал, монографическая публикация которого крайне необходима. Х. А. Алпысбаев, открывший данный памятник и исследовавший его с 1958 по 1962 г., успел дать лишь суммарную характеристику полученных результатов, без детального описания находок и развернутого обоснования своих выводов [1, с. 128—138; 2, с. 5—20; 3, с. 7—12; 4, с. 152—176], так что доступная широкому кругу специалистов информация о стоянке оставалась до последнего времени явно недостаточной. В этом смысле уже само появление книги Ж. К. Таймагамбетова представляет собой отрадный факт, который можно лишь приветствовать.

Сильной стороной рецензируемой работы является, на мой взгляд, прежде всего то, что она содержит многочисленные рисунки каменных изделий. Это позволяет даже читателю, не знакомому непосредственно с самими материалами, составить о них некоторое собственное представление независимо от оценок и интерпретаций, предлагаемых автором книги. Как положительную черту хочется отметить также и вполне приемлемое качество большинства рисунков (как графического, так и полиграфического их исполнения), особенно заметное на фоне ряда других публикаций по каменному веку Средней Азии и Казахстана. Наконец, интересно и достаточно необычно то, что для каждого из описываемых в тексте изделий указывается квадрат, где данная вещь была найдена, и ее коллекционный номер.

Все это говорит о стремлении автора представить анализируемый им материал сколь возможно более полно, за что читатель может быть только благодарен. Вместе с тем некоторые аспекты как описания, так и интерпретации находок вызывают целый ряд вопросов и возражений, ответов на которые книга не дает. Остановлюсь на них более подробно.

Описание. Раздел «Геоморфологическая характеристика района» (с. 22—30) представляет собой фактически пространную незакавыченную цитату из книги Х. А. Алпысбаева [4]. Несколько страниц воспроизводятся почти дословно, если не считать того, что некоторые абзацы поменялись местами (например, Х. А. Алпысбаев описывает террасы р. Арыстанды в хронологическом порядке, от четвертой к первой, а у Ж. К. Таймагамбетова те же самые описания даны в обратной последовательности). Возможно, это связано с отсутствием новых данных по геоморфологии и геологической истории района, но излагать материал в любом случае следовало бы своими словами, а при цитировании давать ссылки.

К сожалению, чрезмерно скупо охарактеризована стратиграфия памятника. По сути, в этом отношении новая монография ничего не добавляет к тому, что уже известно из публикаций Х. А. Алпысбаева, а ведь в 1983 г. автор рецензируемой работы сам проводил на памятнике раскопки, причем одной из основных целей, преследовавшихся при этом, было, как он пишет, уточнение стратиграфии (с. 33). В книге воспроизведен разрез, опубликованный ранее Х. А. Алпысбаевым, но он слишком схематичен и мало что проясняет. Вслед за первоисследователем памятника автор монографии говорит о наличии пяти культурных слоев, но как раз опубликованный разрез заставляет в этом усомниться (в частности, второй и третий слои на рисунке практически сливаются, да и расчленение четвертого и пятого слоев тоже не выглядит безусловным), а отсутствие какой бы то ни было дополнительной информации на этот счет (описаний, фотографий и т. д.) лишь усугубляет сомнения. Если же прибавить к этому, что во всех прижизненных публикациях Х. А. Алпысбаева стоянка им. Валиханова описывается как трехслойная [1, с. 138; 2, с. 18; 3, с. 9] и шифровка

© Л. Б. Вишняцкий, 1993 г.

находок также проводилась по трем слоям (правда, с указанием того, из какой части второго и третьего слоев — верхней или нижней — происходит каждая вещь), то вполне можно заключить, что вопрос о стратиграфии памятника продолжает оставаться совершенно неясным.

Основная часть книги посвящена характеристике выделенных культурных слоев и описанию каменной индустрии каждого из них. Это собственно археологическая, наиболее интересная и важная для специалистов часть работы, и поэтому разбору ее я уделю особое внимание.

Прежде всего, нельзя не заметить, что количественные данные, приводимые Ж. К. Таймагамбетовым, часто сильно отличаются от соответствующих цифр в работах Х. А. Алпысбаева, причем расхождения эти никак не оговариваются и не поясняются. Трудно понять, почему, опубликовав для каждого из слоев те же самые планы, что и его предшественник, автор рецензируемой книги оценивает их площадь иначе и, более того, второй, по Алпысбаеву, слой представляет как третий, а третий как второй. Абсолютно неясно также, чем различаются между собой выделенные в четырех нижних слоях «очаговые пятна» и «кострища». Правда, на с. 40 говорится, что первые характеризуются «отсутствием каких-либо культурно-бытовых остатков (каменных изделий и костей животных)», но сразу же вслед за этим следует описание «очаговых пятен», насыщенных тем, что в них, если верить автору, должно бы отсутствовать (и так для всех слоев). Кроме того, для третьего слоя объекты, обозначенные в плане как кострища, в тексте описываются как очажные пятна и наоборот (с. 53—55). Наконец, общее количество находок, по Таймагамбетову, в 2,5 раза меньше, чем по Алпысбаеву (5764 против 14 750), а для первого слоя в книге вообще говорится сначала о более чем 3000 изделий, а буквально через строчку уже лишь о 537 (последняя цифра указана и в сводной таблице). Эти и подобные им огрехи крайне затрудняют пользование книгой, а ведь их можно было бы легко устранить, окажись ее автор или редактор более внимательными. К сожалению, однако, помимо, отмеченных, имеются в описательной части и другие, гораздо более серьезные с профессиональной точки зрения недостатки.

Во-первых, в монографии, по сути, отсутствует целостное описание каменной индустрии. Характеризуя одну за другой коллекции всех слоев, автор описывает отдельные артефакты, но не пытается выявить общие черты, присущие тому или иному комплексу, т. е. дать то, что можно было бы назвать типологической характеристикой. Для нуклеусов положение отчасти спасает сводная таблица, где перечислены их разновидности, а вот орудия в таблице представлены лишь на уровне категорий (скребки, скребла и т. д.). Отсутствие обобщенных характеристик могло бы быть в какой-то мере компенсировано детальностью поштучных описаний, но и эта возможность осталась нереализованной. И беда здесь не столько в том, что, например, из более чем 30 нуклеусов первого слоя описано (весьма кратно) только 7 (для второго 6 из 51 и т. д.), сколько в том, что остается неясным, почему именно эти 7 изделий «заслуживают особого внимания» (с. 33), что они дают для понимания материала в целом. «По некоторым из них,— пишет Ж. К. Таймагамбетов,— можно проследить весь процесс первичной обработки камня», но на деле анализа такого рода не проводит. Сказанное о нуклеусах относится и к описанию скребков, не говоря уже о скреблах, резцах и «рубящих орудиях» из первого слоя, которым не отведено вообще ни строки. Нет и описания отщепов, хотя они, как сообщается, «дают ценную информацию о технике расщепления» (с. 39). Возможно, автор и располагает такой информацией, но с читателем он ей не делится (как и данными о размере сколов, количестве среди них первичных, характере ударных площадок и огранки спинок и т. д.). Подобным же образом — бессистемно и выборочно — описан в книге материал всех остальных слоев.

Далее, нельзя не заметить, что многие и многие типологические определения, при сравнении их с соответствующими рисунками, вызывают большие сомнения. Так, практически все изделия, которые названы в тексте «рубящими орудиями», судя по иллюстрациям, следовало бы отнести к нуклеусам. Чуть ли не в первую очередь это относится к вещи, которая в тексте и сводной таблице обозначена как «ручное рубило», а в подрисуночной подписи как рубиловидное изделие (рис. 13, *2*). Она представляет собой типичный двусторонний нуклеус радиального скалывания, и никакие «выщербины и забитости» по краю в данном и подобных ему случаях не могут повлиять на типологическую оценку. Ни в коем случае не являются остроконечниками вещи, изображенные на рисунках 35, *2* и 52, *3* (возможно, и 52, *4*); отщепы с конвергентными краями не обязательно «заготовки для остроконечников» (рис. 36, *1*; 39, *5*; 41, *1*); двойное скребло с вогнутыми краями, представленное на рисунке 18, *4*, нельзя относить к «выемчатым изделиям», а зубчато-выемчатое изделие с рисунка 18, *5* — к скреблам; не является скреблом предмет на рисунке 35, *3*, и т. д. и т. п. Я перечислил лишь некоторые наиболее очевидные ошибки, и список этот здесь еще далеко не исчерпан.

Можно было бы отметить также некоторые расхождения между сводными таблицами и текстом (по таблице в третьем слое два остроконечника, а в подписях к рисункам указано три; в таблице для пятого слоя резцов нет, а на рисунках есть), неточное использование ряда терминов, некоторые смысловые неувязки и стилистические огрехи, но поскольку это работа скорее редактора, чем рецензента, а также из-за недостатка места в такого рода детали вдаваться я не буду. В общем, об описании материала сказано уже достаточно. Теперь следует сказать о его интерпретации.

Интерпретация. Наиболее важным и вместе с тем сложным из вопросов интерпретационного плана мне представляется вопрос об археологическом возрасте памятника. Х. А. Алпысбаев сначала считал его верхнепалеолитическим [1, с. 138], но впоследствии переменил свою точку зрения: в его последней работе [4, с. 176] как верхнепалеолитический фигурирует только первый слой стоянки, тогда как четыре нижних слоя именуются мустьерскими. На чем основано это противопоставление, остается неясным, и сколько-нибудь серьезной аргументации в его пользу не приводится.

Ж. К. Таймагамбетов полностью принимает определения своего предшественника, но, к сожалению, тоже оставляет их без доказательств, ограничиваясь в каждом случае простой констатацией. Так, закончив описание индустрии первого слоя, он лишь вскользь замечает, что она «относится к начальной стадии верхнего палеолита» (с. 40), а инвентарь остальных слоев столь же безоговорочно относит к мустье и даже еще конкретней: к «позднему мустье». Что же до типологического анализа, который подкрепил бы такого рода заключения, то он остается за рамками работы. Между тем, для читателя предлагаемые выводы отнюдь не являются очевидными и само собой разумеющимися, поскольку опубликованный материал в данном случае не свидетельствует однозначно в пользу именно такой трактовки. Более того, при чтении книги и особенно знакомстве с рисунками изделий складывается впечатление, что противопоставление первого слоя остальным (по крайней мере, второму и третьему) неправомерно, а все или почти все предлагаемые археологические датировки сомнительны.

Прежде всего бросается в глаза обилие скребков в четырех верхних слоях и их морфология. Изделия данной категории не только заметно преобладают в количественном отношении (в первом и третьем слоях они составляют более половины всех орудий, во втором — половину), но и выделяются в отношении типологическом, являя формы, весьма характерные для верхнего палеолита (преобладают симметричные, с тщательно обработанным скребковой ретушью рабочим краем орудия, многие из них на пластинах или пластинчатых отщепах, довольно тонкие в сечении — см. особо рис. 11, 16, 19, 20, 37, 38). Резцы не столь многочисленны и выразительны, но ни в том, ни в другом отношении они не уступают остроконечникам и скреблам, а скорее даже превосходят их. Орудия двух последних типов представлены в основном случайными формами и единичными экземплярами, причем в сводной таблице их количество, видимо (судя по рисункам), сильно завышено. Если же учесть еще, что, как уже говорилось, ни рубил, ни «рубящих орудий» в коллекции — опять же вопреки сводной таблице — нет или почти нет, то можно заключить, что изделия со вторичной обработкой, найденные на стоянке им. Валиханова, во-первых, не дают особых оснований рассматривать этот памятник как мустьерский, а во-вторых, столь близки в разных слоях (особенно в трех верхних), что противопоставление первого слоя остальным по этому признаку выглядит явно несостоятельным.

Не подтверждает такое противопоставление, как кажется, и характер нуклеусов и сколов. Правда, если верить таблице, в первом слое чуть возрастает количество «подпризматических» нуклеусов, но разница слишком незначительна, чтобы делать серьезные выводы. Сколы же и вовсе однородны и представлены во всех слоях почти исключительно одними отщепами.

Несколько больше оснований для того, чтобы говорить об архаичном, по сравнению с орудиями, облике нуклеусов и сколов. Они действительно уместней смотрелись бы в среднепалеолитической, а не верхнепалеолитической индустрии. Здесь, однако, необходимы учет и детальное рассмотрение целого ряда факторов, могших повлиять на характер обработки камня (легкодоступность и обилие сырья, характер сырья, функциональный характер памятника, сравнительная близость сибирской верхнепалеолитической зоны и др.), после чего только и можно было бы прийти к сколько-нибудь обоснованным выводам.

Проводимые в книге сопоставления стоянки им. Валиханова с такими памятниками, как Тешик-Таш, Шайтан-Коба, Ильская и др., к сожалению, мало что дают для понимания действительного места этой индустрии во времени и в культурном контексте палеолита. Отмечаемые сходства слишком ничтожны и формальны, чтобы придавать им какое-либо значение.

Что касается геологического возраста памятника, то, независимо от того, рассматриваем ли мы имеющиеся материалы как верхнепалеолитические или мустьерские, вряд ли можно признать обоснованным отнесение его к среднему плейстоцену. Правда, терраса, с отложениями которой

связаны культурные остатки, определяется как среднеплейстоценовая [5, с. 10—23], но сами вмещающие суглинки, возможно, принадлежат покровной толще, формировавшейся уже в верхнем плейстоцене [6, с. 105]. В этой связи добавлю, что приводимая в конце книги (с. 110) схема «предварительной археологической периодизации палеолита Южного Казахстана» нуждается в переработке, поскольку основана на представлениях, которые и в археологии, и в геологии давно уже стали анахронизмом.

Закончить рецензию хотелось бы на оптимистической ноте. Для этого есть все основания, ибо научный потенциал стоянки им. Ч. Валиханова, несомненно, очень велик и новые работы рано или поздно должны внести ясность в те вопросы, который сейчас еще остаются спорными.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Л. Б. Вишняцкий

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпысбаев Х. А.* Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане//СА. 1961. № 1.
2. *Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н.* Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.
3. *Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н.* Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок Южного Казахстана//В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974.
4. *Алпысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
5. *Вислогузова А. В.* Бассейн реки Арыстанды//Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1961.
6. *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973.

А. А. Юшко. Московская земля IX—XIV веков. М.: Наука, 1991. 198 с., 47 рис., 27 табл.*

Монография А. А. Юшко, научного сотрудника Отдела Славяно-русской археологии РАН, подводит итоги изучения археологических памятников IX—XIV вв. в пределах территории Московского княжества, ядра Русского централизованного государства. Термину «Московская земля» исследовательница придает чисто географический смысл.

Во введении А. А. Юшко отмечает своеобразие истории региона, которое, по ее мнению, состоит в том, что здесь во второй половине XII в. «происходил процесс сложения государственности (оформления границ отдельных княжеств), а впоследствии вся эта земля оказалась поделенной между крупнейшими соседними княжествами — Рязанским, Ростово-Суздальским, Черниговским и Смоленским». Отмечена «определенная экономическая отсталость и политическая обособленность „Лесной земли" вятичей, не имевшей своего экономического центра». Автор пишет о бурном экономическом росте Московского княжества в XIV столетии и ставит задачу на основе археологических данных выявить исторические закономерности процесса формирования Московского княжества и предпосылки этого процесса (с. 3). Это и предопределило хронологические рамки работы.

Фраза о государственности неудачна, так как из контекста может сложиться впечатление, что под государственностью подразумевается оформление границ княжеств, а не распространение дани и судов на подвластной княжеству территории [1, с. 6]. Впрочем, автор действительно полагает, что государственность в Замоскворечье возникла не ранее 40-х годов XII в., а до этого «процесс проникновения в бассейн Москворечья княжеской власти носил постепенный характер. Начало его относится к концу XI в., когда здесь появляются первые города (Волоколамск, Москва, очевидно, Коломна)» (с. 173). Но факт сооружения крепостей, давших основу будущим городам, служит ярким свидетельством того, что институт судов и даней, а следовательно, и государственность, проникли

* В основе рецензии — выступление на Отделе славяно-русской археологии ИА РАН 9.IV.1992 г.

© В. А. Буров, 1993 г.

на указанную территорию уже в конце XI в., а в XII в. процесс развития государственности проходит в виде уточнения границ между княжествами. Земля вятичей еще в X в. платила дань Рюриковичам, т. е. входила в состав Древней Руси, лишь временами выходя из-под ее зависимости. Поход Владимира Мономаха на вятичского князя Ходоту и его сына, в котором исследователи часто видят признак самостоятельности земли вятичей, скорее сопоставим с походом Ольги против древлянского князя Мала. Таким образом, тезис о государственности с XII в. для Замоскворечья, выдвинутый А. А. Юшко, неверен.

Не совсем точно положение и об экономической отсталости района Замоскворечья. Как можно понять из содержания книги, речь идет о слабой заселенности этой территории и позднем ее освоении. Это нечто иное, чем уровень экономики.

За введением следует небольшой раздел, посвященный природным условиям, археологической карте Московской земли (с. 5—10). А. А. Юшко предпринимает попытку выявить зависимость между географическими особенностями Подмосковья и расположением памятников. Отмечена низкая плотность населения в Мещерской низине и наибольшая плотность на Москворецко-Окской равнине к югу от Москвы, где имеется пересеченный рельеф и развитая речная система. Приведены две карты: карта лесов, составленная А. А. Потуловым и откорректированная А. А. Юшко по карте 1918 г. (!), а также карта плотности археологических памятников XI—XIV вв. (рис. 1, 2). Их сопоставление позволяет, как пишет автор, проследить определенную зависимость между отсутствием памятников и наличием массивов лесов. Так, массивам Звенигородских лесов, лесов в междуречье Истры и верховьев Клязьмы, бассейна среднего течения Нары соответствует полное отсутствие памятников археологии.

Карта плотности памятников заслуживает внимания. Но вряд ли правомерно совмещать на одном листе данные для памятников XI—XIII и XIV вв., поскольку XIV в. внес качественно новую струю в систему расселения. Это время активного освоения водоразделов. Многие селища еще не выявлены. Поиски селищ XIV—XV вв., как показывают изыскания С. З. Чернова [2, 3, с. 80—94, 4], требуют кропотливого сплошного обследования. Здесь, очевидно, требовался хронологический подход и минимум две карты.

Сама методика составления карты плотности памятников, предложенная А. А. Юшко, страдает формальным подходом: территория Московской области разбита на ровные квадратики с дальнейшим подсчетом количества памятников на 100 кв. км. Представление о концентрации памятников на отдельных территориях это, бесспорно, дает. Но картина все же искажается. Приведу лишь один пример, когда квадратик захватывает пустую территорию ниже устья р. Пехорки. Если исходить из карты (рис. 2), то здесь должно насчитываться от 11 до 15 археологических объектов. Но из карт селищ, городищ, погребальных памятников (рис. 3, 21, 25, 42) следует, что таковых нет вообще. Может быть, следовало производить подсчеты по микрорегионам — бассейнам речек, отдельным участкам рек.

А. А. Юшко учтены сведения о 1350 городищах, селищах, курганных и грунтовых могильниках, но, как замечает исследовательница, ввиду перегрузки карты в целом виде она не публикуется, а приводятся отдельные карты, составленные по категориям памятников и разным эпохам. Отсутствие общей карты, конечно, затрудняет пользование материалом. Такие обобщающие работы обязательно должны сопровождаться картой, напечатанной отдельно на вкладыше. К ней должен быть приложен единый список памятников с общей нумерацией. Печально, что издательство порой игнорирует научные интересы. Археологи оказались лишены первой подробной археологической карты Подмосковья.

Три главы книги посвящены соответственно трем категориям археологических памятников: селищам, городищам и погребальным памятникам. Главы написаны с некоторой долей вариаций в одном и том же ключе. Сначала дается история изучения, затем речь идет «о хронологии» (об этом подробнее см. ниже), классификации памятников. Затем селища, городища, могильники анализируются по периодам: IX—XI, XII, XIII, XIV вв. Для каждого периода каждой категории памятников А. А. Юшко составила карты, где памятники не только обозначены, но и охарактеризованы по признаку их размеров. Селища по площади различаются до 10 тыс. кв. м, 11—20, 21—30, 31—50 и более 50 тыс. кв. м (рис. 3, 8, 14, 20, 21). Городища различаются по площади более 100 тыс. кв. м, более 50, 31—50, 21—30, 10—20 и менее 10 тыс. кв. м (рис. 25, 26). Погребальные памятники рассматриваются с точки зрения количества насыпей: одиночные курганы, курганные группы, содержащие 2—50 насыпей, 51—100 и более 100 насыпей, грунтовые могильники XIV в., а также курганные могильники, в которых число насыпей неизвестно (рис. 42).

В соответствующих главах селища и городища характеризуются по размерам и высоте над уровнем воды в реке, приведены графы (рис. 15, 17, 19, 24, 32, 36). Дана хронология селищ, возникших в XIV в. (рис. 23), и городищ XI—XIV вв. (рис. 27).

Внимание уделяется классификации поселений, приведены отдельные планы селищ и городищ разных типов (рис. 6, 29, 30, 31, 34, 35). Специальные таблицы содержат сведения о состоянии изученности сельских поселений (табл. 1), городищ (табл. 8, 9). На отдельной карте (рис. 45) отмечены курганные группы, раскопанные полностью или частично.

Таким образом, в монографии А. А. Юшко подытожены сведения о всех категориях археологических памятников Московской земли IX—XIV вв. Материал проработан, классифицирован. Вместе с тем, на наш взгляд, автор мало уделил внимания вопросам хронологии самих памятников. Хотя в книге и имеются разделы «Вопросы хронологии селищ», «Вопросы хронологии городищ», но под хронологией автор почему-то понимает распределение памятников на территории Московской земли по периодам, а не обоснование датировок. О последнем не обмолвлено ни слова, хотя вся монография опирается именно на хронологию. Отсюда у читателя могут возникнуть вопросы, например, о датировке городищ XI в. Неясно, идет ли здесь речь о широкой или узкой дате (рубеж XI—XII вв. или весь XI в.). Представляется, что подобные обобщающие работы по отдельным регионам Руси (не только по Московской земле) должны основываться на готовых к печати или опубликованных сводах памятников, где окончательно выверены все данные, уточнены все датировки. Как выясняется, такая работа А. А. Юшко проделана и подготовлена к депонированию.

К сожалению, оказался не введенным в оборот материал середины 1980-х годов. Например, ничего не говорится о раскопках Волоколамска В. Л. Ивченковым [5, с. 68; 6, с. 58], селища Гжель А. Г. Векслером [7, с. 53] и др.

В разделе об исторических названиях сельских поселений, где речь идет о термине «деревня» (с. 36), следовало бы сделать ссылку на работы Г. Е. Кочина, который первым установил позднее московское происхождение этого наименования, которое перешло в другие земли, в частности Новгородскую [8, с. 439—444; 9].

Неоправданно углубленным представляется экскурс в историю изучения древнерусских сельских поселений (не только Подмосковья). Но при этом не привлечены работы, где данные вопросы уже прорабатывались [10, с. 293—296; 11, с. 96—104].

В первой главе картографирование селищ по периодам позволило А. А. Юшко сделать ряд важных выводов. Массовое исчезновение селищ к концу XIII в. нашло объяснение в татаро-монгольском завоевании (с. 19), а цепочки исчезнувших поселений позволили наметить путь движения войск захватчиков по Московской земле. Обозначилась дорога по р. Нерской с выходом на Клязьму, а также путь вдоль р. Москвы к Можайску (рис. 3, 5).

Из 16 древнейших селищ IX—XI вв. около 53% располагалось по течению рек Москва, Клязьма, Нерская, что «подтверждает пути проникновения древнейших миграционных потоков» (с. 30, рис. 8). Эти же пути были отмечены и при картографировании городищ XI в. (с. 95). Выводы прозвучали бы более убедительно, если бы автор свел данные о путях воедино. Тогда бы стало очевидно, что татаро-монголы использовали устоявшиеся пути, они шли проторенными дорогами, возникшими в первые века освоения славянами этого края.

А. А. Юшко отмечает возникновение многочисленных селищ в XII в. Значительно расширилась география поселений (с. 36). Подмечена закономерность: подавляющая часть мелких селищ группируется вокруг крупных, образуя гнезда поселений с могильниками. В гнездах размещаются и городища. Скопления памятников трактуются исследовательницей как свидетельство существования территориальных сельских общин (с. 37). Таких общин намечено 17 (рис. 18). Для пяти из них даны общие планы (рис. 9—13). Община охватывала территорию около 20—30 кв. км. Отмечены общинные могильники.

Выделение соседских территориальных общин XI—XIII вв. является качественно новым этапом в исследовании Подмосковья.

Автор предпринял попытку выделить общинные центры (наиболее крупные селища и городище с селищем) и определить набор их археологических признаков. Главными из последних, по мнению А. А. Юшко, являются находки оружия и «племенных» вещей (семилопастных височных колец и решетчатых перстей) (с. 119, табл. 21). Как постановка вопроса это, бесспорно, заслуживает внимания. Однако при чрезвычайно слабой изученности поселений раскопками вряд ли правомерно делать на единичных находках обобщения относительно четких критериев общинных центров. Так, Деснинское селище, трактуемое как центр общины, имеет площадь 30 га, а на нем был заложен раскоп площадью

328 кв. м. По масштабам это почти городское образование. Без широкомасштабных раскопок трудно судить о его социальном статусе. Или возьмем Кунцевское городище. «Племенные» вещи, несмотря на значительную вскрытую площадь, на нем так и не были найдены, хотя в трактовке А. А. Юшко это общинный центр.

В дополнение к предыдущему замечанию нужно отметить противоречия, встречаемые в тексте книги. На с. 119 автор пишет о семилопастных височных кольцах и решетчатых перстнях как о вещах, определяющих племенную принадлежность вятичей. Однако далее на с. 155 Юшко соглашается с Т. В. Равдиной, что решетчатые перстни племенным признаком считать нельзя. Помимо того, на с. 163 она признает единственным археологическим признаком вятичского костюма только височные кольца. Но, на мой взгляд, даже семилопастные височные кольца никак не могут служить «уликой» для центра общины. География их распространения была весьма широка, они присущи любой социальной среде. Их находки известны даже в Новгороде [12, с. 10—12, рис. 2, *1—3*].

Используя критерии для выделения феодальных усадеб, предложенные еще ранее В. В. Седовым [13], А. А. Юшко трактует ряд поселений как поселки феодалов, что «знаменует зарождение процессов феодализации в гуще общинного населения» (с. 48).

Иной характер феодального землевладения отмечен для XIV в. Селища в это время возникают вне гнезд памятников домонгольской поры, что, замечает А. А. Юшко, свидетельствует о процессе сложения крупного феодального землевладения в Московском княжестве не в гуще общинного сельского населения, а на свободных землях либо землях, прилегающих к территориальным общинам.

Наблюдаемое несовпадение топографии селищ XIV в. с поселениями домонгольского времени, на мой взгляд, не обязательно должно свидетельствовать о процессе сложения вотчины вне гущи общинного населения. Исследования в Новгородской земле выявили аналогичную картину на общинных землях [14, с. 74—84]. Речь должна идти о смене системы расселения как таковой в XIV в. для всей лесной полосы Восточной Европы. Феодалы, видимо, осваивали эти земли вслед за освоением их общинами. Видимо, поэтому А. А. Юшко наблюдает явление, когда структура поселений домонгольского времени в виде гнезд-скоплений не отличалась от структуры феодального землевладения XIV в. Только мелкие поселения группировались уже не вокруг общинных центров, а вокруг феодального села (с. 57). Иными словами, община сохранялась в вотчине, являлась ее составным элементом. Этот вывод невольно напрашивается из материалов Юшко.

Глава вторая посвящена городам и городищам Московской земли IX—XIV вв. По археологическим данным известно 66 городищ (рис. 25), 12 из них древнейшие, возникли на основе дьяковских городищ. В XII в. возникает еще 43 укрепленных поселения, а в XIII в. их общее число достигает 59. В XIV в. из них осталось лишь 28, но появилось 7 новых. Территории небольших дьяковских городищ с XIV в. начинают использоваться для грунтовых могильников (с. 92, 93).

Городища конца XI в. трактуются А. А. Юшко как укрепленные пункты на пути первых славянских миграционных потоков (с. 104), но почему-то при этом не приводится вывод Р. Л. Розенфельдта, сделанный еще в 1976 г., о том, что эти городища были «организационными центрами славянской колонизации» [15, с. 13]. Волоколамск, Коломна, Москва рассматриваются как первые города в этом регионе (с. 103). К XII в. относится возникновение еще семи городов: Перемышля, Звенигорода, Можайска, Вышгорода на Протве, Лопасни, Хотуни, Дмитрова. Их размещение вне сгустков населения убеждает исследовательницу в том, что своим происхождением они обязаны строительной деятельности князей (с. 120). Другие городища определяются как феодальные усадьбы, центры сельских общин и укрепленные ремесленные центры.

Учитывая шаткость построений относительно критериев для выделения городищ — общинных центров, а также исходя из характера XII в. как времени формирования боярского землевладения, можно предположить совершенно иную картину освоения бассейна р. Москвы. В ключевых местах как центры княжеской власти ставились опорные крепости, на базе которых затем возникали города. В самих сгустках поселений возводились более мелкие крепостицы, которые могли быть феодальными усадьбами и центрами управления округой. Это не противоречит общинному характеру гнезд поселений и могильников. Община была неотъемлемой частью, элементом феодального общества. Освоение края шло под прикрытием крепостей в этом спорном пограничном районе. В XII в. намечается четкая структура административно-территориального устройства в Подмосковье. Ее элементами были: город — городища-крепости (феодальные усадьбы) — сельские поселения (общины). Города становились центрами волостей.

А. А. Юшко выделяет на правобережье р. Москвы от Звенигорода до устья р. Северки лакуну,

не подвластную данщикам четырех княжеств (с. 113, рис. 41). Здесь отмечена наибольшая плотность памятников домонгольского времени и отсутствие городов (с. 113). Здесь выделены Юшко и общинные центры. Автор подчеркивает отставание процессов феодализации этого глухого района, долго сохранявшего племенные обычаи (с. 134).

Данная концепция, занимающая, пожалуй, центральное положение во всей монографии, может рассматриваться как весьма смелая гипотеза. Но ей противоречит материал. Сомнительность выделения общинных центров-городищ я уже отмечал. Слишком мало данных. Об отсутствии городов в указанной лакуне можно говорить лишь весьма и весьма условно. Если убрать лакуну, то можно сразу заметить, что Перемышль стоит в бассейне р. Пахры, охватывая тем самым сгусток поселений по ее берегам и притокам. Звенигород размещен напротив двух территориальных общин правобережья. Да и трудно представить, чтобы четыре сильные княжества не смогли подчинить себе «остров свободы» — клочок территории с 40 селищами (рис. 3).

В разделе о городах и городищах XIV в. интересно наблюдение о соотношении перечня залесских городов «Списка русских городов дальних и ближних» с городищами Московской земли. Городов названо 13: Дмитров, Москва, Можайск, Звенигород, Волок Ламский, Руза, Коломна, Серпухов, Новый городок, Лужа, Верея, Боровск, Оболенск. А. А. Юшко справедливо сопоставляет ряд пунктов, упомянутых в духовных и договорных грамотах и связанных с городищами, с центрами волостей. Она отмечает, что в течение XIV в. 13 городов «обрастают» различным количеством волостей, к центрам которых «тянут» села (с. 129). Вслед за В. Т. Пашуто исследовательница относит эти укрепленные центры к частновладельческим княжеским городам (Баранова Гора, Вышгород на Протве, Городена, Кашира, Лопастна, Могутово, Перемышль, Радонеж, Тушков, Хотунь, Царево, Мосеево). Третью группу городищ А. А. Юшко классифицирует как феодальные усадьбы XIV в. (Спас-Тушино), отживающие общинные центры (Боровской курган, Успенское) (табл. 21).

Глава третья рассматривает погребальные памятники XI—XIV вв. По подсчетам А. А. Юшко, на территории Подмосковья имеется 901 курганная группа. В девяти курганных могильниках отмечены трупосожжения, в основном в верховье р. Москвы, а также на Пахре, Протве (с. 160—163). Курганы с трупоположениями — самые многочисленные. Они оставлены в целом этнически однородным населением, носителями семилопастных височных колец, т. е. вятичами (бассейн р. Москвы). Но отмечены и кривичские курганы на правобережье Клязьмы. На р. Пехорке курганные группы смешанные — вятичско-кривичские. Погребальных памятников XIV в., отмечает А. А. Юшко, известно мало. Это грунтовые могильники, всего семь.

Грунтовые могильники XIV—XV вв. следовало бы назвать жальниками: сверху они перекрыты камнями. Кроме того, жальниками называют кладбища Московской Руси XVI в. «Стоглав»: «В Троицкую суботу по селам и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом с великим кричаньем» [16, с. 309].

В «Заключении» А. А. Юшко подводит основные итоги исследования. Среди выводов, которые вновь повторены, можно найти утверждение об огромном притоке населения в Московскую землю в XIV в. (с. 3, 126, 174). Это связывается с превращением Москвы с 1325 г. в столицу великого княжества. Не отрицая возможность такого притока, хочу лишь заметить, что не он был основной причиной резкого увеличения численности населения в Подмосковье в начале — середине XIV в. Подобное явление отмечается во всей лесной зоне Восточной Европы, в том числе и в Новгородской земле, в чем убеждают полученные мною данные о волости Жабна. Речь, видимо, должна идти о демографическом взрыве на рубеже XIII—XIV вв. и первой четверти XIV в. Этот взрыв был обеспечен успехами сельского хозяйства, о прогрессе которого писал еще Г. Е. Кочин [9].

Монография А. А. Юшко подводит итоги изучения древностей Подмосковья, является важным этапом исследования этого региона. Она содержит огромную информацию о всех категориях археологических памятников IX—XIV вв. Стало ясно, каким сокровищем национальной истории мы располагаем, какой огромный фронт исследований впереди. Стало также очевидно, что многие памятники исчезают на глазах. С новой силой встает вопрос о сохранении этого культурного наследия, о существенном расширении музеев истории Москвы и Подмосковья, в экспозиции которых не представлено и одной сотой имеющихся материалов.

Институт археологии РАН,
Москва

В. А. Буров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
2. *Чернов С. З.* Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1983.
3. *Чернов С. З.* Вотчина Ворониных (по актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным)//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 6.
4. *Чернов С. З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. По материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987.
5. *Ивченков В. Л.* Исследования в Волоколамском районе//АО — 1985. М., 1987.
6. *Ивченков В. Л.* Исследования древнерусского Волока Ламского//АО — 1986. М., 1988.
7. *Векслер А. Г.* Раскопки Гжельского селища в Подмосковье//АО — 1986. М., 1988.
8. *Кочин Г. Е.* Два источника о хозяйственном строе и судьбе одной новгородской боярской вотчины//Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964.
9. *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.; Л., 1965.
10. *Рыбер Я. Г.* Древнерусская деревня в археологических исследованиях//Тр. V Междунар. Конгресса археологов-славистов. Киев, 18—25 сентября 1985 г. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1988.
11. *Куза А. В.* Неукрепленные поселения//Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
12. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
13. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)//МИА. 1960. № 92.
14. *Буров В. А.* Жаровский конец Жабенской волости в VIII—XVI веках по историко-археологическим данным//Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сб. науч. тр. Калинин, 1989.
15. *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам)//Русский город (историко-методологический сб.). М.: МГУ, 1976.
16. Российское законодательство. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. 63 с., 135 табл.

Несмотря на достаточно долгую историю археологического изучения, многие важные вопросы археологии Москвы еще далеки от решения.

Один из них — история московской керамики, в частности — история развития керамической технологии, хронология и классификация форм. Поэтому своевременность и важность сборника «Московская керамика», изданного сектором археологии Москвы Института археологии, очевидна [1].

Сборник построен на основе керамических коллекций, собранных в ходе раскопок в Москве 1987—89 гг. и материалов исследований на территории Московского княжества в 70—80-е годы.

Пожалуй, впервые в истории московской керамики ставится задача проследить эволюцию керамических форм. Большое внимание уделено изменениям форм горшка, как наиболее распространенного в это время вида посуды.

Статьи в сборнике подобраны в хронологической последовательности рассматриваемого материала. Он открывается статьей Т. В. Равдиной, посвященной керамике из погребений XI—XIII вв. Из обширной коллекции керамики XI—XIII вв. Т. В. Равдина выделила 72 горшка, происходящих из хорошо датированных комплексов. Эти сосуды она разделила на четыре варианта с учетом пропорции [1, с. 13].

Благодаря наличию датирующего материала, датировка каждого из выделенных вариантов была уточнена. Четвертый вариант, как подчеркивает Т. В. Равдина, получил в дальнейшем широкое распространение среди московской керамики.

Следующий этап бытования керамической посуды рассмотрен в статье Л. А. Беляева на примере керамического комплекса из раскопок Богоявленского собора в Москве.

Приняв во внимание форму венчика горшка, автор выделил две группы сосудов (ранняя серая

© Ю. А. Лихтер, Д. О. Осипов, 1993 г.

грубая I и ранняя серая грубая II), генетически связанных, по его мнению, с домонгольской керамикой, хотя и отличающихся от московских курганных горшков XII в. некоторыми деталями (их завершения имеют характерную треугольчатость в сечении). Серая грубая II имеет «как бы оплывшие, упростившиеся, пухловатые по рисунку профили» и отличается примесью слюды в керамическом тексте и своеобразием декора (приподнят к венчику).

Основываясь на форме венчиков, Л. А. Беляев выделил начальную стадию переходного этапа, в течение которого из предмонгольской курганной посуды возникают новые группы серой керамики.

Обнаруженное в комплексе, помимо серых горшков, небольшое количество красноглиняной керамики, изготовленной на круге быстрого вращения, может указывать, по мнению автора, на начало производства подобной керамики в Москве.

В статье С. З. Чернова «К хронологии московской керамики XIII — середины XV в.» анализируются две группы комплексов из Великого посада Москвы и синхронных сельских поселений Московского княжества. Обширный материал, надежная датировка которого подтверждена стратиграфией и дендродатами, дает автору возможность выделить варианты серой и красной посуды и проследить этапы их бытования в рассматриваемых комплексах. Варианты керамики выделены с учетом сведений о форме венчика, технологии и декоре; учтены размеры венчиков и пропорции отдельных сосудов. По всем этим признакам С. З. Чернов делит серую керамику на пять вариантов [1, с. 24].

Следующий этап бытования московской керамики, наступивший после исчезновения из обихода серой посуды, прослеживается на материалах из жилой постройки селища Михайловское-2, где автор, опираясь на форму края венчика, выделяет четыре варианта красноглиняной керамики: первые два из них с заостренным краем без валиков и с валиком с внутренней стороны, третий и четвертый варианты с желобком по краю венчика и горизонтально срезанным краем. Третий и четвертый варианты он рассматривает как развитый этап производства красной керамики. В этом же комплексе присутствует небольшое количество краснолощеной посуды, датированной автором XIV—XVI вв.

Керамика конца XIV — начала XV в. из раскопок на Старом Ваганькове опубликована в статье Ю. Ю. Васильева. Стратиграфия дала возможность проследить характер изменения керамических форм. Анализ красноглиняной керамики из жилища на дне шурфа позволил автору предполагать наличие жилой застройки в Старом Ваганькове уже в конце XIV — начале XV в.

Большую научную ценность имеет комплекс керамики, собранный в ходе архитектурно-археологических исследований церкви Вознесения в Коломенском (статья Л. А. Беляева). Содержащий керамику слой перекрыт строительными остатками времени сооружения церкви, что позволяет установить верхнюю дату. Комплекс имеет диапазон от XV до начала XVI в.

Основу комплекса составляет технически однородная красноглиняная гладкая керамика. Л. А. Беляев подчеркивает определенную вариативность форм венчика и края горшков. Выделив две различные манеры в оформлении перехода от шейки к плечику — плавнопокатую линию, иногда слегка нарушенную ребром, и венчик, как бы опускающийся внутрь сосуда, «проминая» плечики, автор считает одну характерной для раннего этапа существования гладкой красноглиняной керамики, а вторую соответствующей переходному этапу на рубеже XV—XVI вв. Представляет интерес и группа белоглиняной керамики, венчики которой более архаичны по форме в сравнении с красными. Тесто и декор сближает эту керамику с ранней серой.

Специально хронологию московской керамики начала XV—XVI вв. из Москвы и Московской округи рассматривает С. З. Чернов. Хотя, к сожалению, в представленном материале нельзя стратиграфически отделить керамику XV—XVI вв. от более ранней, все рассматриваемые автором комплексы имеют надежную верхнюю дату, отделяющую керамику этого времени от более поздней. С. З. Чернов ставит целью выделить характерные признаки, свойственные наборам посуды, и проследить этапы их бытования и изменения. Такими признаками, вслед за М. Г. Рабиновичем, он считает процентное соотношение различных типов керамики.

В комплексе Копнинский лес-3, среди красноглиняных горшков, составляющих половину всей найденной посуды, фиксируются горшки с венчиком, «вписанным в окружность», а также выделяется новый вариант красной гладкой керамики с почти вертикальным венчиком, без валиков с тонким горизонтальным орнаментом, нанесенным гребенкой по шейке сосуда. Такая форма венчика и такой орнамент, по мнению автора, не типичны для красной московской керамики и являются признаком белоглиняной гладкой посуды XVII в.

Статья И. А. Бойцова «Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве» имеет теоретический характер.

Анализируя керамические коллекции из раскопок последних лет, он выстраивает линию развития

московских горшков в поисках главного признака, позволяющего отличить красноглиняную керамику от серой и курганной. Автор выделяет подгруппы красноглиняных горшков, имеющие узкие хронологические рамки. Главным отличительным признаком этих горшков является «треугольный или подтреугольный профиль края слабоотогнутого наружу или прямопоставленного венчика», что совершенно нехарактерно для более ранних типов. Используя данные технологии и декора, автор намечает динамику развития московской красноглиняной посуды, выделяя красноглиняную грубую, красноглиняную гладкую раннюю и красноглиняную гладкую подгруппы. Уточнив датировку выделенных им подгрупп на основе анализа комплексов и используя материалы раскопок на территории «Китайгородского глинища» и Заяузья, автор связывает расцвет производства красноглиняной гладкой керамики с возникновением Заяузской гончарной слободы во второй половине XV в. Здесь же впоследствии была освоена техника производства чернолощеной, мореной и белоглиняной посуды в Москве.

В целом обширный материал, собранный в сборнике и подобранный в хронологической последовательности, дает возможность проследить развитие форм глиняной посуды Москвы и Московского княжества с XI по XVI в. Важной составляющей частью книги являются прекрасно выполненные керамические таблицы, занимающие две трети ее объема, и хронологическая таблица комплексов XIII—XVI вв. с распределением основных типов московской керамики. Дополняет сборник обширная библиография по древнерусской керамике.

Разнообразно представленные сведения о московских горшках дают возможность проводить и более широкие заключения: интересно проанализировать признаки, используемые авторами сборника для разделения керамики на варианты. Например, треугольчатость края венчика горшка Т. В. Равдина (с. 13, табл. 11, № 4, табл. 16, № 1) использует как признак для описания третьего варианта курганной керамики, который соответствует третьей группе по Р. Л. Розенфельдту [2, с. 8].

Треугольчатость края у Л. А. Беляева (с. 17, табл. 22, № 2) служит для отделения горшков типа ранних серых грубых I от курганных.

Легко обнаружить треугольчатый край венчика и у пятого варианта серой керамики по С. З. Чернову (с. 24, табл. 34, № 832 и целая форма из этой таблицы), который характеризуется гладкой внешней поверхностью верхней части венчика и активно выраженным валиком на внутренней стороне, образующим ложный уступ под крышку.

Признак, принятый И. А. Бойцовым как главный, служит ему для выделения красноглиняной посуды: «Это треугольчатой или подтреугольчатой формы профиль края слабо отогнутого наружу или прямо поставленного венчика, совершенно не характерный для керамики «курганного типа» и серой керамики предшествующего времени» (с. 24).

С другой стороны, Л. А. Беляев как бы противоречит сказанному выше. В статье, посвященной Коломенскому комплексу, он выделяет наряду с «классической треугольчатостью... бесчисленные частные случаи, тут и мягкие расплывчатые припухлости (табл. 104, № 25, 21), и вдавленные (табл. 104, № 26, 91, 49, 83-а) с подрезающей канавкой (табл. 105, № 61) или без нее, иногда с заостренной кромкой, а чаще с округлой» [1, с. 45]. Кроме того, выделяются венчики без наплыва с чуть подрезанным краем (табл. 108, № 862, 110, 128,), не имеющие треугольчатости.

О разнообразии форм венчика красноглиняных горшков свидетельствует и С. З. Чернов, выделяя группу сосудов с признаками скорее характерными для белоглиняной гладкой керамики XVIII в. (с. 53—54, табл. 133, № 99, 110).

С одной стороны, треугольчатость венчика встречается не только у красной керамики, с другой — у красной встречаются не только треугольчатый профиль. Следовательно, одни и те же формы венчика отмечается во все рассматриваемые периоды у описанных выше типов московской керамики. Это неоднократно фиксируют и сами исследователи, отмечая сходство курганной и серой (Л. А. Беляев, с. 17, табл. 21, 23), серой и красной (С. З. Чернов, с. 26, табл. 43, № 1878, 2966, 2150), а также красной и белой (С. З. Чернов, с. 53—54, табл. 133, № 99, 110).

Вероятно, чтобы понять причины наблюдаемого явления, нам необходимо понять, связано ли выявленное разнообразие с какими-либо закономерностями, или же это случайный набор несвязанных между собой фактов. Достаточно частое использование авторами термина «эволюция» свидетельствует, что они признают наличие каких-то закономерностей в развитии исследуемых форм и ставят своей задачей их выявление. Однако для этого недостаточно эмпирических знаний о наборе керамических форм в московской керамике. Необходимо обращение к основам теории эволюции. Современные эволюционисты выделяют два типа эволюции — макроэволюция, проявляющаяся на уровне видообразования и характеризующаяся необратимостью изменений, и микроэволюция, действующая

внутри вида и имеющая обратимый характер. Возникающие при этом изменения относительно просты, и их направление легко изменяется [3, с. 334—335].

Как нам представляется, при исследовании московских горшков выявленные изменения имеют микроэволюционный характер. При этом московский (а возможно, и древнерусский) горшок оказывается на уровне, аналогичном биологическому виду, и наблюдаемые изменения не выходят за рамки внутривидовой изменчивости. А поскольку изменения такого рода, будучи неустойчивыми и обратимыми, не могут использоваться как основа для построения хронологической шкалы, необходимо выяснить существуют ли в московской керамике изменения необратимые и с чем они связаны.

Если подойти к описанию и исследованию вещи как к некоторой системе, то в ней можно выделить следующие подсистемы: материал, технология, морфология, функция и хронология [4, с. 5]. Эти подсистемы хотя и связаны между собой, но развиваются каждая по своим законам. Учитывая это, хотелось бы возразить против отождествления развития производства с набором форм венчика горшка и их изменениями [1, с. 24]. Если посмотреть с этой точки зрения на московские горшки, то видно, что функция их, по всей вероятности, не меняется. Хронологические изменения являются объектом выяснения. Изменения в морфологии, как мы уже выяснили, не носят необратимого характера. Следовательно, остаются подсистемы материал и технология.

На соединении этих подсистем через морфологически выраженные признаки построена классификация московской керамики, предложенная М. Г. Рабиновичем [5]. В этой классификации группы выделяются по цвету теста (серая, красная, белая), по характеру обработки поверхности (краснолощеная, ангобированная, поливная), газовому режиму обжига и способу обработки поверхности (мореная и чернолощеная). При построении классификации смешаны технологические признаки (газовый режим обжига и характер обработки поверхности) и признаки, характеризующие материал — вид глины, которая использовалась гончарами. Каждая группа выделяется по свойственным только ей признакам — тем самым нарушается основное правило классифицирования — деление по единому основанию. Как нам представляется, прежде чем строить классификацию на нескольких основаниях, имеет смысл каждую из этих позиций рассмотреть самостоятельно.

Техника гончарного ремесла детально рассмотрена в работах Э. В. Сайко [6, с. 33—46] и А. А. Бобринского [7]. Опираясь на их исследования, технику обработки поверхности Московской керамики можно разделить на группы: доработка поверхности без дополнительных материалов — лощение; обработка поверхности покрытием — ангобом (жидкой глиной) или поливой (жидким стеклом). Кроме того, возможно совмещение этих техник — лощение по ангобу и наложение поливы на ангоб. По газовому режиму обжиг разделяется на окислительный и восстановительный.

Перечисленные группы технологических приемов выделяются достаточно четко и время их появления в арсенале московских гончаров также устанавливается достаточно надежно.

Иначе обстоит дело с характеристикой материала. Если красная и белая керамика более или менее точно могут быть охарактеризованы как керамика из красно- или беложгущихся глин, и выделяются по цвету черепка, то, как нам представляется, так называемая серая керамика не связана с определенным типом глины. Она, видимо, характеризует иной, более ранний этап освоения московскими гончарами керамической технологии. Постепенность ее освоения приводит к тому, что между серой и красной керамикой нельзя провести четкой границы. Собственно, об этом свидетельствует и предложение А. Г. Векслера выделять красно-серую керамику как промежуточный этап. Происходит постепенное улучшение качества обжига, утоньшение черепка. Возможно также, что среди серой керамики присутствует часть сосудов, сделанных из беложгущихся глин, однако без специальных исследований их нельзя выделить. Постепенное овладение гончарами техникой гончарного дела приводит к исчезновению серой керамики и замене ее на красную и белую. Исчезновение серой керамики при распространении красной фиксирует С. З. Чернов [1, с. 30].

После освоения техники формовки и обжига горшков происходит освоение различных видов обработки поверхности и газовых режимов обжига. К сожалению, в ходе изучения московской керамики не разработана система определения типа круга по следам технологических операций, таким как подсыпка песка под днище, использование подставки, оставляющей закраины. Изменение примесей может свидетельствовать о смене типа круга, так как каждый тип круга предъявляет свои требования к пластичности теста [6, с. 10]. В связи с этим хотелось бы отметить, что присутствие в слое небольшого количества керамики, резко отличающейся по качеству, еще недостаточное основание для вывода о начале ее производства в Москве. Нельзя исключить возможности присутствия в культурном слое Москвы незначительной примеси импортной керамики. Для более точного определения происхождения подобных фрагментов необходимы технологические исследования.

Необратимые изменения, на которых только и может базироваться хронологическая шкала, прослеживаются в подсистеме технологии. Следовательно, для установления надежной хронологии ранней московской керамики исследования изменения форм венчика недостаточно. Необходимо технологическое исследование с выявлением этапов освоения гончарного круга, изменения требований к пластичности теста, освоения качественного обжига.

Приложение типологического метода к керамическому материалу, представленному в широком хронологическом диапазоне, выявляет как его возможности, так и его границы. Высказанные нами соображения ни в коем случае не умаляют сделанного авторами. Сборник, несомненно, послужит хорошим справочником по ранней московской керамике.

Ю. А. Лихтер, Д. О. Осипов

Управление государственного контроля охраны
и использования памятников истории и культуры г. Москвы
Центр археологических исследований г. Москвы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: 1991.
2. *Розенфельдт Р. Л.* Московское кéрамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. Вып. Е 1—39. М.: 1968.
3. *Грант В.* Эволюционный процесс. М.: Мир, 1991.
4. *Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Столярова Е. К.* Морфология древностей. Киев.: 1990.
5. *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971.
6. *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982.
7. *Бобринский А. А.* Керамика как исторический источник. Куйбышев 1991.

С. А. Скорый. Курган Переп'ятиха. Київ: Наукова думка, 1990. 122 с. 10 рис. 8 фототабл.

Курган Перепятиха, которому посвящена рецензируемая книга С. А. Скорого, является самым крупным курганом скифского времени в лесостепи Днепровского Правобережья. Раскопанный в 1845 г. М. Д. Иванишевым, он неоднократно привлекал внимание ученых второй половины XIX и XX в., в том числе и советских археологов. Однако до сих пор ни в одной из опубликованных работ не производилось полного и глубокого анализа всех материалов, полученных при раскопках, не была дана полная культурно-хронологическая характеристика памятника. С. А. Скорый, впервые использовав и сопоставив все изданные сведения о памятнике и сохранившиеся в музеях коллекции, восполнил этот пробел. Кроме того, он рассмотрел большой комплекс вопросов, связанных с этим курганом, важных для восстановления истории населения Правобережья Среднего Приднепровья в раннескифский период.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения, восьми важных приложений, иллюстрирована фотографиями из публикаций М. Д. Иванишева, графическими рисунками сохранившихся вещей из музейных коллекций и близких к ним из других памятников. Объем ее около 12,5 а. л.

В первой главе дается небольшая, но полная сводка данных об истории исследования памятника и публикаций материалов из его раскопок, а также суммарная оценка библиографии, относящейся к кургану. Автор справедливо замечает, что несмотря на значительный интерес к этому погребальному комплексу, большинство писавших о нем исследователей допустило неточности и ошибки в его характеристике.

Основное содержание второй главы составляет подробное рассмотрение устройства насыпи, погребальной камеры и погребального обряда. Сопоставление кургана с другими подобными сооружениями, известными в лесостепи и степи Северного Причерноморья, привело С. А. Скорого к хорошо обоснованному выводу относительно оригинального строения его насыпи из дерновых вальков,

© А. И. Мелюкова, 1993 г.

имевшего некоторое сходство с устройством насыпей курганов скифской аристократии в степи Северного Причерноморья в IV в. до н. э. Убедительно реконструировано погребальное сооружение как возведенное на уровне древней дневной поверхности и имевшее толстые глинобитные стены, деревянный пол, двускатное перекрытие, опиравшееся на 16 дубовых столбов. Важно, что предложенная автором реконструкция погребальной камеры подкреплена математическими расчетами, выполненными специалистами (приложение 1). Появление столь сложного погребального сооружения, не имеющего аналогий в скифских древностях, объясняется автором соединением двух разных традиций — местной, лесостепной, восходящей к домостроительству предскифского периода (устройство гробницы на древней дневной поверхности, двускатная крыша, деревянный пол) и характерной для всего пояса Евразийских степей (столбовая конструкция для поддержания крыши). Глинобитные стены и каменная выкладка над перекрытием камеры также, по мнению автора, ведут свое происхождение из степи, «прежде всего с территории Северного Кавказа» (с. 26). Для такого объяснения, безусловно, есть основания. Вместе с тем вполне возможно, на мой взгляд, и иное предположение. Может быть, не следует видеть в конструкции погребальной камеры соединение разных традиций, а рассматривать ее как постройку, отражающую черты, характерные для домостроительства оседлых народов? Ведь именно для них свойственно стремление к прочности и долговечности сооружения, столь ясно выступающее в Перепятихе.

Скрупулезное рассмотрение содержимого погребальной камеры привело автора к подтверждению предположения, высказанного в свое время В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным, о том, что главное погребение, для которого сооружался курган, было уничтожено в древности. Сохранились лишь небольшое количество инвентаря из него и сопровождавшие его захоронения. 14 из них были погребены в отдельных могилах по обряду трупоположения, остальные (количество их определить невозможно) представляли собой трупосожжения. При этом обряд трупосожжения автор считает местным, ведущим свое происхождение от носителей чернолесской культуры, тогда как обряд ингумации с вытянутым положением покойных головой на запад связывается со степными скифами. Присутствие в могилах с трупоположениями реальгара, серы, а в одном из них еще и конского черепа рассматривается как черты, распространенные в культурах скифского типа Евразии, происходящие от погребального ритуала носителей степных культур бронзового века. Признавая возможность такого заключения, я вместе с тем не могу не заметить, что появление обряда ингумации не обязательно связывать только со скифами. Ведь в бассейне Тясмина и особенно на Поросье вытянутые трупоположения с западной ориентировкой в небольшом количестве, но все же известны в курганах чернолесского времени [1, с. 59; 2, с. 78]. Поэтому этот обряд, как и трупосожжения, можно выводить из погребальных обычаев, знакомых местному населению чернолесской культуры, получивших лишь более широкое распространение в скифский период.

В третьей главе дана подробная характеристика всего погребального инвентаря с привлечением аналогий, позволяющих определить дату и культурную принадлежность каждой находки. Наибольший интерес представляет тщательное изучение бляшек с изображением грифона, оставшихся от инвентаря главного погребения. До последнего времени эти бляшки рассматривались в литературе как единая монолитная группа изображений из золотого листа. С. А. Скорому впервые удалось определить, что девять из них (шесть левосторонних и три правосторонних) изготовлены на трех разных матрицах и что восемь бляшек действительно сделаны из листового золота, а одна — из серебра, покрытого позолотой. Эта последняя отличается от остальных четкой проработкой деталей и аккуратной обрезкой по краю. Качество золотых бляшек значительно ниже, есть и некоторые особенности в передаче деталей фантастического животного. Это позволило автору прийти к заключению, что серебряная и золотые бляшки были исполнены в разных мастерских. Серебряную он считает переднеазиатской по происхождению, а золотые сделанными в местной мастерской по ее или ей подобному образцу. Прямых аналогий изображению грифона на бляшках из Перепятихи не удалось найти, но наиболее близким к ним С. А. Скорый считает воспроизведение грифона на келермесском зеркале. Согласно современной датировке зеркала, бляшки из Перепятихи относятся ко второй половине VII в. до н. э., а сам образ грифона на них трактуется как древнейший в скифском зверином стиле (с. 42).

Разделяя мысль автора о местном изготовлении золотых бляшек по импортной модели, я вместе с тем считаю спорным заключение об их датировке. На мой взгляд, сходство изображений на бляшках с имеющимся на келермесском зеркале не так велико, как это представляется автору. Хотя там и здесь действительно воспроизведен один и тот же тип грифона (характерный для греческого искусства Малой Азии эпохи архаики, по определению Н. Н. Погребовой [3, с. 64] или восточногреческий, по определению М. И. Максимовой [4, с. 297]), изображения на бляшках отличаются

от келермесского рядом признаков. Так, у грифона из Перепятихи показан хорошо выраженный «воротник», отсутствующий на келермесском грифоне, передние лапы поставлены одна за другой, а не сомкнуты, к тому же они массивнее и короче изображенных на келермесском зеркале. В связи с этим вряд ли возможно предполагать полную синхронность изображений и датировать бляшки из Перепятихи тем же временем, что и келермесское зеркало. Видимо, более правильно до появления аналогий говорить об относительно широких хронологических рамках в пределах античной архаики, т. е. о VII—VI вв. до н. э.

Недоказанным осталось и предположение о переднеазиатском изготовлении серебряной бляшки-модели, а также о том, что она попала на территорию лесостепного Днепровского Правобережья как трофей, доставшийся участнику переднеазиатских походов.

Вывод о том, что бляшки с грифоном служили украшением не полога или погребального покрывала, как считалось до сих пор, а головного убора, обстоятельно обоснован, как и то, что этот убор скорее всего принадлежал не мужчине, а женщине.

Анализ остальных вещей и керамики из Перепятихи показал, что многие из них имеют прямые аналогии среди находок из архаических курганов Правобережья Среднего Приднепровья, тогда как другие весьма своеобразны и могут сравниваться с находками из памятников, расположенных на отдаленных территориях, главным образом на Северном Кавказе или в Закавказье. Лишь отдельные выводы в этой части книги вызывают некоторые сомнения. Так, представляется явной натяжкой отнесение к числу кинжалов закавказско-переднеазиатского типа небольшого железного черенка с основанием однолезвийного клинка и трех бронзовых обойм (с. 50—51, рис. 8, *1—5*). Приведенные в качестве аналогии ассироурартийские кинжалы из Самтаврского могильника, на мой взгляд, не являются таковыми, так как у этих кинжалов не сохранился черенок, а клинок не одно-, а двулезвийный. Судя по описанию М. Н. Погребовой, ассироурартские кинжалы имели «узкую стержневидную основу рукояти» [5, с. 59], тогда как черенок сравниваемого с ним предмета плоский, близкого к треугольнику сечения. Поэтому думаю, что М. Д. Иванишев был ближе к истине, определив его как обломок ножа.

Не убеждает меня отнесение сравнительно узкого, довольно длинного ножа (рис. 8, *14*) к числу боевых или охотничьих и в связи с этим сопоставление его со значительно более массивными ножами из погребений лесостепного Правобережья конца VII — начала VI в. до н. э. (с. 58—59). Отличается нож из Перепятихи от приведенных в качестве параллелей и формой перехода от черенка к лезвию.

Оригинально и достаточно убедительно объяснены автором особенности зеркала с боковой ручкой и шипом на обратной стороне диска. Находка этого зеркала вместе с зеркалом так называемого сибирского типа в погребении 2 Перепятихи не оставляет сомнений в одновременности обоих зеркал. Установившаяся в настоящее время датировка зеркал сибирского типа не позволяет датировать зеркало с боковой ручкой позднее начала VI в. до н. э. Это в свою очередь дает право С. А. Скорому обоснованно возразить тем исследователям, которые полагают, что зеркала с боковой ручкой появились в Скифии лишь под греческим влиянием не ранее середины VI в. до н. э.

Керамика из погребений в кургане Перепятиха не сохранилась и известна лишь по рисункам в публикациях. Однако высокое качество изображений позволило сопоставить ее с известными керамическими коллекциями из других памятников правобережной лесостепи и найти аналогии среди глиняной посуды из архаических курганов этой территории. Замечу лишь, что ограничение датировки широкогорлого горшка только второй половиной — концом VII в. до н. э. вряд ли правомерно, так как подобные сосуды бытовали на Правобережье не только в VII, но и в VI в. до н. э. [1, с. 96].

Рискованной мне представляется попытка восстановить бронзовый сосуд как ситулу кавказского происхождения по очень небольшим и невыразительным обломкам листовой бронзы (с. 49, рис. 7, *5*). Ведь не может быть уверенности даже в том, что обломки относятся к сосуду, а не к какому-то другому изделию.

Подводя итог рассмотрению погребального инвентаря, С. А. Скорый выделяет три группы предметов: вещи, характерные для скифского круга, керамику и украшения, свойственные для местной культуры, и такие, которые связаны с Кавказом и Передней Азией, появившиеся на территории правобережной лесостепи в результате скифских походов в Переднюю Азию. Если первые две группы не вызывают сомнений, то третья представляется мне уязвимой для критики. В нее автор объединил изделия, представленные обломками. Последние мало выразительны и поэтому реконструкции по ним целых форм весьма гипотетичны, а следовательно, гипотетично и определение

их происхождения. Единственная целая вещь из числа включенных в эту группу — это серебряная позолоченная бляшка-грифон, но и ее переднеазиатское происхождение, как было сказано выше, пока осталось недоказанным.

Сопоставление хронологических рамок всех категорий погребального инвентаря привело С. А. Скорого к обоснованному заключению об одновременном акте всех захоронений и сооружении кургана. Памятник определенно относится к периоду скифской архаики, и наиболее вероятной датой его сооружения является вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э. Однако такая дата представляется автору слишком широкой и он склоняется к сужению ее до второй половины VII в. до н. э. Для такого вывода, на мой взгляд, нет достаточных оснований, ведь многие предметы, на которых базируется предлагаемая хронология, продолжали употребляться по крайней мере в первой половине VI в. до н. э. Это хорошо показывает табл. 3 на с. 68.

Определяя место кургана Перепятиха среди памятников скифского времени Северного Причерноморья в четвертой главе книги, С. А. Скорый хорошо показал, что этот курган не имеет себе равных на территории Правобережья в течение всей скифской эпохи, а для VII—VI вв. до н. э. он был самым крупным в Северном Причерноморье.

В отличие от своих предшественников автор справедливо полагает, что уничтоженное грабителями главное погребение не было одиночным, а содержало мужское и женское захоронения. При этом мужское захоронение он трактует как принадлежавшее одному из вождей степных скифов, женское — как похороненную вместе с ним жену или наложницу. Среди сопровождавших их слуг одних он предлагает считать кочевниками (погребения по обряду трупоположения), других — принадлежавшими к местному оседлому населению (погребения по обряду трупосожжения). Такой вывод интересен и, безусловно, имеет некоторые основания, но все же их недостаточно для окончательного решения. Поэтому его следовало бы сделать менее категоричным, в виде осторожной гипотезы.

Исключительно важной и серьезной является заключительная часть четвертой главы, в которой рассматриваются некоторые общие вопросы этнокультурной истории Правобережья Среднего Приднепровья в раннескифскую эпоху. Здесь С. А. Скорый впервые развивает и подробно обосновывает ранее высказанные им мысли о присутствии на этой территории, особенно в Киево-Черкасском регионе, некоторой части собственно скифского кочевого населения — носителей всаднической культуры уже с раннескифского времени. Само по себе такое положение не является новым, а было высказано в свое время М. И. Ростовцевым. С появлением кочевых скифов на Правобережье лесостепи связывают изменения, происходившие в местной культуре в раннескифский период, и ряд исследователей нашего времени. Однако до сих пор никто не пробовал определить черты, на основании которых было бы возможным выделить собственно скифские погребения и таким образом доказать присутствие кочевников среди оседлого населения правобережной лесостепи. С. А. Скорый впервые попытался это сделать. Он наметил 10 основных и 3 второстепенных признака, которые могли появиться в культуре местного населения только в связи с вторжением кочевников. Наиболее надежными этнокультурными критериями при этом считаются: шатровая конструкция гробницы, ритуал подожжения или сожжения деревянного погребального сооружения, положение в могилу вместе с умершим конской упряжи и мясной пищи с воткнутым в нее ножом, т. е. те признаки, которые известны у многих кочевых племен евразийских степей в скифский период. В результате рассмотрения всех архаических погребений на Правобережье Среднего Приднепровья выделяется 106 погребений с такими чертами кочевнической культуры. При этом 41 погребение выделено на основании двух и более признаков, а в отдельных из них фиксируется сразу четыре-пять основных и один-два второстепенных признака. Такие погребения автор предлагает считать собственно скифскими. На вопрос о том, откуда пришли кочевники в лесостепь, автор отвечает однозначно — с территории Северного Кавказа и Прикубанья. Период освоения кочевыми скифами правобережной лесостепи начался, «может быть, с середины VII в. до н. э.» и совпал с переднеазиатскими походами. Он засвидетельствован рядом наиболее ранних курганов с элементами скифской кочевнической культуры, такими как курганы 2 и 524 у с. Жаботин, 3, 15, 375 у с. Константиновка. Это была первая волна скифов-иранцев, проникшая в лесостепь. Сооружение кургана Перепятиха и синхронных ей памятников связано со второй волной скифского вторжения, относящейся ко времени завершения переднеазиатских походов.

Причины появления кочевых скифов в лесостепи автор видит в самом характере кочевого хозяйства, которое не могло рационально развиваться без тесной взаимосвязи с земледельцами. Кроме того, лесостепное Правобережье привлекало степняков как давний центр высокой культуры с развитой металлообработкой, поддерживавший контакты с окружающим миром.

По мнению автора, пришлые на Правобережье кочевники не изменили своего образа жизни, не перешли к оседлости в связи с тем, что у них была возможность легкого получения продуктов земледелия у оседлых соседей в виде дани. В результате взаимодействия между разными народами возникло скотоводческо-земледельческое политическое объединение во главе с военно-кочевой знатью. Господство номадов над местным населением обеспечивали их высокоразвитая военная организация, мобильность и эффективность скифского оружия. Тесные контакты кочевников с местным оседлым населением способствовали взаимопроникновению элементов погребального обряда и материальной культуры, что и получило отражение в погребении вождя в кургане Перепятиха.

Подводя итоги исследований в заключении книги, автор среди прочего полагает, что скифы, приобретшие на Правобережье лесостепи вторую родину, в конце концов противопоставили себя другому кочевому миру, т. е. кочевникам степи Северного Причерноморья. Этим он объясняет интенсивное строительство городищ на Правобережье в середине — второй половине VI в. до н. э., полагая, что оно было «своеобразной реакцией на угрозу со стороны степи, которая означала, что в это время иранославянское население было единым, так как противостояло общему врагу», (с. 96).

Концепция С. А. Скорого о взаимодействии кочевого и оседлого населения на Правобережье Среднего Приднепровья в архаический период является новым словом в скифоведении. По своей аргументированности она, на мой взгляд, выгодно отличается от распространенной точки зрения, согласно которой скифизация лесостепи происходила лишь в результате культурных влияний кочевников из степи, а также от отстаиваемого некоторыми исследователями положения о полной независимости и самостоятельности земледельческо-скотоводческого населения лесостепи от кочевого мира степи Северного Причерноморья.

Принимая в целом предложенное автором построение исторической ситуации, замечу вместе с тем, что мне представляются преувеличенными предполагаемая обособленность кочевников, пришедших на Правобережье украинской лесостепи, и противостояние их остальному кочевому миру. Против этого говорит одновременная сменяемость типов основных категорий кочевнической культуры: на Северном Кавказе, в степи и лесостепи Северного Причерноморья, что свидетельствует о тесном общении между собой кочевых племен на всей этой огромной территории. Кроме того, судя по наблюдениям кочевниковедов, кочевники, занявшие в результате победы земли оседлого земледельческого населения, довольно быстро, в течение одного-двух поколений, переходят к оседлости и земледельческо-скотоводческому хозяйству. В связи с этим можно предполагать, что отмеченные автором первая и частично вторая волна кочевых орд, проникших на территорию оседлых земледельцев Правобережья, к моменту появления новой волны кочевников около середины VI в. до н. э. уже успели осесть на землю и слиться с местным населением. Именно в этом случае более вероятно допускать возможность организации совместного отпора нахлынувшим отрядам кочевников, выразившейся в интенсивном строительстве городищ на всей территории правобережной лесостепи около середины VI в. до н. э.

Монография С. А. Скорого не только раскрывает особенности одного из самых значительных памятников раннескифской культуры, но и содержит важные исторические построения и выводы. Она несомненно представляет большой интерес для скифологов, а также для всех интересующихся проблемой взаимоотношений между кочевниками и оседлым земледельческим населением. Мое несогласие с автором по поводу некоторых высказанных им положений не влияет на общую высокую оценку книги.

А. И. Мелюкова

Институт археологии РАН,
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
2. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
3. *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики//КСИИМК. 1948. Вып. 22.
4. *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса//СА. 1954. Т. 21.
5. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984.

L. Kovács. Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Archäologische Untersuchung der arabischen, byzantinischen, westeuropäischen und römischen Münzen aus dem Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. Budapest, 1989. 188 S., Abb.

Вышедшая в серии «Fontes archaeologici Hungariae» монография известного венгерского археолога-медиевиста Ласло Ковача посвящена интереснейшей и до сих пор недостаточно исследованной проблеме — осмыслению монетных находок X в. в Венгрии.

Во «Введении» автор дает исчерпывающий очерк истории изучения нумизматических памятников эпохи обретения венграми своей земли в Подунавье. Первый археологический объект, содержавший западноевропейские денарии, был обнаружен в 1834 г. в Бенепусте. На протяжении XIX — первой половины XX в. монетные находки на раннесредневековых могильниках Венгрии служили прежде всего аргументацией выдвижения абсолютных датировок погребальных комплексов. При этом хронологические показатели сопутствовавшего инвентаря, как справедливо отмечает Л. Ковач, не учитывались.

В последние десятилетия в археологической литературе Венгрии выделяются фундаментальные работы Б. Сёке (1962), Ч. Балинта (1968), А. Барта (1968) и И. Гедай (1972), сопровождавшиеся каталогами находок, позволившие по-новому оценить нумизматический материал мадьярских могильников. Так, например, исследования Ч. Балинта показали, что диргемы поступали на территорию Венгрии в результате транзитной торговли с Востока, византийский чекан — вследствие деятельности греческих миссионеров, а западноевропейские монеты являлись военной добычей или средством откупа от набегов венгерских дружин. Так или иначе, характеристика нумизматического материала в качестве хронологического индикатора усложнялась и приблизилась к исторической реальности.

Методика, используемая автором монографии, в целом базирующаяся на соответствующих разработках Б. Сёке и Ч. Балинта, включает максимальное уточнение литературных и архивных данных по монетным находкам. В каталог Л. Ковача включены клады и случайные находки, в том числе — неопубликованные материалы Монетного кабинета Венгерского Национального музея в Будапеште. К сожалению, отсутствует информация о монетах из ранневенгерских поселений, что связано с недостаточной исследованностью памятников данной категории. Хронологические рамки каталога определены автором от IX в. (ввиду запаздывания монет в погребальных комплексах) до коронации в 1000 г. венгерского короля Стефана I. С начала XI в. местные монеты вытесняют иноземный чекан. Кроме того, с начала XI в. прекращается традиция помещения монет в могилы.

В каталоге, открывающем основной раздел монографии, автор собрал 452 обнаруженные в ареале раннесредневековых венгров монеты IX—X вв. Из них 33 находки происходят из кладов, 29 монет обнаружены случайно (возможно — на могильниках ?). Остальной материал обнаружен в основном при регулярных раскопках венгерских погребальных памятников эпохи обретения родины. Кроме того, под № 453—1039 Л. Ковач привел в своем каталоге подробные данные о монетных находках без определенной территориальной привязки, с достаточной долей вероятности относимых к археологическим объектам исследуемого периода.

Глава «Анализ материала» разделена автором на четыре части в соответствии с происхождением исследуемых монет. Причины их появления в Среднем Подунавье Л. Ковач выясняет как на основе анализа дат эмиссии, так и с учетом информации письменных источников о взаимоотношении венгров с соответствующими государствами Европы. Так, уже первый поход венгров в Италию, завершенный весной 900 г., сопровождался отмеченными историками многочисленными «подарками» короля Беренгара I. Следующий поход на север Апеннинского полуострова закончился подношением мадьярам около 375 кг серебра в монетах. Таким образом продолжалось поступление итальянской монеты в Венгрию до середины X в. Основываясь на динамике распространения этих находок, Л. Ковач приходит к выводу о том, что основной их массив являлся свидетельством отступных платежей и выкупов пленных. Значительна также роль итальянской дани в результате похода венгров 904—905 гг.

Начавшиеся в 911 г. походы во Францию также стимулировали до 926 г. поступление местного чекана. Однако максимальное количество венгерских походов пришлось на германские земли, где уже в 862 г. подвергалась нападению Бавария, а в 906 г.— Саксония. Эти походы, длившиеся с перерывами до 955 г., особой интенсивности достигли в период между 924 и 933 гг. Денежный откуп от венгерских набегов стал нормой для германских князей. Монеты поступали и в результате разграбления церковных сокровищниц, откуда, разумеется, изымались и ювелирные украшения, металлические сосуды и драгоценные ткани.

© В. И. Кулаков, 1993 г.

Переходя к определению социального статуса погребенных с монетами, Л. Ковач приходит к выводу, что 20 могил с оружием и монетами, часто служившими украшением одежды и конского снаряжения, принадлежат воинам, возможно, принимавшим участие в походах на Запад. Кроме того, монеты могли попадать в могилы рядовых членов родового коллектива как подарки воинов родичам, калым и т. п. Поражает количество детских погребений с монетами, которые, по мнению автора, являются здесь подношениями родителей.

Интересен вывод Л. Ковача (с. 114) о невозможности достаточно точной датировки погребения по одной найденной там монете. В особенности это относится к могилам, не содержавшим оружие, куда монеты могли быть положены и после завершения походов на Запад в середине X в. уже в виде заупокойной жертвы. Кроме того, одиночные монеты, как показывает корреляция с деталями убора костюма (рис. 24), могли «переживать» свое время в виде украшения. В результате своего исследования Л. Ковач приходит к выводу об отсутствии в целом ряде случаев возможности для абсолютной датировки погребений по нумизматическому материалу. Более того, распределение комплексов с оружием и монетами в Подунавье не позволило Л. Ковачу сделать вывод о полном их соответствии участвовавшим в походах дружинникам. Последние часто погребались за пределами племенного ареала. Монеты в венгерских погребениях автор считает во многом вторичным распределением добычи после возвращения оставшихся в живых воинов в семейно-родовую среду.

Из 63 диргемов чеканов 775—924 гг., происходящих из ареала раннесредневековых венгров, 45 монет найдено в погребениях. Основываясь на датах их попадания на исследуемую территорию, определенных по позднейшим находкам временем не ранее 910—920 гг., автор справедливо связывает их появление здесь с эпохой, следовавшей за временем обретения родины. Видимо, торговые контакты венгров Подунавья осуществлялись по линии Волга — Сейм — Киев — Перемышль — Краков — Венгрия. Этому способствовали улучшившиеся в этот период венгерско-печенежские отношения.

Как и западноевропейские монеты, диргемы, судя по находкам в погребениях, также служили украшением убора венгерских воинов, явно не совершавших походов на Восток. Большинство находок диргемов с одним-четырьмя отверстиями для крепления на ткани или коже не встречается позднее 70-х годов X в.

Характер появления в Венгрии византийских монет IX—X вв. частично трактуется как выкуп (например, в случае дани, уплаченной венграм в 934—943 гг. императором Романом I Лекапином). Однако письменные источники указывают, что основная часть малоазийского чекана, найденная в Подунавье, является следствием деятельности православных миссионеров из Византии. Такие монеты были обнаружены в 16 ранневенгерских захоронениях и служили в основном одиночными подвесками на шее человека (замена христианского креста?). Общие хронологические рамки погребений с византийскими монетами — 950—970 гг. Территориальное их распространение сходно с ареалом диргемов и включает в основном равнинную часть Венгрии — «пусту».

Кроме того, в погребениях эпохи обретения родины встречены и римские монеты I—V вв. н. э. Они служили привесками к шейным украшениям женщин и детей, исполняя роль амулетов.

В завершение книги Л. Ковач, кратко суммируя результаты своего исследования, еще раз перечисляет социальные группы населения Венгрии X в., сопровождавшиеся в могилах монетами. Это — профессиональные воины-дружинники, чьи одежда и кони украшались монетами, женщины и дети, для которых монеты клались в могилы как заупокойное подношение или в виде амулетов (в том числе — и христианских?). Автор справедливо замечает, что нигде в комплексах не взаимовстречаются монеты различного происхождения. Из этого Л. Ковач делает вывод об отсутствии в Венгрии X в. денежного обращения. На последней странице своей книги автор совершенно справедливо отмечает, что собранный им материал может дать более подробную информацию относительно внутренней хронологии раннесредневековых венгерских древностей лишь при дальнейшей компьютерной обработке.

Однако, на мой взгляд, тщательно выполненная на должном научном уровне работа Ласло Ковача уже сейчас может служить серьезной базой для углубленного изучения раннесредневекового Подунавья. Важно, что автор подошел к нумизматическому материалу прежде всего с археологической точки зрения, поставив себе целью конкретное разыскание места и значения монет в материальной культуре и социальной структуре ранневенгерского общества. Как методологические аспекты, так и конкретные научные выводы Л. Ковача представляют интерес для археологов России, Украины и других восточноевропейских государств.

Институт археологии РАН,
Москва

В. И. Кулаков

Manfred Kunter. Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlichen Bevölkerung Südostspaniens. Madrider Beiträge. B. 18, Verlag Philipp von Zabern, Mainz am Rhein, 1990. 136 s.

В основе книги немецкого исследователя М. Кунтера лежит анализ человеческих скелетных останков из погребений культуры Эль Аргар.

Своевременность данной работы, позволяющей умножить антропологические знания о населении юго-восточной Испании эпохи бронзы, определяется слабой степенью изученности биологии древних жителей этого региона.

Рецензируемая монография состоит из 12 глав и заключения, содержит обширный список литературы (168 наименований), 26 иллюстраций и 41 таблицу в тексте, 125 фотографий в приложении.

Глава I посвящена истории исследования археологических культур юго-востока Испании.

Наиболее подробно характеризуется культура эпохи ранней и средней бронзы Эль Аргар, открытая в 80-х годах прошлого столетия бельгийскими археологами Луи и Анри Сирэ.

Испанская провинция Альмерия давно привлекла внимание исследователей и предоставила обширный материал с неолита и бронзы до пунического, римского, византийского и арабского времен.

Из ранних памятников наиболее подробно документирована культура Эль Аргар, локализованная на левобережье р. Антас.

В хозяйстве юго-восточной Испании эпохи бронзы прослеживаются неолитические и халколитические традиции. Однако существует комплекс новообразованных структур, свойственных раннему и среднему бронзовому веку. Так, многие поселения были полугородскими. Возможности экономики определялись в значительной мере богатыми залежами меди и серебра. Потребность в каменных изделиях была мала. Коллективные погребения, типичные для неолита, сменились одиночными.

В основе хозяйства носителей аргарской культуры лежало земледелие, причем при таянии горных снегов использовалась примитивная оросительная система. Выращивались разнообразные огородные культуры, оливы, а также лен, необходимый для производства текстиля. Кости животных на поселениях аргарской культуры представлены останками коз, овец, саиней и лошадей. В аргарском стаде преобладали козы и овцы.

Богатый погребальный инвентарь породил множество исследований [1, 2]. Важнейшим результатом подобных работ было подразделение аргарской культуры на две хронологические фазы. Фаза А датируется большинством авторов 1700—1500 гг. до н. э., фазе В соответствует период с 1500 по 1200 г. до н. э. Новая датировка по C^{14} удревнила первую фазу культуры Эль Аргар на 200 лет [3].

III тыс. до н. э. на юго-востоке Испании, ассоциированное с аргарской культурой, характеризуется следующими чертами: развитием и специализацией металлообработки, особо искусным производством оружия; хорошо укрепленными поселениями; успешным применением новой стратегии землеиспользования; заменой коллективных погребений одиночными; выделением социальной (военной) элиты; исчезновением женских культовых изображений и преобладанием патриархальных элементов в форме культовых объектов.

Несмотря на эти отличия от предшествующих эпох, культура Эль Аргар, по-видимому, сформировалась автохтонно, хотя не следует исключать средиземноморское и среднеевропейское культурное влияние. Автор монографии полагает, что в свете новых антропологических данных проблема автохтонности происхождения аргарской культуры нуждается в новом обсуждении.

Ранее в антропологической литературе отмечалась однородность населения юго-восточной Испании с неолита до поздней бронзы [4].

В главе II представлен скелетный материал, впервые вводимый автором в научный оборот. М. Кунтером обследовались останки носителей аргарской культуры из коллекции Королевского музея Искусств и Истории в Брюсселе и Музея Национальной археологии в Мадриде.

В главе III описаны индивидуальные характеристики пола, возраста, критерии скелетной идентификации и отмеченные патологии для каждого конкретного случая, упоминаются кости животных, сопутствующие человеческим останкам.

Нельзя не отметить, что эта информация легко воспринимается читателем монографии, так как

© М. Б. Медникова, 1993 г.

она систематизирована и сведена в таблице. Подобная форма презентации исходных данных удобна еще и потому, что численность аргарских выборок велика: Эль Аргар — 1031 человек, Эль Официо — 292, Фуэнте Вермейа, Фуэнте Аламо, Гатас, Ифре, Запата, Ла Бастида, Лугарико Виейо — суммарно около 70 индивидов.

Глав IV содержит анализ внутригрупповой изменчивости краниометрических признаков.

Методом главных компонент автору удалось подтвердить выводы предшествующих исследователей о высокой степени морфологической однородности как в мужской, так и в женской сериях Эль Аргар.

Гомогенность других скелетных популяций эпохи бронзы юго-восточной Испании, отмеченная ранее [4], привела М. Кунтера к мысли, что на данном этапе вопрос о взаимовлиянии населения и биологических контактах мигрантных групп не может быть решен.

Пользуясь традиционными типологическими критериями, автор монографии выделяет внутри аргарской выборки варианты, соответствующие определенным расовым классификациям: 1) средиземноморский тип (84,6%); 2) средиземноморско-альпийский тип (7,7%), 3) альпийский тип (3,9%), 4) неопределенный тип с архаическими кроманьоноподобными чертами (3,9%).

Для мужских аргарских черепов характерны долихокрания, ортокрания, акрокрания, эуриметопия, средняя высота лица, средняя ширина носового отверстия, средняя ширина верхней челюсти. Для женских черепов ведущими признаками являются долихокрания, ортокрания, метриокрания (промежуточные размеры черепной коробки), эуриметопия, лептопрозопия (высокое лицо), лептен (высокая верхняя часть лица), высокие орбиты, мезоринхия, широкая верхняя челюсть.

Половой диморфизм проявляется в аргарском палеопопуляции не столь отчетливо, как, например, в серии бронзового времени из Питтена (Австрия), но все же показатели мозгового и лицевого отделов черепа демонстрируют высокодостоверные различия между мужчинами и женщинами.

В главе V производится межгрупповой анализ. Краниологические параметры носителей культуры Эль Аргар рассматриваются в контексте данных по 35 краниологическим сериям из Испании и Португалии с мезолита до римского периода.

Автором использовался метод вычисления обобщенных расстояний между выборками по Пенрозу в модификации Кнуссмана.

В итоге аргарская серия попадает в один кластер с испанской серией носителей культуры колоколовидных кубков, энеолитической серией из Сардинии, выборкой неолита Alcazar del Rey, энеолитической — Понте С. Пьетро (Ponte S. Pietro), вместе с египтянами девятой династии, носителями каталонской культуры грунтовых могил, населением Португалии неолита и энеолита, носителями культуры Альмерия, жителями мезолитического Мугема, серией с Крита.

Особое внимание обращает на себя значительное сходство между популяцией Эль Аргар и древними иберийскими группами, что, по мнению М. Кунтера, свидетельствует об общих генетических корнях и служит положительному решению вопроса об автохтонном происхождении аргарской культуры.

Неожиданным оказывается высокий уровень сходства между аргарской и сардинскими, среднеитальянской, критской и египетской сериями. Автор книги высказывает предположение о возможности существования направленного потока генов (миграций), обусловившего морфологическое сходство народов Средиземноморья начиная с глубокой древности.

В обобщенном виде результаты многомерного анализа могут быть сформулированы следующим образом: носители аргарской культуры демонстрируют сходство с неолитическим населением Испании, особенно с носителями культуры колоколовидных кубков, что, с точки зрения антропологии, свидетельствует об автохтонном происхождении культуры Эль Аргар.

Начиная с мезолита в средиземноморском регионе прослеживается распространение относительно гомогенного расового варианта, приводящее к формированию круга специфических средиземноморских форм. Люди аргарской культуры также принадлежат благодаря своим антропологическим характеристикам к средиземноморской общности.

Подобное сходство не столько может быть результатом определенных генетических контактов, сколько является отражением общности генетического субстрата средиземноморских культур.

Среднеевропейские носители культуры колоколовидных кубков образуют отдельную, изолированную от средиземноморцев, группу.

В главе VI рассматриваются параметры посткраниального скелета, пропорции длинных костей, длина тела.

Автор монографии отмечает, что для представителей культуры Эль Аргар характерен отчетливый

половой диморфизм в абсолютных размерах посткраниального скелета. К примеру, поперечное сечение длинных костей у женщин составляет 88,3% от площади поперечного сечения у мужчин.

Длинные кости в суммарной серии оказываются грацильными, отличаясь вместе с тем чрезвычайно развитым мышечным рельефом у взрослых индивидов.

Это свидетельствует об атлетическом строении тела аргарцев, тем более что мужская выборка характеризуется повышенной толщиной компакты и сравнительно суженным пространством костно-мозговой полости. Силовой тип строения указывает на высокую функциональную активность.

Как полагает М. Кунтер, условия ведения хозяйства в поселениях аргарской культуры требовали от мужской части населения постоянной двигательной активности.

Длина тела у носителей аргарской культуры соответствует средним значениям для эпохи бронзы в данном регионе. Половой диморфизм по этому признаку невелик.

Автор ссылается на литературные данные, из которых следует, что длина тела не изменяется на Иберийском полуострове с эпохи бронзы до XIX в., и высказывает гипотезу, что генетическая структура населения, а также влияющие на длину тела внешние факторы, такие, как состав питания, резистентность и т. д., не претерпели за столь длительный срок существенных изменений.

В главе VII обсуждаются дискретно варьирующие признаки. М. Кунтер обследовал черепа без учета половой принадлежности и билатеральной локализации признаков. Поскольку между микропопуляциями Эль Аргар, Эль Официо и т. д. не обнаружено достоверных различий, они были объединены автором в одну группу.

Данные по аргарской культуре сопоставляются с материалами Уолкера с территории восточной Испании ([4], 3000—1500 гг. до н. э.).

По большинству признаков наблюдается сходство испанских палеопопуляций, и только один признак (foramen mastoideum absens) демонстрирует достоверные различия.

В главе VIII представлена одонтометрия аргарской серии. М. Кунтером измерялись мезиодистальный и букколингвальный диаметры только тех зубов, которые были фиксированы в альвеолах. При сравнении с параметрами зубов постплейстоценовых серий Европы и Ближнего Востока обнаружено, что люди Эль Аргара отличаются минимальными размерами зубов. Только второй моляр на верхней и нижней челюстях демонстрирует поверхность, сходную с зубной поверхностью средневековых европейцев.

Учитывая, что редукция зубной системы является глобальным микроэволюционным процессом у Homo sapiens, нам представляется важным отметить, что в юго-восточной Испании минимизация размеров зубов прослеживается уже в эпоху бронзы.

По мнению М. Кунтера, своеобразие аргарского одонтометрического комплекса признаков может быть популяционной характеристикой, возникающей вследствие эндогамии, либо может формироваться под специфическим воздействием цивилизации.

В главе IX исследуются фиксируемые на скелетных останках патологические изменения, могущие предоставить информацию о состоянии здоровья древнего населения и отражающие экологическую ситуацию в эпоху бронзы.

Обсуждаются случаи переломов, следы инфекционных поражений, остеопоротических изменений, гиперостоза, случаи развития cribra orbitalia, дегенеративные изменения позвоночника и суставов костей конечностей. Детально рассмотрен вопрос об аномалиях зубной системы.

Анализируются различные факторы стресса, которые могли приводить к задержкам роста и возникновению эмалевой гипоплазии.

Отмечается высокая вероятность развития анемии у молодых аргарцев вследствие длительного вскармливания козьим молоком. Характерно, что кости коз, в отличие от останков овец, принадлежат преимущественно женским особям. Важнейшими симптомами этой анемии являются сонливость, задержка ростовых процессов, ослабление иммунитета, хроническая диаррея, увеличение печени, боли в суставах и т. д. Комплекс индикаторов железистой анемии, наблюдаемый у многих детей из Эль Аргара, позволяет предполагать значительное влияние пищевого стрессирующего фактора на здоровье людей в эпоху бронзы.

В главе X М. Кунтер приводит демографический анализ серий из Эль Аргара и Эль Официо.

Среди взрослого аргарского населения преобладают мужчины, что, по-видимому, связано с высокой женской смертностью в детском и юношеском возрастах.

Таблицы свидетельствуют о том, что смертность была особенно высока среди новорожденных и детей до 6 лет. Начиная с подросткового периода показатель смертности стабилизируется, оставаясь, впрочем, на высоком уровне.

Ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных в Эль Аргаре составляла 20 лет, а в Эль Официо — 23 года. У двадцатилетних ожидаемая продолжительность жизни колебалась от 16 до 23 лет.

По данным М. Кунтера, в каждом возрастном интервале доля выживших мужчин была выше доли женщин. От 20 до 40 лет ожидаемая смертность у женщин существенно выше, чем у мужчин. Таким образом, у аргарцев женщины умирали раньше мужчин. Вероятно, это была общая тенденция для эпохи бронзы, она отмечается многими авторами. Вместе с тем известны исключения, не подтверждающие указанную закономерность [5].

М. Кунтер обсуждает традиционные факторы смертности в наиболее уязвимых возрастах: недостаточность питания, гигиенические условия и угрозу инфекционных заболеваний.

Пирамида живущих характеризуется в Эль Аргаре и Эль Официо широким основанием и заостренной вершиной, из этого следует, что состав одновременно живших носителей аргарской культуры был молодым.

По расчетам автора монографии, палеопопуляция Эль Аргара на протяжении фазы А (1700—1500 гг. до н. э. либо 1900—1700 гг. до н. э.) состояла из 40—60 человек, принадлежавших 7—10 семейным коллективам, одной или двум родовым группам.

Для фазы В (1500—1200 гг. до н. э. либо 1700—1400 гг. до н. э.) характерна численность порядка 133—156 индивидов (22—31 семейства, пять родовых объединений).

По мнению М. Кунтера, эпохальная динамика численности аргарского населения отражает процессы консолидации на экономической, социальной и военной основе.

Исследование М. Кунтера привлекает не только уникальностью материала, но и комплексностью подходов к изучению скелетных останков древних людей. Автор книги использует практически весь арсенал средств, доступных современной палеонтропологии. Вместе с тем широта охвата различных методик, разноплановость подачи данных затеняет обсуждение полученных результатов.

Чрезвычайно обширная фактологическая основа труда М. Кунтера превалирует над собственно антропологическим анализом. Увлеченный идеей доказательства автохтонного происхождения носителей аргарской культуры, автор монографии, на наш взгляд, недооценивает возможности применения палеоэкологической концепции. Так, к сожалению, незатронутым остался вопрос о месте культуры Эль Аргар в ряду раннеземледельческих культур и о возможном влиянии оседлого земледельческого образа жизни на сложение своеобразного морфотипа аргарцев. Вероятно, требуется определенное время, чтобы информация такого объема могла быть проанализирована более подробно.

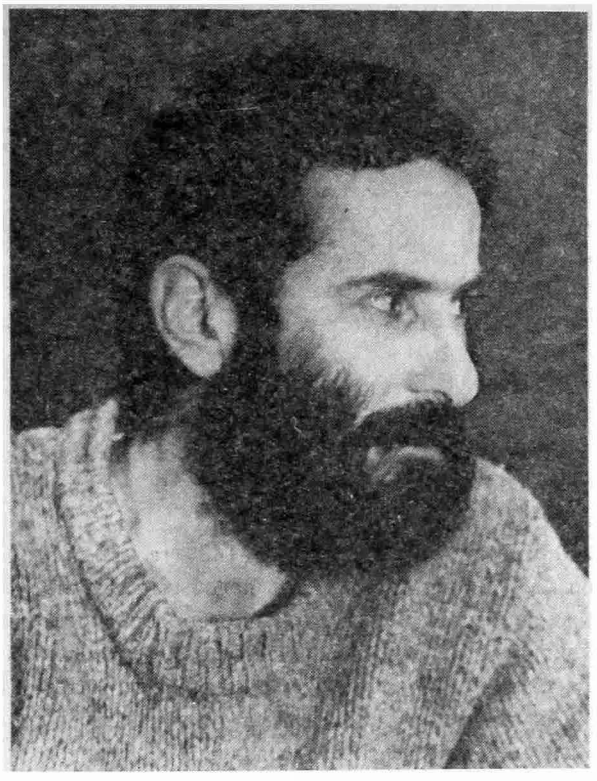
Отметим, что данное исследование представляет классический пример методологического подхода «от частного к общему», характерного для большинства западных антропологов, подхода, определившего многие достоинства рецензируемой работы.

Институт археологии РАН,
Москва

М. Б. Медникова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Blance B.* The Argaric Bronze Age in Iberia, Guimarães, 1964.
2. *Gilman A., Thornes J. B.* Land use and prehistory in south-east Spain. Boston; Sydney, 1985.
3. *Schubart H.* Conciderationes sobre el Bronce del Sureste Peninsular//Historia de Cartagena II/Ed. Mediterraneo Murcia, 1986.
4. *Walker M. J.* Characterizing local southeastern Spanish populations of 3000—1500 B. C.//BAR Internat. SER. 263. Oxford, 1985.
5. *Алексеев В. П.* Палеодемография: содержание и результаты//Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989.



ПАМЯТИ МУШНИ ХУМСАЕВИЧА ХВАРЦКИЯ

(1955—1992)

7 декабря 1992 г. в бою близ города Ткварчели погиб молодой талантливый абхазский археолог Мушни Хумсаевич Хварцкия. Трагическая гибель его — тяжелая потеря для абхазской археологии: вклад Мушни Хумсаевича в становление палеолитоведческой науки в Абхазии исключительно велик.

М. Х. Хварцкия родился в 1955 г. Высшее образование получил в Абхазском университете в Сухуми. Призвание к палеолиту проявилось у него еще в университетские годы, когда он принимал активное участие в работах местных археологических экспедиций. В 1980 г., в год окончания университета, обследуя закарстованные известняки в предгорьях Бзыбского хребта в Северной Абхазии, Мушни Хумсаевич открыл первую в этом районе многослойную стоянку Мачагуа. Впоследствии он обнаружил там же группу перспективных пещерных убежищ.

В 1987 г. Мушни Хумсаевич стал соискателем ученой степени кандидата исторических наук в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Годы соискательства не были годами простого ученичества. К этому времени, работая в составе Костенковской (1982), Кавказской (1983, 1986), Северо-Осетинской (1984), Грузинской (1985) экспедиций, он уже имел за плечами опыт исследования таких опорных палеолитических памятников, как Костенки 1, Кударо, Воронцовская пещера, Мыштулагты-легет, Апианча. Он содействовал также успеху работ экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР в районе Нового Афона и в Армении. Овладев современной методикой комплексных полевых изысканий, он провел значительные по объему вскрытий раскопки мустьерской стоянки Мачагуа, результаты которых были высоко оценены специалистами на заседании отдела палеолита ЛОИА и представлены в публикации в журнале «Российская археология».

Мушни Хумсаевич обладал огромным личным обаянием. Трудолюбие и талантливость его («природный дар», как определил их А. Н. Рогачев) были сразу же отмечены в Костенках: он был допущен к самой ответственной работе — расчистке палеолитического жилища.

Его выделяли особая гордая осанка горца, сдержанность, скромность, неизменная доброжелательность. Немногословная твердость суждений, добродушный юмор, чувство товарищества и верность — привлекали к нему сердца и сверстников, и старших.

Мушни Хумсаевич был яркой личностью, надежным товарищем. Таким он и останется в памяти всех нас.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

В. П. Любин, Н. Д. Праслов, Е. Ю. Гиря,
Е. В. Беляева, С. А. Кулаков,
М. В. Аникович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВА — Вопросы антропологии
ВАНУРСР — Вісник Академії наук Українськоі Радянськоі Соціалістичноі Республіки. Київ
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография
УЗ КИПЦДСВ — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтение в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford

BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosredniowieczhe
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Payly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.01.93 Подписано к печати 10.03.93 Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$

Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр-отт. 36,2 тыс. Уч.-изд. л. 22,7 Бум. л. 7,0

Тираж 1961 экз. Зак. 3729 Цена 16 р.

Московская типография № 2 ВО «Наука», Москва, 121099, Шубинский пер., 6

224